

Т.Н.НИКОЛЬСКАЯ

ЗЕМЛЯ ВЯТИЧЕЙ

К истории
населения
бассейна
верхней
и средней
Оки
в IX-XIII вв.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Ордена Трудового
Красного Знамени
Институт археологии

Т.Н.НИКОЛЬСКАЯ

ЗЕМЛЯ ВЯТИЧЕЙ

**К истории
населения
бассейна
верхней
и средней
Оки
в IX-XIII вв.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1981

В книге рассматривается процесс расселения славянских племен на обширной территории р. Оки. В основе исследования — археологические, этнографические и летописные материалы, касающиеся крупного района Древней Руси. В монографии имеются разделы, посвященные истории городов, городского ремесла и домостроительства, вятичским сельским поселениям, которые необходимы для всесторонней характеристики истории и культуры вятичского региона.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. В. СЕДОВ

Татьяна Николаевна Никольская

ЗЕМЛЯ ВЯТИЧЕЙ

К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX—XIII вв.

Утверждено к печати Ордена Трудового Красного Знамени Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства *Г. И. Улурия*. Художник: *А. Е. Скородумов*

Художественный редактор *Н. Н. Власин*

Художественный редактор графического материала *В. С. Егорова*

Технический редактор *С. Г. Тихомирова*. Корректоры *Ф. А. Дебабов, Г. Н. Джигова*

ИБ № 18283

Сдано в набор 28.11.80. Подписано к печати 11.03.81. Т-04053. Формат 70×90^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 22,96. Уч.-изд. л. 24,4. Тираж 3000 экз. Тип. зак. 2014. Цена 2 р. 90 к.

Издательство «Наука» 117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука» 199034, Ленинград, В-34, 9 лист, 12

ОТ РЕДАКТОРА

Земля вятичей — регион расселения одного из восточнославянских племен в центральной части Восточно-Европейской равнины. Вятичам принадлежали весь бассейн верхнего течения Оки, Подмоскowie и Среднее, или Рязанское Поочье. В XI—XIII вв. эта территория выделялась среди прочих областей Древней Руси этнографическими особенностями, наиболее ярко проявлявшимися в материалах курганов.

В исторической литературе землями обычно называются политико-административные области Древнерусского государства, во главе которых стояли самостоятельные князья. Именуются они по главному городу княжества. Таковы Киевская, Смоленская, Черниговская, Новгородская, Ростово-Суздальская и другие земли. Большинство их сформировалось на основе старых племенных территорий, и только позднее в процессе расширения к ним присоединялись те или иные части других областей. Так, Смоленская земля целиком сложилась на основе племенной территории кривичей смоленских и еще в середине XII в. в значительной степени соответствовала области расселения этой кривичской ветви. Полоцкие кривичи составили ядро населения Полоцкой земли, поляне—Киевской, дреговичи — Туровской и т. п. Обширный вятичский регион не послужил основой формирования отдельной политико-административной области Древней Руси. Очевидно, в силу ряда исторических обстоятельств вятичи накануне сложения древнерусской государственности и в первый период ее существования не образовали прочного племенного союза с вождями-старейшинами во главе. «Повесть временных лет», говоря о «княжениях», существовавших у ряда восточнославянских племен—полян, дреговичей, древлян, словен новгородских и других — не называет подобного княжения у вятичей.

Может быть, отсутствие племенного княжения, объединявшего всех вятичей, и было причиной того, что ареал этого племени со временем оказался политически и административно раздробленным. Его южная часть — бассейн верхней Оки — в XII в. оказалась в составе Черниговской земли, в Среднем Поочье сформировалась самостоятельная Рязанская земля, а подмосковный регион стал юго-западным краем Ростово-Суздальской земли.

Однако политическая история и административно-государственное дробление Древней Руси XII—первой трети XIII в. не могут быть поводом для археологического членения вятичской территории. Археолог не может рассматривать эту этнографическую область дифференцированно в зависимости от различных исторических ситуаций. Вятичский женский костюм со специфическим набором украшений не претерпел каких-либо

изменений. Административно-политическое дробление Земли вятичей не наложило отпечатка ни на характер домостроительства, ни на другие стороны жизни и быта сельского населения этой территории.

В VIII—XI вв. Земля вятичей была целостной восточнославянской территорией. Вятичи жили самостоятельно и, очевидно, обособленно от других восточнославянских племен и земель. Правда, еще в 966 г. летопись сообщает: «Победи Вятичъ Святославъ и дань на нихъ възложи». Но эта победа над вятичами не была окончательной. Владимир Святославич дважды воевал с вятичами. В 981 г. он «. . вятичи победи, и възложи на ня дань. . .», а в следующем году «Заратишася Вятичи, и иде на ня Володимирь, и победи я второе». Интересно, что летописи не называют ни одного города в Земле вятичей ни в этом столетии, ни в первых трех четвертях XI в. Показательно, что в течение всего XI в. из Киева в Ростово-Суздальскую землю и Муром ездили круглым путем, через Смоленск и верховья Волги. Очевидно, нужно было миновать Землю вятичей. Переезд из Мурома в Киев через вятичскую территорию был одним из подвигов былинного Ильи Муромца. Владимир Мономах в своем «Поучении», относящемся к концу XI в., говорит о походе через Землю вятичей, также как об особом подвиге. Он не сообщает ни о покорении вятичей, ни об обложении их данью. Управлялись они в это время независимыми племенными вождями. Двое из них, Ходота с сыном, Ходота с сыном, названы в «Поучении» Владимира Мономаха.

Древнерусские письменные источники не позволяют представить политическую историю Земли вятичей до XII в. А с этого времени вятичский регион оказался политически и административно расчлененным между Черниговской, Рязанской и Ростово-Суздальской землями. Теперь история каждой из трех «областей» Земли вятичей была неразрывно связана с историей одной из названных территориальных единиц Древнерусского государства. Поэтому политическая история вятичского ареала должна рассматриваться в соответствующих исследованиях, посвященных Черниговской, Ростово-Суздальской и Рязанской землям. В настоящей книге самостоятельная глава о политической истории вятичей XII—XIII вв. была бы неоправданной.

Вместе с тем, целостное археологическое изучение Земли вятичей до XIII столетия включительно представляется важным, в частности, и для понимания некоторых аспектов исторического процесса, происходившего здесь в XII и в первой трети XIII в. Археология вятичей в какой-то степени разъясняет и конкретизирует обстоятельства членения племенной территории и воздействие такой дифференциации на жизнь и быт вятичского населения в дальнейшем.

Представляется, что верхнеокская часть вятичского ареала оказалась в составе Черниговской земли не только в результате политики южнорусских князей, но и вследствие заметной инфильтрации на Верхнюю Оку населения из южных областей Руси, в основном потомков северян. Города в верхнеокском регионе возникали и отстраивались не только в процессе социально-экономического развития местного населения. Здесь имело место и переселение городского населения с юга. Об этом, в частности, говорит заметное увеличение в XII в. полужемлячных жилищ южнорус-

ского облика, выявленных преимущественно при раскопках поселений городского типа.

Прямым предшественником настоящего исследования Т. Н. Никольской является книга А. В. Арциховского «Курганы вятичей», написанная в конце 20-х годов XX в. В это время основным и единственным источником изучения вятичей были курганные древности, которые классически проанализированы этим ученым. В последующие десятилетия количество археологических материалов по истории вятичей возросло. Значительно появились курганные древности и, что самое главное, автором монографии получены совершенно новые материалы в результате археологических разведок и раскопок сельских поселений и городов. Все это позволяет конкретизировать и детализировать историю и культуру вятичей, в том числе осветить те стороны их, которые невозможно было изучить, когда исследователи располагали лишь курганными материалами. Более того, если курганные древности дали возможность А. В. Арциховскому написать историю вятичей только первых веков II тысячелетия н. э., то теперь археология позволяет начинать историю этого племени с периода славянского расселения в бассейне Оки, т. е. с VIII в.

Археологические материалы позволяют пропикнуть и в предысторию Земли вятичей, что существенно для познания ряда сторон истории и культуры этого племени. Установлено, что до славянского расселения в западной части Окского бассейна жили племена, принадлежавшие к балтской языковой группе, а в Рязанском Поочье — финно-угорские племена. Автор не характеризует в книге культуру дославянского населения в исследуемом регионе. Однако это ни в малейшей степени не влияет на результаты монографического изучения Земли вятичей, поскольку древности предшествующего времени были рассмотрены Т. Н. Никольской в отдельной книге¹, к которой в процессе своего исследования она неоднократно обращается.

В. В. Седов

¹ *Никольская Т. Н.* Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э. — МИА, 1959, № 72.

ВВЕДЕНИЕ

Советская историческая наука уделяет большое внимание проблеме истории формирования и развития государственной территории Древней Руси.

В. И. Ленин подчеркивал, что для решения сложного вопроса о государстве необходимо знать, «как государство возникло и как оно развивалось»¹.

Одним из наиболее значительных трудов, как бы подводящим итог разработке этой проблемы, явилась книга А. Н. Насонова «Русская земля и образование территории древнерусского государства» (1951 г.). Это интересное и основанное на глубоком анализе письменных источников исследование пробудило мысль многих других ученых, работавших в том же направлении. Спустя 10 лет после выхода в свет книги А. Н. Насонова появляются монографии, посвященные истории отдельных территорий — земель, входивших в состав древнерусского феодального государства. Эти работы написаны на основании анализа не только письменных источников, но и главным образом археологических данных, накопление которых за последние 20 лет велось весьма интенсивно. Это — книги А. Л. Монгайта «Рязанская земля» (М., 1961 г.) и Л. В. Алексеева «Полоцкая земля» (М., 1966 г.) и «Смоленская земля в IX—XIII вв.» (М., 1980 г.).

В сборнике статей «Древнерусские княжества X—XIII вв.» (М., 1975 г.) дается ряд исследований по истории отдельных княжеств или земель, написанных также с привлечением письменных и археологических источников: А. К. Зайцев — «Черниговское княжество», А. В. Куза — «Новгородская земля», В. В. Седов — «Смоленская земля», П. П. Толочко — «Киевская земля», М. П. Кучера — «Переяславская земля», С. А. Плетнева — «Половецкая земля».

Сведения русских летописей о Земле вятичей кратки: «... а Вятко седе с родом своим по Оце, от него же прозвашася Вятичи»². А в поздних списках летописей XV—XVI в. (Тверском, Ермолинском, Львовском), кроме того, говорится: «Вятичи и до сего дня, еже есть Рязанцы»³. Таким образом, территория расселения вятичей, согласно летописи, охватывала верхнее и среднее течение Оки.

Изучением истории вятичей в дореволюционное время специально никто не занимался. Однако происхождение вятичей, их племенные границы, историческая география Земли вятичей интересовали многих ученых, как в дореволюционное время, так и в наши дни. В историко-географических исследованиях Д. И. Иловайского, А. Л. Погодина, П. В. Го-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

² ПСРЛ, т. 1, стб., 12.

³ ПСРЛ, т. XXIII, с. 2.

лубовского, Н. П. Барсова, О. М. Середонина, М. К. Любавского и других историков Земле вятичей неизбежно уделялось немало страниц в связи с рассмотрением границ восточнославянских племен или при описании феодальных усадеб.

Наиболее обстоятельно все эти вопросы освещены в трудах дореволюционных ученых — П. В. Голубовского⁴, Н. П. Барсова⁵ и советского историка А. Н. Насонова⁶. Племенные границы вятичей были впервые очерчены Н. П. Барсовым на основании данных летописи о борьбе Изяслава Мстиславича с Ольговичами в 40-х годах XII в. Западной границей вятичей исследователь считал лесистый и холмистый водораздел между притоками Десны Неруссой, Навлей, Ревпой и Болвой и притоком Оки Жиздрой, с юга расселение вятичей ограничивалось р. Зушой. Не определяя точно северной границы, Н. П. Барсов отмечал, что она приближалась к племенам мери, мордвы, мещеры, а на востоке граница распространялась от Зуши вниз по Оке до Осетра, за которым начинались земли, первоначально занятые мордвой, а в эпоху Русского государства уже колонизованные выходцами из разных концов восточного славянства⁷. Что касается юго-восточной границы вятичей, то Н. П. Барсов считал, что она могла доходить по Сосне до верхнего Дона и Воронежа⁸. Исследователь допускал даже, что вятичи могли расселиться здесь еще в VII—IX вв.⁹

С очерченными Н. П. Барсовым границами расселения вятичей соглашались в основном А. А. Шахматов и М. К. Любавский.

М. К. Любавский также считал, что граница между вятичами и северянами проходила по густым дебрям Болдыка леса, по левому берегу Десны и ее притоку Неруссе. Граница между вятичами и смоленскими кривичами шла по дремучим Брынским лесам, находившимся на водоразделе между системами Днепра и Оки¹⁰. Одно время А. А. Шахматов отодвигал южные поселения вятичей уже в X в. «в бассейн среднего или нижнего течения Дона»¹¹. В более поздней работе он отказался от этой точки зрения, признав вместе с тем, что поселения вятичей охватывали и среднее течение Оки¹².

Некоторые исследователи рассматривали территорию вятичей более широко. Так, А. И. Соболевский считал, что вятичами было заселено Верхнее Поволжье¹³, а Е. Ф. Будде на основании лингвистических дан-

⁴ Голубовский П. В. История Северной Земли до половины XIV ст. Киев, 1888; *Он же*. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895.

⁵ Барсов Н. П. Географический словарь русской земли IX—XIV ст. Вильно, 1865; *Он же*. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885.

⁶ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.

⁷ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии, с. 156, 157.

⁸ Там же, с. 157.

⁹ Там же, с. 77.

¹⁰ Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. Пг., 1919.

¹¹ Шахматов А. А. Южные поселения вятичей. — Известия АН СССР, VI серия, 1907, № 16, с. 723.

¹² Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1918, с. 30.

¹³ Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М. 1907.

ных делал заключение о том, что им принадлежала также и территория бывшей Вятской губ.¹⁴

Вопросу расселения восточнославянских племен на Восточно-Европейской равнине уделяли внимание и археологи. Так, А. А. Спицын, изучая курганные древности восточных славян XI—XIII вв., полностью восстановил «... достойную удивления по ширине и определенности картину расселения древнерусских племен, нарисованную Нестором»¹⁵. Однако этот ученый считал, что «археология выступает более решительно там, где она может опираться на письменные свидетельства, т. е. в древностях, начиная от IX—X вв.»¹⁶. Он относил появление курганного обряда у вятичей к концу XI в.

Вопросами расселения вятичей в Рязанской обл. интересовался и В. А. Городцов, считавший, что эта территория была занята ими не ранее IX в.¹⁷

Изучением вятичских древностей на основе курганных материалов занимался А. В. Арциховский. Его заслугой является введение в научный оборот огромного вещевого материала курганов, тщательная их хронологическая классификация, выделение характерных племенных признаков, а также определение племенной границы вятичей. Любопытно, что границы, очерченные А. В. Арциховским на основании курганных древностей, почти полностью совпали с границами, проведенными Н. П. Барсовым на основании письменных источников¹⁸. Лишь в отношении восточной границы были расхождения. А. В. Арциховский, так же как А. А. Спицын и В. А. Городцов, включал в вятичскую территорию рязанское течение Оки.

А. В. Арциховский писал, что вятичам принадлежали и некоторые курганы с трупосожжениями, и даже отмечал наличие преемственности в их погребальном обряде (захоронения в деревянных ящиках в курганах с трупосожжениями и в таких же ящиках в курганах с ингумациями)¹⁹.

Поиски ранних курганов и поселений вятичей предпринял в 40-х годах нашего столетия П. Н. Третьяков. В своем исследовании, посвященном северным восточнославянским племенам, П. Н. Третьяков высказал предположение, что к ним относятся курганы с трупосожжениями VI—VII вв. у деревень Шаньково и Поченок, а также одновременные им городища мончинского типа, расположенные в бассейнах Угры и Верхней Оки (раскопанные в 80-х годах прошлого века П. И. Булычевым)²⁰. Однако

¹⁴ Будде Е. Ф. К вопросу о народности русского населения в Вятской губернии. — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, Казань, 1897, т. XIV, вып. 2.

¹⁵ Спицын А. А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. — ЖМНП, 1899, август.

¹⁶ Спицын А. А. Расселение древнерусских племен. . . , с. 317.

¹⁷ Городцов В. А. Древнее население Рязанской обл. — Известия Отделения русского языка и словесности АН, 1909, т. XIII, кн. 4, с. 147.

¹⁸ Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930, с. 128.

¹⁹ Там же, с. 106.

²⁰ Булычев П. И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899; Третьяков П. Н. Северные восточнославянские племена. — МИА, 1941, № 6, с. 48—51.

повые археологические раскопки в бассейне Верхней Оки показали, что эти древности принадлежат дославянскому населению, возможно, предкам летописной голяды ²¹.

Успешные работы советских историков в области исторической географии Древней Руси пролили новый свет и на историю Земли вятичей; в частности, в исследовании А. К. Зайцева, посвященном исторической географии Черниговского княжества, значительное место уделено вятичам и «Вятичской земле». Автор совершенно по-новому ставит вопрос о летописных вятичах XII в., являвшихся частью политической государственной территории («волостью») Черниговской земли, и о племенной (к XI—XII вв. этнографической) территории вятичей, выявленной по археологическим данным VIII—X и XI—XIV вв. ²²

Предлагаемая вниманию читателя работа «Земля вятичей» (IX—XIII вв.) посвящена исследованию не одного замкнутого княжества, а широкой территории, расположенной в бассейне Верхней и Средней Оки и р. Москвы, на которой в древности расселился один из самых значительных восточнославянских племенных союзов, принадлежавший вятичам ²³. «Освоение» этой территории, распространение феодальных «даней и суда», пачатые Святославом и Владимиром, стали особенно интенсивными во времена Владимира Мономаха, Юрия Долгорукого и черниговских Ольговичей.

Рассматриваемая территория была объектом притязания не только киевских и черниговских князей, но также суздальских, смоленских и муромо-ризанских (впоследствии восточная часть Земли вятичей входит в обособившееся Рязанское княжество). В этом состоит известная трудность задачи, поставленной перед автором. Однако представляется, что данная работа не выпадает из общего круга названных выше исследований.

²¹ *Никольская Т. Н.* К этнической истории бассейна Верхней Оки. — КСИА, 1966, вып. 107, с. 9; *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, с. 43—48. В одной из работ П. Н. Третьяков говорит, что древности мощинского типа принадлежат окским балтам, испытавшим некоторое славянское влияние (*Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.: Л., 1966, с. 294—297).

²² *Зайцев А. К.* Черниговское княжество. М., 1975, с. 101 и сл.

²³ Говоря о племенных особенностях вятичей, Б. А. Рыбаков отмечал, что «эволюционная таблица семиплостных вписочных колец XII—XIV вв. показывает, что форма этих колец существенно менялась, но менялась на всей «вятичской» территории, т. е. историческая общность населения Оки (и Москвы-реки. — *Т. Н.*) продолжала существовать, несмотря на раздробление рассматриваемой нами территории между десятком феодальных княжеств». (*Рыбаков Б. А.* Сбыт продукции русских ремесленников. — Учен. зап. МГУ, 1946, вып. 93, с. 74, примеч. 1). Позднее та же мысль была высказана Б. А. Рыбаковым в более широком плане: «Деревня, хранительница народной культуры... устойчиво сохраняла традиции тысячелетней давности». «На археологическом материале X—XIII вв. (например, по височным кольцам) мы видим устойчивость и традиционность местных вкусов на протяжении нескольких столетий... Тысячи деревенских мастеров изготавливали на протяжении двух-трех столетий однотипные вещи, бережно сохраняя их традиционный облик: эволюция облика, заметная археологам, суммирующим материал нескольких веков, вероятно, не ощущалась самими мастерами, отливавшими их для одного поколения, как мы не замечаем изменений собственного почерка» (*Рыбаков Б. А.* О двух культурах древнего феодализма. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М. 1970, с. 26).

Сложная политическая обстановка на рассматриваемой территории, борьба княжеских династий не помешали развитию здесь самобытной, целостной материальной и духовной культуры народа, наряду с другими факторами создавшей предпосылки для образования Московского государства.

Настоящая монография является итогом археологических исследований, проводившихся в 1959—1975 гг. Верхнеокской экспедицией Института археологии АН СССР в бассейне верхней Оки под руководством автора²⁴. В работе использованы также материалы Рязанской (А. Л. Моцгайт, В. П. Даркевич) и Московской (А. Ф. Дубынин, М. Г. Рабинович, Р. Л. Розенфельдт, Д. А. Белевская, А. А. Юшко) экспедиций Института археологии, археологических экспедиций Государственного Исторического музея (М. В. Фехнер, В. А. Мальм, А. В. Успенская, Н. Г. Недошвина), Музея истории и реконструкции Москвы (А. Г. Векслер, Г. П. Латышева и др.) и экспедиций областных музеев.

Приложенные к работе карты археологических памятников Земли вятичей, насчитывающие более 1160 памятников²⁵ (рис. 1, 1а, вклейки), составлены по материалам Верхнеокской экспедиции (Т. Н. Никольская, И. К. Фролов), экспедиций ГИМ²⁶ Московской²⁷, Рязанской²⁸, по отчетам разных авторов, хранящимся в научном архиве Института археологии и ЛОИА; а также по опубликованным данным.

Обширная территория Земли вятичей исследована далеко неравномерно. До недавнего времени хорошо известна была только ее восточная часть (Рязанская земля), где еще в конце прошлого и начале нашего столетия велись раскопки не только курганов, но и ставшей вскоре знаменитой своими кладами Старой Рязани.

А Лесную землю черниговских «Вятичей» (в бассейне верхней Оки) с легкой руки Нестора-летописца считали глухой и отсталой. Здесь изучались только сельские кладбища, скромные свидетели деревенского быта, а поселения совсем не исследовались. Между тем, как оказалось, среди

²⁴ Работы велись на территории Калужской и Орловской обл. совместно с Орловским и Калужским краеведческими музеями и управлениями культуры, а также в Тульской, Брянской и Московской областях. В разные годы в работе экспедиции принимали участие: Т. В. Равдина, И. К. Фролов, А. В. Куза, С. С. Ширинский, М. Д. Полубояринова, М. А. Бухтеева, Е. В. Шолохова, М. А. Карповская, А. В. Гольцова, В. Я. Воробьева, С. З. Чернов, художники-архитекторы С. Г. Гужев, А. П. Коротков, Ю. А. Иванов. Рисунки выполнены А. П. Коротковым, Ю. А. Ивановым, Н. С. Сурвидло и Е. Ф. Маракулиной, фотографии вещей — Л. П. Петровым, Л. М. Нескверновой, полевые фотографии — автором. Реконструкции городища Слободка и отдельных сооружений выполнены Г. В. Борисевич совместно с автором. Приношу всем сотрудникам Верхнеокской экспедиции глубокую благодарность.

²⁵ Картографы Л. П. Цулькина, А. М. Горшкова. Приношу благодарность Т. В. Равдиной за предоставленную мне возможность работать с ее картотекой вятичских курганов.

²⁶ Успенская А. В., Фехнер М. В. Поселения Древней Руси. — Труды ГИМ, М., 1956, вып. 32, с. 7—18, 139—251.

²⁷ Розенфельдт Р. Л., Юшко А. А. Список археологических памятников Московской обл. М., 1973.

²⁸ Моцгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961, с. 32, вклейка, рис. 2, с. 48, вклейка, рис. 47.

многих сельских поселений выростали и развивались княжеские или боярские феодальные усадьбы и города, которые с полным правом заняли свое место не только на карте «Русской земли», но и внесли свой вклад в тот золотой фонд, который оставила нам могучая и блестящая культура средневековой Руси.

Полностью вскрытый детинец древнерусского городка у д. Слободки, с его мощными укреплениями, башнями, многочисленными жилищами, мастерскими ремесленников, усадьбой феодала и кладом серебряных украшений, изготовленных в технике черни, раскопки детинца еще одного летописного города — Серенска, с его многими тысячами изделий ремесленников, предметов быта, вооружения и украшений, исследования многих других укрепленных поселений, позволили воссоздать яркую картину жизни древних обитателей бассейна верхней Оки — потомков летописных вятичей накануне монгольского нашествия.

Рассматривая остатки жилищ, ремесленных мастерских и производственных сооружений (кузницы, домицы, керамические мастерские и т. п.), инструменты ремесленников и многочисленные предметы их труда (в том числе более 50 великоленных литейных форм, среди которых есть формочки с надписями, бронзовые матрицы и более 8 тыс. обломков стеклянных браслетов), мы попытались показать, что и в этом, удаленном от Киева, уголке Древней Руси — «лесной» Земле вятичей — развивалось ремесло, появлялись местные квалифицированные мастера, — создавались предпосылки для возникновения развитых городов — центров ремесла и торговли.

Данная работа хронологически как бы продолжает опубликованную ранее монографию, посвященную культуре племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э.²⁹ в которой рассматривались археологические памятники, начиная с середины I тысячелетия до н. э. и кончая IX—X вв. н. э. (поселениям начала II тысячелетия было отведено в этой книге незначительное место в «Приложении»³⁰).

Исследование изделий из стекла, а также типологическая классификация гончарной керамики городищ Слободка и Титово-Мотыка проведены М. Д. Полубояриновой. Металлографический и спектральный анализы изделий из железа и цветного металла (Серенск, Слободка) проведены в лаборатории Института археологии Г. А. Вознесенской, Л. С. Хомутовой, Е. Н. Черных, спектральный анализ стеклянных предметов (Старая Рязань, Москва, Серенск, Слободка и др.) — в лаборатории МГУ Ю. Л. Щановой, железных шлаков и криц, а также гончарной и поливной керамики — О. Ю. Круг.

²⁹ *Никольская Т. Н.* Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э. — МИА, 1959, № 72.

³⁰ Несмотря на то что в этой книге автор несколько преувеличил влияние зарубинецкой культуры на культуру местных племен, связывая с ней славянизацию населения в бассейне Верхней Оки еще в IV—V вв. н. э. (см. гл. 2, с. 37), все же глава 3 (с. 58), посвященная поселениям и курганам с трупосожжениями VIII—X вв., дает представление о начальном этапе славяно-вятичской культуры в бассейне Верхней Оки.

ПЕРВЫЕ СЛАВЯНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ И КУРГАНЫ В БАССЕЙНЕ РЕК ОКИ И МОСКВЫ

Славянское население в бассейне р. Оки появляется в VIII—IX вв. Во Введении упоминалось о том, что автор «Повести временных лет» помещает на Оке славянское племя вятичей («А Вятъко съде съ родомъ своимъ по Оце, от негоже прозвашася Вятичи») ¹, объединяя его с племенем радимичей единым происхождением («от ляховъ» ² (т. е. от западных славян); представляется, что это сообщение летописца следует понимать в том смысле, что места прежнего обитания вятичей и радимичей или, вернее, их предков паходились западнее Сожа и Оки, по соседству с лядскими племенами.

Что касается радимичей, то регион их первоначального поселения по данным гидронимии довольно убедительно намечен В. В. Седовым в Верхнем Поднепровье ³. По-видимому, откуда-то с юго-запада пришла на Оку и другая славянская группировка, расселяющаяся на землях, занятых балтскими и финноязычными племенами и обособившаяся впоследствии здесь как «восточнославянское племя вятичей». Во всяком случае, основные характерные черты материальной культуры ранних вятичей (лепная посуда, жилища в виде прямоугольных в плане полуземлянок и погребальный обряд трупосожжения) имеют много общего с раннеславянской культурой типа Корчак (или пражского типа), хорошо известной в юго-западных областях Восточной Европы на территории Припятского Полесья ⁴. В процессе расселения вятичей в бассейне Верхней Оки местное население, очевидно, иногда передвигалось на другие территории, однако чаще славяне смешивались с балтами и ассимилировали их. Сравнительно быстрой ассимиляции способствовала этническая близость балтов и славян. Не удивительно поэтому, что в культуре вятичей обнаруживаются иногда балтские элементы (см. ниже). Отдельные островки балтов существовали, по-видимому, в бассейне Оки еще в XI и XII вв. (упоминания в летописи под 1058 и 1147 гг. племени голяди). Несомненно, часть славянских поселений возникла и на свободных землях.

Согласно «Повести временных лет», в IX в. вятичи платили дань Хазарскому каганату («по бълѣи пѣверицѣ от дыма») ⁵. В X в. вятичи пла-

¹ ПСРЛ, т. I, стб. 42.

² Там же.

³ Седов В. В. Из истории восточнославянского расселения. — КСИА, 1965, вып. 104, с. 10, рис. 3; с. 11; *Ои же*. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, с. 141—143.

⁴ Русанова И. П. Карта распространения памятников типа Корчак. — В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1970, с. 93, 94, рис. 1. Генетическая связь культуры типа Корчак с древностями летописных восточнославянских племен признается многими исследователями. См., например: Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья. . . , с. 71.

⁵ ПСРЛ, т. I, стб. 49 (под 859 г.).

тили тем же хазарам иную дань — «по шьягу от рала» (под 964 г.)⁶, от которой освободил их Святослав, наложивший на них собственную дань. Под 966 г. говорится: «Вятичи побѣди Святослав и дань на нихъ възложи»⁷. При Владимире вятичи освободились от этой зависимости, но князь снова обкладывает их данью. Под 981 г. говорится: «. . . Вятичи побѣди, и възложи на нь дань от плуга, якоже и отць его имаше»⁸; под 982 г.: «Заратипася Вятичи и иде на ня Володимиръ и побѣди е второе»⁹.

Очень важны сообщения летописи о форме дани «от рала» и «от плуга», так как они красноречиво свидетельствуют о развитии в это время у вятичей пахенного земледелия.

Вятичи сохраняли свою самостоятельность, вероятно, до конца XI в., так как в своем «Поучении» (помещенном в Лаврентьевской летописи под 1096 г.) Владимир Мономах говорит о походах на вятичей как об особом подвиге. Возможно, что у вятичей в это время все еще существовали свои племенные старшины: «. . . а в Вятичи ходихом по двѣ зимѣ, на Ходоту и на сына его»¹⁰.

ПОСЕЛЕНИЯ

Основным типом вятичских поселений VIII—X вв. были селища — открытые, неукрепленные поселки. Городища, которые на соседней территории северян повсеместны (что объясняется необходимостью постоянной защиты от кочевников), на вятичской территории не так многочисленны. Некоторые из них (Немышино, Плотицыно, Шитово) почти не имеют культурного слоя, и, очевидно, играли роль убежищ, куда население собиралось в момент опасности. Иногда славяне заселяли и древние, дославянские городища, часто перестраивая их укрепления (Вороново, Воротынцево, Лужки, Дуна, Акишинское, Федяшево, Супруты, Вуколов Бугор, Вышгород (Рязанский)).

Кроме поселений, известны и одновременные им погребальные памятники — курганы с трупосожжениями.

Ранние поселения и погребальные сооружения вятичей сосредоточены главным образом в самом верхнем течении р. Оки (рис. 2). В московском течении Оки эти памятники пока единичны (селища Акатьево, Дракино, Сосновка, Прилуки, Кордон I, Коломна, курганы Красный Стад, Горышкино, Дюдьково, Стрелково), а в рязанском течении известны только немногочисленные селища (Алеканово, Борки, Дубровичи, Палецкое)¹¹.

⁶ Там же, стб. 65.

⁷ Там же.

⁸ ПСРЛ, т. I, стб. 81—82.

⁹ Там же, т. I, стб. 82.

¹⁰ Там же, стб. 248.

¹¹ Подробная характеристика неукрепленных сельских поселений (их топография, хронология, планировка) дается во второй главе. Здесь рассматриваются селища (гр. А), а также городища, отражающие самый ранний этап славянского расселения на данной территории. Особое внимание уделено погребальным памятникам — курганам с трупосожжениями.

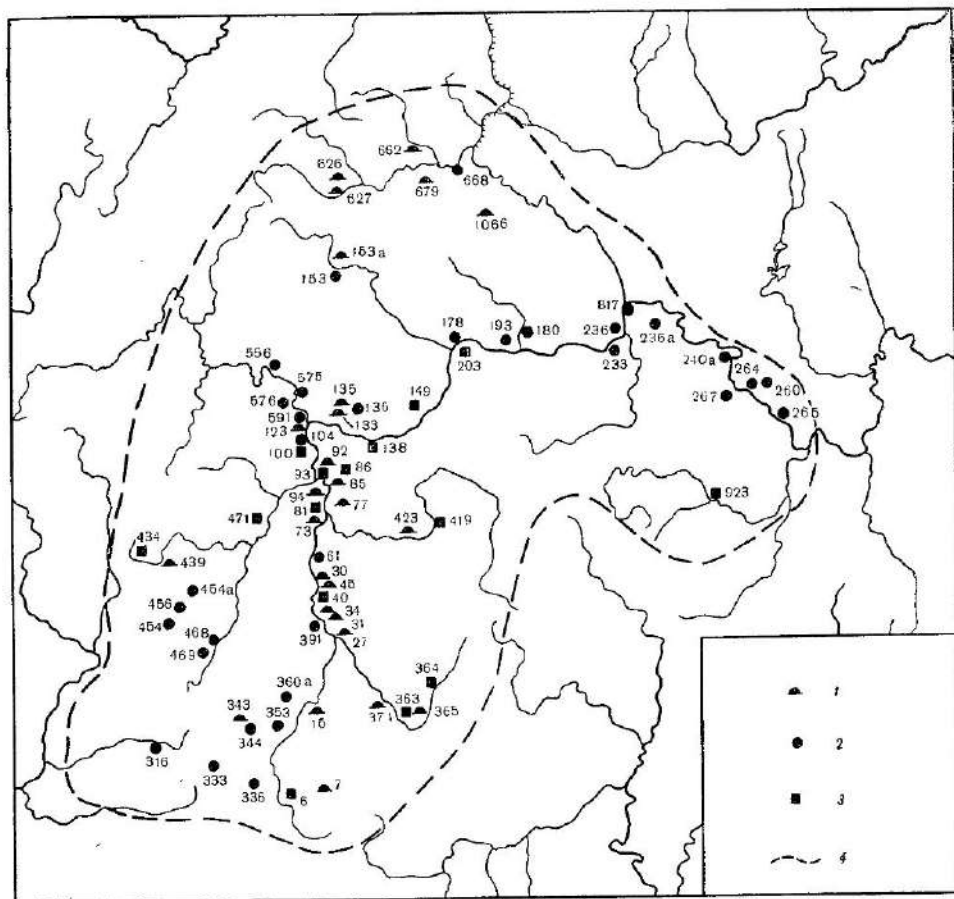

Рис. 2. Первые славянские поселения и погребения в бассейне верхней и средней Оки
 1 — курганы с кремацией; 2 — селища; 3 — поселения на древних городищах; 4 — граница Земли вятичей

Самым южным и ранним поселением в левобережье Верхней Оки является Кромское селище, расположенное на левом берегу р. Кромы при впадении в нее р. Недны. Протяженность селища вдоль берега Кромы 500 м, ширина 200—300 м. При раскопках Верхнеокской экспедиции в 1973 г. в самом нижнем горизонте культурного слоя открыта часть жилой постройки типа землянки. На уровне дневной поверхности жилища (на слое желтой материковой глины с угольными включениями) найдены глиняные пряслица и фрагменты толстостенной лещинной посуды, иногда покрытой веревочным орнаментом (раннероменского типа). Любопытно, что вместе с этой посудой оказались также обломки лепных сосудов и гончарных красноглиняных амфор салтовского типа с бороздчатой поверхностью, покры-

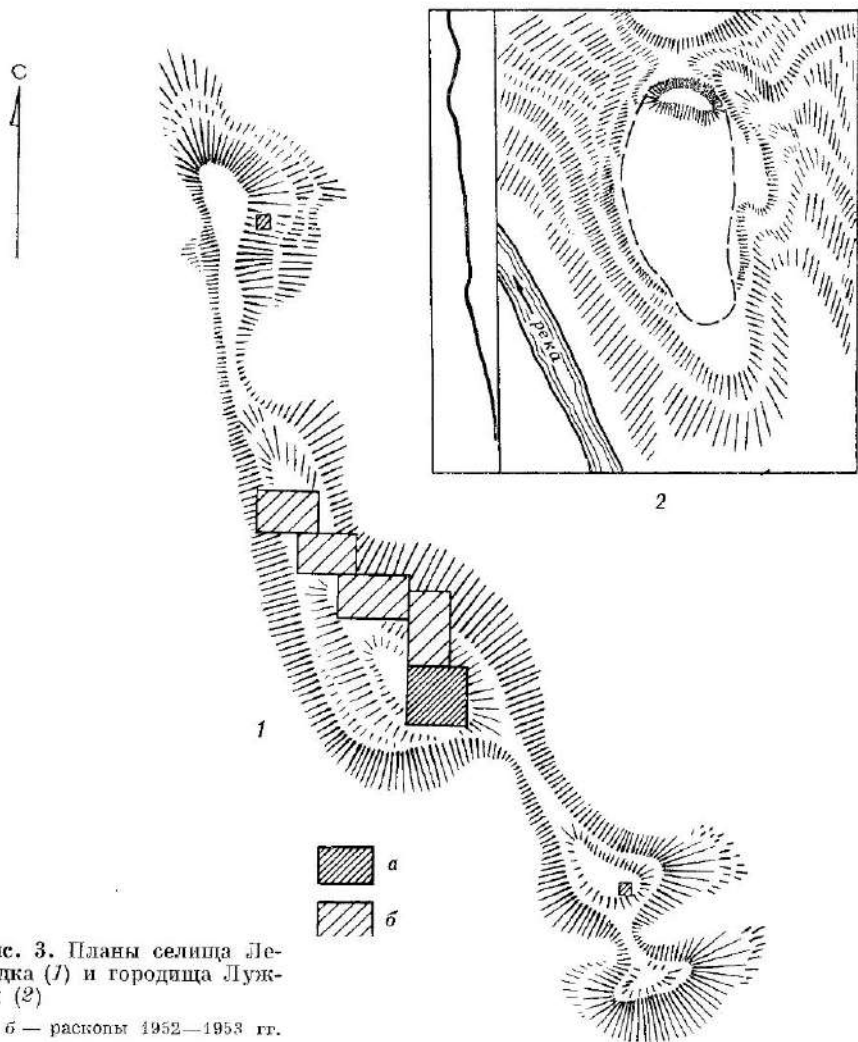

Рис. 3. Планы селища Лебедка (1) и городища Лужки (2)

а, б — раскопы 1952—1953 гг.

той белым ангобом, которые, по определению С. А. Плетневой, датируются VIII—IX вв.¹²

Наиболее хорошо исследованным в левобережье верхней Оки является селище у д. Лебедка, расположенное на невысоком донном всхолмлении

¹² Плетнева С. А. От кочевий к городам. — МИА, 1967, № 142, с. 129. Находки подобных амфор до сих пор были известны на славянских памятниках волынцевского типа более южных территорий, в левобережье Нижнего Днестра, на Полтавщине (Горюнов Е. А. О памятниках волынцевского типа. — КСИА, 1975, вып. 144, с. 3—5, рис. 1). Кромское селище является пока самым северным пунктом с находками керамики салтовского типа.

в 400 м от левого берега р. Цон. Протяженность селища (с северо-запада на юго-восток) 280 м, ширина от 30 до 60 м (рис. 3, 1). Раскопками, проведенными в 1952—1953 гг. под руководством автора, вскрыто 840 кв. м (при толщине культурного слоя от 0,22 до 1,6 м). Судя по находкам, селище было двуслойным: его нижний слой, с лепной толстостенной керамикой романского типа, относится к VIII—X вв., верхний, содержащий гончарную керамику с волнистым и линейным орнаментом, — к XI—XIII вв.¹³ К нижнему горизонту относятся прямоугольные в плане землянки (размерами 4×4, 4×5 и 3×2,2 м) с остатками сыроступных и кузнечного горнов, с лепной керамикой и некоторыми предметами быта. Сельскохозяйственные орудия, найденные на селище (сошники, косы, серпы), позволяют заключить, что с приходом славян в бассейне Верхней Оки развивается пашенное земледелие.

На селище у д. Малое Селихово («Алексеевский городок») раскопками Н. П. Милонова в 1938 г. открыты остатки двух наземных срубных построек с глинобитными полами (размерами 4×4, 5,3×5,3 м) и глинобитной печью в северо-западном углу дома. На основании находок глиняных литейных форм с остатками металла автор раскопок считает, что оба жилища являлись вместе с тем и металлургическими мастерскими IX—X вв.¹⁴

Ряд укрепленных поселений, возникших в VIII—X вв., выявлен разведками Верхнеокской экспедиции, произведенными в 1975 г. в южных районах Калужской области¹⁵. Таково селище в уроч. Городок (Хвастовичский район), занимающее невысокую дону в пойме р. Ресеты (рис. 4, 1). Его протяженность около 300 м, ширина 80—120 м. Основанное славянами в VIII—X вв. на поселении мощинского типа, селище существовало в течение многих столетий. Среди подъемного материала, кроме лепной керамики романского типа, встречается гончарная посуда XII—XIII и XIV вв. На территории селища расположена большая курганная группа — 68 насыпей, часть из них сооружена из культурного слоя.

Селище у с. Харитоновка занимает невысокий пологий мыс (1,5—2 м), ограниченный с трех сторон болотистой поймой. Культурный слой (мощностью около 30 см), насыщен фрагментами лепных сосудов романского типа (IX—X вв.). В верхнем горизонте культурного слоя содержится гончарная керамика XII—XIII и XVI вв.¹⁶

Селище у д. Ресета расположено на высоте 6—7 м над уровнем р. Ресеты. Протяженность поселения около 250 м, ширина 110 м. Культурный слой (толщиной 0,25—0,3 м) сильно распахан. Поселение было двуслойным. К нижнему горизонту относятся обломки лепных сосудов конца

¹³ Никольская Т. Н. Древнерусское селище Лебедка. — СА, 1957, № 3, с. 476, рис. 4.

¹⁴ Милонов Н. П. Отчет об археологических исследованиях, проведенных Орловским областным музеем на территории Орловского и Урицкого районов летом 1938 г. — Архив ЛОИА, ф. 35, № 78, 1938, л. 8.

¹⁵ Никольская Т. Н. Отчет о работе Верхнеокской экспедиции в 1975 г. — Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 5661.

¹⁶ Фролов И. К. Отчет о работе Калужского отряда за 1973 г. — Архив ИА АН СССР, Р-1, д. № 5213.

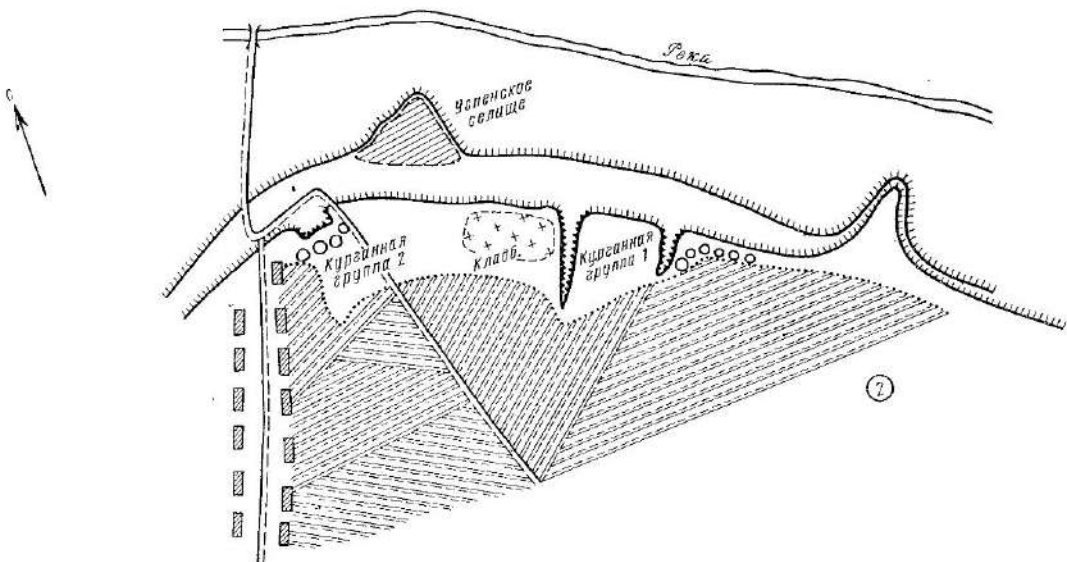
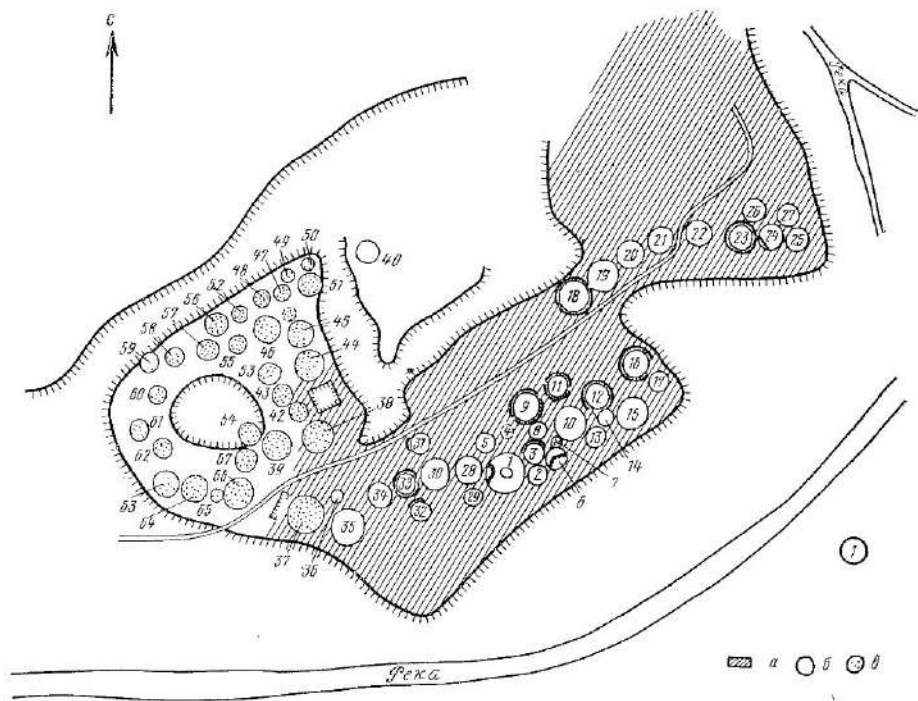

Рис. 4. Городок (1) и Успенское (2): план селища и курганной группы
 а — территория селища; б-в — задержанные и полуразрушенные курганы

I тысячелетия н. э. (роменского типа), к верхнему — гончарная керамика XII—XIII вв.¹⁷

Еще севернее, на высоком левом берегу р. Луксны (приток Жиздры) у с. Волконское, на территории древнего городка в VIII—IX вв. возникает славянское поселение. Площадка его (размером 100×50 м) с севера и юга укреплена валами (высотой 2,5 и 1 м) и рвами (глубиной 4 и 2 м). Южный ров отделяет от городища территорию селища размером 90×26 м. Высота поселения над уровнем реки 10 м; в слое толщиной 0,5—0,7 м собрана лепная керамика мошницкого и роменского типов. Неподалеку от городища расположено несколько одиночных курганов¹⁸.

Еще дальше на север, в верховье р. Выссы у с. Антоньево, в X в. возникают два славянских поселения¹⁹.

Вдоль берега р. Угры на 100 м протянулось селище близ д. Красный городок. Ширина его 25—30 м. Культурный слой толщиной всего 15 см содержал обломки лепной керамики IX—X вв. и гончарной XI—XIII вв., обожженные камни и куски глиняной обмазки²⁰.

Славянское поселение у д. Кацлино (правый берег р. Рессы) возникло в X—XI вв. на территории древнего поселка (первой половины I тысячелетия н. э.). Селище занимает площадь 175×75 м, возвышаясь над поймой на 19 м. В слое собрана лепная керамика с орнаментом из параллельных линий²¹.

Незначительные раскопки, произведенные на некоторых других поселениях, дали главным образом обломки лепных глиняных сосудов роменского типа (VIII—IX вв.) и кости животных. Так, в г. Тарусе на территории городского парка обнаружены остатки славянского поселения VIII—IX вв. с керамикой роменского типа. На обширных селищах у с. Дракино и д. Тишково, расположенных на высоком коренном берегу р. Протвы (при впадении ее в Оку), при разведках Верхнеокской экспедиции в 1975 и 1979 гг. также собрана лепная керамика роменского типа VIII—IX вв.²² Еще ниже по Оке, но на правом ее берегу у с. Сосновка в 1975 г. Р. Л. Розенфельдом открыто славянское селище, на котором собрано множество фрагментов керамики роменского типа и 14 известняковых литейных формочек²³.

В свое время А. Л. Монгайт высказал предположение, что Палецкие (Аксеповские) курганы, которые раскапывались в 1926—1927 гг. А. В. Дмитриевской, расположены на вятичском поселении IX—X вв., чем и объясняются находки большого количества обломков лепной керамики роменско-боршевского типа в их насыпях. Селище это было, по-

¹⁷ Фролов И. К. Отчет о работе Калужского отряда за 1973 г.

¹⁸ Никольская Т. Н. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н. э. — МИА, 1959, № 72, с. 130; Фролов И. К. Отчет о работе Калужского отряда за 1973 г.

¹⁹ Фролов И. К. Работа Среднерусской экспедиции. — АО 1977 г. М., 1978, с. 93.

²⁰ Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.; Л., 1940, с. 50.

²¹ Фролов И. К. Отчет о работе Калужского и Орловского отрядов в 1975 г. — Архив ИА АН СССР. Р—1, № 5679.

²² Никольская Т. Н. Отчет о работе Верхнеокской экспедиции в 1975 г., с. 6.

²³ Розенфельд Р. Л. Разведки и раскопки в Московской области. — АО 1975 г. М., 1976, с. 85.

видимому, двуслойным, и его верхний слой оставлен населением, которому принадлежали курганы.

Неподалеку от этого поселения также на правом берегу Оки находится селище на дюне с. Борки, а на левом берегу по соседству расположены сразу три селища: Алекановское, Дубровицкое на дюпе Борок и несколько более позднее (X в.) — Шумошское. На всех этих поселениях или около них найдены клады арабских дирхемов IX—X вв.²⁴

Славянское расселение в конце I тысячелетия н. э. шло не только вдоль основной водной магистрали — р. Оки, но также и в глубь рассматриваемой территории.

Следы проникновения славян в бассейн Москвы-реки, в Западное Подмосковье, отмечены, по-видимому, в верхнем горизонте культурного слоя на Жуковском селище (Одинцовский р-н Московской обл.), раскопки которого велись в течение нескольких лет экспедицией Музея истории и реконструкции Москвы под руководством А. Г. Векслера. Автор раскопок отмечает, что здесь были найдены фрагменты лепных сосудов, поверхность которых сплошь покрыта орнаментом, аналогии которому находят в славянских памятниках лесостепи последних веков I тысячелетия н. э.²⁵

Несколько селищ с лепной керамикой роменско-боршевского типа IX—X вв. открыто Р. Л. Розенфельдтом, в частности в Серпуховском р-не у с. Прилуки и в Каширском р-не Московской обл.²⁶

В правобережной части Окского бассейна в IX—X вв. возникали преимущественно укрепленные славянские городки. И, по-видимому, это не случайно: ведь недалеко, на юго-востоке, была степь, в которой сновали печенежские орды, и славянам надо было как-то обезопасить от них свои поселки²⁷.

Самым южным в верховье Оки было городище у д. Лужки (Пашково), занимавшее высокий мыс правого берега реки (рис. 3, 2). Площадка поселения размером 95×50 м с севера, со стороны плато, укреплена валом (сильно оплывшим). Раскопки Верхнеокской экспедиции в 1958—1959 гг. вскрыта площадь около 1500 кв. м.

Городок был основан в IX—X вв. на заброшенном поселении позднезольничной культуры (VI—II вв. до н. э.)²⁸. К его ранней поре относятся прямоугольная в плане землянка (4×4 м), развалы каменногобитных печей и многочисленные обломки лепной керамики роменского типа (рис. 5). Поселение существует и в XI—XIII вв. (землянка с глинобитной

²⁴ Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961, с. 154—160.

²⁵ Векслер А. Г. Раскопки в Западном Подмосковье. — АО 1966 г. М., 1967, с. 42, 43.

²⁶ Розенфельдт Р. Л. Работы в Подмосковье. — АО 1974 г. М., 1975, с. 75; *Оп же*. Древнейшие города Подмосковья и процесс их возникновения. (По археологическим материалам). — В кн.: Русский город. М., 1976, с. 6.

²⁷ Говоря о печенежской опасности на юге Руси, Б. А. Рыбаков замечает, что «городища роменского типа, расположенные гнездами по 10—12 крепостей в небольшом районе, являются не особой археологической культурой, а формой приспособления древнерусского лесостепного крестьянства к суровым условиям жизни в угрожаемой зоне» (Рыбаков Б. А. Государственная оборонительная система Киевской Руси. — В кн.: Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972, с. 17).

²⁸ Никольская Т. П. О поселениях раннего железного века в бассейне Десны и Верхней Оки. (К вопросу о балто-иранском контакте). — КСИА, 1969, вып. 119, с. 17—19

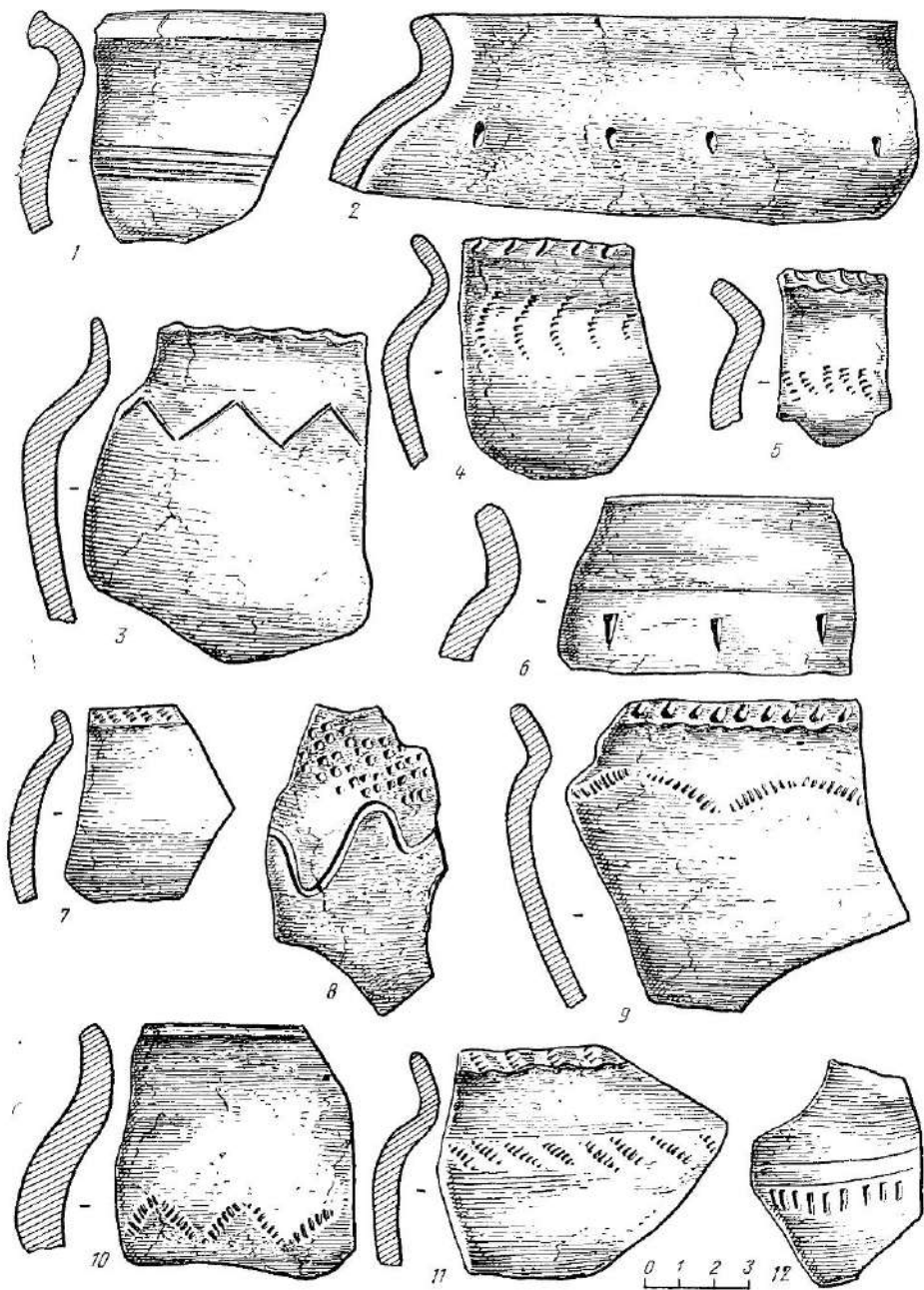

Рис. 5. Городище Лужки (Пашково). Керамика

1, 2, 6 — Гончарная; 3, 4, 5, 7—12 — левная

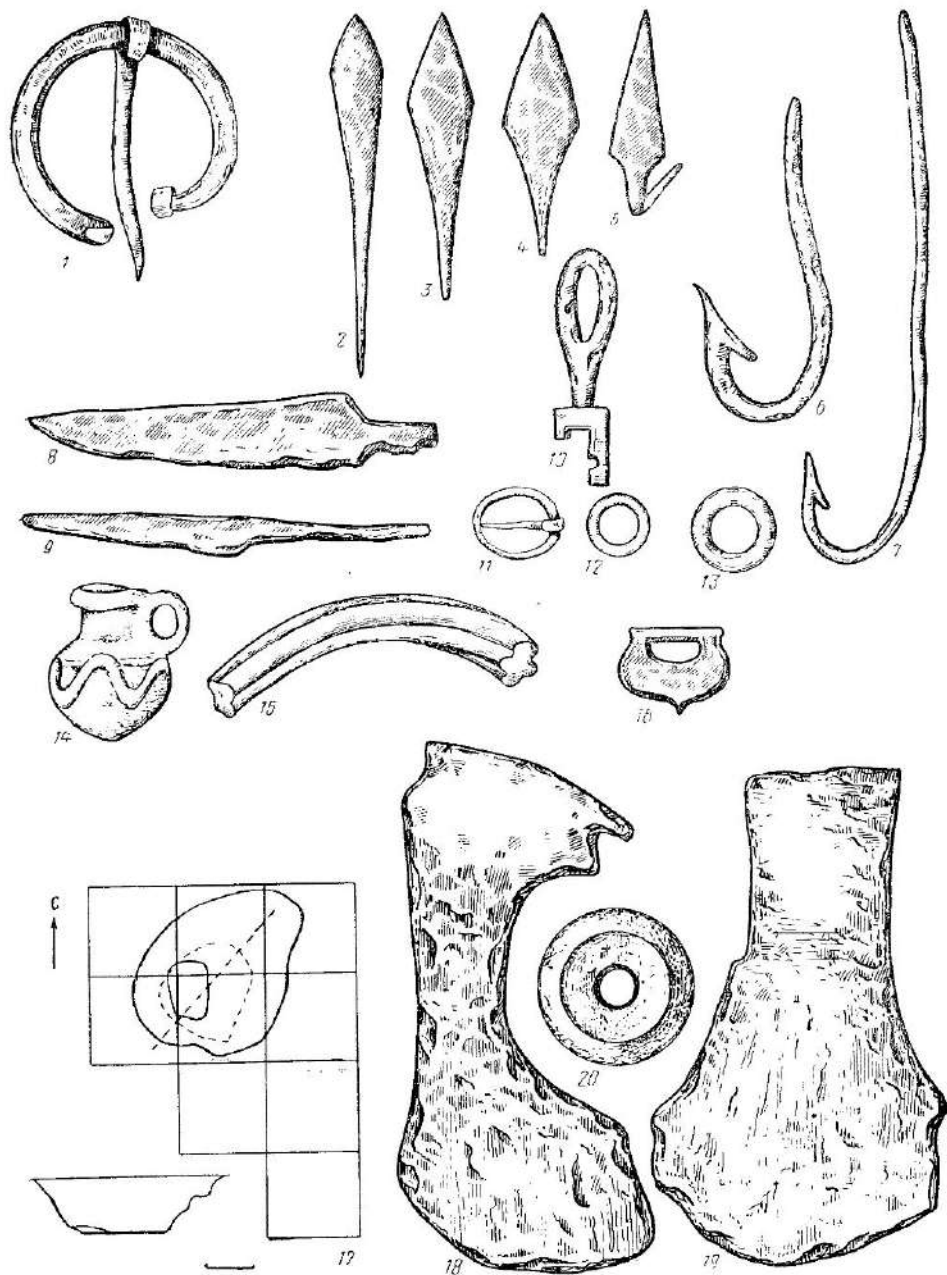

Рис. 6. Городище Лужки — предметы из древнерусского слоя

1, 11, 16 — пряжки; 2—5 — наконечники стрел; 6, 7 — крючки рыболовные; 8, 9 — ножи; 10 — рыбоч; 12, 13, 20 — пряслицы; 14, 15 — подвеска и обломок браслета (стекло); 17 — план и разрез землянки № 1; 18, 19 — топор, тесло

печью, гончарная керамика с волнистым и линейным орнаментом, многочисленные предметы быта, сельского хозяйства и промыслов) (рис. 6). В культурном слое найдены две серебряные монеты, подражание восточному дирхему X—XI вв. (вес монет 1,82 и 1,06 г)²⁹.

Аналогичный вятичский поселок возникает в VIII—IX вв. и на мысу высокого правого берега р. Зуш, против д. Воротищево. Поселение также многослойное³⁰. К славянскому слою относятся многочисленные обломки сосудов волынецовского типа, для которых характерны отогнутый венчик, резко выгнутые (иногда образующие ребро) плечи (рис. 7). Горшки изготовлены из серой глины с примесью шамота (диаметр горла от 10—16 до 22 см), толстостенные, слабо и неравномерно обожжены. Край сосуда и плечики часто покрыты зеревоочным орнаментом, расположенным зигзагообразно. Найдены также обломки сковородок роменского типа. Древнерусское поселение существовало здесь до XIII в. (гончарная посуда с линейным и волнистым орнаментом, обломок семилопастного височного кольца, решетчатый перстень и т. п.).

Памятником, материалы которого позволяют характеризовать довольно полно древнерусскую культуру последних веков I тысячелетия н. э. на рассматриваемой территории, является расположенное севернее д. Воротищево Федяшевское городище (раскопки В. А. Городцова)³¹. Небольшая площадка этого поселения хорошо укреплена. Оборонительные сооружения, построенные в дославянский период, в конце I тысячелетия н. э. были усилены (высота насыпи вала около 4 м). Именно в последние века I тысячелетия н. э. жизнь протекала здесь наиболее интенсивно. Интересна коллекция предметов вооружения и ремесла: наконечники стрел — черешковые, ромбические (с круглым или плоским черешком; рис. 8, 1—4), наконечник копья втульчатый, двушипный (рис. 8, 5). И стрелы и наконечник копья находят аналогии в материалах Гнездовского могильника³². Из снаряжения коня найдена бронзовая псалия, имеющая форму стержня с двумя шишечками на концах и двумя прямоугольными прорезями в центре³³. Инструменты ремесленника представлены слесарным зубилом и напильником. Лезвие зубила термически обработано; напильник был железным с цементированной поверхностью³⁴. В той же технике был изготовлен и инструмент для раскройки кожи — резак³⁵ (рис. 8, 6—9, 11).

Для датировки памятника важной находкой является дирхем 815 г., который отражает начальную дату поселения, так как все перечисленные выше предметы свидетельствуют, что жизнь на городке продолжалась до конца X — начала XI в.

²⁹ Принятому благодарю С. А. Яниной за любезное определение монет.

³⁰ *Никольская Т. Н.* Культура племен . . . , с. 87—89. К сожалению, культурный слой городища совершенно испорчен кладбищем XVIII в.

³¹ *Городцов В. А.* Федяшевское городище. — Древности, 1900, т. XVII, с. 1—10; *Никольская Т. Н.* Культура племен . . . , с. 117—120.

³² *Сизов В. И.* Гнездовский могильник близ Смоленска. — МАР, 1902, № 28, с. 90, рис. 54; с. 99, рис. 70.

³³ *Никольская Т. Н.* Культура племен . . . , с. 63, с. 27, 6.

³⁴ *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. — МВА, 1953, № 32, с. 64, рис. 25, 3; с. 68, рис. 30, 4.

³⁵ *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка . . . с. 129.

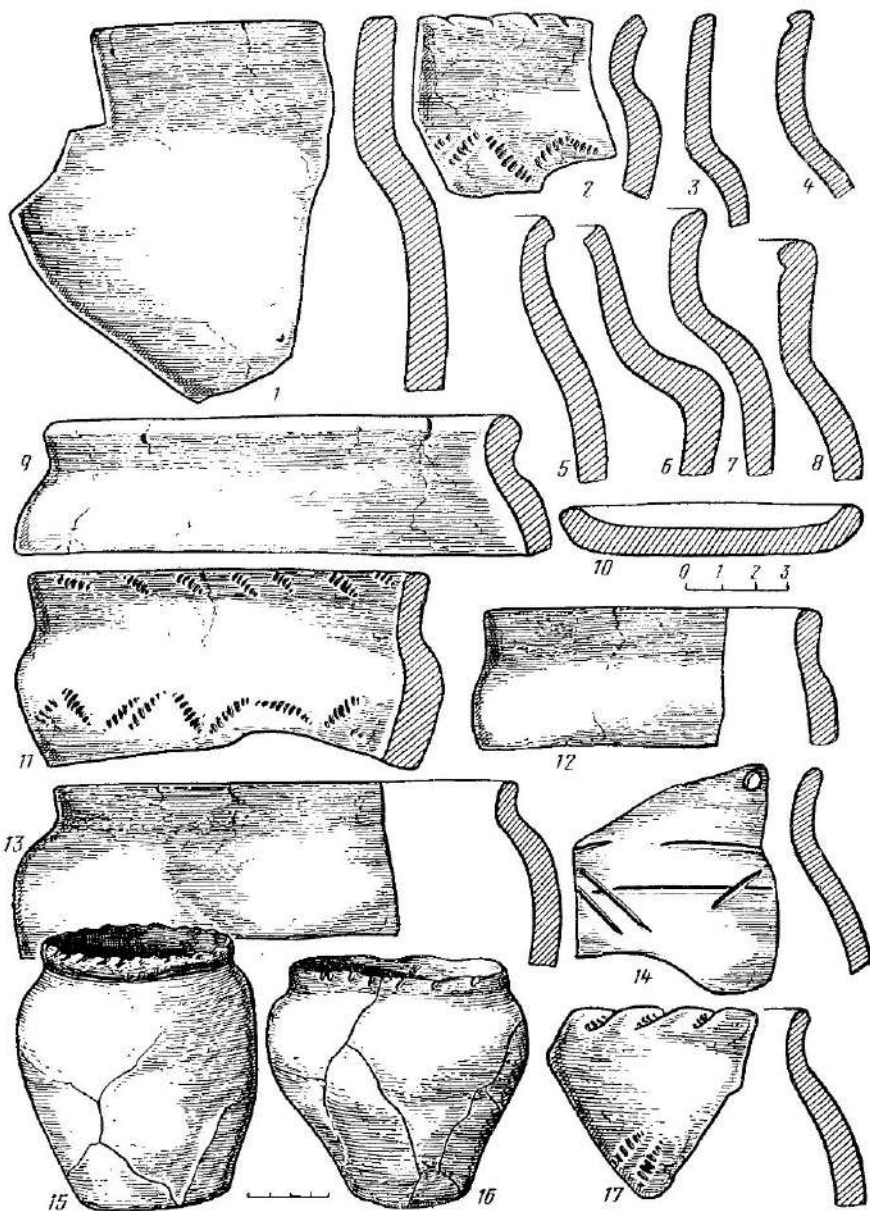

Рис. 7. Воротынцево

1—3, 5—7, 9—17 — лепная керамика, 4, 8 — профили гончарных сосудов; 15, 16 — урны из кургана

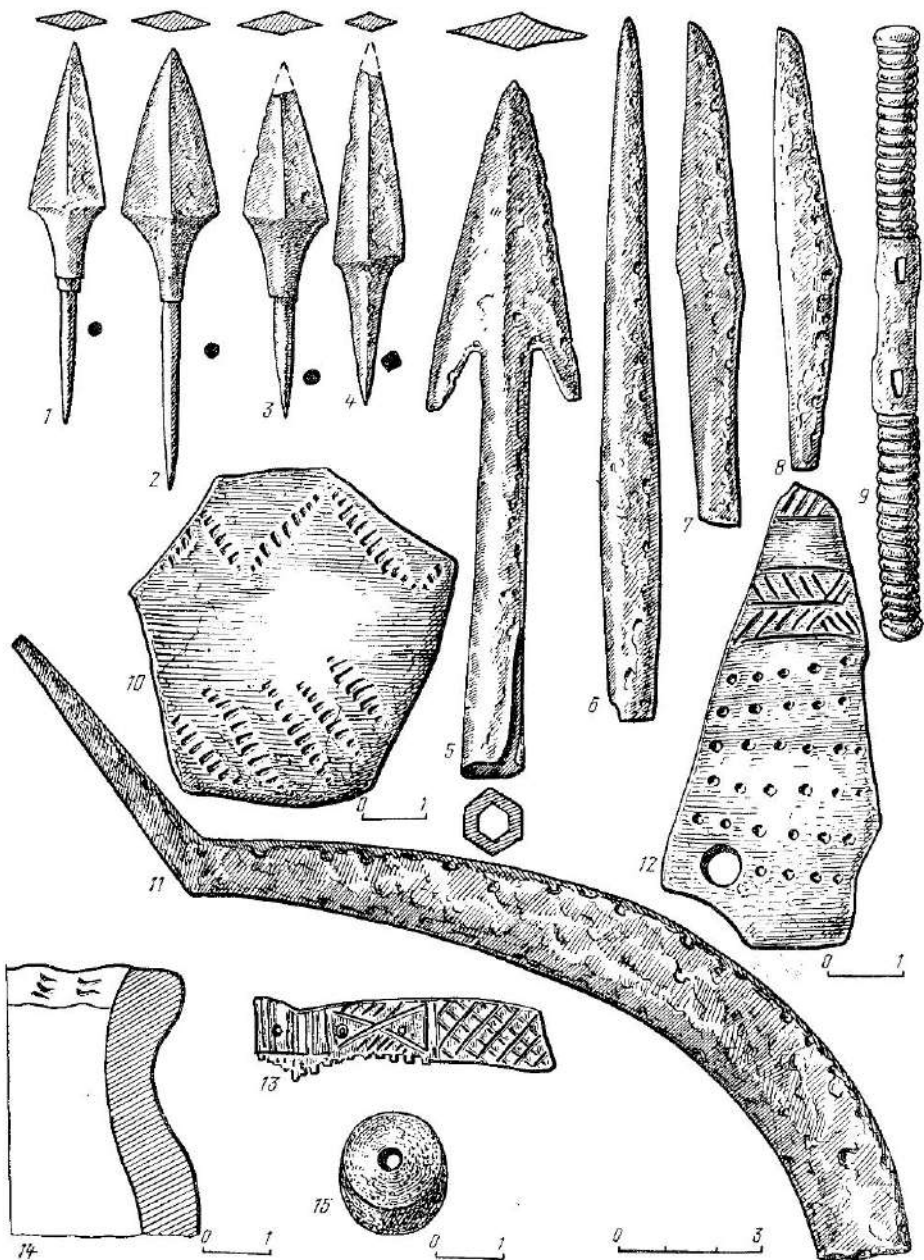

Рис. 8. Федяшево: предметы из славянского слоя

1—4 — наконечники стрел, 5 — наконечник копыта, 6 — ножовидник, 7—8 — ножи, 9 — расческа, 10—14 — фрагменты керамики, 11 — рог, 12, 13 — фрагменты рукоятки ножа и гребни (кость), 15 — пряслице шпиферное

Не менее интересным памятником является городище у с. Супруты, расположенное на мысу высокого правого берега р. Упы (Щекинский р-н Тульской обл.). Раскопки его велись в течение многих лет (1955—1956, 1969—1973 гг.) С. А. Изюмовой. Славяне основали здесь поселение в VIII в. на городище мощного типа, покинутом его обитателями в середине I тысячелетия н. э. Укрепления, сооруженные балтами (вал высотой 2,6—2,8 м при ширине основания 10 м), были перестроены и усилены. Высота вала славянского поселения достигает 5 м при ширине основания 22 м; кроме того, с внешней стороны вала вырыт ров шириной 8 м и глубиной 1,7 м. В славянском слое, который датируется саманидскими дирхемами IX—X вв., открыты остатки наземных и слегка углубленных (до 0,5—0,6 м) в центральной части жилищ с развалами каменных очагов или камешно-глинобитными печами (в одном из жилищ, размером 6×4 м открыта печь-каменка с глинобитным сводом); остатки наземной, округлой в плане постройки производственного назначения (обработка железной руды).

В жилищах собраны разнообразные предметы быта, украшений, орудия сельского хозяйства, промыслов, предметы вооружения, лепная посуда роменско-боршевского типа (в том числе два целых горшка), серпы, мотыжка, сошник, коса, узколезвийный топор, долото, пещия, пружинные ножицы, коромысло и чашечки весов, сферические гирыки, наконечники стрел, удила, поясные пряжки, серебряный и бронзовый браслеты и т. п.

Поселение погребло в результате какой-то катастрофы (может быть, от набега кочевников) в конце X в. К тому времени относятся залегающие в верхнем слое городища человеческие скелеты³⁶.

Еще одно поселение, возникшее в VIII—IX вв. на заброшенном древнем городище (второй половины I тысячелетия до н. э.), расположено на правом высоком берегу Оки, у д. Вороново (рис. 9, 2)³⁷. Рядом находится группа невысоких курганов (рис. 9, 1, 4, 5).

Таким же укрепленным поселком, основанным в VIII—IX вв. на заброшенном поселении мощного типа, было городище Дуна, расположенное на левом берегу Оки, ниже Федяшевского. При раскопках Н. В. Теплова³⁸, в нижнем горизонте верхнего культурного слоя (оставленного славянами) найден абассидский дирхем,чеканенный при халифе Мансуре в 141 г. Хиджры, т. е. в 758—759 гг. н. э. К этому времени относятся фрагменты лепной толстостенной керамики, хорошо профилированной, с орнаментом по краю или плечикам, в виде отпечатков зубчатого штампа (роменско-боршевского типа)³⁹. Кроме того, на поселении найден перстень с овальным камнем, близкий перстням Салтовского могильника VIII—IX вв.⁴⁰ По мнению Н. В. Теплова, сооружение вала того времени.

³⁶ Изюмова С. А. Раскопки городища у с. Супруты. — АО 1969 г. М., 1970, с. 67; АО 1970 г. М., 1971, с. 75; АО 1971 г. М., 1972, с. 92; АО 1972 г. М., 1973, с. 64; АО 1973 г. М., 1974, с. 53.

³⁷ Никольская Т. И. Археологические раскопки в 1961—1962 гг. в Калужской обл. — КСИА, 1964, вып. 102, с. 75—78.

³⁸ Теплова Н. В. Городище Дуна близ Лихвина. — Известия Калужской Ученой архивной комиссии, 1899, вып. 1, с. 19.

³⁹ Никольская Т. И. Культура племен... с. 10; Погов Е. П. Лепная керамика городища Дуна. — КСИА, 1974, вып. 140, с. 8, 9, рис. 4.

⁴⁰ Покровский А. М. Верхне-Салтовский могильник. — Тр. XII АС, М., 1905, т. I, табл. XXI, 32.

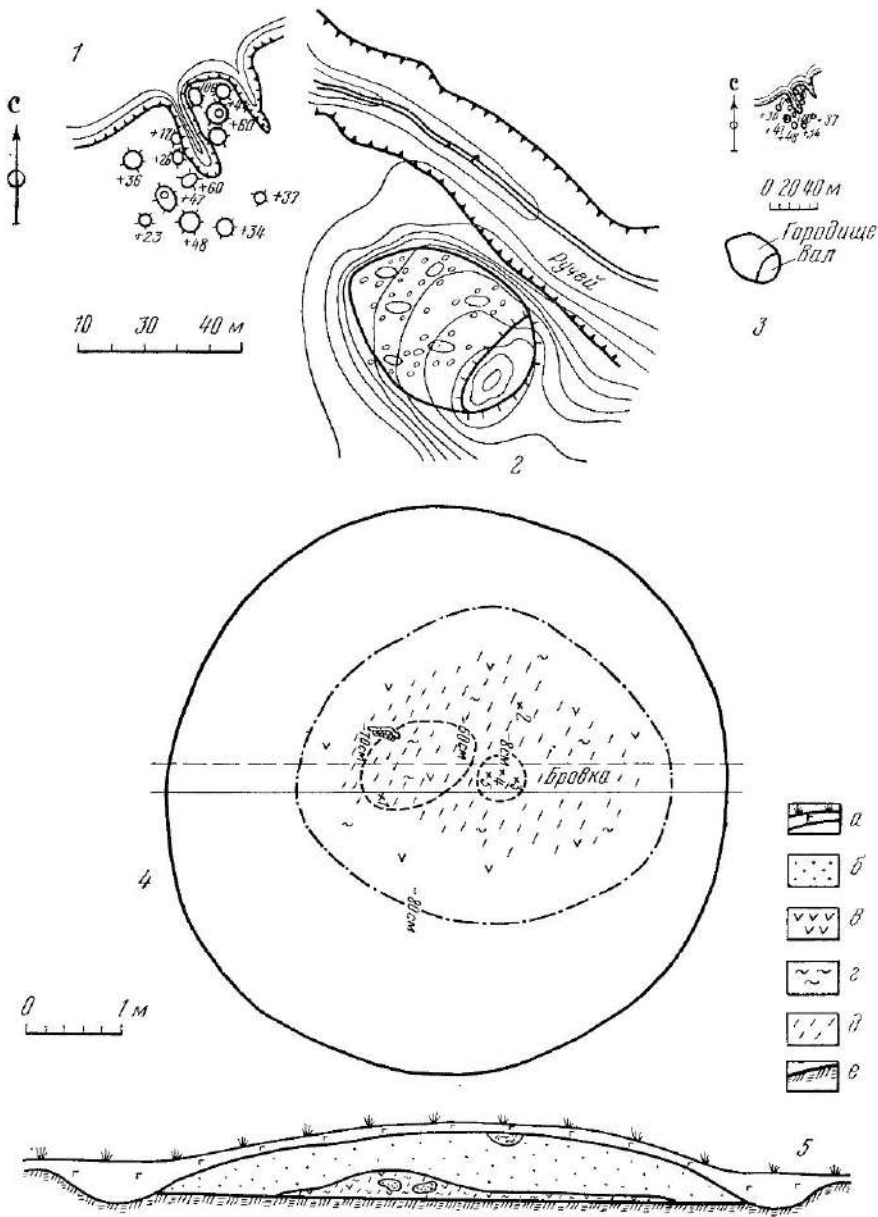

Рис. 9. Вороново

1 — кургандная группа; 2 — городище; 3 — их взаиморасположение; 4, 5 — план и профиль кургана с трупосожжением; а — дерн, б — желтовато-серая сунесь, в — уголь, г — зола, д — кальцинированные кости, е — материк

КУРГАНЫ С ТРУПОСОЖЖЕНИЯМИ

В соответствии с существовавшей у славян языческой погребальной обрядностью вятичи кремировали своих умерших сородичей. Остатки трупосожжений хоронили под насыпью кургана в глиняной урне, поставленной в погребальную камеру или просто на грунте.

Известны и безурновые погребения. Пережитки этого погребального обряда, судя по сообщениям «Повести временных лет» (составленной в начале XII в.), существуют у вятичей довольно долго — до XI, а может быть, и до начала XII в. «... Аще кто оумряше, — пишет Нестор-летописец, — творяху трызно надъ нимъ, и по семь творяху кладу велику и възложашуть и на кладу мртвца сожьжаху и посемь собравше кости вложуху в судину малу и поставяху на столпѣ на путех еже творять Вятичи и нынѣ...»⁴¹

Летописец Переяславля-Суздальского, комментируя сообщения Нестора о погребальном обряде, расшифровывает выражение «кладу велику» как «громада дров велия», а к словам «на столпѣ на путех» добавляет: «... и в курганы сыпаху»⁴².

В памятниках русской письменности XI—XVI вв., отмечает Б. А. Рыбаков, столпами называются не только «столбы», «бревна», но и небольшие надмогильные срубные домики и саркофаги. Таким образом, сообщение летописца о вятичских погребальных обрядах, которые они «творили» еще и в его время, можно понимать как погребение остатков трупосожжения в курганах не только со столбами, но и в деревянных домиках, своеобразных «избах смерти» по выражению А. А. Спицына⁴³. Картина погребального обряда вятичей, написанная Нестором, находит подтверждение в материалах, полученных при раскопках ранних вятичских курганов.

Курганам с трупосожжениями вятичей посвящена специальная статья В. В. Седова⁴⁴. Исследователем рассмотрены все курганы с трупосожжениями VIII—XI вв., расположенные в бассейне верхней Оки, которые он делит на две большие группы: курганы без погребальных камер и курганы, в которых остатки произведенной на стороне кремации помещались в специальные погребальные сооружения. И в тех и других курганах кальцинированные кости, как правило, содержатся в глиняных урнах, однако известны случаи, когда остатки сожжений встречались на материке или в насыпи курганов без сосуда. Словом, в пределах этих основных групп отмечено несколько вариантов погребальной обрядности, причем не только в курганах разных могильников, но и внутри одного курганного кладбища. Поэтому на некоторых деталях погребального обряда трупосожжения, существовавшего у вятичей, следует остановиться более подробно.

В полукилометре от селища Лебедка, на расстоянии 1—1,5 км от левого берега р. Цон, в лесу расположены две группы курганов. Курганы имеют форму полушара, иногда слегка вытянутого, высота их от 0,7 до 1—2 м, диаметры от 7 до 11 м. Следы ровиков прослеживались только

⁴¹ ПСРЛ, т. I, стб. 14.

⁴² Летопись Переяславля-Суздальского. М., 1851, с. 4.

⁴³ Рыбаков Б. А. Нестор о славянских обычаях. — В кн.: Древние славяне и их сосед. М., 1970, с. 43.

⁴⁴ Седов В. В. Ранние курганы вятичей. — КСИА, 1973, вып. 135, с. 10—16.

около двух насыпей. Раскопки курганов начались в 1907 г. И. Е. Евсеевым, затем велись в 20-х годах П. С. Ткачевским и К. Я. Виноградовым, а в 1952—1953 и 1963 гг. — автором настоящей работы⁴⁵. Во всех раскопанных насыпях сохранились остатки трупосожжения, совершенных на стороне. Остатки кремации в глиняной урне, а иногда и без нее помещались в основании курганной насыпи или в ее верхней части. Большая часть курганов хранила под своими насыпями по несколько погребальных урн с кальцинированными костями (от двух до семи), но известны насыпи и с одним погребением (курган 4, раскопки 1953 г.). Характерной особенностью курганов являются кольцевые канавки в основании насыпи, являвшиеся следами оградок, поставленных вокруг погребений⁴⁶.

Погребальные урны (рис. 10) изготовлены из глины с примесью дресвы, толстостенны (толщина стенок 8—7 мм), слабо обожжены и обычно довольно крупных размеров (высота 23—27 см, диаметры горла 20—24 см, диаметры дощев 11—15 см). В кургане 6 (1953 г.) глиняная урна выделялась своими большими размерами: высота ее 45 см, диаметр горла 40 см, диаметр дна 20 см. Форма большей части сосудов находит свои аналоги в горшках роменского типа, известных по материалам нижнего слоя соседнего селища у д. Лебедка и других славянских памятников VIII—X вв.⁴⁷ Другие урны имели несколько иную форму, напоминая сосуды вольщевского типа⁴⁸. Последние изготовлены из такого же теста со слабым обжигом, но поверхность их заглажена.

В кургане 7 (1963 г.), помимо четырех лепных сосудов с трупосожжениями, обнаружена еще и гончарная урна, изготовленная из рыхлого теста с шероховатой поверхностью, небрежно декорированная параллельными и волнистой линиями (рис. 10, 1). На днище урны клеймо в виде круга. В урне с кальцинированными костями найдены плакированная бусина и обломок бронзового перстня. Во многих лебедкинских курганах из раскопок П. С. Ткачевского в погребальных урнах также сохранился некоторый инвентарь. Особенно выделяются курган 2 с золотой сферической серьгой (?) (рис. 11, 12) и курган 4 с серебряной ремешковой бляхой, по форме напоминающей княжеский знак (рис. 11, 16), датирующий это сожжение первой половиной X в.⁴⁹

В других курганах встречались перстнеобразные височные колечки (курган 5, рис. 11, 1, 4, 5), бусы (курган 6, рис. 11, 19), бронзовое поясное

⁴⁵ Евсеев И. Е. Исследование городищ и курганов в бассейне верхнего (орловского) течения р. Оки и ее притоков Цона, Рыбинцы, Неполоди и Зуши. — Труды Московского предварительного комитета по устройству XIV археологического съезда. М., 1908, вып. 2, с. 29—52; Архив ЛОИАЛН СССР, д. АК, № 1906/72; Архив ГАИМК, 1925, д. 144; 1927, д. 172; 1928, д. 157; 1929, д. 192; *Никольская Т. Н.* Культура племен. . . , с. 73—78.

⁴⁶ Возможно, что такие же канавки были и в курганах, раскопанных прежними исследователями, но, поскольку раскопки велись колодезем, эта деталь погребального обряда была упущена.

⁴⁷ *Никольская Т. Н.* Культура племен. . . , с. 68, рис. 29, 2, 3, 5, 7, 11.

⁴⁸ Там же, рис. 29, 1, 4, 6.

⁴⁹ *Ткачевский П. С.* Раскопки курганов у д. Лебедка. — Архив ГАИМК, 1926, д. 144; *Ширинский С. С.* Ремешные бляшки со знаками Рюриковичей из Бирки и Гнездова. — В кн.: Славяне в Русь, М. 1968, с. 218, рис. 3, 3, с. 221, прил. 28.

Рис. 10. Лебедка

1—6 — погребальные урны из курганов (раскопки автора); 1 — гончарная, 2—6 — лепные

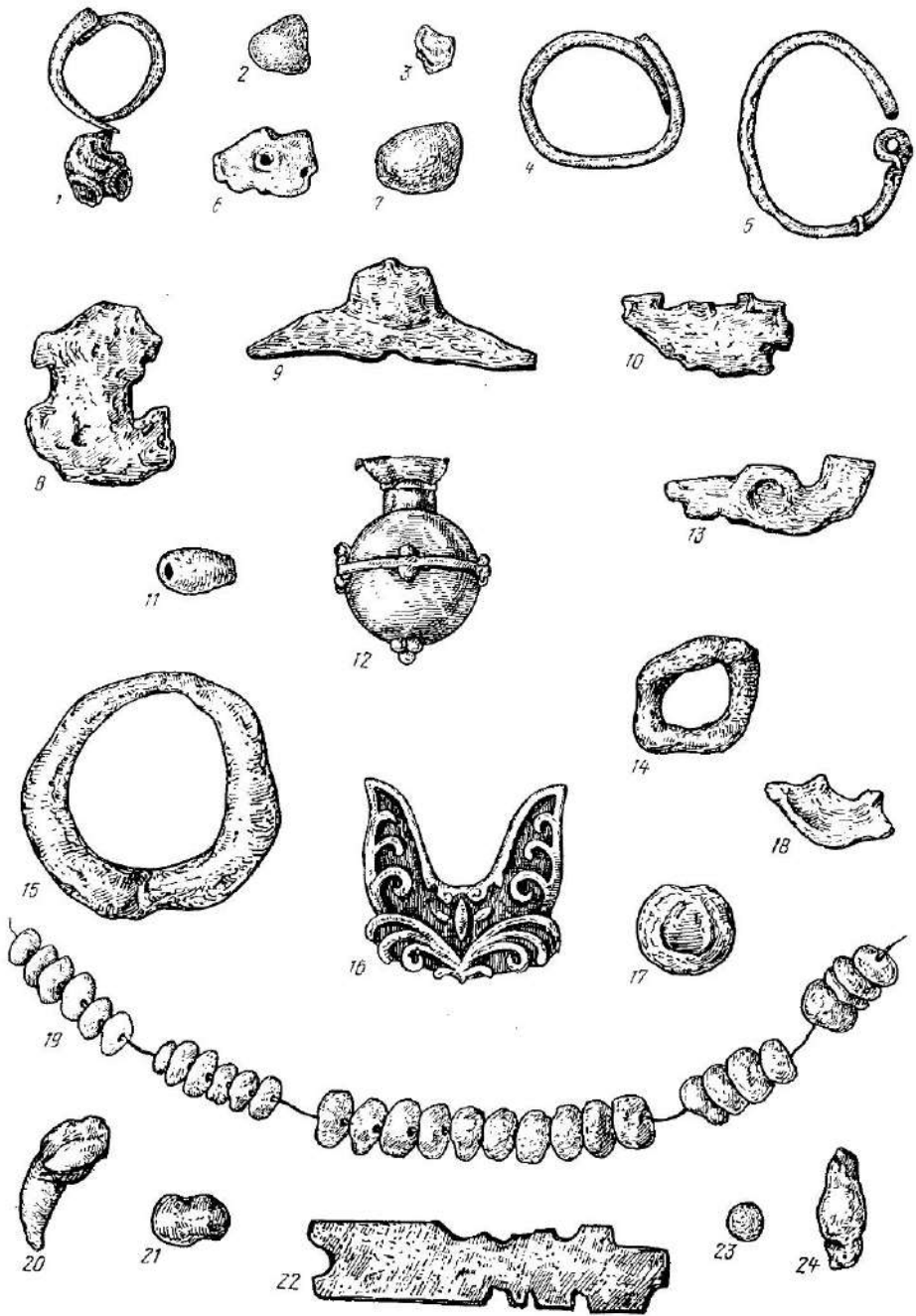

Рис. 11. Лебедка. Вещи из курганов с сожжением (раскопки П. С. Ткачевского)

1, 4, 5 — височные кольца; 2, 3, 6, 7, 11, 17, 19, 21, 23 — бусы; 9 — обломок псаля (?); 12 — серьга золотая; 16 — бляшка серебряная; 20, 24 — клыки животного; 8, 10, 13, 18 — обломки неизвестных предметов; 14, 15 — кольца поясные; 22 — фрагмент пластины

кольцо (курган 3, рис. 11, 15), слитки стекла, медные спиральки, обломки железных предметов (рис. 11). В кургане 1 (раскопки К. Я. Виноградова) с кальцинированными костями лежала железная поясная пряжка⁵⁰.

Во второй группе курганов глиняные урны с остатками кремации были помещены в специальные погребальные сооружения — деревянный ящик (курган 5, 1953 г.)⁵¹ или сруб рубленный в обло и ориентированный по странам света (курган 8, 1963 г.). Сруб поставлен не на материке, а на специальной песчаной насыпке с угольками толщиной 10—15 см.

В кургане 5, невысоком (высота 0,74 м) и немного оплывшем (диаметры север-юг 8 м и запад-восток 7 м), погребальная камера, поставленная в юго-западном секторе кургана, на материке ориентирована по линии юг-юго-запад — север-северо-восток. Это — прямоугольное сооружение (размером 1,55×1 м, сохранившееся на высоту 0,2—0,3 м), боковые стенки которого сделаны из горбылей, а пол и покрытие — из досок. Камера сильно обуглена, часть досок почти совсем выгорела, что можно объяснить только тем, что она специально подверглась действию сильного огня и, не успев стореть, полностью была погребена под насыпью кургана. Погребальные урны, содержавшие кальцинированные человеческие кости, находились в северной (дальней от края насыпи) части камеры. Четыре сосуда имели форму, характерную для горшков роменского типа (рис. 10, 2, 3, 5), два (один большой, другой поменьше) напоминали сосуды вольтинцевского типа (рис. 10, 1, 4).

Канавка в основании этого кургана была не кольцевой, а имела форму квадрата с длиной стороны 5 м (ширина канавки 50 см, глубина 23—40 см). В северо-восточной части канавки сохранились остатки ограды из петlostых обугленных дубовых плах и столбиков.

Подобная же прямоугольная оградка из обугленных столбов, но сохранившаяся частично открыта при раскопках кургана, расположенного на правом берегу р. Зуши, в 1 км от Воротиинцевского городища. Под насыпью этого кургана была также открыта обугленная погребальная камера (в виде ящика длиной около 2 м и шириной 1,3 м), в которой оказалось четыре сосуда, причем два из них были погребальными урнами с кальцинированными костями, а два других, очевидно, поставлены с пшлей, так как в них обнаружены кости животных. Любопытно, что в верхней части одного из погребальных сосудов также найдены кости животных и рыба чешуя, а ниже — остатки трупосожжения. Кальцинированные кости человека были рассыпаны также и на дне камеры⁵².

Погребальные камеры хорошо исследованы в курганах у д. Западной (Суворовский р-н Тульской обл.), раскопки которых в 1903 г. велись

⁵⁰ Виноградов К. Я. Дневник археологических раскопок 1927 г. в Орловской губ. — Архив ГАИМК, 1927, д. 172; Никольская Т. Н. Культура племен. . . , с. 120, 122.

⁵¹ Никольская Т. Н. Культура племен. . . , с. 75—77.

⁵² Никольская Т. Н. Культура племен. . . , с. 53, рис. 22; с. 55, рис. 23, 7, 8.

Ю. Г. Гендуне (три насыпи), а в 1957—1960 гг. — С. А. Изюмовой (14 курганов). Благодаря тщательной методике раскопок С. А. Изюмовой удалось сделать целый ряд интересных наблюдений и выявить многие особенности погребального обряда.

1. Для погребения остатков трупосожжений, произведенных на стороне, сначала подготавливалась специальная площадка, оцептуренная оградкой (следы кольцевого ровика в основании насыпей) и посыпанный углисто-золистым слоем толщиной 5—7 см, содержащим иногда и мелкие кальцинированные кости (курганы 3—5, 17, 19) ⁵⁴.

Аналогичная подсыпка встречалась в курганах у д. Тризново (Одоевский р-н Тульской обл.), также раскопанных С. А. Изюмовой ⁵⁴.

2. Погребальные камеры, содержащие остатки трупосожжений, имели вид замкнутых с трех сторон срубов, примыкающих открытой стороной к полам курганов и ориентированных юго-запад—северо-восток. Срубы состояли из пескольных венцов, сложенных из бревен или плах, соединенных в паз (длина камер от 1 до 2,2 м, ширина от 0,5 до 1,75 м, высота 35—45 см). Камеры имели дощатый пол и покрытие из расколотых плах. В двух срубах (курганы 3, 20) сохранились еще и поперечные перегородки, разделявшие сооружения на две части, причем урны и пережженные кости оказались в дальнейшем от входа отделены ⁵⁵. Деревянная оградка примыкала к длинным стенкам сруба, у «входа» в который часто встречались камни, а земля отличалась более рыхлой структурой.

3. Все погребальные сооружения Западного могильника, так же как Лебедкинских и Воротищевских курганов (в отличие от боршевских), были обуглены и располагались в южной части западного сектора ⁵⁶.

4. Остатки трупосожжений помещались в погребальные камеры: а) в урнах (от 1—2 до 4—6); б) насыпались сплошным слоем на дне сооружения (толщина слоя от 10 до 20 см); в) залегали на полу камеры в виде отдельных скопления пережженных костей (от 5 до 7 таких скопления в одной камере). Вместе с погребальными урнами в камерах оказывались иногда и пустые сосуды, возможно поставленные в свое время с пищей и имевшие ритуальное назначение. Таким образом, каждая погребальная камера была своего рода коллективной усыпальницей, в которой хранились остатки нескольких кремаций, совершаемых в разное время. «Доступ в камеру после сооружения насыпи был всегда возможен, стоило только отодвинуть стоявшие здесь камни, служившие ориентиром» ⁵⁷.

⁵³ Изюмова С. А. Курганный могильник VIII—X вв. около д. Западной. — СА, 1964, № 2, с. 151.

⁵⁴ Изюмова С. А. Курганы у д. Тризново. — СА, 1961, № 2, с. 256.

⁵⁵ Изюмова С. А. Курганный могильник VIII—X вв. около д. Западной, с. 154.

⁵⁶ Изюмова С. А. Курганный могильник VIII—X вв. около д. Западной, с. 155, 156. Как известно, погребальные камеры с остатками трупосожжений в курганах Воронежской обл. располагались под северо-восточной полкой насыпи и не были обуглены (кроме лысогорских) (Ефименко П. Ш., Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону. — МИА, 1948, № 8, с. 81).

⁵⁷ Изюмова С. А. Курганный могильник VIII—X вв. около д. Западной, с. 156. Исследовавший курганы в Воронеже (Тульской обл.) В. А. Городцов отмечал, что дощатые камеры сооружались под западной полкой кургана. Входы в них закладывались камнями или закрывались досками. Очевидно, при новых захоронениях погребальные дощатки открывались. (Городцов В. А. Результаты археологических

Известны в Западненском могильнике курганы без погребальных сооружений (6, 8, 9, 10, 17, 18)⁵⁸. Остатки трупосожжений погребались в глиняных урнах или просто рассыпались в основании кургана (на слое погребенной почвы). Кроме основных погребений, открытых на материке, отмечены также и вводные трупосожжения в нескольких местах насыпи кургана и на разной глубине (курганы 17, 18)⁵⁹. Известны и одиночные захоронения: под насыпью кургана 6, в его западном секторе, в урне было только одно трупосожжение.

Еще одной особенностью Западненского могильника является наличие погребального инвентаря, сохранившегося в курганах как с погребальными камерами (тип I), так и без них (тип II). В первых найдены глиняные урны (рис. 12, 11—16), форма которых повторяет форму сосудов, найденных в Воротынцевском кургане⁶⁰, в боршевских поселениях и могильнике⁶¹, а также в Волынцевском могильнике⁶², предметы из железа — маленький обрывок кольчуги, ножи (рис. 12, 9, 10), деталь застежки в виде пластинки с крючком (рис. 12, 7), обломок кольцевидной поясной пряжки; из бронзы — бубенчик с одной прорезью и гофрированной поверхностью (рис. 12, 8), маленькая пуговка (рис. 12, 6) и обоймочка⁶³. Самой частой находкой были стеклянные бусы (рис. 12, 1—4) — позолоченные многочастные, синяя кобальтовая (из четырех бусинок), распространенные в памятниках VIII—X вв. Крыма, Кавказа, в Салтове и в Поднепровье⁶⁴. На основании этих находок курганы первого типа датируются VIII—IX вв.⁶⁵

В курганах второго типа, кроме глиняных сосудов (форма их почти аналогична описанным выше; рис. 13, 10—13), найдены железная прямоугольная поясная пряжка с язычком (рис. 13, 7), деталь застежки (рис. 13, 8), бронзовое височное колечко с заходящими концами (рис. 13, 9), круглопроволочный браслет и бусы, которые отличаются разнообразием материала и форм. Здесь были стеклянные мозаичные бусы (полосатая бирюзовая и глазчатая желтая), известные в памятниках VIII—IX вв. Кавказа, Крыма и на Северском Донце⁶⁶, а также сердоликовая цилиндрическая

исследований в Белевском и Рязанском уездах в 1897 г. — Археологические известия и заметки, 1898, № 7/8, с. 225, 226; *Он же*. Отчет о археологических исследованиях в долине р. Оки. — Древности, 1900, т. XVIII, с. 14—20).

⁵⁸ Изюмова С. А. Курганный могильник VIII—X вв. около д. Западной, с. 159.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Никольская Т. Н. Культура племен. . . , с. 53, 54, рис. 23, 7.

⁶¹ Ефименко П. П., Третьяков П. П. Древнерусские поселения на Дону. . . , с. 111.

⁶² Верезовец Д. Т. Дослідження на території Путивльського району Сумської області. — АП, 1952, III, с. 246, табл. I, 6.

⁶³ Изюмова С. А. Курганный могильник VIII—X вв. около д. Западной, с. 155, рис. 2.

⁶⁴ Деоник В. В. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв. — СА, 1961, № 3, с. 217, рис. 4, 8, 9; Школьникова Н. А. Стеклянные украшения конца I тысячелетия н. э. на территории Поднепровья. — СА, 1978, № 1, с. 100, рис. 2, 4.

⁶⁵ С. А. Изюмова датирует курган 15 IX—X вв. на основании лещного сосуда и обрывка кольчуги, находки которых в русских курганах известны с X в. (Арциловский А. В. Оружие. — В кн.: История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948, т. I, с. 424). Представляется, что этот курган может датироваться скорее X в.

⁶⁶ Деоник В. В. Классификация бус Юго-Восточной Европы. . . , с. 224.

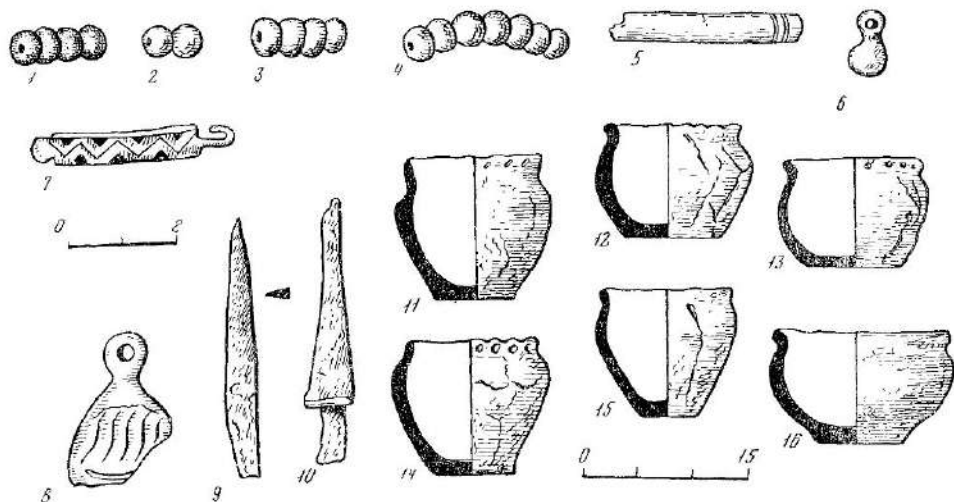

Рис. 12. Западная. Вещи и керамика из курганов с погребальными сооружениями
 1—4 — бусы; 5, 6, 8 — бронзовые трубочка, пуговка и бубенчик; 7, 9, 10 — железные застёжки и ножи; 11—16 — лепные сосуды (по С. А. Изюмовой)

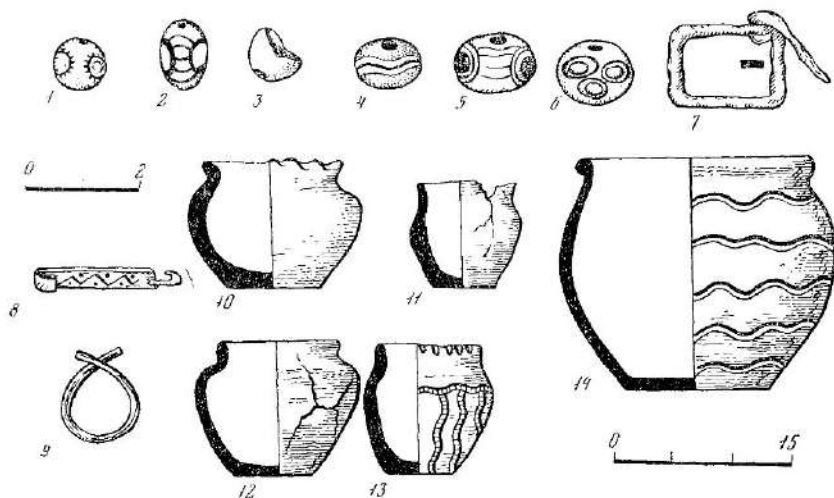

Рис. 13. Западная. Вещи и посуда из курганов без погребальных сооружений
 1—6 — бусы; 7, 8 — железные пряжка и застёжка; 9 — бронзовое кольцо; 10—13 — лепные сосуды;
 14 — гончарный сосуд (раскопки С. А. Изюмовой)

(рис. 13, 1—6). Последние рядки в древнерусских памятниках, чаще встречаются в могильниках Кавказа VI—IX вв. и, так же как и остальные бусы из сердолика, являются, по-видимому, импортом из Средней Азии⁶⁷.

В кургане 18 в вводном погребении найдена урна, сделанная на гончарном круге; она имела форму горшка с невысоким отогнутым венчиком и закругленным краем, вышуклыми стенками, слабо обожжена и орнаментирована по всей поверхности редкими волнистыми линиями (рис. 13, 14). На дне сосуда — клеймо в виде двух concentрических окружностей, соединенных лучами. Близкие по форме гончарные сосуды характерны для X—XI вв.⁶⁸ Кроме того, в этой урне найден обломок стеклянной бледно-зеленой мозаичной глазчатой бусины (с желтыми глазками, в оранжевых ободочках, с черными ресничками). Такие бусы появляются на рубеже VII—VIII вв.⁶⁹ и бытуют до конца IX—начала X в.⁷⁰ На основании рассмотренного инвентаря курганы второго типа Западного могильника датируются VIII—IX вв. По мнению исследователя этого могильника, наличие в погребальном инвентаре некоторых курганов (8—10) таких дорогих привозных украшений, как бусы, говорит об имущественном неравенстве населения⁷¹.

Еще большее своеобразие погребального обряда наблюдалось в курганах у с. Доброе (Суворовский р-н Тульской обл.), расположенных на высоком правом берегу р. Оки. Раскопки этого могильника, начатые в 1898 г. Н. И. Булычевым, были продолжены в 1903 г. Ю. Г. Гендуе, ⁷² в 1935 г. М. М. Герасимовым ⁷³ и в 1964 г. С. А. Изюмовой ⁷⁴ (всего раскопано 27 курганов).

Первая особенность погребального обряда Добринского могильника — трупосожжение на месте сооружения кургана (раскопки Н. И. Булычева). В основаниях насыпей обычно лежал толстый слой человеческих кальцинированных костей, золы, угля, под которыми грунт сильно прокален ⁷⁵.

⁶⁷ Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. — Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. — Труды ГИМ, М., 1959, 33, с. 154, 155.

⁶⁸ Мальм В. А. Производство глиняных изделий. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. — Труды ГИМ, М., 1959, № 33, с. 140, 142.

⁶⁹ Деоник В. В. Классификация бус Северного Кавказа. — СА, 1959, № 3, с. 62, рис. 3, 15.

⁷⁰ Ястребов В. Н. Лядинский и Томниковский могильники. — МАР, СПб., 1893, № 10; Изюмова С. А. Курганный могильник VIII—X вв. около д. Западной, с. 161, рис. 3, 4.

⁷¹ Изюмова С. А. Курганный могильник VIII—X вв. около д. Западной, с. 160.

⁷² Булычев Н. И. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899, с. 7—12; Архив ЛОИА, ф. 1, д. 54, (1898, с. 8).

⁷³ Герасимов М. М., Третьяков П. П., Воеводский М. В. Долина р. Оки. Археологические исследования в РСФСР в 1935—1936 гг. М., 1941, с. 45.

⁷⁴ Изюмова С. А. Курганы у с. Доброе Тульской обл. — СА, 1970, № 1, с. 191.

⁷⁵ Еще два кургана с трупосожжениями на горизонте, произведенными на месте сооружения насыпи, раскопаны А. П. Богдановым в Новинках (Богданов А. П. Материалы для антропологии курганного периода в Московской губ. — ИОЛЕА и ЭМ, 1867, т. IV).

Подобный же курган исследован А. В. Арциховским в группе у с. Красный Стаг (Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930, с. 106). В 1957 г. А. В. Успенский раскопан курган у д. Беницы, в основании которого на уровне древней поверхности открыты огромное кострище, уголь, зола, кальцинированные кости и фрагменты

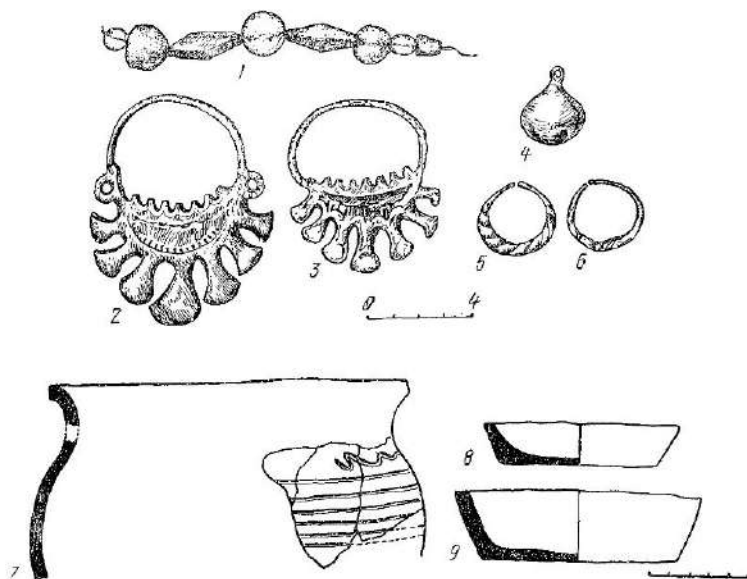

Рис. 14. Доброе. Курган № 24

1 — каменные бусы; 2—3 — височные кольца; 4—6 — бронзовые бубенчик и рубчатые перстни; 7—9 — гончарные сосуды (по Изюмовой С. А.)

В двух курганах остатки трупосожжения были ссыпаны в урны (роменского типа), врытые в грунт и засыпанные остатками погребального кострища.

Под насыпью одного из курганов (8) на кострище обнаружен не полностью сгоревший человеческий костяк, лежавший на спине, головой на запад. Около погребенного найден обломок бронзового предмета ⁷⁶.

Среди курганов у с. Доброе имеются насыпи, содержащие остатки кремации и захоронений по обряду труположения. Таков, в частности, курган ⁷⁷. В центре основания его на волнистой подсыпке лежал женский костяк на спине, головой на запад, частично разрушенный. При нем найдено пять серебряных семилопастных колец раннего типа ⁷⁸ (рис. 14), рубчатые перстни, бронзовый бубенчик с крестовидной прорезью и бусы: хрустальные шарообразные, сердоликовидные бипирамидальные и стеклянные (одна из них бочечкообразная позолоченная). Погребение относится к рубежу XI—XII вв.

лепной керамики X в. (Успенская А. В. Древнерусское поселение Беницы. — Ежегодник ГИМ 1962 г. М., 1964, с. 228).

⁷⁶ Изюмова С. А. Курганы у с. Доброе. . . , с. 193, 194.

⁷⁷ Там же, с. 197, 198.

⁷⁸ Равдина Т. В. Типология и хронология лопастных височных колец. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 138—140; Она же. Шишимировские курганы. — В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 226.

На той же глубине в юго-восточной части кургана обнаружены остатки трупосожжения — скопление кальцинированных костей, занимавшее площадь 30×20 см (толщина слоя 5—8 см); кроме того, в насыпи кургана на разной глубине (80—85, 91, 100 см) находились остатки еще нескольких трупосожжений⁷⁹. Остатки трупосожжений в насыпи и на материке сопровождались обломками гончарных сосудов раннего типа (рис. 14, 7), синхронных с найденным здесь инвентарем (рубеж XI—XII вв.).

В могильнике у с. Доброго исследовались также курганы с трупосожжением на стороне; как правило, они не отличались от рассмотренных выше курганов Лебедки и Западной (погребения здесь также совершались в камерах и без них)⁸⁰. В этих курганах открыто по несколько разновременных трупосожжений, сопровождаемых инвентарем. Это — трехчастные стеклянные бирюзовые бусы, аналогичные западенским (VIII—IX вв.), стеклянная сдвоенная желтая бусина типа «лимонки» (X—XI вв.), обломки железных предметов, обломки сосудов боршевского типа. Курганы, по видимому, относятся к X в.⁸¹

Итак, если в курганах у д. Лебедки и д. Западной наблюдается переход от коллективных погребений к индивидуальным, то в курганной группе у с. Доброго выявляется развитие погребального обряда от кремации к ингумации (неполное сожжение, биритуальные погребения).

Два кургана с биритуальными погребениями обнаружены в 1940 г. Г. П. Гроздиловым в могильнике у д. Слевидово (рис. 15, 1)⁸². В обоих курганах открыто по несколько погребений, различных по обряду захоронения. В кургане 1 кальцинированные кости и угольки оказались в юго-западном секторе (на глубине 125 см) и занимали площадь $1,5 \times 1,5$ м. Здесь же было найдено семь обожженных сердоликовых бипирамидальных бус, обломок решетчатого перстня, также со следами пребывания в огне (рис. 15, 6), и фрагменты гончарной керамики с линейным и волнистым орнаментом. В центре кургана, в могильной яме (размером $2,4 \times 1,7$ м) на глубине 1,4 м (от вершины насыпи), лежал скелет мужчины (головой на запад с отклонением к северу) без вещей, а на глубине 1,8 м в той же яме — скелет женщины (ориентирован так же). На висках женского костяка найдены остатки тканой шерстяной тесьмы темно-бурого цвета с пропущенными в нее серебряными семиллопастными височными кольцами без боковых колечек, а в области шейных позвонков — четыре сердоликовые бипирамидальные бусины.

В кургане 2 остатки трупосожжения, обнаруженные в западном секторе насыпи (на глубине 1,6—1,8 м), занимали площадь $0,3 \times 0,3$ м. Кроме кальцинированных костей, здесь были раздавленный гончарный сосуд, обломки других горшков с невысокими прямыми или отогнутыми наружу венчиками (XI—XII вв.) и железная дужка от ведра. В могильной яме

⁷⁹ Изюмова С. А. Курганы у с. Доброе. . . , с. 195.

⁸⁰ Изюмова С. А. Курганы у с. Доброе. . . , с. 200.

⁸¹ Там же, с. 196.

⁸² Гроздилов Г. П. Предварительный отчет о командировке в 1940 г. в Калужский район Тульской обл. — Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, д. 75, 78, 1940 г. Отчет о раскопках Г. П. Гроздилова опубликовала в 1970 г. С. А. Изюмова (Изюмова С. А. Курганы у деревни Слевидово. — СА, 1970, № 4, с. 237).

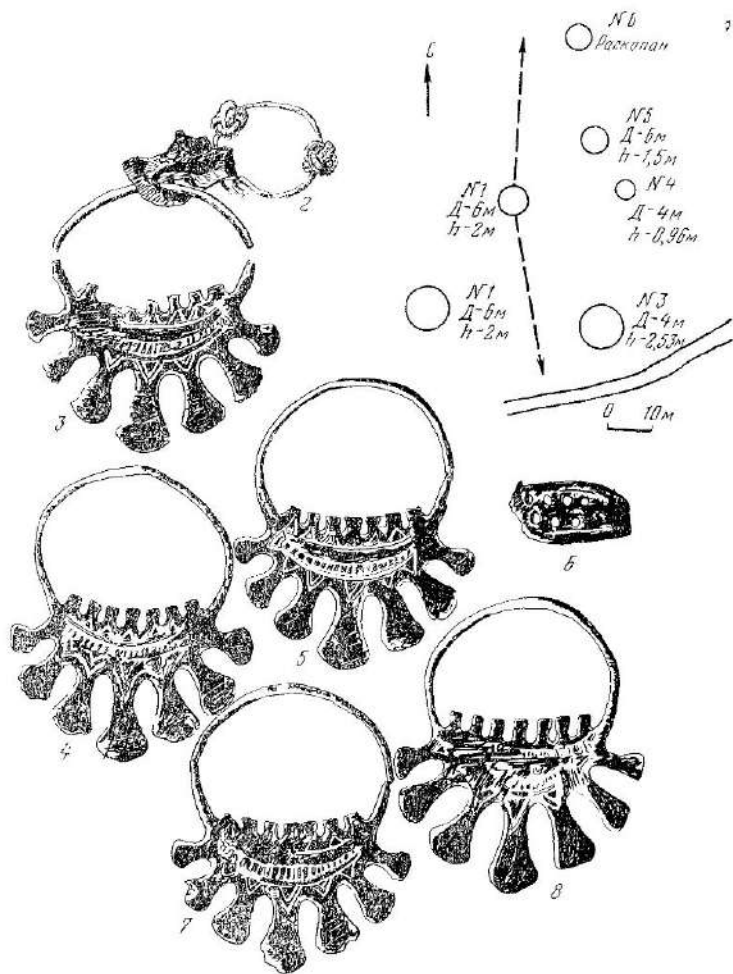

Рис. 15. Слевидово

1 — план курганный группы (съемка автора); 2—5, 7—8 — височные кольца; 6 — перстень (раскопки Г. П. Гроздылова)

(на глубине 2,63 м от вершины кургана) было также вводное погребение: скелет женщины лежал вытянуто на спине, головой на запад (с некоторым отклонением к северу). На левом и правом висках погребенной — семилопастные височные кольца без боковых колечек (рис. 15, 3—5, 7, 8), две бронзовые серьги с тремя напускными узловатыми бусами (рис. 15, 2), ушей — сердоликовые бипирамидальные бусы, на правой руке — бронзовый браслет, у правой ноги (выше колена) — небольшая железная круглая пряжка с язычком.

Как известно, трехбусинные узловатые серьги паходят в погребениях с монетами X—XI вв.⁸³ Одно их присутствие в одном погребении с сердоликовыми бипирамидальными бусами и семилопастными простыми височными кольцами позволяет датировать женское погребение концом XI—началом XII в. Именно к этому времени относит Г. П. Гроздилов все открытые им погребения Слевидовских курганов и определяет смену одного обряда другим рубежом XI—XII вв.⁸⁴ По сведениям Р. Л. Розенфельдта, несколько курганов с трупосожжениями раскопано специалистами в правобережье р. Оки (Каширский, Зарайский и Серебрянопрудский районы Московской обл.), там же, где известны и славянские селища с роменско-боршевской керамикой⁸⁵.

В бассейне рязанского течения Оки славянские курганы с трупосожжениями неизвестны. В 1897 г. А. В. Городцовым на Алекаповском селище (дюна Могилок) исследованы четыре бескурганых труположения, которые он считал вятичскими и датировал X в. При одном из погребений найдены лепной сосуд с загадочной надписью, вызвавшей тогда же и позднее много различных прений⁸⁶, шесть бронзовых перстнеобразных височных колечек, браслет из низкопробного серебра и железный нож⁸⁷. По мнению А. Л. Монгайта, погребения эти несомненно славянские, но установить их точную дату и принадлежность нельзя⁸⁸. В Подмосковье в 1946 г. А. В. Арциховским исследован Большой Беседский курган, устройство которого напоминает рассмотренные выше курганы с сожжениями (без погребальных камер), однако остатков кремации в нем не найдено⁸⁹.

Еще один подобный же курган (высотой 4 м, диаметром 16 м) раскопан в 1965 г. А. А. Юшко у д. Покров (Подольский р-н Московской обл.). В насыпи (на глубине 1,16 м) открыто кострище (слой угля и золы на прокаленной глине, но без остатков погребения), а в основании прослежена кольцевая канавка, как и в Большом Беседском кургане, и найден обломок железного ножа⁹⁰.

В 1959 г. два кургана с остатками кремации, совершенной на стороне, раскопаны Ю. А. Красновым у д. Горышкино (Одинцовский р-н Московской обл.). Погребальные камеры—квадратные в плане срубы (со сторонами 1,25 м, курган 1, и 1,40 м, курган 2), состоящие из нетолстых бревен или плах в один-два венца, открыты под юго-восточными полами курганов. Срубы имели покрытия, но были без пола. В них обнаружены остатки сожжений

⁸³ Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930, с. 145; Русанова И. П. Курганы полян X—XII вв. — САИ, 1966, Е1—24, с. 22.

⁸⁴ Гроздилов Г. П. Предварительный отчет о командировке. . . , л. 18.

⁸⁵ Розенфельдт Р. Л. Древнейшие города Подмосковья, с. 6.

⁸⁶ Городцов В. А. Заметка о глиняном сосуде с загадочными знаками. — АИЗ, 1897, № 12; Он же. Заметка о загадочных знаках на обломках глиняной посуды. — АИЗ, 1898, № 11/12; Лихачев Д. С. Исторические предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы. — Вопросы истории, 1951, № 12, с. 34—36.

⁸⁷ ТРУАК, 1897, т. XII, вып. 3, с. LXXVI.

⁸⁸ Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 160.

⁸⁹ Арциховский А. В. Большой Беседский курган. — В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1970, с. 102—105.

⁹⁰ Юшко А. А. Покровские и Стрелковские курганы. — СА, 1972, № 1, с. 187—189, рис. 3.

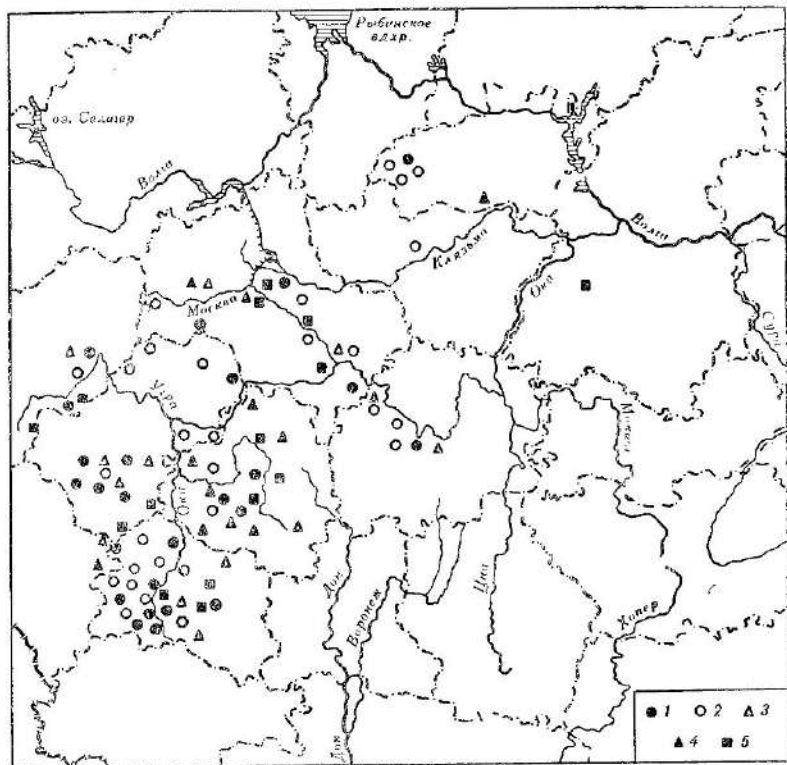

Рис. 16. Ранняя славянская гидродинамия в бассейне верхней Оки (по Г. П. Смолицкой)

1 — зл, ль; 2 — еж, шк (ш); 3 — гош, гост; 4 — су; 5 — вятичская

без погребальной урны — кальцинированные кости, уголь, зола. В кургане 2 оказались два погребения и обломок толстостенного лещного сосуда. В кургане 1 среди сожженных костей встречены оплавленный сгусток стекла и бусины. В насыпи второго кургана было еще детское, впускное труположение без вещей.

Исследователь курганов предполагает, что они отражают ранний этап заселения вятичами долины Москвы-реки⁹¹.

Курган с остатками кремации, совершенной на стороне, и труположениями раскопан А. А. Юшко у д. Стрелково (Подольский р-н Московской обл.).

В прямоугольном деревянном сооружении (ящик?) вместе с кальцинированными костями и золой, сопровождавшимися поясной пряжкой, находилось женское труположение (головой на запад). Западнее обнаружен

⁹¹ Краснов Ю. А. Курганы с трупосожжениями у д. Горышкино. — СА, 1962, № 3, с. 302—304.

скелет мальчика, положенного головой на юг. При жешском погребении найдены серебряное небольшое семилопастное височное кольцо без боковых колечек и с узкими каплевидными лопастями⁹², золотостеклянные бусы, толстостенный шаровидный бубенчик без орнамента (первой половины XI в.⁹³) и витой тройной браслет, свободные концы которого загнуты в петли⁹⁴. Таким образом, труположение (и, возможно, сожжение) этого кургана можно датировать XI—началом XII в.

Таким образом, ареал ранних вятичей может быть очерчен на основании курганов с трупосожжениями главным образом в бассейне верхней Оки. На средней Оке и в бассейне Москвы пока известны только отдельные, немногочисленные, поселения и курганы.

Этот археологический вывод в какой-то степени перекликается с данными лингвистической науки. В частности, Г. П. Смолицкая, составившая перечень гидронимов бассейна Оки⁹⁵, показала, что в верховьях Оки выявляется ареал раннеславянской гидронимии⁹⁶. Он очерчивается по верхнему течению Оки до р. Угры в левобережье и в бассейне р. Упы в правобережье. Особенно мощный пласт раннеславянской гидронимии отмечен в самых верховьях Оки до р. Жиздры, включая бассейн Зуши. В бассейне р. Упы этот пласт несколько ослабевает, а севернее и восточнее известен спорадически, усиливаясь в непосредственной близости от Москвы и в районе озера Плещеева (рис. 16).—

⁹² Юшко А. А. Покровские и Стрелковские курганы, с. 194, 195, рис. 6, 1;]

⁹³ Мальм В. А., Фехнер М. В. Привески-Бубенчики. — Труды ГИМ. М., 1967, 43, с. 137.

⁹⁴ Тройные браслеты известны в слоях Новгорода XI—XIV вв. (Равдина Т. В. О датировке вятичских курганов. — СА, 1965, № 1, с. 128).

⁹⁵ Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.

⁹⁶ Смолицкая Г. П. Картографирование гидронимии Поочья. — В кн.: Топонимия Центральной России. М., 1974, с. 59—62.

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ XI—XIII ВВ.

Проблема истории древнерусской деревни все еще принадлежит к числу недостаточно разработанных. До недавнего времени она исследовалась в основном по письменным источникам, без привлечения археологического материала¹. Большое научное значение изучения деревни древней Руси неоднократно подчеркивалось многими исследователями². И это не случайно.

Говоря о феодальной или сословной собственности, К. Маркс и Ф. Энгельс заключают: «Если для античности исходным пунктом служил *город* и его небольшая округа, то для средневековья исходным пунктом служила *деревня*»³.

Основным характерным признаком сельского поселения является сельскохозяйственное производство. Появление земледелия как основы хозяйства, отделение ремесла от земледелия и, наконец, возникновение феодальных отношений — вот те основные вопросы, которые могут быть поставлены и в какой-то степени разрешены на материалах древнерусских сельских поселений.

Основная масса сельского населения Земли вятичей в XI—XIII вв., так же как и в предыдущую эпоху, жила на открытых, неукрепленных поселениях — селищах. Многие из них были заселены славянами еще в VIII—X вв., и жизнь на них продолжалась в последующие столетия. Известны в XI—XIII вв. сельские поселения, которые возникали на древних мысовых городищах, но они менее многочисленны. И наконец, еще одну группу составляют небольшие, но хорошо укрепленные городки, строившиеся на новом месте и имевшие обычно «правильную» геометрическую форму. Это владельческие поселения, или феодальные усадьбы⁴. Для изучения деревни Земли вятичей важным источником

¹ *Киселев С. В.* Поселение. — Труды секции теории и методологии Института археологии и искусствоведения РАЦИОН, М., 1928, вып. 2; *Воропий П. Н.* К истории сельского поселения феодальной Руси. — ИГАИМК, Л., 1935, вып. 138; *Веселовский С. Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М.; Л., 1936.

² *Арциховский А. В.* Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях. — ПИДО, 1934, № 11/12; *Довженко В. И.* Феодальный масток в эпоху Киевской Руси в свитли археологических данных. — Археология, Киев, 1953, т. VIII, с. 10—27; *Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.* — Труды ГИМ, М., 1959, вып. 33; М., 1967, вып. 43; *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.). — МИА, 1960, № 92.

³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 22.

⁴ Однако надо иметь в виду, что на основании только внешних признаков (например, формы и размеров площадки городища, высоты вала) не всегда можно определить характер памятника. Для этого необходимо исследование не только культурного слоя, но и оборонительных сооружений. Ведь среди городищ, имеющих мощные укрепления, могли быть также и городища-убежища (летописные «звердги»), под стены которых в момент опасности собирались жители ближайших неукрепленных поселений (*Киселев С. В.* Поселение, с. 54), а среди мысовых городищ малой площади встречаются феодальные усадьбы (например, Никольское на Оке, Пождинское на р. Рузе) и волостные центры (Подмоклово на Оке, Боршево на р. Москва, Грызлово на р. Ло-

являются также и курганы с ингумациями — остатки сельских кладбищ. Количество исследованных курганов XI—XIII вв. значительно превышает количество рассмотренных выше курганов с кремацией; размеры курганных групп могут свидетельствовать и о величине ближайших к ним сельских поселений⁵.

СЕЛИЩА

Расположение поселений на местности зависело от природных условий. Неодинаковы были также размеры поселений, их планировка и время, в которое они существовали. Поэтому для характеристики сельских поселений можно рассмотреть следующие вопросы: 1) топография поселений, 2) хронологическая классификация, 3) размеры и 4) планировка поселений.

Топография селищ

Тип I. Преобладающим типом поселений на рассматриваемой территории является приречный тип. Сюда относятся селища, культурный слой которых тянется неширокой полосой вдоль берега реки (иногда на ее излучине). Протяженность поселений 200—500 м, ширина от 40—60 до 100—150 м. Такие селища известны вдоль всего верхнего и среднего течения р. Оки, а также по берегам рек Неруссы, Навли, Вытебети, Угры, Ресеты, Упы, Проци.

В 1964 г. Верхнеокской экспедицией было проведено сплошное археологическое обследование берегов р. Навли — от ее верховьев до впадения в Десну — и притоков рек Мох и Колокши. Всего здесь открыто 28 археологических памятников (не считая обследованных в 1959 г. пяти древнерусских городищ); к эпохе древней Руси относилось 11 сельских поселений, причем шесть из них оказались двуслойными (напластования древнерусского времени отложились на более древних поселениях) и только пять селищ датировались XII—XIII вв.

Большую часть селищ по р. Навле можно отнести к приречному типу. Так, например, на левом берегу р. Навли у северо-западной окраины с. Сомова, против Большого Слободкинского городища, расположено синхронное с ним селище — Сомово I. Протяженность его вдоль излучины Навли 350 м, ширина 70 м (рис. 17, 1). Культурный слой, состоящий из черной сугеси (толщиной от 0,6 до 1,5—2 м), насыщен гончарной керамикой, по своему облику близкой керамике городища Слободка (XII—XIII вв.). В обнажении берега четко вырисовываются контуры землянок, хозяйственных ям и развалов глинобитных печей⁶.

Подобное же селище (Сомово IV) открыто в средней части с. Сомова, на надпойменной террасе также высокого левого берега р. Навли. Поселение простирается по излучине старицы на расстояние 300 м, ширина

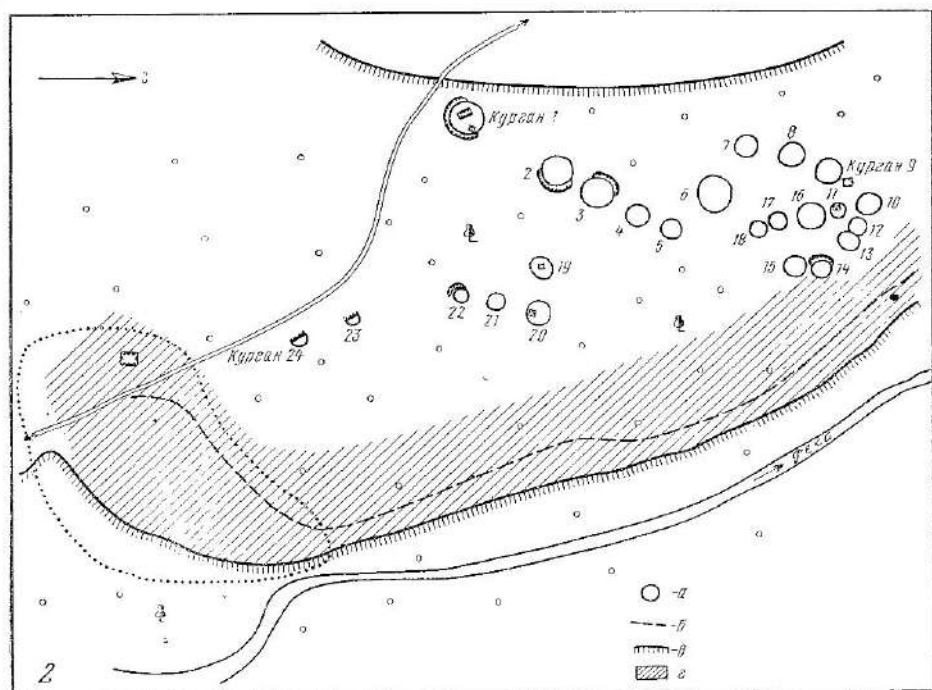
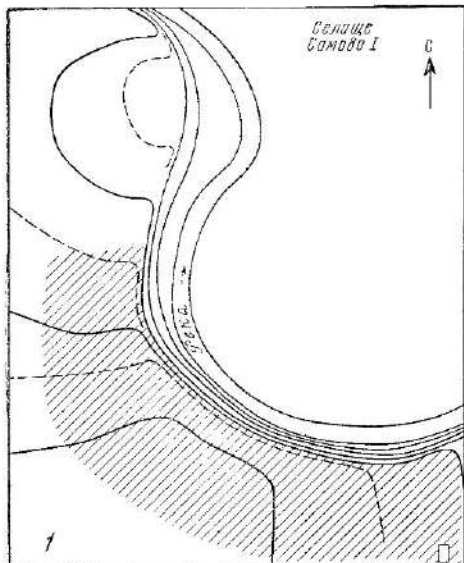
посия). Такие небольшие городища — волостные центры — известны, например, в Смоленской земле (Седов В. В. Городища Смоленской земли. — В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 147).

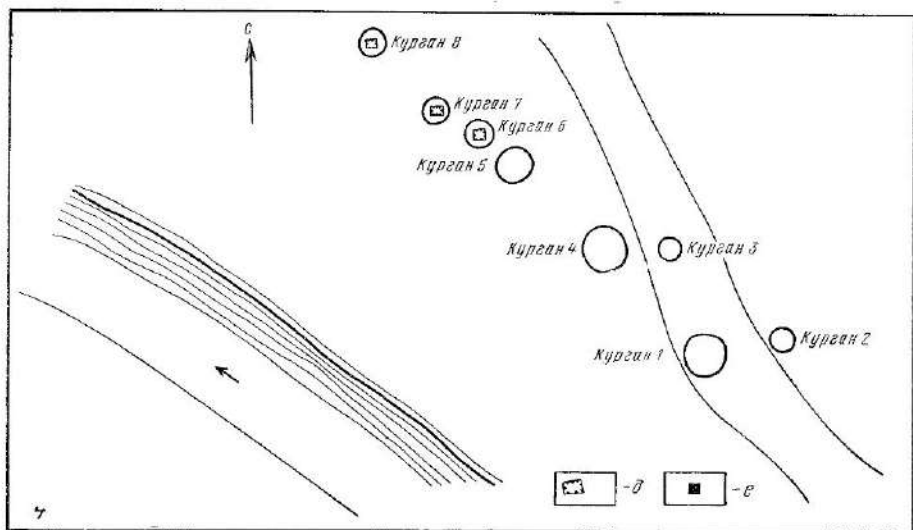
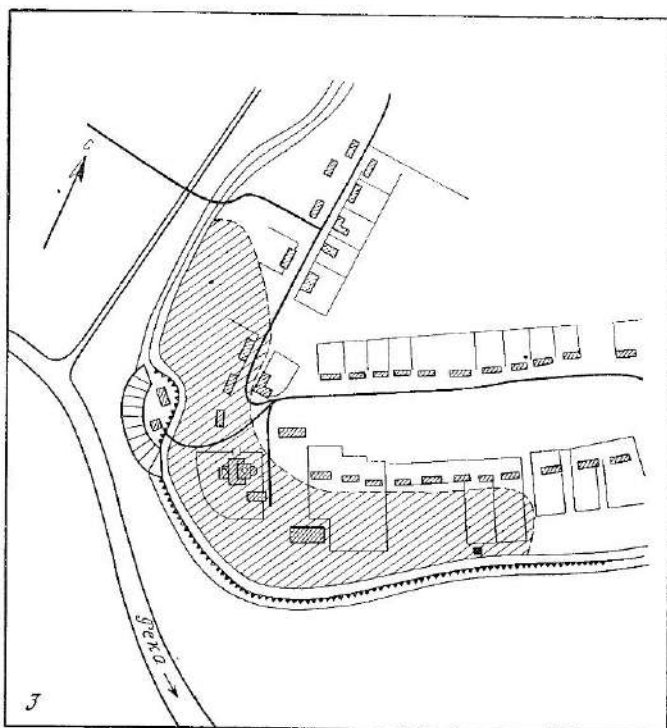
⁵ Третьяков П. Н. Костромские курганы. — ИГАИМК, Л., 1931, т. X, вып. 6/7, с. 10.

⁶ Никольская Т. Н. Отчет о работе Верхнеокской экспедиции в 1964 г. — Архив ИА АН СССР, Р—1, д. 2862.

Рис. 17. Планы селищ и курганных групп

1 — Сомово I; 2 — Уповское; 3 — Дракино; 4 — Шильково, а — курганы, б — дорога, в — терраса, г — селище, д — испорченные ямами курганы, е — шурф

площадки от 90 до 130 м. Культурный слой селища, состоящий из темной сунеси, хорошо виден в обресе берега. В слое обнаружена гончарная керамика с линейным и волнистым орнаментом типа Слободкинского городища — XII—XIII вв.⁷ К приречному типу поселений относятся и рассмотренные выше селища у с. Ресета и у д. Красный городок.

На левом берегу р. Оки расположено селище у д. Рядово. Следы селища обнаружены на протяжении 100 м вдоль дороги из Воробьевска на д. Столпово. В культурном слое поселения встречалась гончарная керамика XII—XVII вв.⁸

Селище у д. Сатинка, расположенное на высоком правом берегу р. Упы, площадью около 22 тыс. кв. м, имеет толщину культурного слоя от 0,3 до 1,0 м. В слое найдены обломки керамики XII—XIII вв. и кости животных⁹.

Некоторые из открытых в 1975 г. Верхнеокской экспедицией селищ также относятся к приречному типу поселений. Среди них наибольший интерес представляет Удовское селище, расположенное на левом берегу р. Ресеты и имеющее протяженность 500 м при ширине 100 м (рис. 17, 2)¹⁰. В плурфе, заложенном на северном краю селища, обнаружен черный культурный слой толщиной 0,2 м. Найдена керамика курганного типа XII—XIII вв. с резко профилированными венчиками, горизонтальным рифлением и волнистым орнаментом, а также красная керамика XIV—XV вв. Поблизости от Удовского селища находится курганная группа, расположенная между угором р. Ресеты и Карачевским большаком¹¹.

К этому же типу относятся селища, расположенные на правом берегу р. Листани, к юго-западу от сел. Поленское и Раменское, а также Дядьковское на левом берегу р. Семеновка. В береговых обнажениях первой видны профили семи полуземляночных жилищ с глинобитными печами, печи и керамика курганного типа, кости домашних животных; в культурном слое второго селища найдены керамика курганного типа с линейным и волнистым орнаментом XI—XIII вв., глиняные грузила и пряслица, костяной кочедык для вязания сетей. Протяженность культурного слоя вдоль берега на Дядьковском селище 200 м¹².

Селище у д. Лужки на левом берегу р. Оки, к западу от деревни и недалеко от устья р. Речмы, площадь 150×80 м. В слое найдены обломки стеклянных браслетов, керамика с волнистым и линейным орнаментом, куски железной крицы.

Селища у д. Большое Ящерово (площадью 100×40 м) и у д. Мартьяново (300×30 м) занимают левый берег р. Речмы. В культурном слое их

⁷ Никольская Т. Н. Сельские поселения Земли вятичей. — КСИА, 1977, вып. 150, с. 5, рис. 1, 2.

⁸ Успенская А. В., Фехнер М. В. Поселения. . . с. 173. № 247.

⁹ Изюмова С. А. Археологические разведки в 1951 г. в Тульской обл. — КСИИМК, 1953, вып. 52, с. 79.

¹⁰ Никольская Т. Н. Отчет о работе Верхнеокской экспедиции в 1975 г. — Архив ИА АН СССР, Р—1, № 5661.

¹¹ Курганная группа открыта И. К. Фроловым. См.: Отчет о работе Калужского отряда за 1973 г. — Архив ИА АН СССР, Р—1, д. 5213.

¹² Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961, с. 204, 205.

найлены обломки гончарной керамики с волнистым и линейным орнаментом¹³.

Селище у с. Городища занимает правый берег р. Быстрицы (правый рукав р. Вожи). В обрыве берега виден мощный культурный слой с гончарной керамикой XI—XIII вв., обнаружены остатки нескольких глинобитных печей и землянки длиной около 6 м при глубине 1,5 м, кости животных¹⁴.

Подтип I. Разновидностью этого типа селищ являются поселения, культурный слой которых был вытянут по краю оврага, расположенного вдоль берега реки. Так, недалеко от д. Росва на береговом обрыве р. Угры известны два селища, разделенные оврагом.

Культурный слой толщиной 0,75—0,8 м распространен главным образом по обрыву террасы. Найденные в слое обломки лепных толстостенных сосудов и гончарных орнаментированных черепков позволяют датировать поселения IX—XII вв.¹⁵

В бассейне среднего течения Оки к первому подтипу относится Кораблинское селище, расположенное на правом берегу Оки, к югу от с. Кораблина. Площадку селища размером 120×70 м с севера на юг пересекает глубокий овраг. В культурном слое обнажений оврага (мощностью до 1 м) видны развалы глинобитных печей и обломки славянской керамики курганного типа¹⁶.

Тип II. Сюда относятся селища, расположенные на мысах высоких коренных берегов рек при впадении в них небольших речек или ручья.

Такие селища известны как в юго-западной и западной части Земли вятичей (по рекам Неруссе, Навле, Угре, Протве, Оке), так и в восточной (в правобережье верхней и средней Оки, по рекам Упе, Проне и другим притокам Оки).

Интересны результаты раскопок селища у д. Беницы, расположенного на высоком мысу, образованном правым берегом р. Протвы и впадающей в нее р. Межовкой. Культурный слой ярко выделяется на пашне своим интенсивно черным цветом. Площадь селища 10 тыс. кв. м. Раскопки его велись в 1960—1962 гг. А. В. Успенской¹⁷. Вскрытая площадь составляет 1200 кв. м при толщине культурного слоя от 0,4 до 1 м (рис. 18, I). Открыты остатки восьми наземных срубных жилищ, шесть из которых относились ко времени X—XII вв. Кроме того, обнаружены гончарный горн и следы разрушенного сырдутного горна. В одной из наиболее ранних построек среди развала печи-каменки находился глиняный лепной сосуд (рис. 18, I2) с железной крышкой внутри.

В другом жилище, датированном X—XI вв., кроме обломков лепных глиняных сосудов, были также узколезвийные железные ножи, костяные

¹³ Воронков А. Н. Отчет об археологических разведках на территории Серпуховского р-на Московской обл. в 1925—1966 г. — Архив ИА АН СССР, Р—1, д. 3232.

¹⁴ Городцов В. А. Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки. — Труды. XII АС, 1905, т. I, с. 592.

¹⁵ Успенская А. В., Феслер М. В. Поселения. . . , с. 173, № 244.

¹⁶ Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 204.

¹⁷ Успенская А. В. Древнерусское поселение Беницы. — Ежегодник ГИМ 1962 г. М., 1964, с. 216, 217, рис. 1, с. 218, рис. 2.

Рис. 18. Селище Беницы

1 — план; 2 — напильник; 3, 4 — наконечники стрел; 5 — наконечник копья; 6, 7, 9 — пилы; 8 — ножницы; 10, 11 — пряслица шиферные; 12 — сосуд с кривой; 13, 14 — гончарные горшки; 15 — гребень (по А. В. Успенской)

проколки, амулет-привеска из черного камня и черная стеклянная бусина с белыми разводами и красными глазками (X—XI вв.)¹⁸. В постройках XI—XII вв. найдены обломки стеклянных браслетов, стеклянные бусы, шиферные пряслица (рис. 18, 10, 11), железные ножи с наварными лезвиями, ключи от цилиндрических замков, обломки гончарной керамики XI—XII вв.

Предметы, найденные в культурном слое селища вне жилищ, довольно многочисленны и интересны: это железные узколезвийные ножи X—XI вв. и с более широким наварным лезвием XII—XIII вв., разнообразные по размерам стамески, перовидное сверло, зубила, напильники, иглы, пружинные ножницы (рис. 18, 8) цилиндрические висячие замки (XII—XIII вв.), ключи, светцы, пинцеты, удила, ушки и дужки от деревянных бабеек, железный рыболовный крючок, глиняные и каменные грузила, каменные оселки и т. д. Из предметов вооружения встречены наконечник копья ромбической формы, железные наконечники стрел ромбовидной и листовидной формы (XI—XII вв.) (рис. 18, 3—5). Датированными являются костяные гребни: двусторонний с накладками, прикрепленными медными гвоздиками (XI в.), двусторонний с кружковым орнаментом (XI—XIII вв.) (рис. 18, 15).

Предметы украшений найдены из бронзы и стекла: это грушевидный бубенчик с крестовидной прорезью (X—XI вв.), пластинчатые браслеты с расширенными концами, круглопроволочные массивные браслеты со спирально закрученными концами, перстни, фибулы, стеклянные браслеты, бусы — хрустальные, шарообразные, стеклянные кольцевидные, синие и зеленые.

Как упоминалось выше, селище у с. Дракина расположено на мысу высокого коренного берега р. Протвы (высота над поймой 10 м) при ее впадении в Оку. Протяженность селища вдоль берега реки по краю мыса составляет около 1200 м, ширина полосы 100—130 м. Вся южная и западная части селища разрушены (рис. 17, 3).

Большая часть сохранившейся территории занята огородами и распахивается; здесь собраны обломки лепной керамики ромепского типа (VIII—X вв.), а также раннегончарной с волнистым и линейным орнаментом, близкой по своему облику керамике типа Луки Райковецкой, а также Гнездовского поселения конца X—начала XI в. Найдена типичная домонгольская посуда XII—XIII вв.

Дракинское поселение, имеющее длительную историю существования, представляет значительный интерес для дальнейшего исследования¹⁹.

¹⁸ Успенская А. В. Древнерусское поселение Беницы, с. 216—220.

¹⁹ В Ипатьевской летописи под 1146 г. сеть совершенно определенное указание на то, что в устье р. Протвы был расположен город Лобынск: «Святослав... пришедъ ста на оустъ Поротве. в городе Лобынске» (ПСРЛ, т. II, стб. 339). М. В. Фехнер и А. В. Успенская отождествили обследованное ими селище у с. Дракина с этим летописным городом (Успенская А. В., Фехнер М. В. Поселения..., с. 145). К тому же выводу пришел и автор при изучении селища в 1979 г. По-видимому, это огромное многослойное селище было посадом древнерусского Лобынска, укрепления которого были совершенно разрушены при строительстве здесь Борисоглебской церкви (конец XVII в.).

К мысовому типу поселений относится селище у д. Росва, расположенное при впадении р. Росвянка в р. Утра. На площади поселения, равной 1,5 га (136 × 106 м), обнаружен мощный культурный слой (до 2,1 м) с лепной и гончарной керамикой X—XIII вв. (в верхнем горизонте слоя найдены фрагменты черлопастной посуды XVI—XVII вв., обуглившийся споп с зернами пшеницы, угли)²⁰.

Подтип I. Селища, основанные на небольших всхолмлениях между речкой и впадающим в нее ручьем. Такие поселения были открыты по берегам р. Навли и ее притокам.

Интерес представляет селище в уроч. Дупец (недалеко от д. Алексеевка), расположенное на правом берегу р. Навли при впадении ручья Дупец, на естественной возвышенности, поднимающейся над поймой реки на 4,5 м. Собраны обломки гончарной керамики с волнистым и линейным орнаментом, стеклянный браслет, шиферное пряслице, бронзовая пластинка и обломок семилопастного височного кольца²¹.

На правом берегу р. Навли вниз по течению от д. Слободки открыто селище, занимающее небольшое всхолмление в пойме между ручьем и р. Навлей (Слободка XIII). Ручей и река окаймляют поселение с северо-востока на северо-запад, с севера к селищу примыкает заболоченная пойма, с юга на расстоянии 200 м протекает река. Культурный слой селища (толщиной 0,4 м) состоит из темной супеси и содержит отложения двух разновременных эпох — раннего железа и древней Руси (фрагменты круговых сосудов с волнистым и линейным орнаментом XII—XIII вв., кости домашних животных)²².

Подтип II. Поселения, занимающие мыс, ограниченный поймой реки. Селище у с. Харитоновка, рассмотренное выше, относится сюда.

Успенское селище, расположенное на выступающем в пойму р. Велья треугольном мысу (в 100 м к северо-востоку от пос. Успенский), занимает площадь около 2000 кв. м (рис. 4, 3). Культурный слой мощностью 0,25 м содержит лепную керамику мощинского типа, гончарную с волнистым и линейным орнаментом XI—XIII вв., а также белоглиняную посуду XVI—XVII вв. (В Музее с. Хвостовичи хранится железный накопчик копья, найденный на селище.) Вблизи селища на противоположном берегу реки находятся две группы курганов (из четырех и пяти насыпей)²³.

Тип III. Селища, расположенные на дюнных всхолмлениях, отстоящих на значительном расстоянии от коренного берега реки (от 60 до 700—800 м).

Этот водораздельный тип поселений встречается в областях с конечно-моренным ландшафтом (северо-запад Калужской обл., юг и юго-восток Тульской, южная часть Орловской обл., северо-западная часть Рязанской обл.). К нему относятся рассмотренные выше селища у д. Лебедка

²⁰ Селище впервые обследовано в 1952 г. М. В. Фехнер (*Успенская А. В., Фехнер М. В. Поселения*. . . , с. 184, № 367).

²¹ Археологические исследования в РСФСР, в 1934—1936 гг. М.; Л., 1941, с. 38.

²² *Никольская Т. Н.* Отчет о работе Верхнеокской археологической экспедиции в 1964 г. — Архив ИА АН СССР, Р—1, д. 2862.

²³ *Никольская Т. Н.* Отчет о работе Верхнеокской экспедиции в 1975 г. — Архив ИА АН СССР, Р—1, д. 5661.

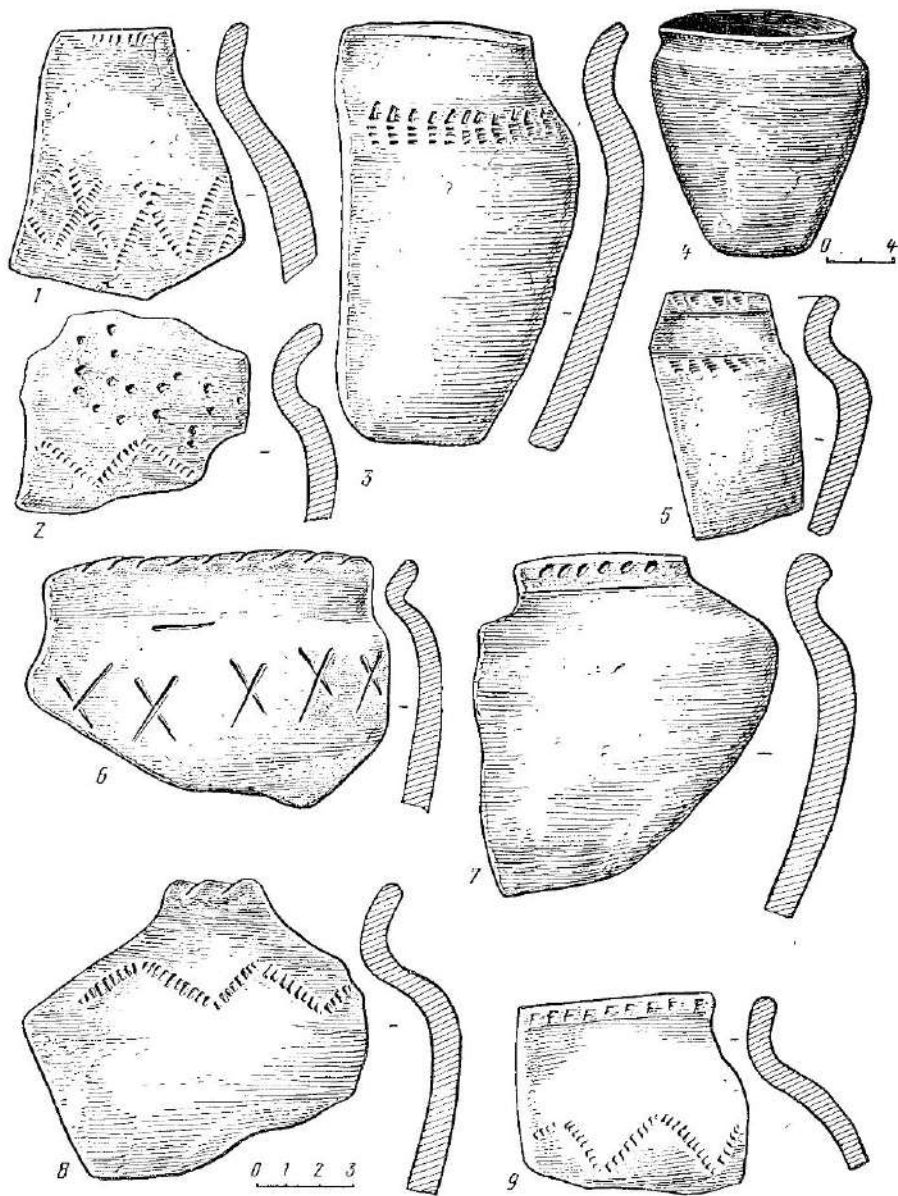

Рис. 19. Селище Лебедка
1—9 — лепная керамика

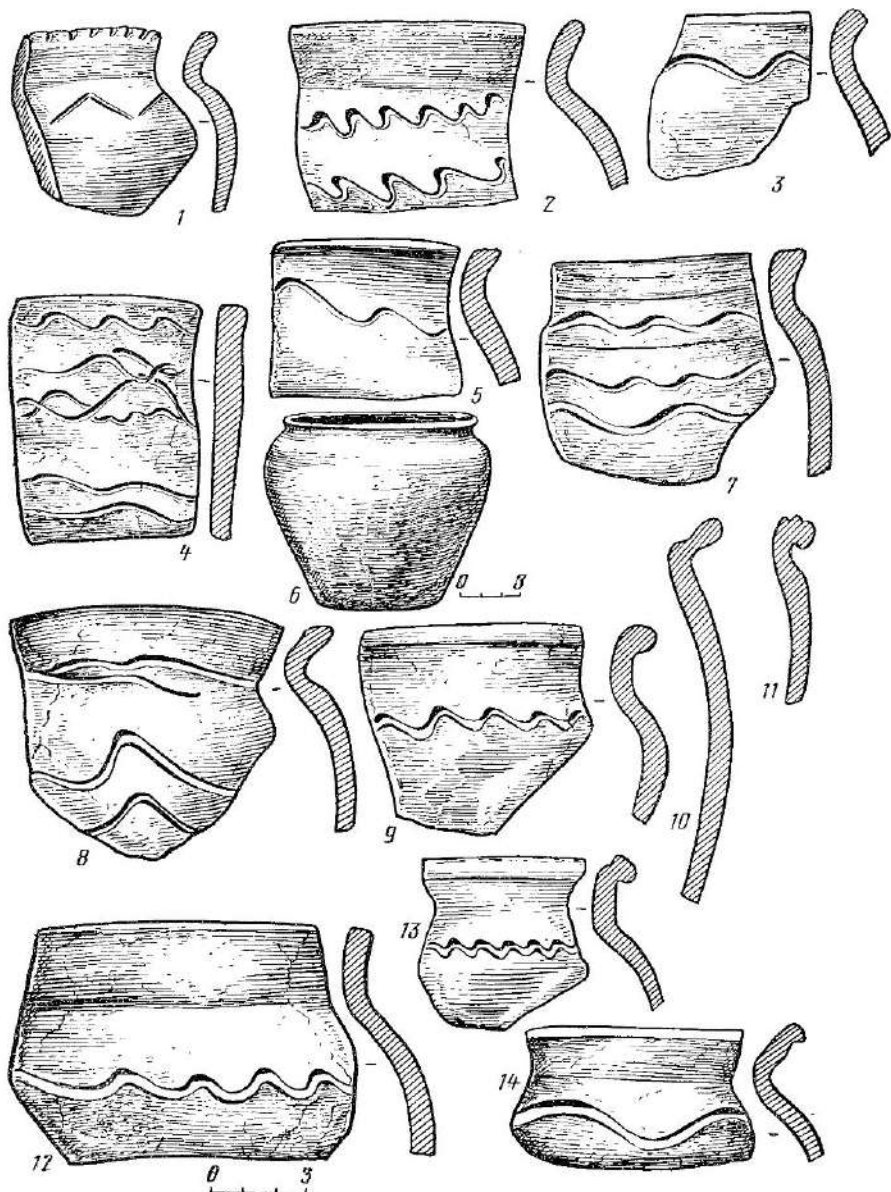

Рис. 20. Селище Лебедка: гончарная посуда

1, 2, 5 — гр. I; 3, 4 — гр. II; 7, 8, 12 — гр. III; 6, 9 — гр. IV; 10, 11, 13, 14 — гр. V

и в уроч. Городок. Как говорилось выше, селище Лебедка существовало несколько столетий. Его нижний слой, с лепной и раннегончарной керамикой, относится к VIII—X вв. (рис. 19), верхний, содержащий гончарную керамику с волнистым, липейным и зубчатым орнаментом, — к XI—XIII вв. (рис. 20). Помимо керамики, в слое найдены железные орудия сельского хозяйства и промыслов, предметы быта, украшений и т. д. (рис. 24). На селище открыты остатки наземных жилищ и полуземлянок²⁴.

Сельские поселения, расположенные на дюнах, характерны для северо-западной части Рязанской земли (район Переяславля-Рязанского). Они известны преимущественно в левобережье, но встречаются и на правом берегу Оки и относятся ко времени IX—XI и XII—XIII вв. Одно из древнейших славянских селищ в Рязанской земле — Борковское, открытое в 1892 г. В. А. Городцовым²⁵, расположено на Борковской дюне на левом берегу р. Трубеж (приток р. Оки) и занимает площадь 225×112 м. На нем открыты остатки полуземляночных жилищ и глинобитных печей, собран многочисленный инвентарь: шиферные пряслица (в том числе с надписью), дирхемы (IX—XI вв.), свинцовые пломбы (XII—XIII вв.), железные ножи, костяные орнаментированные ручки, долота, серп, ножницы шарпирные и пружинные, кресала, рыболовный крючок, обломок литейной формы, семилепестные височные кольца, посуда — грубая лепная и гончарная с волнистым и липейным орнаментом²⁶.

Селище на дюне Борок у с. Дубровичи (левый берег р. Оки) характеризуется находками саманидских дирхемов X в., раннеславянской лепной и подправленной на круге керамикой с веревочным орнаментом, по форме близкой к бортевской²⁷.

На дюне Могилок вблизи с. Алёканова (левый берег Оки) обнаружены остатки полуземлянок с глинобитными печами и подпечными ямами, лепная и гончарная посуда с линейным и волнистым орнаментом, литейные формочки, глиняные пряслица, тигель, перстнеобразные височные кольца, железный наконечник стрелы, нож. В. А. Городцов датирует поселение X—XI вв., А. Л. Монгайт на основе архаической лепной керамики предполагает, что это скорее IX—X вв.²⁸

Подтип I. Разновидностью поселений на дюнах являются селища, расположенные на высокой пойменной гряде, удаленной от берега. Таким было селище у д. Тагино, расположенное на высокой гряде, отстоящей от правого берега р. Оки на 700 м. В 1952 г. поселение обследовалось М. В. Фехнер²⁹, а в 1973 г. — автором (заложены шурфы)³⁰. Культурный слой черный, песчаный (мощностью от 0,3 до 1,2 м), в большом количестве содержал обломки гончарной посуды XII—XIII вв., белоглиняной и

²⁴ Никольская Т. Н. Древнерусское селище Лебедка. — СА, 1957, № 3, с. 176, 177, рис. 1.

²⁵ Городцов В. А. Материалы для археологической карты. . . , с. 583—585.

²⁶ Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 156—157.

²⁷ Там же, с. 157.

²⁸ Там же, с. 162.

²⁹ Успенская А. В., Фехнер М. В. Поселения. . . , с. 185, № 370.

³⁰ Никольская Т. П., Равдина Т. В. Отчет о работе Верхнеокской археологической экспедиции в 1973 г. — Архив ИА АН СССР, Р-1, д. № 5256.

Рис. 21. Селище Лебедца

1, 2 — наконечники стрел; 3, 4 — пробои; 5, 14 — топоры; 6 — мотыга; (?); 7, 8 — кольца; 9 — бусина; 10 — бубенчик; 11 — перстень; 12 — крючок рыболовный; 13 — гвоздь; 15 — тесло; 16 — острога; 17 — сверло перовидное; 18 — сошник; 19, 20 — косы; 21, 22 — серпы; 23 — удила (раскопки автора)

чернолощенной XVI—XVII вв., кости домашних животных. В шурфах открыты остатки сторевших хозяйственных построек типа погребов, а также жилищ (куски глиняной обмазки, обожженная глина, обугленное дерево, зола, уголь).

Однотипными были и селища у д. Желохово, расположенные на высоком берегу р. Зуевка, недалеко от берега Оки, вблизи городища.

Селище 1 находится на возвышенном месте, отделенном от городища оврагом, хорошо задерновано. Шурфы обнаружили черный культурный слой (толщиной 0,5—0,65 м), содержащий обломки хорошо профилированной гончарной керамики, покрытой ногтевым орнаментом (X—XIII вв.). Встречались и фрагменты лепной керамики X в.

Селище 2 располагалось также на высокой гряде, в 400 м к юго-западу от городища. Зачистка обнажения, проведенная в юго-западной части селища, выявила культурный слой мощностью 0,8—1,1 м, насыщенный обломками гончарной керамики с линейным, волнистым и ногтевым орнаментом (X—XIII вв.)³¹.

Т и п IV. Селища, расположенные вдали от берега реки, на ровных невысоких плато, которые в настоящее время заняты пашней или пастбищем. Например, селище у д. Городня занимало территорию вдоль дороги из д. Турьино в д. Городня. Площадь селища 3300 кв. м, культурный слой толщиной 0,3—0,6 м насыщен фрагментами толстостенной лепной керамики IX—X вв., гончарных сосудов с линейным и ногтевым орнаментом XI—XIII вв., а также обломками чернолощенных сосудов XVI—XVII вв.³²

Таким же было селище близ д. Ретяжи, расположенное в 30—50 м от дороги Кромы—Вепдереве, на пашне. Культурный слой мощностью 0,5—0,6 м содержал обломки гончарной керамики XII—XIII вв.³³

Селище Вуколово открыто вблизи Пронска недалеко от левого берега р. Прони, в уроч. Вуколов бугор. Поселение двуслойное. В культурном слое толщиной 0,35—0,5 м найдены обломки гончарной посуды с линейным орнаментом, кости домашних животных, обломки сетчатой керамики. На глубине 0,2 м обнаружен каменный очаг площадью 0,4×0,6 м. Обследовалось А. А. Мансуровым и Н. П. Милоновым³⁴.

Селище у д. Лаптево расположено на пашне, между течением р. Десна и деревней. Площадь селища 150×40 м. В культурном слое собрана гончарная керамика XII—XIII вв.³⁵

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СЕЛИЩ

Разделить все известные селища в бассейне Верхней и Средней Оки на узкие хронологические группы довольно трудно. В большинстве отчетов о разведках датировка сельских поселений, проведенная на основании

³¹ Успенская А. В., Фелнер М. В. Поселения. . . , с. 173, 174, № 249, 250.

³² Успенская А. В., Фелнер М. В. Поселения. . . , с. 174, № 252; Никольская Т. Н. Сельские поселения Земли вятской, с. 5, рис. 2, 2.

³³ Успенская А. В., Фелнер М. В. Поселения. . . , с. 184, № 368.

³⁴ Мансуров А. А. Археологическая карта р. Прони. — СА, 1937, т. IV, с. 232.

³⁵ Юшко А. А. Отчет об археологическом обследовании берегов рек Ликозы, Незнайки, Десны и частично Пахры в 1971 г. — Архив ИА АН СССР, Р—1, № 4529.

только подъемного материала, дается суммарно — X—XIII или XI—XIII вв. Намечить хронологические этапы существования неукрепленных сельских поселений можно только на основе самого массового и довольно хорошо изученного материала — керамики.

Всю найденную на сельских поселениях лепную и гончарную керамику домонгольской поры можно дифференцировать на три хронологические группы: группа А — VIII—X вв., группа Б — конец X—первая половина XII в., группа В — вторая половина XII—середина XIII в.

Эталонем для проверки хронологической классификации керамики, найденной на селищах, служит курганная керамика, датировка которой хорошо разработана (древнерусские курганы с трупосожжениями типа Гнездово³⁶, а также вятичские курганы с трупоположениями)³⁷. Вместе с тем использовалась типология и датировка гончарной керамики, собранной на некоторых городищах бассейна Верхней и Средней Оки (Слободка, Титово-Мотыка, Старая Рязань)³⁸.

Из общего количества рассмотренных селищ, равного 100%, к группе А (VIII—первая половина X в.) относятся 23%. Наибольшее количество поселений относится к группе Б (конец X в.—первая половина XII в.) — 40 или 34%, группа В (вторая половина XII—середина XIII в.) составляет 36,66%. Селища, имеющие слои только послемонгольского времени, для статистических выводов не привлекались.

Группа А. В нее входят селища, на которых найдена лепная посуда роменского и вольнецкого типов, а также раннегончарная, близкая керамике Гнездовских курганов и Луки Райковецкой³⁹.

Гончарный круг в бассейне Верхней и Средней Оки и р. Москвы получает распространение, по-видимому, в конце X в. Первоначально сосуды не полностью формовались на гончарном круге — обтачивалась только верхняя часть горшка. Фрагменты таких горшков найдены на городище у д. Лужки («Жураб-городище») на р. Оке (Кромской р-н Орловской обл.), где они датируются дирхемами начала XI в.⁴⁰, а также в верхнем слое Мошнинского городища⁴¹, на Дракинском селище и селище Беницы.

Классификация гончарной посуды проведена по материалам селища Лебедка. Всю керамику удалось разделить на пять групп (рис. 20), три из которых включают в себя ранние формы X—XI вв., а две — более поздних — XII—XIII вв.⁴²

³⁶ Сизов В. И. Курганы Смоленской губ. Вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска. — МАР, СПб., 1902, № 28, с. 101—114.

³⁷ Арциховский А. В. Курганы вятичей. — РАНИОН, М., 1930, с. 92, 93.

³⁸ Никольская Т. И., Любобаритова М. Д. Раскопки древнерусских городищ Орловской обл. — КСИА, 1967, вып. 110, с. 63; Никольская Т. И. Археологические раскопки в 1961—1962 гг. в Калужской обл. — КСИА, 1964, вып. 102, с. 81, тип. 1, 2, 4; Монгайт А. Л. Старая Рязань. — МИА, 1955, № 49.

³⁹ Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев, 1950, табл. 1, 1, 2, 7, 10.

⁴⁰ Никольская Т. И. Отчет о раскопках городища у д. Лужки Кромского р-на Орловской обл. — Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 1760.

⁴¹ Фролов И. К. Раскопки на городище у с. Мошны Калужской обл. — АО 1974 г. М., 1975, с. 85.

⁴² Никольская Т. И. Древнерусское селище Лебедка. — СА, 1957, № 3, с. 193, 194, рис. 15, 16; с. 194, рис. 16, 4—5; с. 195, 196, рис. 17.

Самая ранняя гончарная посуда, найденная на селищах, представляла довольно толстостенными горшками, изготовленными из серой глины с примесью песка или мелкой дресвы. Горшки имеют слабо отогнутый венчик, почти прямую шейку и слегка выпуклые плечи. Посуда чаще без орнамента, а если украшалась, то довольно скромно и иногда небрежно. Встре-

Таблица I. Селища группы А

Наименование географического пункта	№ на карте	Топография, тип, подтип	Размеры, м	Дата
Акатьево	236	I/I	—	VIII—XII
Алеканово	265	III	—	IX—XI
Алоньи горы	561	I	400×270	IX—X, XIV—XVI
Ангольево I	450	I	—	X—XI, XIV—XV
Беницы	153	II	10 000 кв. м	IX—XI, XII—XIII, XIV
Антольево II	450a	I	350×190	X—XI, XIV—XV
Городок	454	III	300×120	V—VII, VIII—X, XII—XIII, XIV
Городня	136	IV	3300 кв. м	IX—X, XI—XIII
Дракино	178	II	1150×130	VIII—X, XI—XIII
Дубровичи (дюна Борок)	264	III	—	X
Жуковка	688	I	—	XIII, X—XIII
Камельзино	575	I	—	IX—X
Каплино	544	—	—	X—XI
Кировское	333	IV	10 000 кв. м	VIII—X
Кордон I	193	I	70×40	VIII—X
Кромы	336	II	500×200	VIII—IX, XII, XIV—XVII
Лебедка	344	III	280×50	VIII—X, XI—XIII
Михайловка II	468	III	25 600 кв. м	IX—X
Михайловка III	469	I	70×40	IX—X, XVI—XVII
Малое Селихово	353	II/I	350×150	IX—X
Неполодь	360a	I	—	IX—X, XIII—XVII
Борковское	267	III	225×112	IX—XI, XII—XIII
Рессета	454	I	250×110	IX—X, XII—XIII, XVI
Воротынцево	364	I	150×96	VIII—IX, XI—XIII
Сомово I	316	I	350×70	IX—X, XIV—XVI
Степаньково	576	II	—	IX—X
Сосновка	233	I	—	IX—X
Таруса	149	II	—	VIII—X
Харитоновка	458	II	100×40	IX—X, XII—XIII, XVI
Шумош	260	III	—	X
Коломна	817	II	—	VIII—IX
Росва II	591	I	—	IX—XII
пос. Хустовский	—	—	450×210	IX—X, XII—XIII, XVI—XVIII

чается орнамент из одной, двух линий, прочерченных в виде размашистых петель, реже — из круглых ямок или отпечатков зубчатого чекана. Днища некоторых из этих горшков несут следы круглой подставки. Гончарная посуда ранних типов известна и в городах Земли вятичей⁴³.

⁴³ Монгайт А. Л. Старая Рязань, с. 122, рис. 82, 3—8; с. 123, рис. 83.

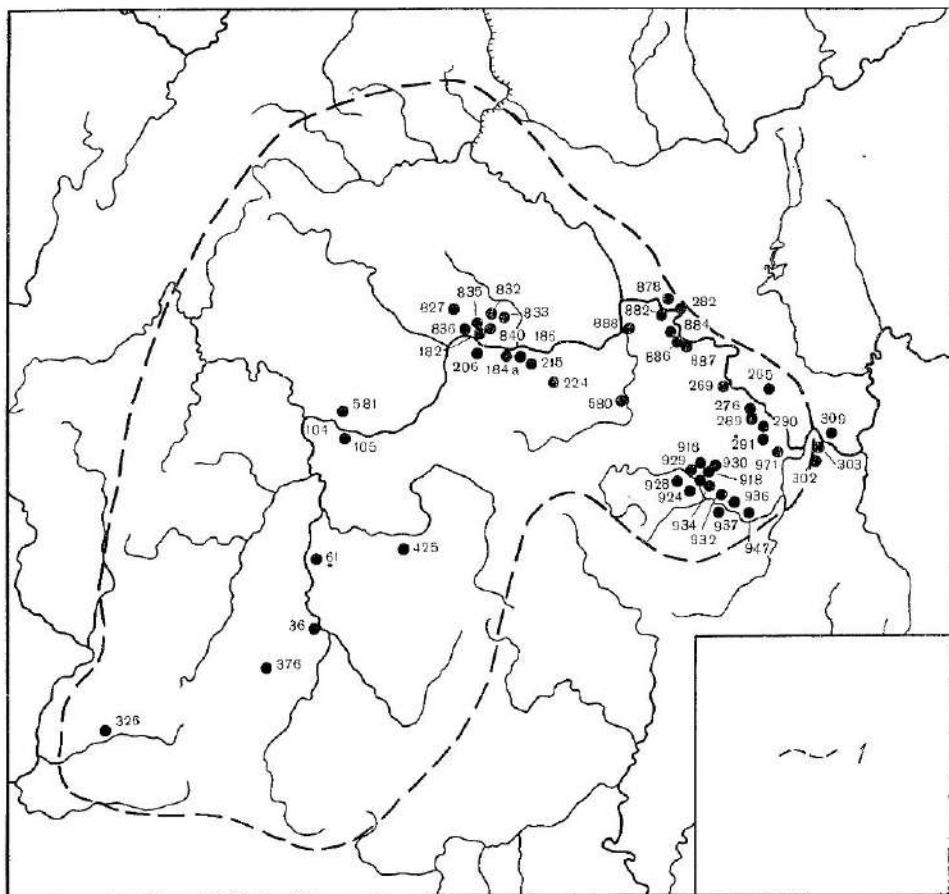

Рис. 22. Селища группы Б

1 — граница Земли вятичей

Данный тип гончарной керамики имеет много общих черт с ранней гончарной посудой Старой Ладogi (горизонт Д)⁴⁴, а также с гончарной керамикой IX—X вв. Новгорода⁴⁵. Эта керамика характеризует верхние горизонты селищ группы А. Их описание выполнено выше. Основные данные по каждому поселению сведены в табл. I.

Г р у п п а Б. В данную группу входят сельские поселения (рис. 22), на которых найдена гончарная керамика ранних типов конца X—XI в.

⁴⁴ Станкевич Я. В. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладogi. — СА, 1951, XV, с. 240, рис. 8, 1—7.

⁴⁵ Смирнова Г. П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода. — МИА, 1956, № 55, с. 228—230, тип I, виды А, Б; с. 236, рис. 3, 1, 2; Она же. К вопросу о датировке древнейшего слоя Неревского раскопа Новгорода. — В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 168—170, рис. 2.

и более развитых форм, которую, очевидно, можно датировать первой половиной XII в.

В это время наибольшее распространение получают горшки значительно более профилированные, чем в предыдущей группе. Венчик сосудов, представляющий собой утолщение края сосуда, отогнут, а иногда уплощен и косо срезан, шейка вогнута, плечики выпуклы. Сосуды изготовлены из глины с примесью мелкого песка, толщина стенок 4—6 мм. Обжиг сосудов пока еще печной, в изломе черепка часто обнаруживается темная полоска, но в XII в. появляются горшки, обожженные в горне (поверхность сосудов равномерно окрашена в красный цвет). Диаметры горловин 16—28 см, диаметры дниц 8—12 см, высота горшков 18—30 см. Сосуды покрыты линейным, волнистым орнаментом, иногда — и тем и другим в разных сочетаниях, реже — попевым, кружковым, отпечатками гребенчатого штампа и т. д.

Для характеристики гончарной посуды, бытовавшей на селищах группы Б, показательна, например, керамика, найденная в жилище 2 на селище Беницы. Это — обломки круговых сосудов, преимущественно больших размеров (диаметр горла 28 см, высота 30 см), поверхность которых была сплошь покрыта волнистым и линейным орнаментом (рис. 18, 13, 14). Иногда орнамент состоял из отдельных поясков, нанесенных зубчатой щепочкой. Обжиг сосудов горновой. Однако наряду с тонкостенными, хорошо обожженными сосудами найдены и толстостенные (толщина стенок до 1 см) недостаточного обжига. В составе теста — примесь песка и дресвы⁴⁶.

Хорошо увязываются с керамикой указанных типов и некоторые упоминавшиеся уже предметы: копьё — рогатина ромбической формы, железные наконечники стрел ромбовидной и листовидной формы XI—XII вв.

Наряду с ранним типом гончарной посуды на селище Лебедка встречены гончарные горшки более развитых форм (группа третья), а также сосуды с прямым цилиндрическим горлом (группа вторая)⁴⁷. Верхняя часть таких сосудов, а иногда и вся поверхность орнаментирована тонко прочерченными и беспорядочно переплетающимися волнистыми или параллельными линиями (рис. 20, 7, 8, 12).

Наиболее четко этот тип посуды выявляется в Старой Рязани, где она также принадлежит к ранним типам гончарной керамики. Эта наиболее нарядная керамика справедливо рассматривается автором раскопок как столовая посуда (группа IV)⁴⁸.

Преобладающей формой дниц сосудов являются днища, образованные прямой линией стенки и доньшка, соединенных под тупым углом. Внутри сосуда повторяются те же очертания формы, но иногда встречается и закругленное соединение линий стенки и дна. Встречаются днища на поддоне.

Рассмотренная раннегончарная посуда имеет много общего с посудой сельских поселений X—XII вв. северо-западных, центральных и южных

⁴⁶ Успенская А. В. Древнерусское поселение Беницы, с. 220, рис. 3, 3.

⁴⁷ Никольская Т. Н. Древнерусское селище Лебедка, с. 194, рис. 16, 1—3.

⁴⁸ Монгайт А. Л. Старая Рязань, с. 122, рис. 82, 3, 5, 6—8; с. 126, рис. 87.

областей древней Руси. Мало отличается она и от керамики, найденной в городских поселениях. Аналогичная посуда известна, например, в Гнездовских курганах⁴⁹ и на сельских поселениях Смоленщины⁵⁰, в Новгороде⁵¹, Старой Ладобе⁵², Старой Рязани⁵³.

В группу Б (конец X—первая половина XII в.) входит значительно больше поселений, чем в группу А (табл. II).

Группа В. В эту группу входят сельские поселения, на которых найдена керамика так называемого курганного типа (рис. 20, б, 9): горшки изготовлены из серой или розовато-серой глины и хорошо отмученного теста, без видимых примесей, резко профилированы — пухлый венчик отогнут наружу, шейка вогнута, плечи округлы. Сосуды хорошо, до звона, обожжены в горне. По плечикам горшков встречается орнамент волнистый, линейный, а иногда в виде углублений, нанесенных торцом плоской щепочки (IV группа керамики на селище Лебедка)⁵⁴. Аналогичные типы керамики известны на сельских поселениях и в курганах с труположениями соседних областей XII—XIII вв.⁵⁵ Эту группу поселений характеризует и гончарная посуда второго типа (пятая группа Лебедки) (рис. 20, 10—14). Она свойственна слоям XII—XIII вв. городов Северо-Восточной Руси — Владимира, Ярославля, Боголюбова⁵⁶, а также Новгорода⁵⁷, встречается на городищах Московской обл.⁵⁸ и на юге Руси⁵⁹.

Сельские поселения XII—XIII вв. известны как в западной, так и в восточной части Земли вятичей (табл. III; рис. 23).

На некоторых поселениях, основанных в XI—XIII вв., жизнь продолжалась и в послемонгольское время — в XIV—XVII вв. (например, Богородское, Рядово, Голдаево, Большое Кричино, Мисайлово IV, Росва I, Харитоновка, Тагино и др.). В процессе разведок выявлены и селища, возникшие в послемонгольский период. Массовым материалом, найденным на них, по-прежнему является керамика: красноглиняная и краснолощенная, серая, белоглиняная и чернолощенная. Классификация и хро-

⁴⁹ Спицын А. А. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. — ИАК, СПб., 1905, вып. 15, рис. 124, 126, 139.

⁵⁰ Седов В. В. Сельские поселения. . . , с. 139, 140.

⁵¹ Смирнова Г. П. Опыт классификации. . . , с. 234, 235, рис. 3.

⁵² Станкевич А. В. Классификация керамики. . . , с. 242, 243, рис. 9, 4, 6.

⁵³ Монгайт А. Л. Старая Рязань, с. 122, рис. 82, 1—8, 10; с. 123, рис. 83.

⁵⁴ Бульчов Н. И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. I, 4; XXIII, 5; XXVI, 17; XXIX, 6; *Он же*. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М., 1903, табл. I, 5; VI, 1—16; VII, 1—3, 5—7, 9; X, 1—5; XI, 1, 2; *Он же*. Раскопки по среднему течению р. Угры. М., 1913, табл. I, 1—11; Арцишевский А. В. Курганы вятичей. с. 93; *Никольская Г. Н.* Древнерусское селище Лебедка, с. 194, рис. 16, 4; с. 195.

⁵⁵ Седов В. В. Сельские поселения. . . , с. 16, рис. 4, 5, 1—13.

⁵⁶ Воронин Н. Н. Раскопки в Ярославле. — МИА, 1949, № 11, с. 186.

⁵⁷ Смирнова Г. П. Опыт классификации. . . , с. 242.

⁵⁸ Раппопорт П. А. Обследование раннемосковских городищ в 1954 г. — КСИИМК, 1956, вып. 62, с. 126, № 21—29; *Он же*. Археологические заметки о двух русских оборонительных сооружениях. — КСИИМК, 1954, вып. 54, с. 185.

⁵⁹ Мезенцева Г. Г. Древньюоруське місто Родень. Княжа гора. Київ, 1968, табл. XVII—XIX.

Таблица II. Селища группы Б

Наименование географического пункта	№ на карте	Топография, тип, подтип	Размеры, м	Дата
Алпатыево	887	I		XI—XII
Болошино	291	I	100×50	XI—XIII
Большое Ялдерово	832	I	100×40	XI—XIII
Владычно (г. Серпухов)	836	I	300×50	XI—XIII
Высотское (г. Серпухов)	835	I	350×330	XI—XIII
Городня (р. Осегр)	881			
Добрый сот	970	I	2000 кв. м	XI—XIII
Дядьково	276	I	Дл. 200	XI—XIII
Желохово I	104	III/I	150×90	X—XIII
Желохово II	105	III/I	60×30	X—XIII
Клейменово	827	I	Дл. 150	X—XII
Красный городок	584	II	400×50	X—XIII
Кораблино	290	I/I	120×70	XI—XIII
Котлово	215	I		Р. ж. в. п. XI—XIII
Леоново	206	IV		XI—XIII
Лютце	840	IV	40×20	XI—XII
Лужки	182	I	150×80	XI—XIII
Лящицы	184а	I	150×65	Р. ж. в. X—XI
Льково	936	I	160×130	XI—XIII
Льково II	937	I	160×130	XI—XIII
Льково III	938	I	160×130	XI—XIII
Мартьяново	833	I	300×30	XI—XIII
Мурмино	266	II	150×100	Р. ж. в. XI—XIII
Новинское (Пронск)	929	I	Дл. 250	XI—XIII
Нижние Ивняги	882	I		XII—XIII
Новые Дольцы	36	I		X—XIII
Пуцило	186	III	70×30	XI—XIII
Поленское	284	I		XI—XIII
Красный Городок (I)	581	I	100×30	X—XIII
Прикурганное	930	I	Дл. 250	XI—XIII
Пушкарьское (Пронск)	916	III/I	Дл. 150	XI—XIII
Пронское-Архангельское	928	III/I	Дл. 250	XII—XIII, XVI—XVII
Жабьинское	61	I		X—XI
Быковское	947	I		XI—XIII
Русаново	425	IV	60 000 кв. м	XI—XIII
Ужальевское	309	I		XI—XIII
Шатрищенское	303	I	20 000 кв. м	XI—XIII, XVI—XVII
Алексеевка (Дунай)	326	II/I		XI—XIII
Курган (№ 19)		III/I	160×50 м	XI—XIII
Ольговское	301	I		XI—XIII
Галинское	934	I		XI—XIII
Рожково	376	IV	200×100	XI—XIII
Раменское	282	I		Р. ж. в. XI—XIII
Любичи	878	I	120×50	XI—XIII
Ст. Фруктовая	884	I	120×90	XI—XIII
Глебовское	224	I	200×40	XI—XIII
Клемовское	850	I	Дл. 200	XI—XIV
Погореловское	932	I	Дл. 30	XI—XIII
Вуколов Бугор	923	IV		XI—XIII
Маливчи	918	I	100×100	XI—XIII
Буковское	892	I	145×90	XI—XIII, XV—XVI
Борки	269	III	240×120	X—XII

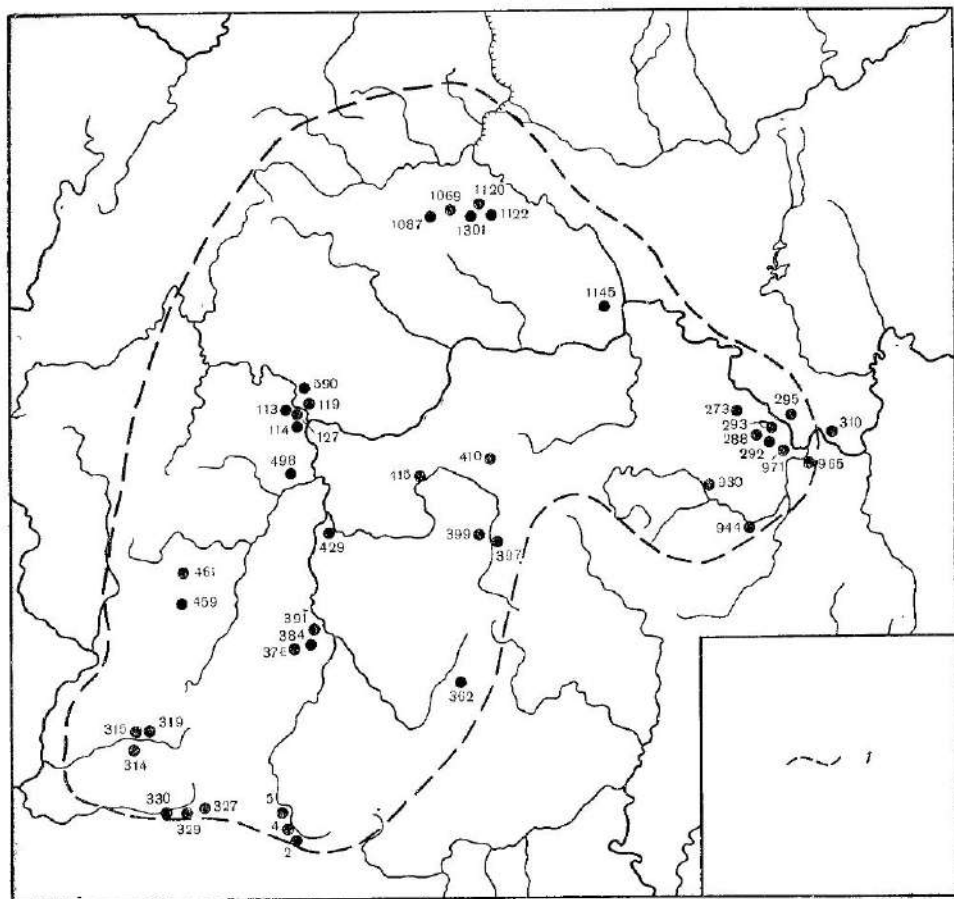

Рис. 23. Селища группы В

1 — граница Земли вятичей

пология этой посуды хорошо разработаны⁶⁰, но эта группа памятников выходит за хронологические рамки настоящего исследования, поэтому подробно останавливаться на ее характеристике нет смысла.

Таблица IV показывает, какое место занимает в процентном отношении каждая из выделенных хронологических групп.

Таким образом, в VIII—X вв. на рассматриваемой территории неукрепленных сельских поселений известно еще немного. В начале XI в. происходит заметный скачок — количество известных нам селищ удваивается. Почти столько же открытых поселений появляется и в XII в.

⁶⁰ Рабинович М. Г. Гончарная слобода в Москве в XVI—XVIII вв. — МИА, 1947, № 7, с. 57; Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XII—XVIII вв. — САИ, 1968, вып. Е 1—39, с. 12—19, 28—30, 43—47.

Таблица III. Сельца группы В

Наименование географического пункта	№ на карте	Топография, тип, подтип	Размеры, м	Дата
Александров	327	I	150×50	XII—XIII
Болдык	329	II	300×200	XIII—XIV
Большое Крячино	330	II	300×50	XII—XIII, XIV—XVII
Богородское	4	IV	—	XII—XIII, VI—XVII
Большая Чернь	391	I/1	74×50	XII—XIII
Рожково	376	III/1	20 000 кв. м	XII—XIII
Федоровское	1145	II	—	XII—XIII
Вышгородское I	293	I	—	XII—XIII
Вышгородское II	292	II/1	—	XII—XIII
Воротыск 2	113	II/1	—	XII—XIII, XVI—XVII
Воротыск 4	114	II/2	Дл. 200	XII—XIII
Верхне-Студенец	931	I	100×60	XII—XIII
Голдаво	384	II	150×70	XIII, XIV—XVI
Городна (Тульск.)	399	I	1700 кв. м	XII—XIII
Александровка	1131	I	50×20	XII—XIV
Казарское 1	295	III	—	XII—XV
Лаптево	—	IV	150×40	XII—XIII
Клянь 3	463	I	400×80	IV—VII, XII—XIII
Колосово	—	I	240×125	XII—XIII, XV—XVII
Подборки	499	II	75×70	Р. ж. в. XII—XIII
Павшино	415	III	22 000 кв. м	XII—XVI
Росва 1	590	II	136×106	XII—XIII, XVI—XVII
Рядово	119	I	Дл. 100	XII—XIII, XVII
Шалахово	—	I	250×50	XII—XIII
Бадьино	944	I	—	XII—XIII
Резьки	5	IV	—	XII—XIII
Покровское I	—	—	160×100	XII—XIV
Покровское II	1069	—	150×90	XII—XIV
Покровское III	1069	—	100×80	XII—XIV
Покровское IV	1069	—	60×40	XII—XIV
Серафимо-Знаменский скит	1120	—	100×30	XII—XIV
Спасское (р. Раковка)	362	I	—	XII—XIII
Д/о «Салют»	1122	—	40×15	XII—XIV
Оздобинино	1087	—	65×20	XII—XIV
Слободка I	317	II	—	XII—XIII
Сомово II	315	I	150×75	III в. н. э. XII—XIII в.
Сомово IV	314	I	300×130	XII—XIII
Спас-Городок	127	I	—	XII—XIII
Сатинка	397	I	22 000 кв. м	XII—XIII
Петровское	429	—	160×60	XII—XIII
Удовское	459	I	500×100	XII—XIII, XIV—XV
Слободка XIII	319	II/1	—	Р. ж. в., XII—XIII
Гурьевское	201	II/4	200×40	Р. ж. в. XII—XIII, XVII
Секиотово	273	I	—	XII—XIII
Засежье	965	I	—	XII—XIII
Добрый Сот	970	I	20 000 кв. м	XII—XIII
Исады (Облачинская дна)	252	III	—	XII—XIII
Льговское	288	II	40 000 кв. м	XII—XIII
Татино	2	III/1	—	XII—XIII, XIV—XVI, XVI—XVII

Объединив селища групп Б и В, увидим, что основная масса сельских поселений Земли вятичей относится к XI—XIII вв. Распределение типов и подтипов селищ по хронологическим группам показано на табл. V. Ее анализ приводит к следующим выводам.

1. Преобладающим типом поселений на протяжении всего рассматриваемого периода (VIII—XIII вв.) является тип I (приречный), второе

Таблица IV. Количество селищ по хронологическим группам

Хронологическая группа	Количество селищ	%
А	30	20,97
Б	58	40,56
В	55	38,47
Итого. . .	143	100

место занимают селища типа II (мысовые), третье — типа III (селища, расположенные на дюнах), на четвертом месте — селища, расположенные на значительном расстоянии от реки (тип IV).

2. В первый хронологический период преобладающим типом поселения был тип I, затем — типы II и III, к типу IV относится всего 4 селища.

3. Во второй хронологический период (конец X—первая половина XII в.) известно наибольшее количество селищ типа I и меньше всего селищ типа II (на мысу), а селища типа III (на дюнах) занимают второе место.

4. В третий период (XII—XIII вв.) по-прежнему сохраняется приречное расположение селищ, значительно увеличивается по сравнению с предыдущим количество селищ, расположенных на мысах.

В табл. VI даны размеры неукрепленных поселений в разные хронологические периоды. Незначительное количество материала и небольшой хронологический диапазон, к которому он относится, к сожалению, не позволяют сделать широкие исторические обобщения. Поэтому ограничимся некоторыми частными выводами.

Таблица V. Расположение селищ на местности в отдельные хронологические периоды

Хронологическая группа	Тип I			Тип II					Тип III			Тип IV	Итого селищ
	Тип I без подтипов	Подтип	Всего	Тип II без подтипов	Подтипы			Всего	Тип III без подтипа	Подтип	Всего		
					1	2	3						
А	11	4	12	7	1	—	—	8	8	—	8	2	30
Б	38	1	39	2	2	—	—	4	2	5	7	5	55
В	23	1	24	7	3	2	1	13	3	2	5	3	45
Всего селищ	—	—	75	—	—	—	—	25	—	—	20	10	130

4. На рассматриваемой территории в VIII—XIII вв. преобладают сельские поселения площадью от 0,3 до 2,5—3 га.

Таблица VI. Размеры селищ в различные хронологические периоды

Площадь селищ, тыс. кв. м	Количество селищ, группа			Всего
	А	Б	В	
До 3	2	5	6	13
До 5	3	2	4	9
До 12	2	9	10	21
До 16	3	7	4	14
До 22	—	5	5	10
До 30	4	1	1	6
До 40	—	—	4	4
До 60	—	2	2	4
Свыше 60	1	1	—	2
Всего	15	32	36	83

2. На протяжении нескольких веков наблюдается постепенное уменьшение размеров сельских поселений. Так, например, самые ранние селища (Борковское, Красный Городок, Рессета, Сомово II) имели площадь около 2,5—3 га, а в XII—XIII вв. преобладают селища, имеющие площадь от 0,5 до 1,5 га. И если в это время известны поселения размером до 2 или даже 4 га, то, как правило, они являются двуслойными, и их возникновение относится к VIII—X вв.⁶¹

ПЛАНИРОВКА ПОСЕЛЕНИЙ

Планировка или застройка поселений тесно связана с их расположением на местности. Поскольку большинство древнерусских селищ бассейна Верхней и Средней Оки, так же как и других соседних областей, вытянуты вдоль берегов рек, а иногда вдоль кромки оврагов, естественно предположить, что основным типом застройки была прибрежно-рядовая, включающая в себя приречно-рядовую и овражно-рядовую⁶². На некоторых поселениях это можно было установить даже при разведках, так как черные пятна котлованов полуземлянок были четко видны в обрыве берега (Сомово I, Степаньково. Так, при раскопках селища Беницы обнаружены остатки восьми наземных срубных жилищ, относящихся к разному времени. Четыре жилища XI—XII вв. были расположены в два ряда с интервалом 80 м. По-видимому, все открытые жилища были обращены к реке. Кроме прибрежно-рядовой существовала еще и кучевая застройка. Последняя характерна для селищ, расположенных на дюнах, естественных грядах, а иногда и на мысах, образованных берегом реки и впадающим в нее ручьем.

⁶¹ В постмонгольский период поселения еще более мельчают: в это время известны деревни площадью от 3 тыс. кв. м до 1 га. Такая же картина наблюдалась и на соседней территории Верхнего Поднепровья, на Смоленщине (Седов В. В. Сельские поселения. . ., с. 23, 25).

⁶² См.: Витов М. В. О классификации поселений. — СЭ, 1953, № 3, с. 27—37; Успенская А. В., Фелзнер М. В. Поселения. . ., с. 15—17.

Кучевая застройка сельских поселений известна по раскопкам селища у д. Лебедка. Здесь, в средней части поселка были открыты остатки трех полуземлянок времени IX—X вв., поставленных почти вплотную одна к другой (расстояние между постройками от 0,5 до 3,5 м)⁶³.

Незначительное количество раскопанных селищ не позволяет установить закономерность в застройке поселений в каждый отдельный хронологический период.

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА ДРЕВНИХ ГОРОДИЩАХ

Ко второй группе сельских поселений относятся поселения, основанные в конце I тысячелетия н. э. или в XI—XIII вв. на городищах раннего железного века. Топография этого типа поселений менее разнообразна, так как древние юхновские, дяковские или городецкие городища возникали главным образом на мысах высоких коренных берегов рек, при впадении ручьев или мелких речушек, а также на мысах между оврагами.

Обычно территория, занятая древнерусским культурным слоем, совпадает с размерами площадки городища; как правило, она невелика — от 5 до 10 тыс. кв. м. Таких поселений, возникших в X—XIII вв. на древних укрепленных местах, известно на рассматриваемой территории много (рис. 24).

Так, в бассейне рязанского течения Оки такие поселения возникли примерно на одной трети городищ (на 27 из 75). К сожалению, они почти не исследовались, и судить об этих селениях часто приходится только на основании подъемного материала или шурфовки. Основные сведения о поселениях, возникших на древних городищах, приведены в табл. VII.

Иногда эти поселения, разрастаясь, выходили за пределы укреплений. Так возникли, очевидно, Буковское селище около Перевитского II городища, Алпатьевское селище близ одноименного городища, Борисоглебское около городища того же названия. Дядьковское, Вышгородское I и II селища, Пронское прикурганное, Никитинское селище около Никитинского городища.

Интересные результаты получены при раскопках А. В. Успенской и Ю. А. Краснова на древнем дяковском городище у с. Успенское⁶⁴. Оно расположено на высоком левом берегу р. Вольшой Вяземки в 0,5 км от впадения ее в р. Москву и в 1,5 км к юго-западу от села. Мыс городища возвышается над уровнем реки на 24 м, площадка поселения вытянута с севера на юг на 150 м при ширине 60—70 м. С напольной стороны — следы плохо сохранившейся насыпи вала.

На поселении открыты остатки трех разновременных жилищ с развалами глинобитных печей. В одном из жилищ (З), являвшемся, очевидно, одновременно и мастерской литейщика-ювелира, обнаружены обломки льячки и толстостенного тигля, два чекача, половинка литейной формочки, обломок костяной наковаленки для ювелирных работ и сильно оплавленное пятилопастное височное колечко.

⁶³ Никольская Т. П. Древнерусское селище Лебедка, с. 179, рис. 2, 1.

⁶⁴ Успенская А. В. Успенское городище. — КСИА, 1957, вып. 68, с. 117; Краснов Ю. А. Раскопки на Успенском городище в 1961—1962 гг. — КСИА, 1964, вып. 102 с. 103.

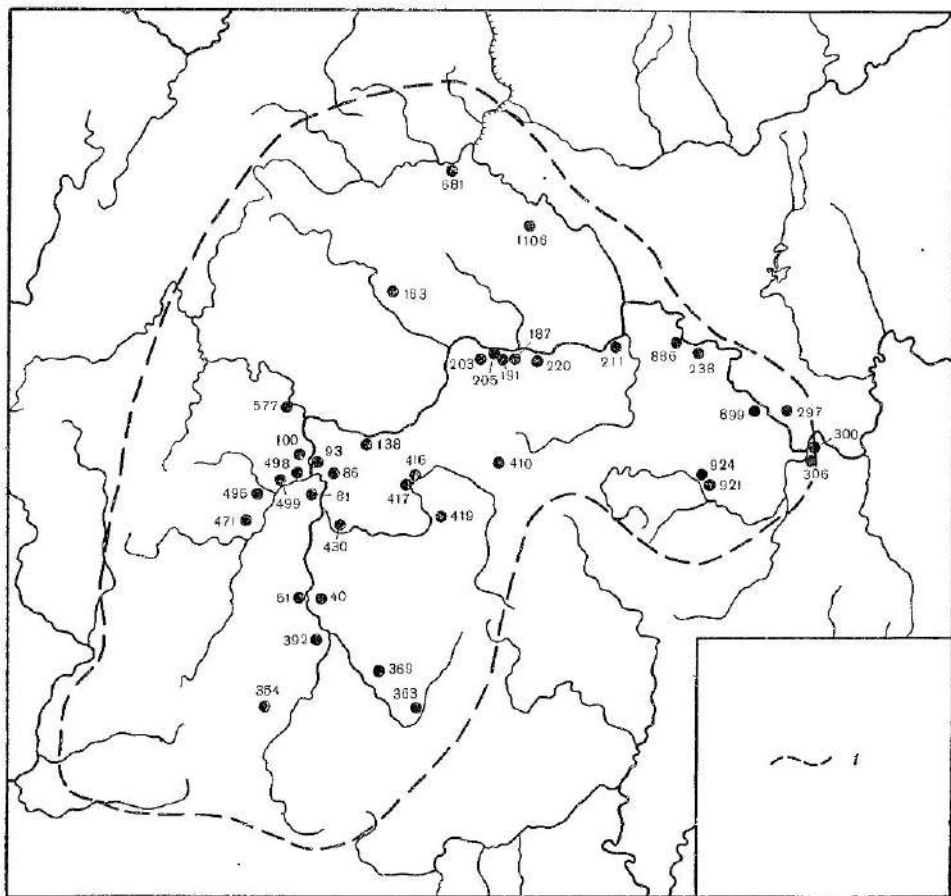

Рис. 24. Сельские поселения на древних городищах
 1 — граница Земли вятичей

Кроме жилищ, на селище обнаружены остатки разрушенного глинобитного гончарного горна, углубленного в землю и покоившегося на основании из толстых бревен или плах. По мнению Ю. А. Краснова, горн Успенского селища имел то же устройство, что и горны Райковецкого городища или Вщижа.

Находки, собранные на поселениях, позволяют датировать его концом X—началом XII в.: это золотостеклянная двучастная бусина, железные ножи с клиновидным сечением и широкой спинкой и др. Находки хрустальной шарообразной бусины и пятилопастного височного колечка позволяют считать, что в X—XII вв. здесь существовала небольшая «вятичская» деревня.

Примерно к этому же времени относится возникновение древнерусского поселения на одном из городищных городищ — Вуколов Бугор. Го-

Таблица VII. Сельские поселения на древних городищах

Наименование географического пункта	№ на карте	Размеры, м	Площадь, кв. м	Дата
Акиншицкое (Доброе)	86		9570	IV—VII, XII—XIII
Алпатыево	886	80×35	Ок. 2800	IV—VII, XI—XIII
Борисоглебское	238	120×100	12 000	I—III, XI—XIII
Брагино	138	95×30	Ок. 3000	IV—VII, IX—X, XI—XIII
Волковское	471	82×40	Ок. 3000	IV—VI, VIII—X, XII—XIII
Вороново	93	50×40	Ок. 2000	I тыс. до н. э., VIII—X вв. н. э.
Воротынцево	363	56×50	Ок. 2800	IV—II до н. э., IV—VII н. э., VIII—XIII
Вуколов Бугор	923	50×25	1250	X—XI
Гневна	921	—	—	K I тыс. до н. э. XI—XIV вв.
Дуна	81	—	—	III—VII, VIII—XIII
Льгово	277	67×41	Ок. 3000	
Жуська	392	80×25	Ок. 2000	Р. ж. в. XII—XIII
Зайцево	179	48×38	Ок. 4000	VI—VII—XIII
Кропотово (Младшее)	211	130×60	Ок. 8000	
Кулешово	431	—	Ок. 2000	XII—XIII
Леово	205	90×60	5400	XI—XIII
Надежда (Звягини)	354	55×36	Ок. 2000	IV—II до н. э., XII—XIII
Огубь (Стрелковка)	163	130×49	Ок. 6000	I—VII, XII—XIII
Плюсково	495	96×27	Ок. 3000	XII—XIV
Подборки I	498	110×80	Ок. 9000	IV—VII, XII—XIII
Подборки II	498	115×110	Ок. 12 000	IV—VII, XII—XIII
Пронино	492	105×70	Ок. 7000	IV—VII, XI—XIII
Пуццино	187	50×40	Ок. 2000	XII—XIII
Подмоклово	203	65×50	Ок. 2000	III—IV, X—XII
Романово	220	60×45	Ок. 3000	XI—XIII
Свинухово	577	70×60	Ок. 4000	Р. ж. н. э. III—V; XII—XIII
Синюково	369	50×36	Ок. 1000	IV—VII, XII—XIII
Тимофеевка	417	120×90	10 800	VIII—IX, XII—XIII
Торхово	410	95×50	4750	III—IV, XII—XIII
Спас-Тепшлого	191	70×40	Ок. 3000	IV—VII, XII—XIII
Успенское	681	150×60	Ок. 4500	X—XII
Федосьино I	799	60×40	Ок. 2500	IV—VII, XII—XIII
Шатрици	306	146×140	Ок. 7000	I—V, XI—XIII, XVI—XVII

городище расположено на левом берегу р. Прони, к востоку от Пронского городища. Поселение обследовалось в 1929 г. А. А. Мансуровым⁶⁵. Обнаруженный материал и особенно разнообразная керамика (лепная и раннегончарная) позволяют считать, что на городище жизнь продолжалась без перерыва с начала нашей эры до прихода сюда славян в X—XI вв.⁶⁶

Такое же сельское поселение возникло и на Слепцовском дьяковском городище, расположенном на мысу между долиной р. Мечи и оврагом, по дну которого протекает ручей. Площадка его овальной формы имела размер 50×30 м, возвышаясь над уровнем реки на 5—7 м. В верхнем горизонте культурного слоя найдена гончарная керамика XI—XIII вв.

⁶⁵ Мансуров А. А. Археологическая карта р. Прони. — СА, 1937, IV, с. 227.

⁶⁶ Моисейт А. Л. Рязанская земля, с. 43.

Большая часть поселения занимала территорию не на самой площадке, а за валами городища ⁶⁷.

В 500—700 м от городища на том же берегу реки, ниже по течению, расположена большая курганная группа, являвшаяся кладбищем обитателей поселения ⁶⁸.

Городецкое городище на правом берегу р. Оки (Луховицкий р-н), расположенное на вытянутом песчаном холме (площадью 110×40 м) и сооруженное в эпоху раннего железного века, позднее также было заселено славянами. Древнерусское поселение существовало, очевидно, и у подножия холма, где обнаружен культурный слой ⁶⁹.

Небольшими древнерусскими деревнями были, очевидно, поселения, основанные в XII—XIII вв. на юхновском и мошинском городищах, расположенных на мысах высокого правого берега р. Черни севернее д. Сипоково и в д. Зайцево (Мценский р-н Орловской обл.). Площадь поселений около 1000 кв. м. Небольшие разведывательные раскопки, проведенные здесь Верхнеокской экспедицией, не позволяют полностью воссоздать их облик. Здесь открыты остатки наземных жилищ, подпольные, подпечные и хозяйственные ямы, остатки очагов ⁷⁰.

Найденные в культурном слое и сооружениях предметы быта (рис. 25) — железные ножи, шарнирные ножницы, ключи от цилиндрических замков типа Б, замок от конских пут, удила, пробой, вооружения — железные наконечники стрел и украшений — бронзовые витые браслеты и колечки, хрустальная, сердоликовая и синестеклянные бусины ⁷¹, а также обломки гончарных сосудов с волнистым и линейным орнаментом датируют эти сельские поселения XII—XIII вв. Возможно, что на Синюковском поселении жизнь продолжалась и в послемоногольское время — об этом говорит находка железного ключа от цилиндрического замка типа Ж ⁷².

* * *

В письменных источниках IX—XIII вв. употребляется три основных термина для обозначения сельского поселения: погост, слобода, село. Подробному и всестороннему рассмотрению этих названий посвящена статья Н. Н. Воронина «К истории сельского поселения феодальной Руси». Термин «деревня» появляется только в XIV в., сначала в древних актах, а затем и в летописях ⁷³. Наиболее продуктивным представляется исследование Н. Н. Воронина о погостах. На основании анализа письменных источников ученому удалось подтвердить сделанный Н. П. Павловым

⁶⁷ Розенфельдт Р. Л. Разведки и раскопки дяковских городищ в Подмоскowie в 1960—1963 гг. — КСИА, 1964, вып. 102, с. 106.

⁶⁸ Розенфельдт Р. Л. Разведки и раскопки дяковских городищ. . . , с. 106.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Никольская Т. Н. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н. э. — МИА, 1959, № 72, с. 135—142, рис. 47—52.

⁷¹ Никольская Т. Н. Культура племен бассейна Верхней Оки. . . , рис. 49, 1—10, 14; рис. 50, 1, 3, 4; рис. 51, 1—9.

⁷² Никольская Т. Н. Культура племен. . . , рис. 50, 2.

⁷³ Воронин Н. Н. К истории сельского поселения феодальной Руси. — Изв. ГАИМК, Л., 1935, вып. 138, с. 70.

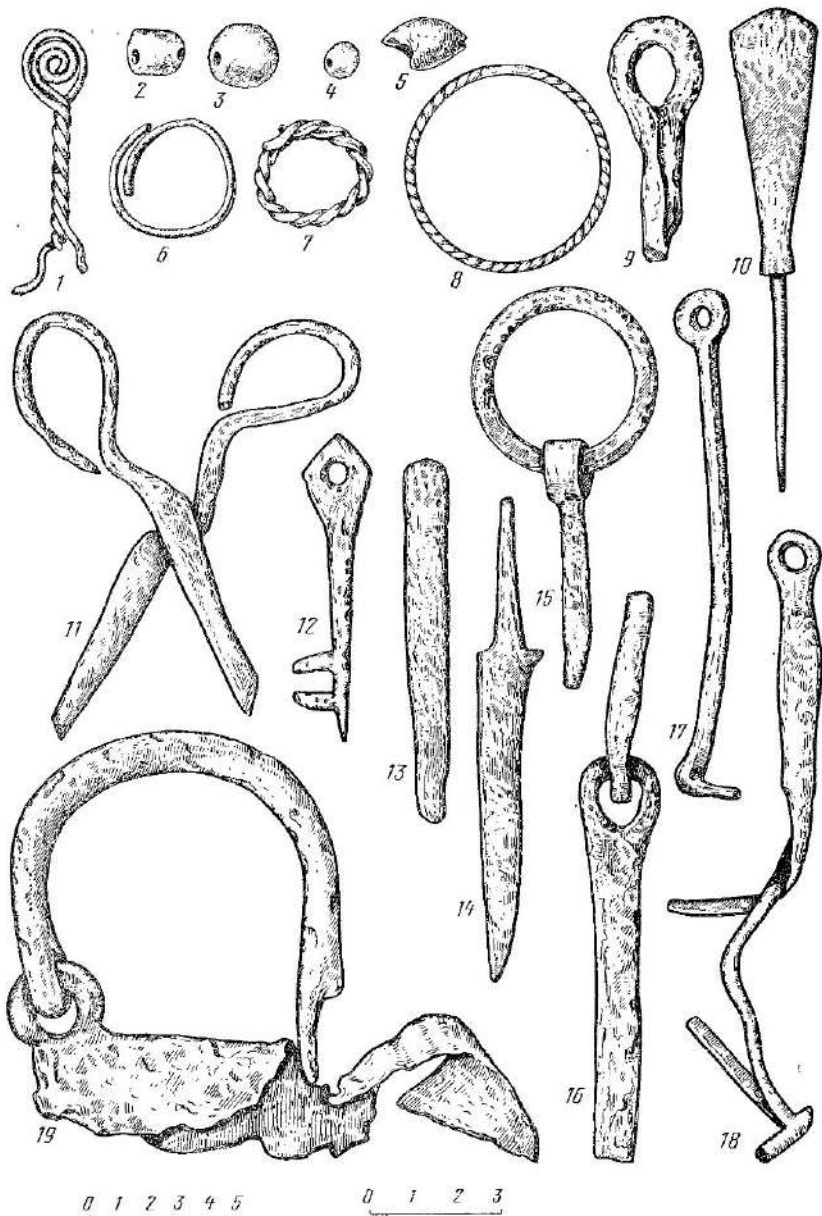

Рис. 25. Предметы, найденные на сельских поселениях

1, 8 — браслеты; 2—5 — бусы; 6, 7 — височное кольцо, перстень; 9, 16 — пробой; 10 — наконечник стрелы; 12, 17, 18 — ключи; 19 — замок для конских пут; 11 — вилочки; 14 — нож; 15 — удила; 9, 11, 12, 18, 19 — Синюгово; 1—4, 6—8, 10, 13, 15, 17 — Зайцево

Сильванским вывод об общинном, «мирском» характере древнерусского погоста ⁷⁴. Согласно Н. Н. Ворошину, погостами в древней Руси назывались как поселения сельской территориальной общины, так и центры (округа) этих общин, иногда объединявшие несколько таких поселений. Употреблялся этот термин и для обозначения определенной формы дань ⁷⁵, которая и собиралась в этих крупных погостских округах-волостях ⁷⁶.

Ценным источником, в котором упоминаются погосты и села, является Уставная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича (1136), данная Смоленской епископии. Из нее мы узнаем о некоторых погостах Земли вятичей, расположенных в бассейне Пахры, Нары и Протвы, обязанныхряду с другими поселениями Смоленского княжества платить дань епископу. Это Ископа, Ветская, Добрытино, Доброчков, Путтин, Беницы, Бобровницы. Исследователь Смоленской земли П. В. Голубовский, поместивший эти поселения на карту, считал их волостными центрами ⁷⁷.

Что собой представляли эти поселения, сказать трудно, как как археологические исследования их, за исключением селища Беницы, не велись. Однако такое небольшое поселение, площадью 1 га, с которого бралась дань всего 2 гривны ⁷⁸, вряд ли могло быть волостным центром ⁷⁹.

Село появляется на страницах летописи в X в. как княжеское загородное имение с челядью и двором ⁸⁰. Постепенно село становится центром вотчинного хозяйства, к которому тяготело несколько мелких селений; жители их находились в разной степени феодальной зависимости от владельца вотчины ⁸¹.

Упоминания сел в письменных источниках многочисленны, однако Земле вятичей в этом отношении не посчастливилось — сведения эти единичны. Под 1177 г. в Лаврентьевской летописи упоминаются села под Москвой ⁸². Под 1209 г. Воскресенская летопись называет с. Голубино на р. Выдре (Московская обл., Луховицкий р-н) ⁸³. Села под Мосальском

⁷⁴ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. М.; Пг., 1923, с. 60—70.

⁷⁵ Ворошин Н. Н. К истории сельского поселения. . . , с. 22—24.

⁷⁶ Ворошин Н. Н. К истории сельского поселения. . . , с. 28.

⁷⁷ Территория эта в XII в. контролировалась смоленским князем (Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV ст., Киев, 1895, с. 75—77). По мнению Л. В. Алексеева, недавно посвятившего исследованию Уставной грамоты Ростислава Смоленского свою статью, освоение этой вятичской территории было третьим этапом роста княжеского дохода, — феодализации Смоленской земли и относится к началу XII в. (Алексеев Л. В. Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли. — В кн.: *Slowianie w dziejach Europy*. Poznan, 1974, s. 91, tabl. II, S. 96).

⁷⁸ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976, с. 142.

⁷⁹ Л. В. Алексеев вслед за Д. и А. Попов считает, что Беницы платили дань совместно с Путтином — 32 гривны (Алексеев Л. В. Устав Ростислава Смоленского. . . , с. 91, табл. II; *Porre D. A. Driedziace na Rusi*. — *Kwartalnik Historyczny*, 1967, N 4).

⁸⁰ Ворошин Н. Н. К истории сельского поселения. . . , с. 42.

⁸¹ Веселовский С. Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. — Изв. ГАИМК, М.; Л., 1936, вып. 139, с. 14.

⁸² «Лѣб же на ту осень приеха на Московь и пожее город весь и села» (ПСРЛ, т. I, стб. 382).

⁸³ ПСРЛ, т. VII, с. 116.

упоминаются в той же летописи под 1232 г.⁸⁴ Можно предполагать, что среди многих населенных пунктов Земли вятичей, мелькавших на страницах летописей, были и названия сел. Таковыми, очевидно, являются поселения Исады и Добрый Сот в рязанском течении р. Оки⁸⁵.

Поиски с. Исады не сразу увенчались успехом. Современное большое село Исады находится восточнее Старой Рязани. Однако древний культурный слой здесь обнаружен не был. Зато между этим селом и Дегтяным, на так называемой Облачинской дюне было открыто обширное селище с культурным слоем домонгольского времени (XII—XIII вв.). Среди подъемного материала — огромное количество гончарной посуды (близкой старорязанской), обломки железных ножей и 12 серебряных монетных гривен. Очевидно, летописные Исады находились именно здесь⁸⁶.

Село Добрый Сот, также упомянутое в летописи под 1207 г., расположено на левом берегу р. Прони, в нескольких десятках километров от Старой Рязани. Здесь на площади свыше 2 кв. км обнаружен культурный слой с домонгольской керамикой, мощностью до 2 м. Летописное село Добрый Сот, по-видимому, находилось на том же самом месте, где теперь расположены постройки села⁸⁷. В летописях для обозначения больших богатых дворов встречается эпитет «красные»⁸⁸.

ФЕОДАЛЬНЫЕ УСАДЬБЫ

Среди многочисленных городищ с древнерусскими напластованиями имеется значительное количество памятников, которые по своему характеру не могут быть причислены ни к рядовым сельским поселениям, ни к поселениям городского типа. По внешнему виду эти городки отличаются от рядовых сельских поселений своей планировкой (площадки круглые, полукруглые или прямоугольные в плане), мощными земляными укреплениями и небольшими размерами внутреннего двора (от 500 до 1,5—2 тыс. кв. м). Представляется, что некоторые из них можно считать остатками укрепленных усадеб феодалов типа замка (рис. 26). В последние годы интерес к археологическому изучению этих памятников оживился. Важность их исследования в общем историческом плане в связи с проблемой становления русского феодализма неоднократно подчеркивалась советскими учеными⁸⁹. Несмотря на то, что полностью раскопанные поселения

⁸⁴ ПСРЛ, т. VII, с. 138.

⁸⁵ Это предположение высказано А. Л. Монгайтом на том основании, что только эти поселения Рязанского княжества (и Кошоново. — Т. Н.), упомянутые летописцем, не названы городами (*Монгайт А. Л. Рязанская земля*, с. 152).

⁸⁶ *Монгайт А. Л. Рязанская земля*. . . , с. 152.

⁸⁷ Там же. Таким образом, А. Л. Монгайт правильно атрибутировал эти поселения, однако мне представляется, что суть дела не в том, что они не были названы в летописи «городами», а в том, что эти поселения были неукрепленными.

⁸⁸ ПСРЛ, т. I, стб. 233, 247.

⁸⁹ «Вполне реальной археологической задачей является выяснение и отыскание древнерусских феодальных замков, то есть укрепленных усадеб, типичных вообще для раннего феодализма», — писал А. В. Арциховский (*Арциховский А. В. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях*. — ПИДО, 1934, № 11/12, с. 49). Этой проблеме уделяли внимание и другие археологи (*Тараканова С. А. Об археологическом изучении сельских феодальных посе-*

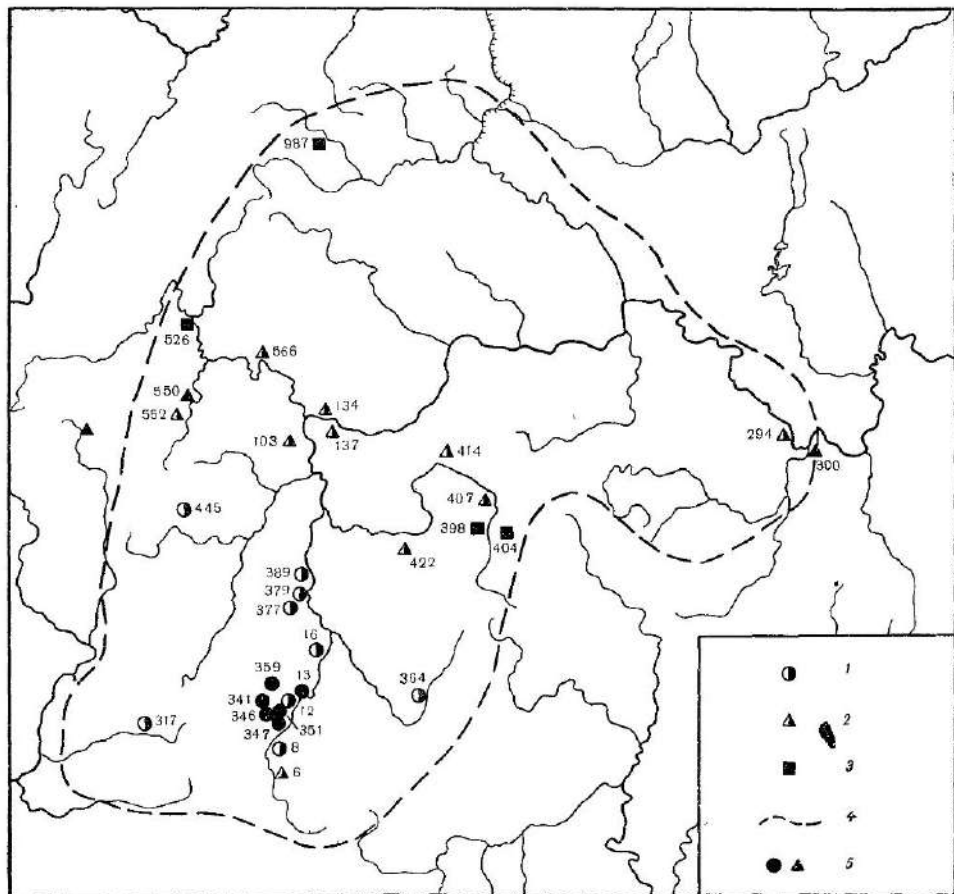

Рис. 26. Городища — феодальные усадьбы

1 — городища округлые в плане; 2 — мысовые; 3 — со сложной планировкой; 4 — границы Земли вытичей; 5 — упомянутые в письменных источниках

типа древнерусских феодальных замков все еще насчитываются единицами, полученные материалы раскопок позволяют их исследователям воссоздать картину жизни феодальной вотчины, выяснить ее планировку, характер оборонительных и жилых сооружений, хозяйство и быт ее обитателей⁹⁰.

лений в пятинах великого Новгорода. — Труды ГИМ, М., 1940, вып. XI, с. 159; Третьяков П. И. Древлянские грады. — В кн.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия, М., 1952; Рыбаков Б. А. Обзор общих явлений русской истории IX—середины XIII в. — Вопросы истории, 1962, № 4, с. 36).

⁹⁰ Наиболее ярким примером блестяще и полностью раскопанного богатого княжеского замка XI в. в Черниговской земле является Любеч. «Мы знаем теперь сложную и глубоко продуманную систему организации замка с его дворцом, теремами и идущими вдоль стен жилищами челяди, «истобкой» огнищанина-дворянского, «узи-

Развитие производительных сил в Киевской Руси в XI—XII вв., выразившееся также в численном росте городов и феодальных замков, не могло не коснуться и более северных территорий Восточной Европы⁹¹.

Именно к концу XI и началу XII в. относится появление в бассейне Верхней и Средней Оки этих своеобразных маленьких «крепостей»⁹².

Эти укрепленные усадьбы служили для защиты феодала от воинственных соседей или зависимых от него смердов. Некоторые, наиболее крупные феодальные замки, построенные на пограничье Руси со степью, могли играть роль форпостов и для защиты от кочевников. Большая часть этих городков прекращает свое существование в середине XIII в., очевидно, в связи с татаро-монгольским нашествием; на некоторых жизнь продолжалась и в XIV в. Картографирование этих городищ (рис. 26) показало, что наибольшее их скопление сосредоточено в бассейне верхнего течения Оки, а также на западном пограничье вятичской земли, т. е. в областях, наиболее рано освоенных славянским населением. Как известно, на этой же территории возникают и первые «вятичские» города.

В. В. Седовым были отмечены характерные признаки городищ—феодальных замков, отличающие их от рядовых сельских поселений: 1) наличие укреплений; 2) находки предметов вооружения, типичных для «быта феодалов»; 3) находки стеклянных браслетов; 4) значительная имущественная дифференциация среди населения таких городищ. В то же время эти городища отличаются и от поселений городского типа своими незначительными размерами, тесной связью с сельским хозяйством и слабым и односторонним развитием ремесла⁹³.

А. ФЕОДАЛЬНЫЕ «ЗАМКИ» ЗЕМЛИ ВЯТИЧЕЙ В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

На страницах летописи упоминания об укрепленных усадьбах феодалов Земли вятичей очень редки. Однако можно предположить, что некоторые летописные «города», о которых стало известно в связи с феодальными войнами Ольговичей и Мономаховичей (1146—1147 гг.), являлись именно такими княжескими или боярскими усадьбами типа замка. Одним из таких городов-замков, основанных черниговскими князьями, был, очевидно, летописный Спашь.

лицем), церковью, заборолами и боевыми башнями, складами «готововизны», «медовушами» и «бребьяницами», «смотровыми вежами», «дырами градными», потайными спусками, воротами с заслонами и въездным мостом с жератцем» (Рыбаков Б. А. Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей. — КСИИМК, 1964, вып. 99, с. 23; *Он же*. Раскопки в Любече в 1957 г. — КСИИМК, 1960, вып. 79, с. 27).

⁹¹ Такие городища, являвшиеся остатками феодальных усадеб типа замка, довольно многочисленны, например на территории Смоленщины (Третьяков П. Н. Средневековые замки Смоленщины. — Историко-археологический сборник. М., 1962, с. 258). Два таких памятника были полностью раскопаны В. В. Седовым: это Вовщина и Бородинское городище. Последнее, по мнению исследователя, было заселено потомками вятичей (Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XIV вв.). — МИА, 1960, № 92, с. 51 и сл.).

⁹² Николаевская Т. Н. К вопросу о феодальных «замках» в Земле вятичей. — В кн.: Культура древней Руси. М., 1966, с. 184.

⁹³ Седов В. В. Сельские поселения центральных районов. . . , с. 123, 124.

Из сообщения Ипатьевской летописи под 1147 г. известно, что по пути из Мценска в Кромы Святослава Ольговича догнали послы от Владимира Давыдовича и Святослава Всеволодовича в Спаше, «... и въ Спаше оугониша и послы от Володимира Давыдовича и от Всеволодича»⁹⁴. Вторично Спашь (следует читать Спас) упоминается в Ипатьевской летописи под 1152 г.: «... и поидоша туда на Вятитѣ, и тако взята я, та же на Мценскѣкь оттуда же идоша на Спашь, та же на Глуховь...»⁹⁵.

Таким образом, и из этой записи можно заключить, что Спашь, или Спас, лежал где-то недалеко от Мценска, по направлению к Кромам и Глухову. Б. А. Рыбаков условно помещал Спашь несколько южнее Мценска, в правобережье Оки, однако здесь древнерусское городище неизвестно⁹⁶.

В 1967 и 1971 гг. Верхнеокской экспедицией проведены раскопки на городище, расположенном на высоком левом берегу р. Неполоди (левого притока р. Оки) при впадении в нее безымянного ручья, против с. Спасское. За валом городища на поле расположено огромное селище, протяжением 1,5—2 км, частично распаханное, и кладбище, известное под названием Погост Звенигородский. Поэтому городище носит двойное название — у с. Спасское или Звенигородское, хотя село Звенигородское сейчас не существует. Однако в Писцовых книгах Московского государства XVI в. имеется запись: «Погост на государеве цареве и великого князя Федора Ивановича всея Руси земле, Звенигородцкого городища, на реке на Неполоди, а на погосте церковь Николы Чюдотворца, древяна, клецки, а в церкви образы...»⁹⁷.

Таким образом, городище Спасское и Звенигородское, несомненно, одно и то же. Представляется, что не случайно именно около этого городища была выстроена деревянная церковь (теперь не существующая), при которой, как это обычно бывает, располагалось кладбище; и в том, что эти земли принадлежали великому князю, вероятно, можно усмотреть какую-то преемственность, существующую с более древнего времени, чем XVI век.

Возможно, что древнерусское селище, именуемое в Писцовых книгах «погостом» у Звенигородского городища, в древности являлось «посадам» при маленьком детище-замке какого-нибудь князя.

Спасское городище занимает очень выгодную позицию и господствует над окружающей местностью, возвышаясь над уровнем р. Неполоди на 30 м. Площадка городища, почти круглая в плане, имеет диаметр около 40 м. Со стороны реки склоны городища отвесны и неприступны. С западной стороны городище окружено великолепно сохранившимся высоким валом (высота со стороны площадки около 6 м) и глубоким рвом. В южной части имеется въезд на поселение (рис. 27, 1).

Культурный слой, более гумусированный в верхней части и менее темный в нижнем горизонте, имеет толщину около 0,8 м и насыщен фрагментами гончарной керамики с волнистым и линейным орнаментом, а также предметами быта и украшениями домонгольского времени. В самом верх-

⁹⁴ ПСРЛ, т. II, стб. 342.

⁹⁵ ПСРЛ, т. II, стб. 455.

⁹⁶ История культуры древней Руси. М., 1956, т. I, карта (вклейка).

⁹⁷ Писцовые книги Московского государства под ред. Н. В. Калачова. Отделение II. СПб., 1877, с. 889.

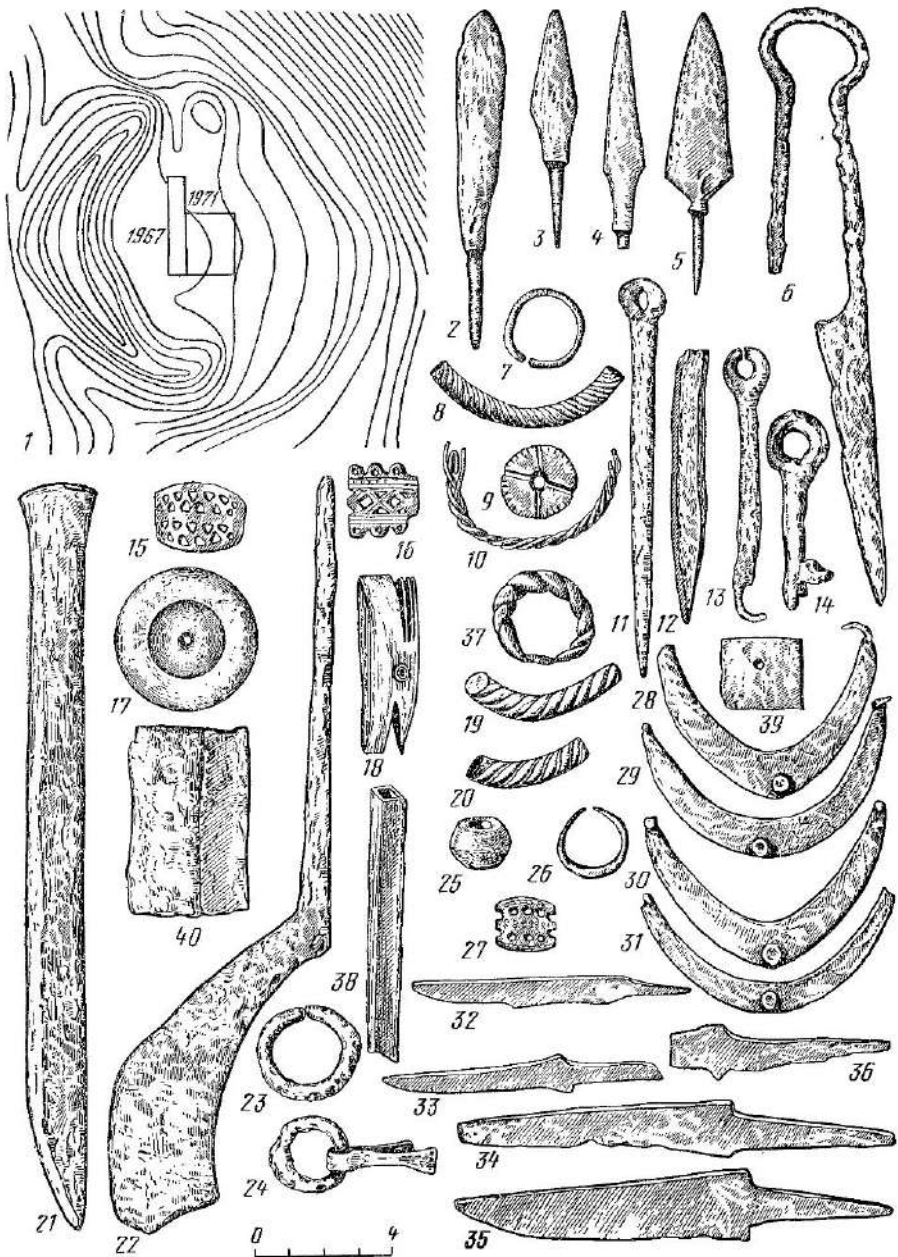

Рис. 27. Городище Спасское (на Неполоди)

1 — план; 2—5 — наконечники стрел; 6 — ножницы; 7, 23 — кольца; 8, 19, 20 — обломки стеклянных браслетов; 10 — обломок бронзового браслета; 11 — острие; 12 — пробойника; 13 — обломок удила; 14 — ключи; 9 — пуговица; 15, 16, 26, 27, 37 — перстни; 17 — чашечка от подсвечника; 18 — гребень; 21 — доното; 22 — обломок серпа; 24 — деталь плетки; 25 — прислице шиферное; 28—31 — подковки для сапог; 32—36 — ножи; 38 — рукоятка ножа; 39 — пластинка; 40 — замок

нем горизонте слоя, кроме того, найдены обломки белоглиняной гончарной посуды XIV—XV вв. На конечную дату поселения указывают также четыре железные подковки для сапог с широким твердым каблучком (рис. 27, 28—31) (подобные подковки известны в Новгороде в слоях XIV—XV вв.) и небольшой костяной четырехкопечный крестик (размером 4,2 × 2,2 см), на одной стороне которого изображено распятие с Предстоящими, а на другой — Святая Пятница⁹⁸. Подобный же костяной крестик, но с изображением Св. Николая был найден при раскопках В. В. Седова в Суздале⁹⁹.

Среди отдельных находок домонгольского времени (рис. 27, 2—38) наиболее интересны обломки стеклянных браслетов, в том числе два обломка (черный и зеленый) южного происхождения, вероятно сирийского¹⁰⁰, обломки бронзового створчатого и витых браслетов, серебряные и бронзовые решетчатые и круглопроволочные перстни, железные наконечники стрел, в том числе срезень, характерный для монголо-татар¹⁰¹, навершие рукоятки плетки (подобные найдены в Новгороде¹⁰² и Слободке), подковы, ключи трубчатых замков и замки типа Б, пойки, обломки серпов, пружинные ножницы, массивное долото, бронзовый круг от подсвечника, подобный найденным в Серенске, камешный пательный крестик (аналогичные крестики известны на многих древнерусских «вятичских» городищах, в том числе в Серенске и Слободке), костяная орнаментированная пуговица, обломок костяного двустороннего гребня.

Еще одним феодальным (княжеским) замком был летописный городок Обловь (Облове, Блеве), принадлежавший княгине Святослава Ольговича. Самое раннее упоминание этого городка относится к 1136 г. в Уставной грамоте Ростислава Смоленского, согласно которой «во Облови» собиралась смоленская «гостинная дань»¹⁰³. Поскольку Обловь упомянута в конце Устава, П. В. Голубовский считал, что этот городок относится к поселениям с колеблющимися доходами, учесть которые заранее невозможно¹⁰⁴. А. Н. Насонов предполагал, что Обловь, как городок, лежащий на границе Смоленского и Черниговского княжеств, мог одновременно эксплуатироваться обоими этими княжествами¹⁰⁵. В Ипатьевской летописи Блеве (Блове) упомянут, так же как и Спашь, под 1147 г. во втором этапе войны Ольговичей и Мопомаховичей, когда Святослав Ольгович сам перешел в контрнаступление на коалицию, связанную с киевским князем. «В^дто же время выбъгоша посадници Володимери [и] Изяславли из

⁹⁸ Никольская Т. Н. О летописных городах в Земле вятичей. — КСИА, 1972, вып. 129, с. 9, рис. 3, 22.

⁹⁹ Седов В. В. Отчет о раскопках в Суздале в 1967 г. Альбом рисунков, с. 9, рис. 14. — Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3476а.

¹⁰⁰ Спектральный анализ одного из браслетов, сделанный Ю. Л. Шаповой, обнаружил очень редкий состав Na—Si («двойная шихта»).

¹⁰¹ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. — САИ, 1966, вып. Е1—36, с. 75, тип. 67.

¹⁰² Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого. — МИА, 1959, № 65, с. 183, рис. 20, 4.

¹⁰³ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв., с. 143.

¹⁰⁴ Голубовский П. В. История Смоленской земли. . . , с. 54.

¹⁰⁵ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, с. 221.

Вятичь [и] изъ Бряньска [Добрянска], и изъ Мьченъска, и изъ Блѣве [Блове]. . .»¹⁰⁶

В третий раз городок Обловь назван под 1159 г. также в Ипатьевской летописи, когда Изяслав Давыдович на пути из Гомѣя (Гомеля) взял «на щитъ» Обловь «и оттуда иде оу Вятичѣ и зая вси Вятичѣ»¹⁰⁷.

А. Н. Насонов вслед за Н. И. Надеждиным и К. А. Невוליным помещал Обловь у самого истока р. Болвы, у селения Оболвы в Мосальском р-не Калужской обл.¹⁰⁸

В 1962 г. при разведках Верхнеокской экспедиции (С. С. Ширинский) здесь у д. Оболвы в самом верховье р. Болвы действительно обследовано небольшое городище, открытое Н. И. Булычовым, которое, очевидно, и является остатками древнерусского городка Обловь¹⁰⁹. К сожалению, раскопки этого поселения не проводились.

В «Списке городов дальних и ближних» в числе рязанских городов упоминается «Новый городок Олгов на усть Проне»,¹¹⁰ отождествленный А. Л. Монгайтом с Ново-Ольговским городищем, которое он считал остатками княжеского замка¹¹¹. Ново-Ольговское городище расположено на высоком крутом мысу в устье р. Прони, восточнее Старой Рязани. Площадь городища около 2 га (191,7 × 106,5 м). С западной стороны городище укреплено высоким валом с воротами посредине, а крутой, почти отвесный берег Оки делает его неприступным. Против въезда на городок стояла маленькая церковь с массивными стенами, как бы выполнявшая функции оборонительной башни (рис. 28, 1). Раскопки на городище производились в 1888 г. А. В. Селивановым, а в 1946 г. А. Л. Монгайтом. Судя по находкам вещей и керамики, поселение существовало с XI по XIII в. Здесь обнаружены обломки стеклянных браслетов, шиферные пряслица, янтарный крестик, сердоликовая биширамидальная бусина, ножи курганного типа¹¹².

В «Списке городов дальних и ближних» в числе литовских городов упоминается «Мащина»¹¹³. Не относилось ли это название к знаменитому Мощинскому городищу? Возможно, что в эпоху древней Руси (XI—XII вв.) на древнем балтском поселении была построена феодальная усадьба. Инвентарь этого времени, найденный на городище, очень богат и разнообразен.

¹⁰⁶ ПСРЛ, т. II, стб. 342 (в квадратных скобках) — варианты по Хлебниковскому списку).

¹⁰⁷ «Изяславъ же съ княгиню поиде из Гомѣя к Вятичемъ и взя городъ княгининъ на щитъ Святославѣвъ, и оттуда иде оу Вятичѣ и зая вси Вятичѣ . . . Святославъ же оувѣдавъ оже Обловь взята и Вятичѣ зятыя . . .» (ПСРЛ, т. II, стб. 502).

¹⁰⁸ Насонов А. Н. Русская земля. . ., с. 221.

¹⁰⁹ Ликольская А. Н. Отчет об археологических раскопках городища у д. Слободка Орловской обл. и о раскопках в Калужской обл. в 1962 г. — Архив ИА АН СССР, Р—1, д. 2521, 2521а.

¹¹⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 476; ПСРЛ, т. VII, под 1207 г.

¹¹¹ Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 150.

¹¹² Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 150—151; Монгайт А. Л., Раппопорт П. А., Чернышев М. Б. Церковь Нового Ольгова Городка. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 163.

¹¹³ Новгородская I летопись старшего и младшего изводов, с. 476.

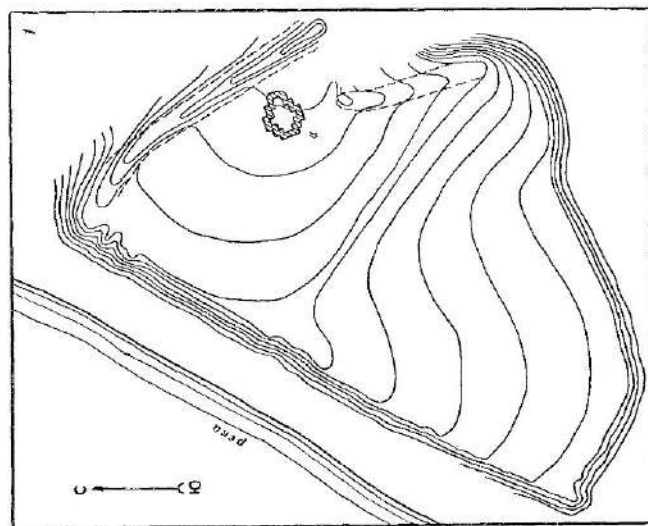
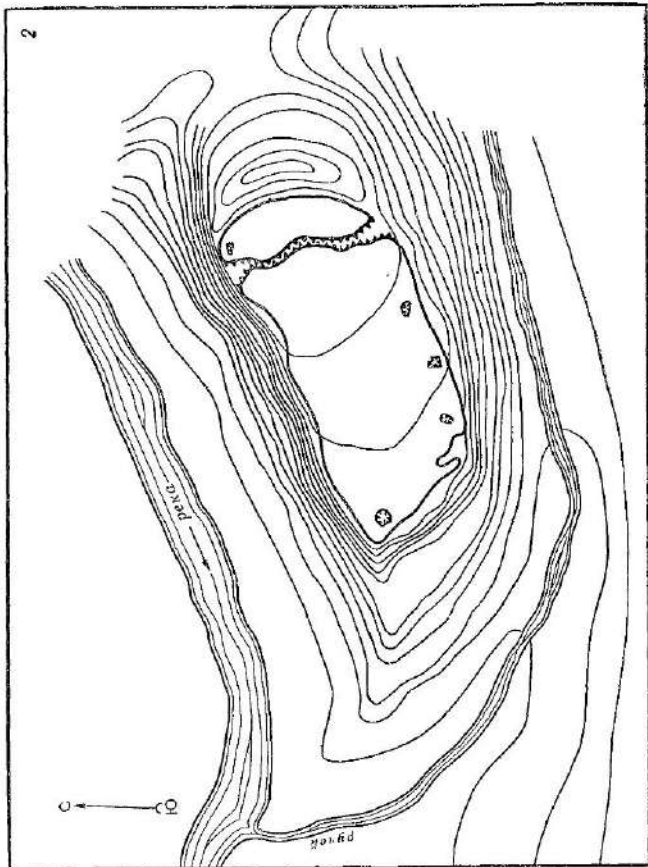

Рис. 28. Планы городищ
 1 — Ольгов (по А. Л. Монгайту); 2 — Жданово (съёмка С. С. Ширинского)

Таблица VIII. Городища — феодальные усадьбы

Наименование географического пункта	№ на карте	Размеры, м	Площадь, кв. м	Дата
Алнеры	445	Диам. 30	—	XII—XIII (?)
Борилово	379	Диам. 30	Ок. 700	
Воротынцево 2	364	Диам. 25	Ок. 450	XII—XIII
Вышгород (Ряз.)	294	75×16	—	X—XIII
Гать	8	Диам. 40	1256	XI—XII
Гневушево (Снопково)	346	Диам. 40	1256	XII—XIII
Городище (Комаровское)	341	52×48	Ок. 2000	XII—XIII
Голочево	319	44×43	Ок. 1600	XII—XIII
Ждамрово	134	80×30	Ок. 1200	XII—XIV
Жары (Городец)	526	58×36	Ок. 1000	XII—XIII
Круглида	317	Диам. 70	Ок. 3500	XII—XIII
Лужки	6	95×50	Ок. 2000	IV, VII, X—XIII
Локна	389	Диам. 50	Ок. 1000	XII—XIII
Мерцаловка	347	40×40	1256	XII—XIII
Неждино	987	—	Ок. 400	XII—XIII
Никольское	137	—	525	XII—XIII
Новый Ольгов	1716	191×106	—	XII—XIII
Моцины	550	77×47	Ок. 1700	IV—VII
Слободка (Малое)	317	Диам. 30	Ок. 700	—
Спасское (Спашь)	359	Диам. 40	1256	XII—XIII
Спас-Перенпа	552	55×40	Ок. 1200	XII—XIII
Кетри	414	97×73	—	II—III, XII—XIII
Городна	398	45×39	Более 1000	XII—XIII
Новое Село	404	85×55	—	XII—XIII
Ст. Крапивешка	422	—	—	—
Топтыково	407	—	Ок. 3000	XII—XIII
Цветынь	12	—	—	—
Рожково	377	69×48	Ок. 3000	XII—XIII
Титово-Мотыка	351	53×52	Ок. 2000	XI—XIII
Желохово	103	53×30	Ок. 1500	XII—XIII

разен¹¹⁴. При раскопках 1975 г. здесь найдено пятилопастное височное колечко¹¹⁵.

Ценным источником, с помощью которого удастся локализовать некоторые феодальные усадьбы на карте, являются Писцовые книги Московского государства пачала XVI в. Как известно, в Писцовых книгах владельческие поселения часто названы городищами¹¹⁶. По Орловскому у. таковыми именуются 14 поселений. Обследование этих городищ позволило предположить, что все они являлись остатками небольших феодальных усадеб, существовавших в XII—XIII вв. И подобно тому как владельческий двор в XV—XVI вв. был окружен деревнями зависимых

¹¹⁴ Бульчач Н. И. Журнал раскопок по части водораздела. . . , табл. XV—XVII.

¹¹⁵ Фролов И. К. Раскопки на городище и селище у с. Моцины. — АО 1975 г. М., 1976, с. 95.

¹¹⁶ «За Истомою за Фроловым сыном Бузова в той же деревне в Людцком городище, на р. Оцне, усть речки Людцка с внешнею сторону», или «. . . За Иваном за Понкратовым, сыном Малькина в деревне Снопкове городище на реке Оцне» и т. д. (Писцовые книги Московского государства под ред. Н. Я. Калачова. Отделение II. СПб., 1877, Орловский уезд, с. 979, 985).

крестьян, многие владельческие поселения рассматриваемого времени имели за пределами своих укреплений неукрепленные селища, население которых, по-видимому, составляли крестьяне и ремесленники. Всего к феодальным усадьбам предположительно причисляется 30 городищ, сведения о которых приведены в табл. VIII¹¹⁷.

Все феодальные замки расположены по берегам рек, это давало возможность владельцам их устанавливать торговые связи не только с близлежащими городами, но и с отдаленными центрами ремесла и торговли. Не случайно поэтому наличие в культурном слое рассматриваемых поселений некоторых предметов роскоши — вооружения и украшений, изготовленных городскими ремесленниками или привезенных издалека, а также монет¹¹⁸. Особенно многочисленны обломки разноцветных стеклянных браслетов, центрами изготовления которых, как известно, были такие города, как Киев, Чернигов, Владимир, Старая Рязань и, как теперь стало известно, небольшой городок в Земле вятичей — Серенск. Мастерские по изготовлению стеклянных браслетов открыты в некоторых княжеских замках (Любеч) и даже в некоторых владельческих поселениях (Воицна)¹¹⁹.

Б. ТИПЫ ФЕОДАЛЬНЫХ УСАДЕБ

Планировка владельческих поселений почти не отличается от планировки и расположения на местности подобных же памятников других областей древней Руси XI—XIII вв.¹²⁰ Три группы городищ могут быть связаны с поселениями типа замка.

Тип 1. Небольшие мысовые городища. Обычно владельцы усадеб, используя их природную конфигурацию, выкапывали ров и сооружали вал (Лужки Воротышцево, Ждамирово). Если же поселения основывались на древних городищах, то в период строительства феодального замка земляные сооружения подновлялись и усиливались строительством деревянных городищ, степ по верху насыпи вала, а иногда и башни (Гать, Мощины, Неждино и др.). Кроме валов, с напольной стороны часто сооружались укрепления и на конце мыса, правда, менее значительные, чем первые. В качестве примера можно назвать городище Ждамирово (рис. 28, 2).

Мысовые городища разделяются на несколько подтипов. Наиболее часто встречаются поселения, занимающие мыс высокого коренного бе-

¹¹⁷ Следует иметь в виду, что многие памятники причислены к категории феодальных усадеб условно, на основании только внешних признаков: правильной геометрической формы поселений, их небольших размеров и мощных укреплений. Для того чтобы определить, что собой представляло то или иное городище, необходимы раскопки не только на самой площадке поселения, но также и его оборонительных сооружений. К сожалению, раскопкам подверглись немногие из них, и эти работы носили преимущественно реконструктивный характер.

¹¹⁸ Арабские дирхемы X—XI вв. найдены на городище Лужки, золотоордынские монеты XIV в. — на городищах Борилово и Ждамирово.

¹¹⁹ Щанова Ю. Л. Стеклокерамические изделия древнего Новгорода. — МИА, 1963, № 117, с. 104.

¹²⁰ Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. — МИА, 1956, № 52, с. 22, 23.

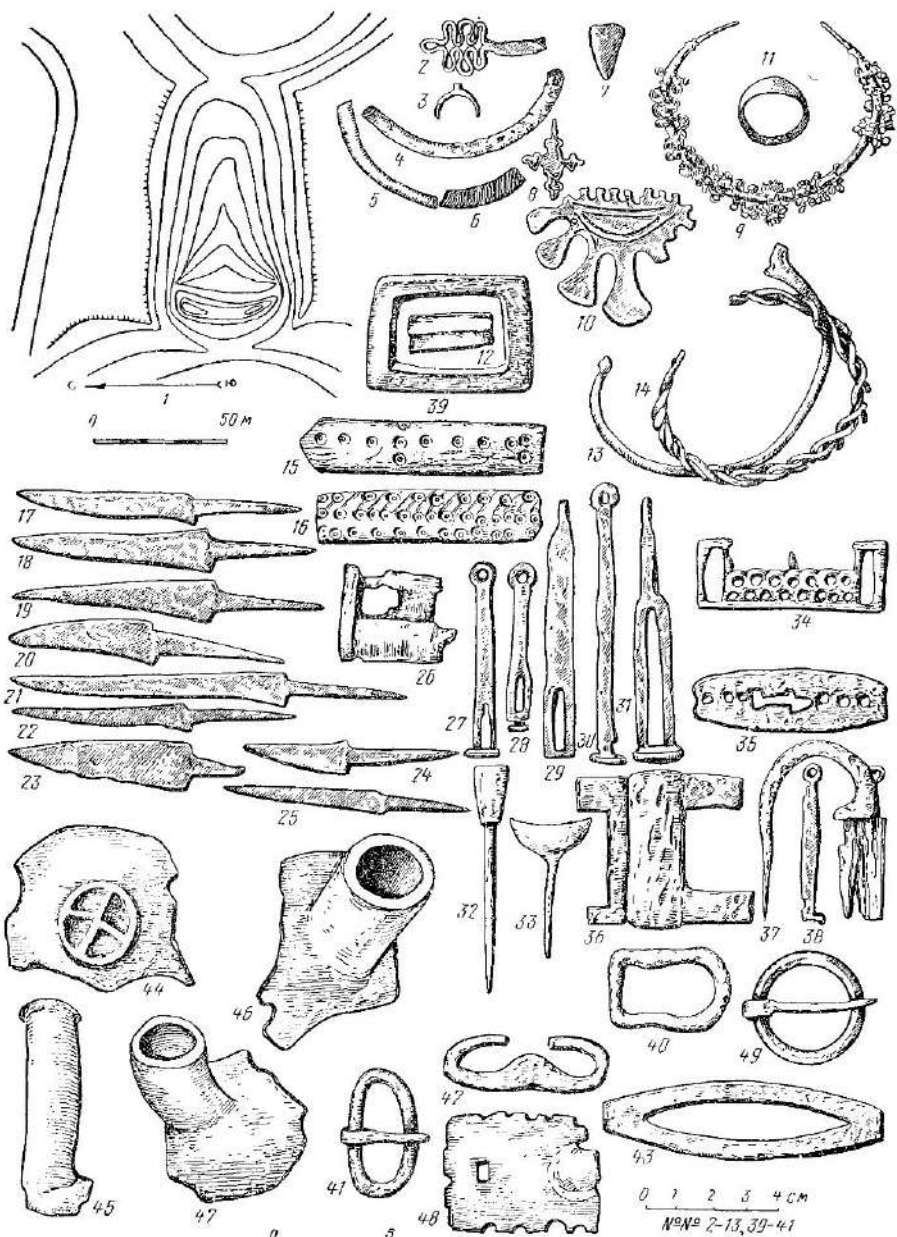

Рис. 29. Городище Спас-Перенкша

1 — план; 2 — обломок булавки; 3 — лунница золотая; 4—6 — обломки стеклянных браслетов; 7 — подвеска; 8 — крестики; 9, 13, 14 — браслеты; 10 — височное кольцо; 11, 12 — перстни; 15, 16 — рукоятки костяные; 17—25 — ножи; 26, 36, 37 — замки; 27—31, 33 — иголки; 34 — разделитель ремня; 35 — шпатель для волочения проволоки; 32, 33 — наконечники стрел; 39—41, 49 — пряжки; 42, 43 — кресала; 44—47 — керамика; 48 — пластина от панциря (?)

рега реки или ручья (Лужки, Ждамирово). Известны городища, расположенные при впадении сухого оврага в долину ручья (Старое Крапивинское городище), а также поселения, занимающие мыс, ограниченный поймой реки (Топтыково). Форма городища зависит от формы мыса (треугольная, овальная, реже прямоугольная).

Боярским или княжеским замком являлось, по-видимому, небольшое по размеру, но довольно интересное по находкам Спасское городище, расположенное в 1898 г. Н. И. Булычевым ¹²¹.

«Спасский городец» расположен на правом высоком берегу р. Перекши. Площадка городища имеет треугольную в плане форму (длина площадки 55 м). С западной стороны поселение укреплено дугообразным валом и рвом, в наши дни совершенно заплывшим. Над уровнем р. Перекши, окаймляющей северный склон городища, поселение возвышается более чем на 40 м. С юго-восточной стороны — глубокий овраг (рис. 29, 1). Городище представляло собой почти неприступную крепость; склоны его очень крутые, отвесные и поросли густым лесом.

Богатые и разнообразные предметы украшений из золота (лунница), серебра, бронзы, предметы быта и вооружения из железа, фрагменты керамики позволяют заключить, что феодальная усадьба основана здесь в XII—XIII вв. (рис. 29, 2—48). Возникновению этого городка предшествовало более древнее, дославянское поселение ¹²².

Среди этого типа памятников наиболее внушительным по своим мощным земляным укреплениям является Ждамировское городище, расположенное на высоком левом берегу р. Калужки, при впадении ручья Ременник (восточнее д. Ждамирово). Крутые, почти отвесные склоны городища, заросшие лесом, и высокий вал (6 м) обеспечивали надежную защиту крепости. При раскопках, проводившихся автором в 1962 г. (вскрытая площадь равна 412 кв. м), исследованы остатки жилищ (развалы печей, подпольные ямы, ямы-погребя), производственные сооружения (гончарный горн). Остатки построек и сооружений располагались в прибрежной части поселения, где обычно жила челядь. Собранные на городище вещи — железные ключи, калачевидное кресало, наконечник стрелы, ножи (рис. 30, 4, 7, 10, 11), шпора с репейкой (рис. 30, 9), а также шиферное пряслице (рис. 30, 6) и керамика курганного типа позволяют датировать поселение XII—XIII и XIV в. Жизнь здесь прекратилась, очевидно, в конце XIV—начале XV в. Об этом свидетельствуют найденная на городище серебряная монета, подражание дирхему чекана Золотой Орды времени Джанибека (747—748 гг. Хиджры), конца XIV—первой четверти XV в. (определение С. А. Яниной), шпора с репейкой и некоторые типы керамики ¹²³.

Городище у д. Кетри расположено на возвышенном мысу р. Упки, недалеко от впадения ее в р. Упу. Площадка городища слегка овальной формы (97 × 73 м), с севера, востока и юга окружена подковообразным ва-

¹²¹ Булычев Н. И. Журнал раскопок. . . , с. 23.

¹²² Никольская Т. П. Культура племен. . . , с. 126.

¹²³ Никольская Т. П. Археологические раскопки в 1961—1962 гг. в Калужской области. — КСИА, 1964, вып. 402, с. 79—81.

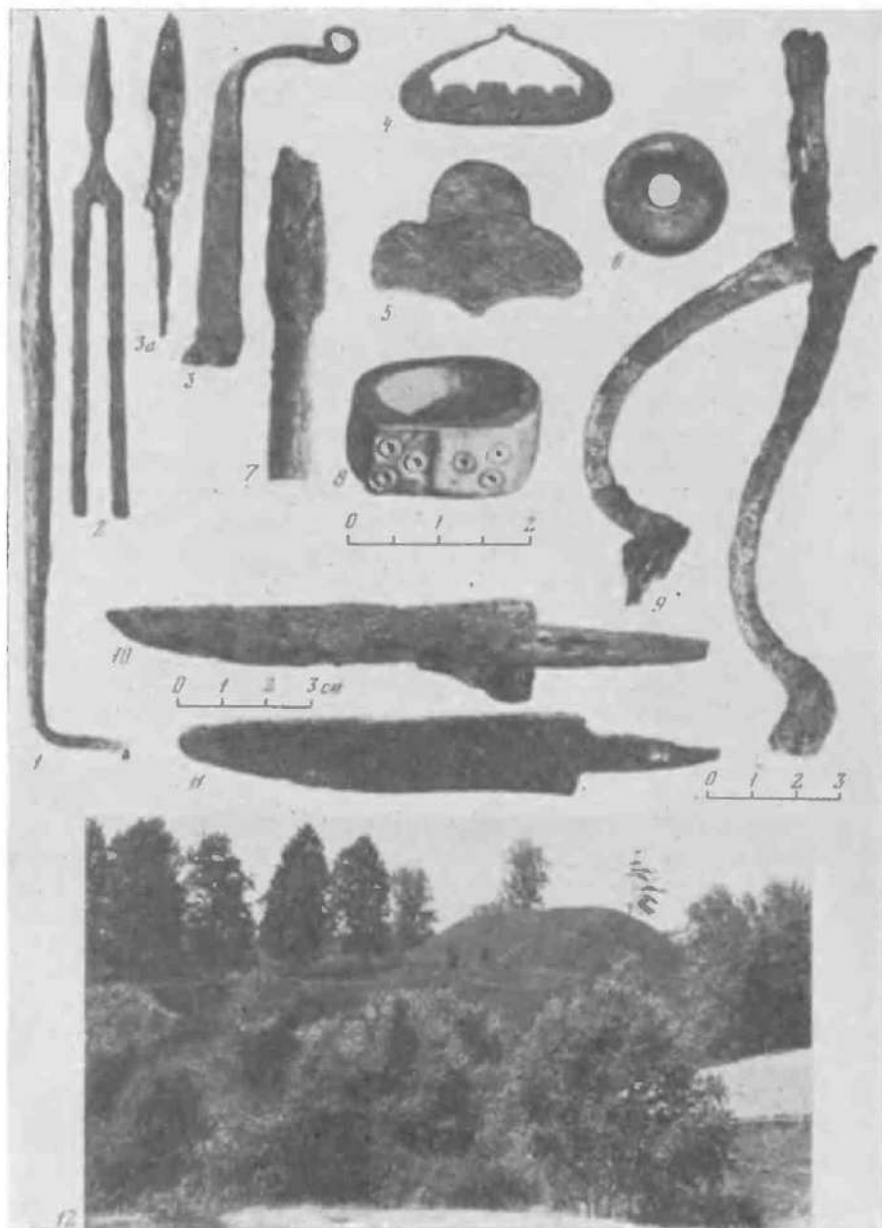

Рис. 30. Городище Ждамирово

1-3 — копья; 4 — кресало; 5 — пластинка; 6 — пряслице; 7а, 7 — наконечники стрел; 8 — перстень; 9 — шпора; 10, 11 — ножа; 12 — вид на площадку городища (фото автора)

лом высотой до 3 м при ширине основания 18 м; в западной части площадки насыпь вала разрушена. Наиболее высокая часть вала с напольной стороны имела внутривальные деревоглинобитные конструкции: насыпь его состояла из простой и обожженной глины, сложенной вперемешку с обугленным продольным накатником. Северный конец вала состоял из глины, подсыпанной культурным слоем. Городище двуслойное. Нижний слой по керамике датируется II—III вв. н. э.; верхний по гончарным сосудам с линейным и волнистым орнаментом—XII—XIII вв.¹²⁴

Т и п 2. Городища, имеющие правильную геометрическую форму, не зависящую от конфигурации местности и созданную искусственно (круг, полукруг, реже прямоугольник). Площадки их ограничены от окружающего поля глубокими рвами и кольцевыми валами, иногда двумя-тремя линиями валов и рвов. Такие поселения строились по заранее задуманному плану: сначала создавались мощные оборонительные сооружения, а затем территория внутри этих укреплений заселялась.

По-видимому, круговая планировка феодальных замков в эпоху раннего средневековья характерна не только для Запада, но и для Восточной Европы¹²⁵, и в частности для рассматриваемой территории Земли вятичей. Так, все обследованные в 1963 и 1967 гг. городища по рекам Цои, Орлик, Нугрь, Ока, Неполодь (Гать — рис. 31, 1, Мерцаловка, Гневушево (Снопково), Городище (Жомаровское)¹²⁶, Титово-Мотыка, Борилово, Локло, Гонючее, Цветынь, Спасское (рис. 27, 1), Редькино (рис. 31, 2)), на которых проведены небольшие раскопки, однотипны: расположены на высоком берегу реки (18—23 м), площадки их почти круглые в плане, диаметром 30—50 м укреплены мощным кольцевым валом, имевшим высоту со стороны площадки до 7 м (при ширине основания около 20 м), а глубину рва — до 10 м.

Для изучения конструкции оборонительных сооружений на некоторых городищах проводились раскопки валов: Лужки (рис. 32), Гать (рис. 33), Воротынцево¹²⁷, Титово-Мотыка и др. На основании раскопок можно заключить, что на рассматриваемой территории для сооружения укреплений применялись деревоглинобитные конструкции, а там, где леса было мало и изобиловала известняковая порода, в насыпи вала или его основании встречается и каменная кладка (Титово-Мотыка, Мерцаловка и др.)¹²⁸. Примером поселения такого типа может служить и хорошо укрепленный городок, расположенный на высоком правом берегу р. Москвы (ниже впадения в нее р. Лусьянки) у д. Гушков городок. Площадка поселения, имеющая форму полукруга (площадь около 2000 кв. м), укреплена по периметру шестиметровым валом. Обследовавший это городище в 1929 г. А. В. Арциховский заключил, что такие мощные укрепления и малая площадь

¹²⁴ *Илюмова С. А.* Археологическая разведка. . . , с. 76, 78, рис. 266, 1.

¹²⁵ *Довженюк В. И.* Археологический комментарий к сведениям литературных источников о смердах и закунах. — КСИА, АН УССР, 1962, вып. 12, с. 33.

¹²⁶ *Никольская Т. П.* Культура племен. . . , с. 129, рис. 45, 2—4.

¹²⁷ Там же, с. 19, рис. 4, а, б.

¹²⁸ *Никольская Т. П., Полубодринова М. Д.* Раскопки древнерусских городищ Орловской обл. — КСИА, 1967, вып. 110, с. 63 и сл.

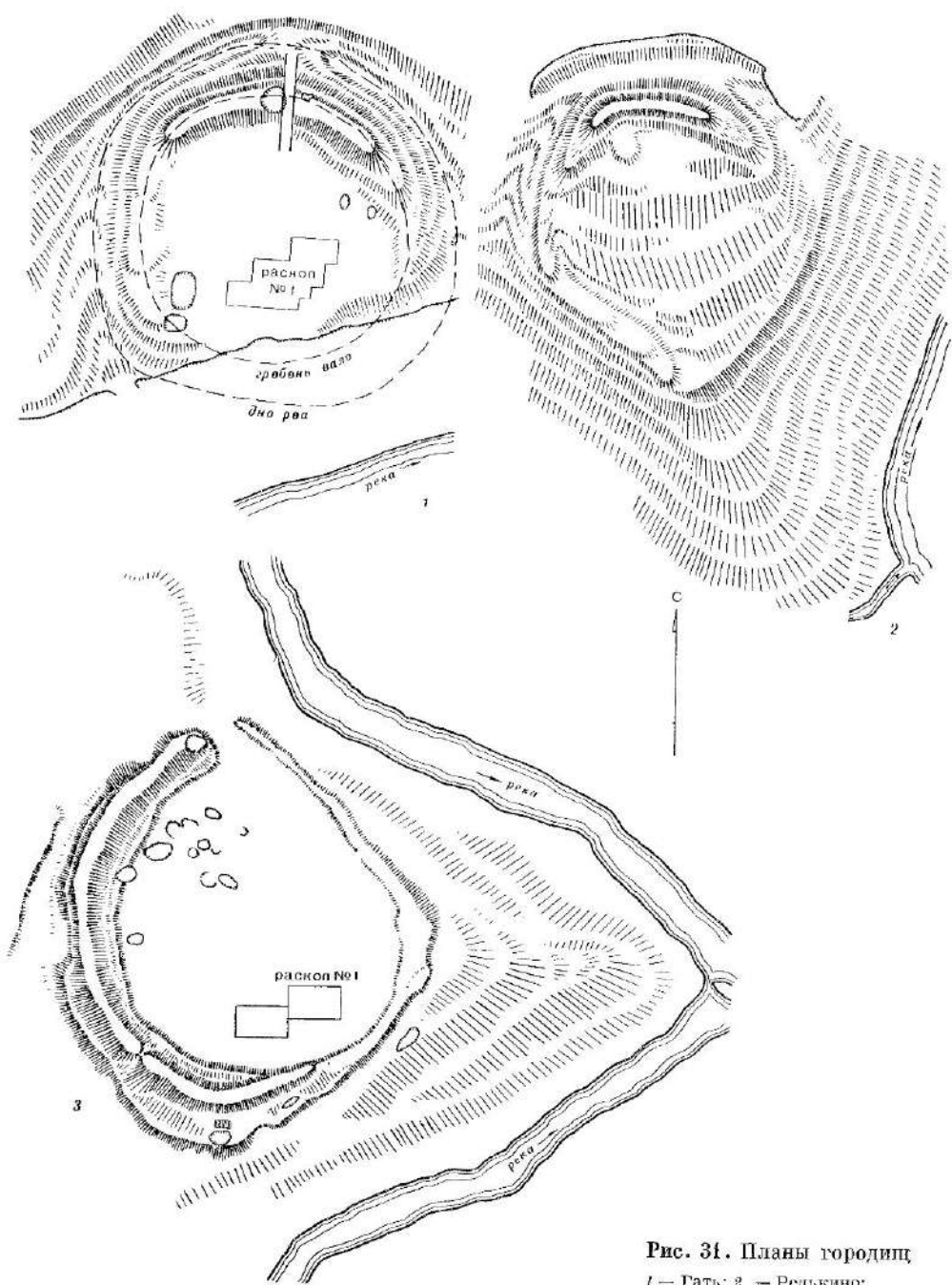

Рис. 31. Планы городищ
 1 — Гать; 2 — Редькино;
 3 — Титово-Мотыка

внутреннего двора могут принадлежать только феодальному замку¹²⁹. Возможно, что основателем этого города и был один из представителей местной феодальной знати — боярин Тушка, давший имя и самому поселению. Раскопки, проводившиеся в 1947—1949 гг. М. Г. Рабиновичем, осветили длительную историю его существования (с XI по XVI в.), на протяжении которой менялся его социальный облик. Нижний горизонт культурного слоя (XI—XIII вв.) отражает довольно интенсивную человеческую деятельность уже в домонгольскую эпоху¹³⁰. Здесь открыты остатки трех наземных срубных построек с дощатым полом и глинобитными печами, собран многочисленный инвентарь: железные замки, ключи, кресала, ножи, дужки от ведер, накопечники стрел, копыя, бронзовые украшения, обломки стеклянных браслетов, гончарная посуда, изготовленная на ручном круге, покрытая волнистым и линейным орнаментом.

В последние столетия своего существования Тушков выполнял функции города-крепости на западном порубежье Московского государства¹³¹.

Т и п 3. Городища, имеющие сложную планировку. Почти круглое в плане городище открыто в Щекинском районе, у д. Городна (на юго-восток от Щекина). Оно расположено в 200 м восточнее деревни, на правом высоком берегу ручья Деготна. Городище окружено кольцевым валом, прерывающимся только в северной части, где, очевидно, был въезд, а с восточной, южной и западной сторон — ровом. Площадь городища более 1000 кв. м. Высота вала 2,5—3 м. Толщина культурного слоя до 45 см. В слое обнаружены обломки гончарной керамики XII—XIII вв. К югу и востоку от городища расположено селище площадью 17 тыс. кв. м. В культурном слое его найдена гончарная керамика с линейным и волнистым орнаментом, аналогичная найденной на городище¹³².

Великолепную картину феодального замка, состоящего из детинца и примыкающего к нему селища, представляет городище, находящееся севернее д. Жары (Городец). Городище расположено на правом высоком берегу р. Угры (над уровнем реки, высота около 30 м) при впадении в нее ручья и отделено от нее высоким плато. На нем расположено селище. Площадка городища имеет форму овала, вытянутого с севера на юг, длина большей оси которого 58 м, меньшей — 36 м (площадь городища около 1000 кв. м). Склоны очень крутые и отвесные, вал, окаймляющий площадку с востока, имеет высоту около 6 м, а глубина рва за валом достигает 20 м. Река Угра омывает городище с севера и запада. На нем собраны обломки гончарных сосудов с линейным и волнистым орнаментом XII—XIII вв.

Городище у д. Новое Село (к востоку от Тулы) на правом берегу р. Шат имеет площадку овальной формы, окруженную кольцевым валом и глубо-

¹²⁹ Арцишевский А. В. О возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях. . . , с. 50.

¹³⁰ Рабинович М. Г. Крепость и город Тушков. — СА, 1959, XXIX—XXX, с. 263. Автор датирует начальную дату поселения XI в. на основании находок раннегончарной керамики и листовидного накопечника копыя (Рабинович М. Г. Крепость и город Тушков, с. 268, рис. 4). В 1389 г. Тушков упоминается в духовной грамоте Дмитрия Донского как Можайская волость.

¹³¹ Рабинович М. Г. Крепость и город Тушков, с. 283.

¹³² Изюмова С. А. Археологическая разведка в 1951 г. в Тульской обл. — КСИИМК, (1953, вып. 52, с. 79.

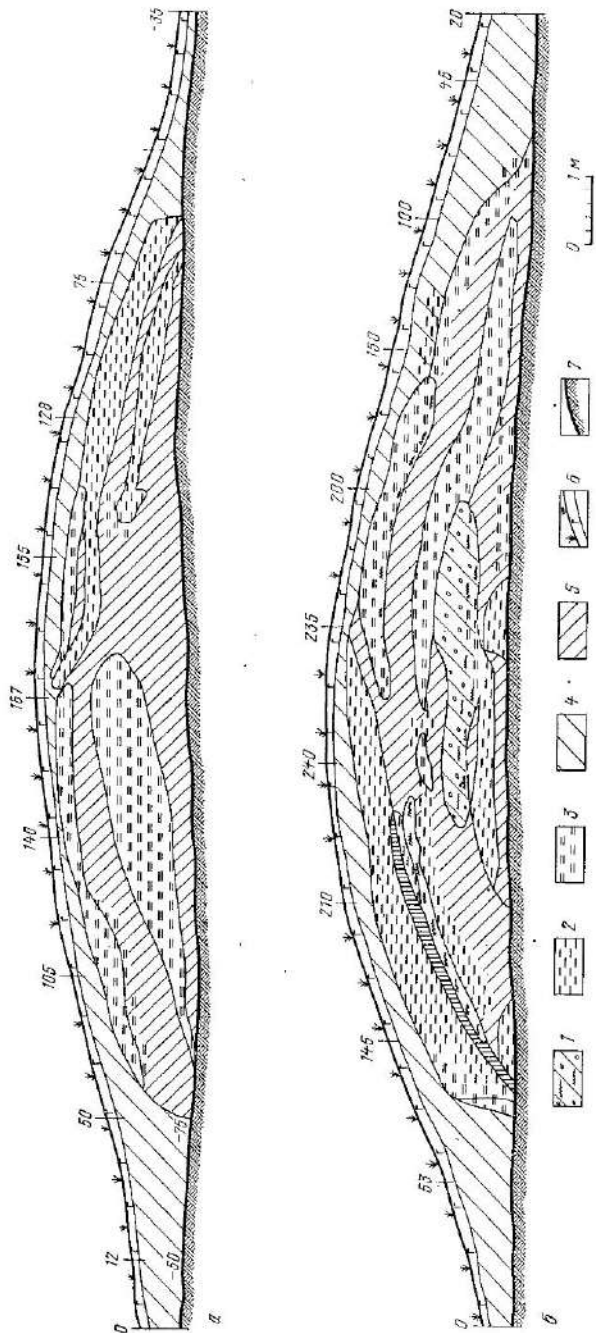

Рис. 32. Лужки, разрез вала, профили

1 — выхлый зольстый слой с мергелем; 2 — глина; 3 — обожженная глина; 4 — черный культурный слой; 5 — культурный слой с при-
 месью глины, извести и золы; 6 — погребенный слой; 7 — материк;
 а — западный профиль, б — восточный

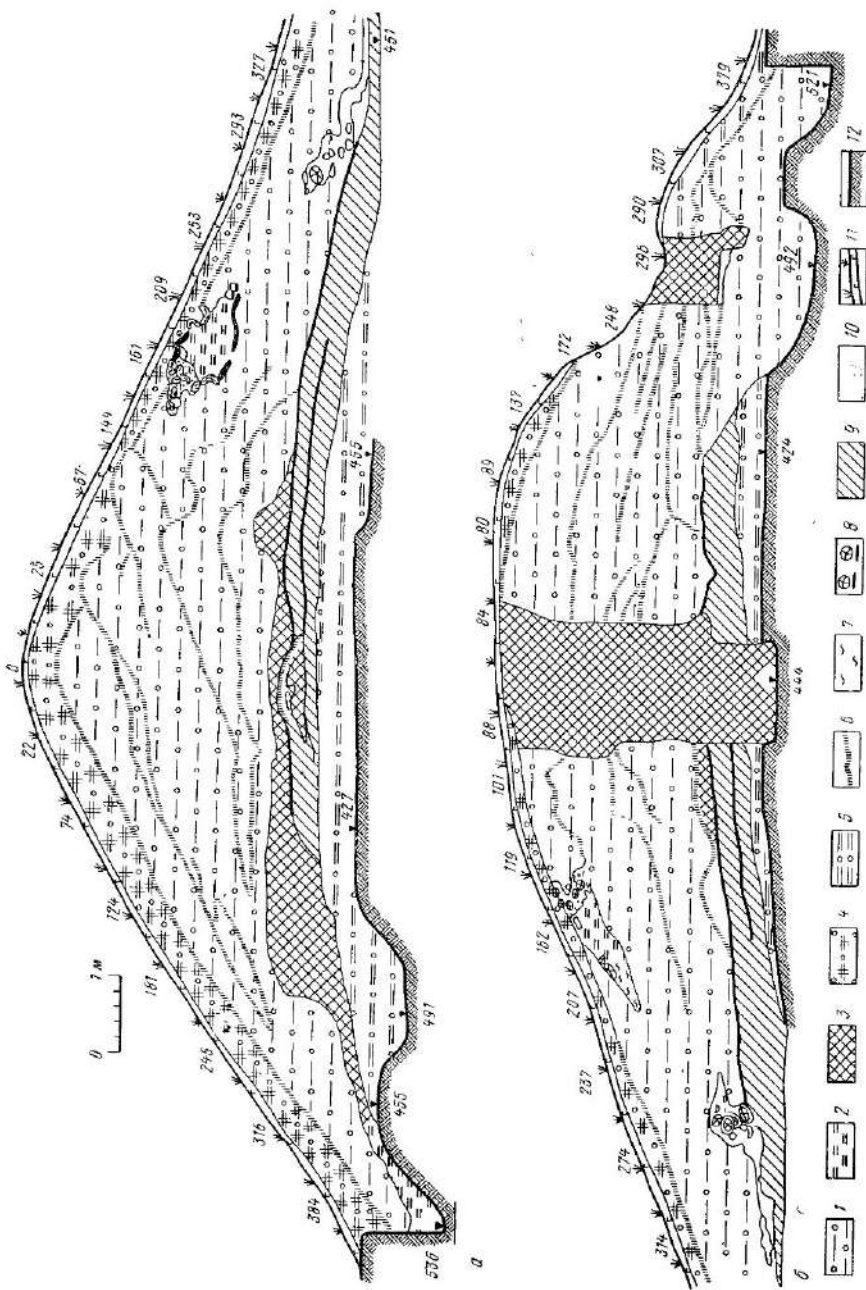

Рис. 33. Гать, разрез вала, профили
 1 — глина желтая с мергелем; 2 — обожженная глина; 3 — черно-желтый песчаник; 4 — глина коричневая с мергелем; 5 — светлая глина с мергелем; 6 — темные прослойки (дерн); 7 — зола; 8 — обожженное дерево, прослойки угля; 9 — черный культурный слой; 10 — песок; 11 — полевой слой; 12 — материк; а — восточный профиль, б — западный

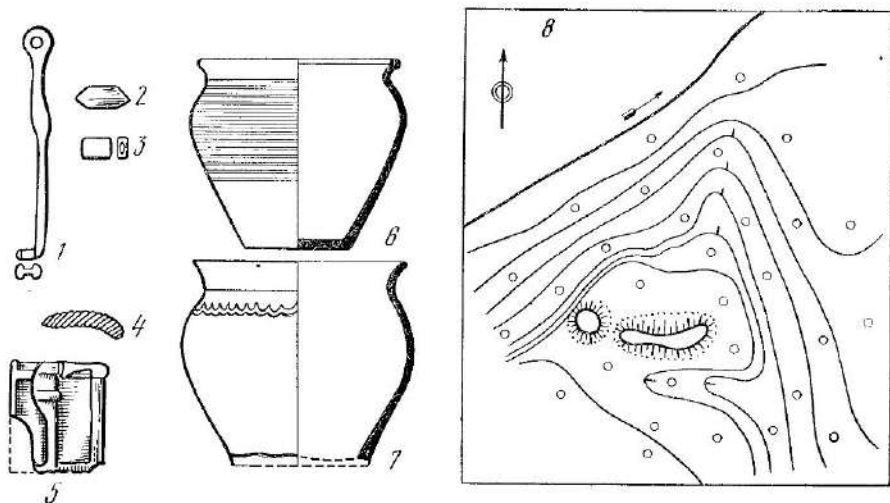

Рис. 34. Городище Неждино

1 — ключ; 2 — прирельце; 3 — бусина; 4 — стеклянный браслет; 5 — замок; 6, 7 — сосуды; 8 — план (по Р. Л. Розенфельдту)

ким (до 5 м) рвом. Высота вала от дна рва в западной части городища равна 8 м (со стороны площадки — 4 м). Следы въезда на городище открыты в восточной части поселения. Культурный слой (мощностью 0,4—0,8 м) содержит обломки гончарной керамики с линейным и волнистым орнаментом XII—XIII вв.

Вокруг городища на пашне расположено селище площадью 5400 кв.м; здесь встречена гончарная посуда, аналогичная городищенской¹³³.

Неждинское городище является небольшой феодалной усадьбой, к которой также примыкало неукрепленное сельское поселение. Городище у с. Неждино (Рузского р-на Московской обл.) расположено на высоком треугольном мысу, образованном правым берегом р. Рузы и впадающим в нее безымянным ручьем (рис. 34, 8). Площадка его размером около 400 кв. м (часть поселения разрушена во время разливов реки) возвышается над уровнем реки на 13 м; с напольной стороны городище укреплено валом высотой 2 м и рвом. Городище впервые обследовано в 1957 г. Р. Л. Розенфельдтом, а в 1961 г. его площадка была полностью исследована Московской экспедицией¹³⁴.

Поселение на Неждинском городке основано дяковским населением в IV—VII вв. и было укреплено двумя линиями валов. В XII—XIII вв. площадь поселения была расширена и древний внутренний вал спланирован. В то же время насыпь второго, внешнего вала была перестроена и уси-

¹³³ Миронова В. Г. Разведка в Тульской обл. — АО 1977 г. М., 1978, с. 74.

¹³⁴ Розенфельдт Р. Л. Разведки в Московской обл. — КСИИМК, 1960, вып. 79, с. 59, 60; Дубынин А. Ф. Отчет Московской экспедиции за 1961 г. Рузский отряд. — Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2328, 2328а, 1962.

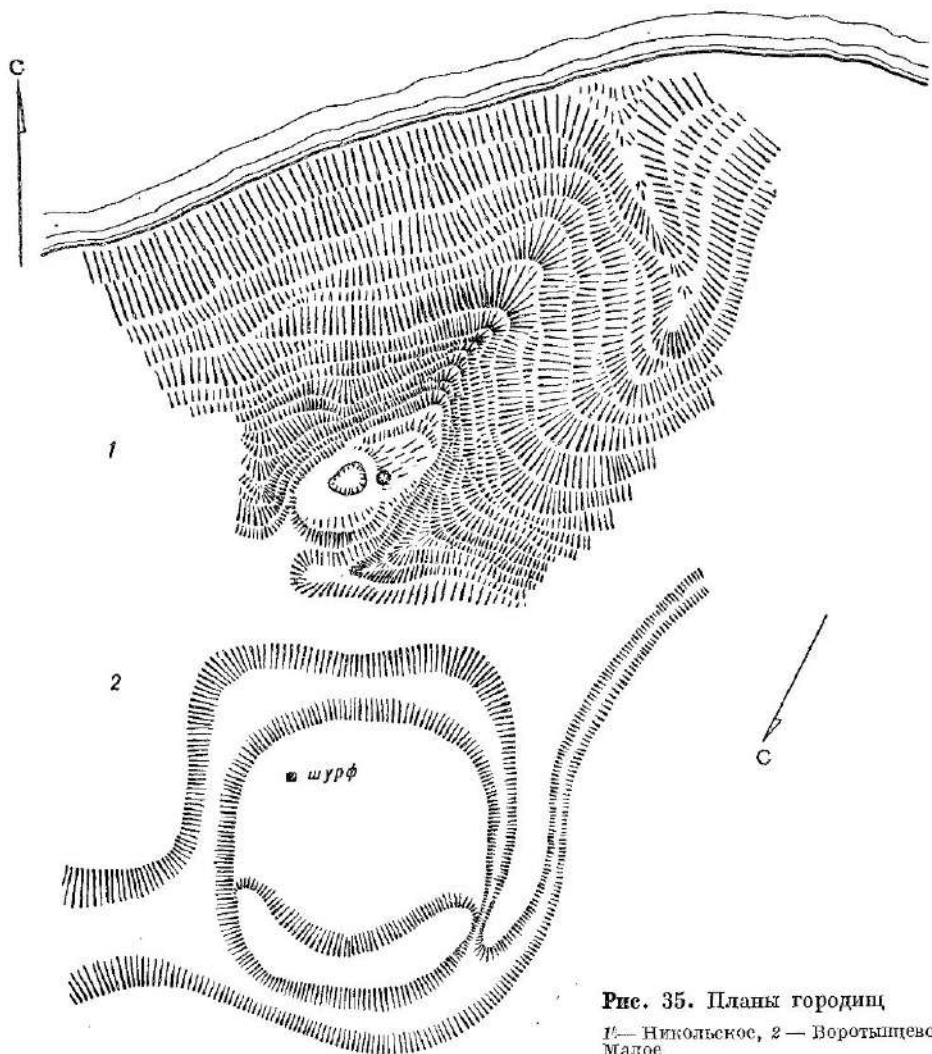

Рис. 35. Планы городищ

1—Никольское, 2—Воротыщцево-Малое

лена сооружением в северо-западной ее части небольшой сторожевой башни (размером 4×3 м), к которой шел проход со стороны площадки городища. Тогда же возникает поселение и за пределами укрепленной усадьбы. В культурном слое последнего (толщиной от 0,2—0,3 м до 1,2 м) выявлены остатки древнерусских жилых сооружений в виде развалов каменных очагов и ям от столбов-стульев. Найденные в слое вещи довольно характерны для памятников дашного типа (рис. 34, 1—7): это обломки разноцветных стеклянных и бронзовых витых браслетов, обломки стеклянных сосудов, бусы, стеклянные и хрустальные, железные серпы, косы, ножи, трубча-

тые замки и ключи к ним, удила, шиферные пряслица. Гончарная керамика, собранная на поселении, также характерна для XII—XIII вв.

Размеры феодальных усадеб

Площадь городищ—феодальных усадеб обычно невелика — от 1000 до 2000—3000 кв. м. Такие крошечные городки (площадью 500—600 кв. м), какие, например, известны на древлянкой земле или в Смоленщине, на исследуемой территории встречаются крайне редко. Таковы, например, мысовое городище, расположенное на очень высоком берегу р. Оки у д. Никольской (Калужский р-н Калужской обл.) (рис. 35, 1), круглое городище у д. Воротынцево на р. Зуше (Малое городище) (рис. 35, 2) или Малое Слободкинское городище на р. Навле (Шаблыкинский р-н Орловской обл.), городище Неждино (рис. 34, 8). Подобные небольшие усадьбы принадлежали, очевидно, небогатым феодалам. В то же время на рассматриваемой территории известны и такие крупные феодальные усадьбы, как, например, Новый городок Ольгов площадью около 2 га, возможно принадлежавший одному из рязанских князей.

Планировка феодальных усадеб

Внутренняя планировка феодальных усадеб рассматриваемой территории недостаточно исследована, так как ни одно поселение не раскопано полностью.

Наиболее хорошо исследованным феодальным замком, упомянутым в письменных источниках, является Спасское городище (летописный Спашь). Раскопками 1967 и 1971 гг. вскрыта почти половина площадки поселения. Центр площадки и ее южная часть (где был въезд) (рис. 36, 1) были почти свободными от построек. Основные сооружения открыты в северо-западной части городища, у вала. Здесь обнаружен развал каменного фундамента большого дома, принадлежавшего, очевидно, самому владельцу усадьбы. В северной части постройки сохранились крупные каменные блоки правильных очертаний от печи типа камина. На территории жилища открыт люк в подземный ход, ведущий прямо к реке; выход его виден в обрыве городища со стороны р. Неполодь. Подобное сооружение впервые обнаружено на поселениях Земли вятичей. Неподалеку от дома феодала находилось и жилище челядина — полуземлянка с глинобитной печью (рис. 36, 2), а также целый ряд хозяйственных ям типа погребов.

В пределах жилища феодала найдены обломки стеклянных и бронзовых витых и створчатых браслетов (рис. 27, 8, 19, 20, 10, 16), бронзовые решетчатые и серебряный круглопроволочный перстни, бронзовый круг от подсвечника (рис. 27, 15, 7, 26, 17), железные накопечники стрел (рис. 27, 2—5), серпы, пружинные ножницы¹³ (рис. 27, 22, 6).

При раскопках В. В. Седова в Смоленщине полностью вскрыты площадки двух маленьких феодальных усадеб — Воицины и Бородинского городища, благодаря чему можно составить представление об их планировке. Двор владельца усадьбы с его домом и хозяйственными постройками находился в средней части поселения, как бы под прикрытием окружающих

¹³⁵ Никольская Т. П. Работы на Верхней Оке. — АО 1971 г. М., 1972, с. 104.

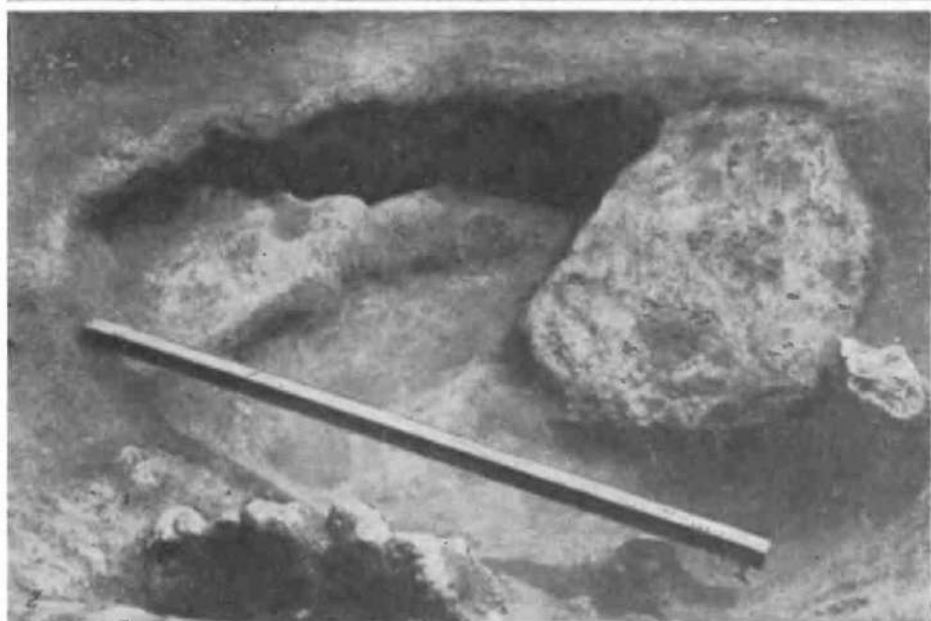

Рис. 36. Городище Спасское

1 — везд со стороны поя; 2 — углубленная часть жилища с глинобитной печью (фото автора)

его построек челяди. Последние чаще всего располагались по периметру площадки городища¹³⁶.

Хозяйственная деятельность обитателей феодальных усадеб.

Многочисленный инвентарь, найденный в культурном слое феодальных усадеб, а также рядовых сельских поселений, дает некоторое представление о характере и уровне развития культуры населения Земли вятичей в XI—XIII вв.

Несомненно, что во многих усадьбах вместе с феодалом селились не только приближенные к нему слуги, но и ремесленники, постоянно занятые производством материальных благ¹³⁷. Самая многочисленная категория зависимого населения — смерды жили по деревням и селам за пределами укрепленной усадьбы¹³⁸.

На ряде поселений удается выявить следы имущественной дифференциации. Так, на городище Спас-Перекша наряду с обычными предметами быта (железные ножи, замки, ключи, наконечники стрел) и украшениями из бронзы (браслеты, перстни, крестики) найдены маленькая золотая лунница, серебряное височное кольцо и браслет¹³⁹. Интересны монетовидная серебряная подвеска с изображением геральдического зверя, обнаруженная на городище Гать, и небольшое изделие из рога, орнаментированного тонкими прочерченными поясками в виде арочек, возможно служившее футляром для ножа или кинжалчика с городища у с. Городище (р. Цоп)¹⁴⁰. Такое же неравенство в инвентаре и жилищах отмечено В. В. Седовым на Бородинском городище¹⁴¹.

Так же как и на многих других территориях древней Руси, основной отраслью хозяйства всех известных владельческих поселений в бассейне Верхней и Средней Оки являлось земледелие. Земледельческие орудия — сошники, серпы, косы-горбуши, а также жернова были найдены на многих городищах (Лужки, Титово-Мотыка, Вышгород).

Есть все основания полагать, что в эту эпоху господствующей формой хозяйства было пашенное земледелие. Найденный на городище Лужки сошник (рис. 37, 5) по форме напоминает один из сошников селища Лебедки. Наряду с земледелием важную роль в хозяйстве играло животноводство, подсобными отраслями, как обычно, являлись рыболовство и охота.

Многочисленные находки продукции и орудий труда кузнецов, плотников, ювелиров и т. д. не являются, может быть, свидетельством развития

¹³⁶ Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. — МИА, 1960, № 92, с. 60, рис. 27; с. 96, рис. 45.

¹³⁷ В. И. Довженок писал, что жителями феодального двора, кроме самого владельца и его слуг, были ремесленники, рядовичи и закупы по терминологии «Русской Правды» (Довженок В. И. Археологический комментарий. . ., с. 33).

¹³⁸ Седов В. В. Сельские поселения. . ., с. 103. Непосредственно за валами некоторых городищ существуют неукрепленные поселения, своего рода «посады», где также жило зависимое от феодала население.

¹³⁹ Бульчов Н. И. Журнал раскопок. . ., табл. XVIII, рис. 5, 10, 13.

¹⁴⁰ Седов В. В. Сельские поселения. . ., с. 124.

¹⁴¹ Никольская Т. П., Полубояринова М. Д. Раскопки древнерусских городищ. . ., с. 65, рис. 22, 1, 3.

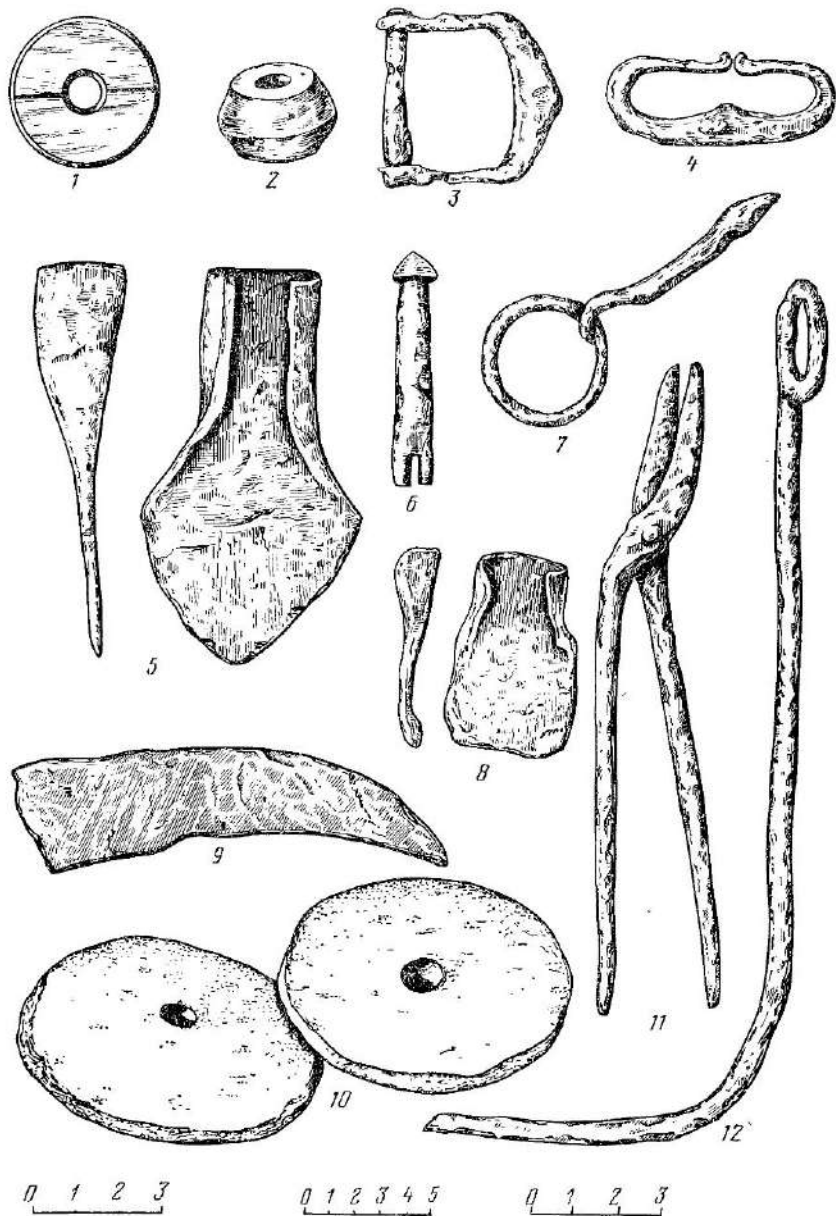

Рис. 37. Городище Лужки. Вещи, найденные на городище

1, 2 — прислица; 3 — пряжка; 4 — кресало; 5 — сошник; 6, 7 — части удила; 8 — мотыжка; 9 — обломок косы; 10 — жернова; 11 — ножницы по металлу; 12 — ключ

ремесла в полном смысле слова, когда предметы изготовлялись для продажи, как это было в городах. В основном все специалисты-ремесленники работали для удовлетворения потребностей феодальной усадьбы, и ремесло не являлось единственным занятием, однако следует отметить, что некоторые инструменты, найденные на городищах, свидетельствуют и о довольно узкой специализации ремесла, присущей профессионалам-ремесленникам. Так, интерес представляют найденные на городище Лужки железные пожницы по металлу (рис. 37, 11), принадлежащие ювелиру или древнерусскому «кузнецу меди и серебра». Обычные инструменты плотника — топоры, тесла и долота также известны из раскопок владельческих поселений (Мощины, Лужки, Спасское, Пальное, Вышгород)¹⁴³. Причем, особый интерес представляет найденное при раскопках на городище Лужки колочатое тесло, также свидетельствующее о специализации ремесла.

Значительную часть всех находок составляет оружие и снаряжение всадника. Наиболее часто на городищах встречены наконечники стрел (Ждамирово, Гонючево, Титово-Мотыка, Городище, Лужки, Спас-Перекша, Мощины и т. д.), наконечники копий (Мощины); известны защитные доспехи — пластинки от панциря (городище Спас-Перекша).

Из предметов снаряжения всадника наиболее часты находки удила и псалий (рис. 37, 6, 7) (Лужки, Мощины, Спасское), шпоры и стремяна (Ждамирово, Спас-Перекша).

Многочисленны предметы украшений, найденные на городищах. Самой распространенной категорией среди них являются обломки разноцветных стеклянных браслетов, которые резко выделяют феодальные усадьбы среди других сельских поселений. Как известно, крестьянки обычных деревень не носили стеклянных браслетов и перстней. Часты находки бронзовых витых или пластинчатых браслетов (Спасское, Лужки, Мощины, Спас-Перекша). Несколько раз на поселениях найдены обломки бронзовых и серебряных семилопастных височных колец (Спас-Перекша) и речетчатые перстни (Спасское, Лужки), хрустальные шарообразные бусы и т. д.

Среди прочих предметов быта обычны находки железных пожей, замков, ключей, кресал, пробоев и т. п. Интересна находка железного псалия из раскопок Н. И. Булычова на городище Спас-Перекша¹⁴³.

На днищах глиняных горшков обнаружены клейма, среди которых особенно выделяется клеймо в виде княжеского знака — трезубца на одном из сосудов городища Титово-Мотыка¹⁴⁴.

¹⁴³ Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 292, рис. 130, с. 293, рис. 131а.

¹⁴³ Булычов Н. И. Журнал раскопок. . ., табл. XXI, 12.

¹⁴⁴ Никольская Т. П., Нолубовичева М. Д. Раскопки древнерусских городищ. . ., с. 65, рис. 22, 2.

КУРГАНЫ ВЯТИЧЕЙ XI—XIII ВВ.

На обширных просторах бассейнов рек Оки и Москвы с их многочисленными притоками разбросаны сотни невысоких курганов, оставленных населением деревень XI—XIII вв. Изучение этих сельских кладбищ, выявившее единообразие погребального обряда и сходство погребального инвентаря, сопровождавшего умерших в их «загробный мир», позволило ученым обрисовать границы этнографической территории восточнославянского племени вятичей.

Если до XI в. курганы и ранние селища известны главным образом в бассейне Верхней Оки, а севернее (течение р. Москвы) и восточнее (Средняя Ока) проникали только отдельные изолированные группы славян, то с XI в., во всяком случае со второй половины его, можно говорить о массовом расселении славян в этих областях. Курганы с труположениями и сельские поселения XI—XIII вв. занимают всю территорию Земли вятичей, причем курганными кладбищами усеяны берега даже самых мелких рек.

Первые вятичские курганы с труположениями были раскопаны в 1838 г. А. Д. Чертковым¹. В 60—90-е годы прошлого и в начале нашего столетия раскопки вятичских курганов Подмосковья велись А. П. Богдановым², А. И. Кельсиевым³, Н. Г. Керцелли⁴, А. М. Анастасьевым⁵, П. Н. Милоковым⁶.

Большие работы проводились в эти годы Н. И. Булычевым по водоразделу верхних притоков Днепра и Волги, по Жиздре, Оке и Угре⁷.

В Рязанской земле в это же время интенсивно ведутся работы Рязанской ученой архивной комиссией (с 1884 по 1909 г. раскопано 300 курганов). В 1896—1898 гг. большие группы вятичских курганов раскопаны в быв. Зарайском у., вблизи г. Пронска и у с. Осова⁸.

¹ Чертков А. Д. О древних вещах, найденных в 1838 г. в имени Н. А. Толстого. — В кн.: Русский исторический сборник. М., 1838, т. III.

² Богданов А. П. Материалы для антропологии курганного периода в Московской губ. — ИОЛЕА и Э. М., 1867, т. IV.

³ Кельсиев А. И. Подмосковное курганное кладбище при д. Митиной. — Древности, М., 1885, т. X.

⁴ Керцелли Н. Г. Отчет о раскопках курганов Рузского и Подольского уездов. — ИОЛЕА и Э. М., 1879, т. XXI.

⁵ Анастасьев А. М. О раскопках курганов Коломенского уезда. — ИОЛЕА и Э. М., 1876, т. XX.

⁶ Милоков П. Н. Отчет о раскопках рязанских курганов летом 1896 г. — Тр. X Археологического съезда. М., 1899, т. 1.

⁷ Булычев Н. И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899; *Он же*. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М., 1903; *Он же*. Раскопки по среднему течению р. Угры. — Записки Моск. археол. ин-та. М., 1913.

⁸ Черетин А. И. Дневник раскопок курганов, произведенных в 1896 г. членом Рязанской ученой архивной комиссией. — ТРУАК, 1896, т. XI, вып. 2; Милоков П. Н. О раскопках курганов летом 1896 г. — ТРУАК, 1899, вып. 2; Черетин А. И. Днев-

Все эти работы позволили А. А. Спицыну уже в то время наметить границы территории расселения вятичей. По мнению исследователя, они шли по верховьям Жиздры, течению Угры, от д. Городище к верховьям рек Москвы, Клязьмы, Оки до устья Угры, а от устья Угры до Черни и г. Лихвина (совр. Чекалин) и затем снова к верховьям Жиздры⁹. В более поздней работе А. А. Спицын уточнил свои выводы, отметив, что курганы вятичей XI—XII вв. известны по Оке впадина почти от г. Орла, до Рязани, а также на притоках ее — Жиздре, Упе, Угре и Москве до верховьев Клязьмы¹⁰.

В 20—30-е годы разведки и раскопки вятичских курганов ведутся экспедициями ГАИМК и местных музеев.

В Подмоскowie работают А. В. Арциховский, М. А. Арсакова, А. Ф. Дубынин, В. А. Рыбаков, А. П. Смирнов, М. Е. Фосс, Л. А. Евтюхова, в Рязанской обл. — В. А. Городцов, А. А. Мансуров, Н. П. Милонов, в верхнем течении Оки — Н. П. Милонов, П. С. Ткачевский, К. Я. Виноградов, М. А. Дружинин и др.

Накопление материала создало предпосылки для его обобщения. Первое по-настоящему научное исследование материалов вятичских курганов, как известно, предпринято А. В. Арциховским. Прежде всего им была разработана типология вещевого материала, а на ее основе сделаны хронологические, а затем и исторические выводы¹¹.

Пять основных категорий вещей: семилопастные височные кольца, решетчатые перстни, хрустальные и желтостеклянные шарообразные бусы, пластинчатые загнутоконечные браслеты — определены как племенные признаки вятичей. Все погребения были разделены А. В. Арциховским на три хронологические стадии — I—XII, II—XIII, III—XIV вв.

В общей сложности для типологических и хронологических выводов А. В. Арциховским проанализировано 229 женских могильных инвентарей из 61 географического пункта, причем вятичскими являлись 167 погребений, а 69 принадлежали пограничным кривичам.

В послевоенные десятилетия разведки и раскопки вятичских курганов велись главным образом в Подмоскowie. Здесь работали экспедиция Московского государственного университета под руководством А. В. Арциховского¹², Московская экспедиция Института археологии АН СССР (А. Ф. Дубынин, Т. В. Равдина¹³, Р. Л. Розенфельдт¹⁴, М. Г. Рабинович,

ник раскопок Пронских курганов. — ТРУАК, 1898, т. XIII, вып. 1, с. 53—57; *Проходцев И. И.* Осовские курганы. — ТРУАК, 1899, т. XIV, вып. 1, с. 73—76.

⁹ Спицын А. А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. — ЖМНП, 1899, август, с. 334.

¹⁰ Спицын А. А. Русская историческая география. ПГ., 1917, с. 22.

¹¹ Арциховский А. В. Курганы вятичей. — РАНИОН. М., 1930.

¹² Арциховский А. В. Царицынские курганы. — МИА, 1947, № 7, с. 77.

¹³ Равдина Т. В. Царицынские курганы. — СА, 1963, № 4, с. 213; *Она же.* Шешимровские курганы. — В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 222.

¹⁴ Розенфельдт Р. Л. Захрянинские курганы XII—XIII вв. на р. Рузе. — КСИА, 1964, вып. 99, с. 103; *Она же.* Григоровские курганы XII—XIII вв. — КСИА, 1967, вып. 110. *Она же.* Битяговские курганы. — АО 1968 г. М., 1969, с. 77; *Она же.* Раскопки на Рожас. — АО 1969 г. М., 1970, с. 73; *Она же.* Разведки и раскопки вятичских курганов в Подмоскowie. — АО 1967 г. М., 1968, с. 52; *Она же.* Битяговские курганы. — СА, 1963, № 4, с. 217; *Она же.* Константиновские и Залесевские кур-

М. А. Сабурова, А. А. Юшко¹⁵, экспедиция Музея истории и реконструкции Москвы (А. Г. Векслер¹⁶, Г. П. Латышева¹⁷, В. Качанова), Исторического музея (Н. Г. Недошивина, А. В. Успенская)¹⁸. Таким образом, со времени 30-х годов до наших дней количество раскопанных курганов вятичей, а следовательно, и добытых курганных инвентарей увеличилось, существенно совершенствовалась методика изучения курганов и фиксации полученного материала.

Все это сделало необходимым вновь обратиться к изучению богатого материала многочисленных курганов вятичей и проанализировать их в свете новейших открытий и достижений советской археологии.

В 1974—1975 гг. курганам вятичей было посвящено два исследования, защищенные их авторами в качестве кандидатских диссертаций. Это работа Н. Г. Недошивиной «Погребальный обряд вятичей XI—XIII вв.» и работа Т. В. Равдиной «Хронология «вятичских» древностей».

Основные выводы своих исследований авторы опубликовали в ряде статей. Ранее историко-археологическая характеристика племени вятичей строилась в основном на вещевом материале курганов, и погребальный обряд вятичей до настоящего времени детально не изучался. Работа Н. Г. Недошивиной восполняет этот пробел: автор рассмотрел погребальный обряд вятичей не только как важный исторический источник для изучения идеологических представлений племени, но использовал его также для целого ряда хронологических и типологических выводов. Для этой цели Н. Г. Недошивиной изучено 1349 погребальных комплексов (717 погребений на материке и 632 погребения, расположенные в могильной яме). Естественно, что погребальный обряд рассматривается не изолированно, а в совокупности с вещевым инвентарем курганов. Очень важно, что основные выводы сделаны Н. Г. Недошивиной не только на основании отчетов прежних исследователей, но также и по материалам собственных раскопок в трех, хронологически различных курганных группах (Повленская, Акатово, Маклаково), где вскрыты 84 погребения¹⁹.

Основной вывод, к которому приходит исследовательница погребального обряда вятичей, заключается в следующем.

ганы. — СА, 1966, № 4, с. 202; *Она же*. Раскопки курганов у с. Битягово в 1968—1970 гг. — СА, 1973, № 1, с. 192.

¹⁵ Юшко А. А. Покровские и Стрелковские курганы. — СА, 1972, № 1.

¹⁶ Векслер А. Г. Раскопки в Западном Подмоскowie. — АО 1966 г. М., 1967, с. 42; *Она же*. Семиверхие курганы вятичей в Одинцове под Москвой. — В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1970, с. 122.

¹⁷ Латышева Г. П. Раскопки курганов у ст. Матвеевской в 1953 г. — Тр. Музея истории и реконструкции Москвы, 1954, вып. 5.

¹⁸ Недошивина Н. Г. Повленские курганы. — АО 1969 г. М., 1970, с. 69; *Она же*. Акатовский курганный могильник XI—XII вв. в Подмоскowie. — В кн.: Экспедиция ГИМ. М., 1969, с. 214—227; Успенская А. В. Звенигородские курганы. — КСИИМК, 1953, вып. XLIX, с. 124—133.

¹⁹ Недошивина Н. Г. Погребальный обряд вятичей XI—XIII вв. Автореф. канд. дисс. М., 1974, с. 6, 9; *Она же*. Хронологические различия в погребальном обряде вятичей. — В кн.: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971, с. 182, 184; *Она же*. Курганный могильник у дер. Маклаково. — В кн.: Археология Рязанской земли. М., 1974, с. 240.

В XI—XIII вв. на обширной территории северо-востока Руси, заселенной двумя большими славянскими племенами — вятичей и кривичей, существовало единство погребального обряда, что, в свою очередь, свидетельствует о единстве идеологических представлений населения данной области. И поскольку погребальный обряд не помогает выделить племя вятичей среди остальных племен, основным критерием для определения племенной принадлежности по-прежнему являются женские украшения, и в первую очередь височные кольца. Эти племенные украшения, по мнению П. Г. Недошивиной, отражают древнее этническое единство изучаемой области. «Это единство находит свое выражение в археологическом материале сравнительно поздно — лишь в XI—XIII вв. в силу целого ряда социальных причин, в частности в связи с тем, что именно на этот период падает расцвет ремесла»²⁰.

Вместе с тем летописные данные свидетельствуют о сложении этого этнического и социального единства вятичей в значительно более раннее время (IX в.), чем появляются археологические признаки этого единства.

В диссертации Т. В. Равдиной «Хронология «вятичских» древностей» изучено около 3000 погребальных комплексов из 500 могильников, в результате чего удалось уточнить типологию и датировку основного определяющего признака вятичей — семелопастных височных колец²¹.

Несмотря на то что христианская религия боролась с обычаем сожжения мертвых и обряд трупоположения становится в XI в. господствующим, все же можно отметить, что пережитки языческой погребальной обрядности в курганах XI—XIII вв. живут в народной вере еще долго и свидетельствуют о преемственности в вятичском погребальном обряде.

Эти археологические данные вполне согласуются записями Пестора-летописца о погребальном обряде вятичей.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Курганные кладбища XI—XIII вв. в Земле вятичей расположены на возвышениях, чаще на берегах рек, и обычно невелики. В курганной группе насчитывается от 5 до 30—40 насыпей, чаще до 20 (рис. 38), что соответствует и небольшим размерам селищ. В местах наибольшего скопления населения встречаются могильники значительных размеров, 50—100 насыпей (например, Апискино, Доброе), а могильник, открытый экспедицией Музея истории и реконструкции Москвы на окраине г. Одинцово (в Подушкинском лесу), состоит из 234 насыпей. Правда, в него входит восемь отдельных курганных групп, расположенных с интервалом 200—400 м; каждая из них являлась, очевидно, кладбищем одной деревни.

По внешнему виду курганы с трупоположениями ничем не отличаются от круглых курганов с кремацией, и часто находятся в одной с ними группе. Они имеют полусферическую форму, высоту от 0,3 до 1,5—2—3 м, диаметры — от 5 до 12—16 м. Вокруг основания насыпи встречаются ровики и

²⁰ Недошивина П. Г. Погребальный обряд вятичей. . . , с. 16.

²¹ Равдина Т. В. Типология и хронология лопастных височных колец. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 136—142.

перемычки. Обычно курганы раннего времени имеют более высокую насыпь, позднее, когда погребения совершаются в могильных ямах — курганы становятся менее высокими.

Однако нет правил без исключения. В Одинцовских курганных группах (раскопано всего 50 насыпей) наблюдается другая закономерность: ранние курганы времени XI—середины XII вв. — невысокие, до 1,5 м, более поздние крупнее, форма их насыпей разнообразнее²³. Кроме того, в курганной группе Одинцово обнаружена и очень редкая форма курганных насыпей — усеченноконическая.

Пять курганов с плоской вершиной отмечены в Волковской курганной группе у Звенигорода (16, 19, 21, 32, 33)²³. Все погребения в этих курганах обнаружены в могильных ямах глубиной от 0,6 до 0,95 м. Высота курганов от 0,06 до 0,85 м, диаметры — от 5,5 до 8 м.

В седьмой курганной группе Одинцова (7) исследован еще один необычный тип курганов, слитых из семи насыпей. На поверхности таких курганов (диаметром 14 и 16 м) четко выделялись семь самостоятельных вершин. Погребения находились только под центральными вершинами, внешние насыпи имели, по-видимому, символическое значение. Таким образом, семивершие курганы являются своеобразным типом единовременно сооруженного кургана²⁴.

В Царицынских курганах (в группе Орешково, курган 4) А. В. Арциховским отмечен еще один тип насыпи кургана — седлообразный в профиле. Исследователь их предполагает, что такой курган сооружался в несколько приемов: сначала сооружались четыре холмика, грунт для которых брался из ровиков, а затем земля снова подсыпалась, в результате чего малые холмики слились в один большой курган (верхняя часть его насыпи состояла из земли, привезенной со стороны)²⁵.

Курганные насыпи в могильниках часто группируются без особого порядка, но иногда располагаются параллельными рядами, в шахматном порядке или по полукругу.

Характерной особенностью некоторых вятичских курганных могильников является наличие отдельных крупных насыпей, расположенных в стороне от группы: высота этих курганов от 3,5 до 6 м (Митино, Беседы, Доброе, Никольское, Верхогрязье)²⁶.

Так же, как и в курганах соседних кривичей, в вятичских курганах известно два основных типа погребального обряда: погребения на материке (горизонте) и погребения в грунтовых ямах. Известны курганные группы, в которых погребения обнаружены только на материке, или только в могильных ямах, что, несомненно, объясняется разным хронологическим

²³ Векслер А. Г. Семивершие курганы. . . , с. 122.

²⁴ Аодусина Г. А. Три курганные группы у Звенигорода. — В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962, с. 272.

²⁵ Векслер А. Г. Семивершие курганы. . . , с. 124.

²⁶ Арциховский А. В. Царицынские курганы. . . , с. 77. Не подобия ли такого типа курганы «семивершим» только с той разницей, что у них было четыре насыпи, а не семь? Однако способ сооружения этого кургана, как видно, отличался от семиверших курганов.

²⁶ Эта особенность отмечена Е. И. Горюновой (Этническая история Волго-Окского междуречья. — МИА, 1961, № 94, с. 208).

периодом существования этих могильников. Как показала Н. Г. Недошвина, ямные погребения вятичей (так же, как и кривичей), всегда позднее погребений на горизонте и относятся к XII—началу XIII в.²⁷

Картографирование основных типов погребального обряда вятичей позволило сделать два существенных вывода: 1) в западной части Земли вятичей преобладают курганы с погребениями на горизонте, относящиеся к ранней стадии (XI—начало XII в.). Курганы с погребениями в могильных ямах XII—XIII вв. распространены главным образом на востоке вятичской территории, в низовьях Москвы и в районе Рязанского Поочья; 2) в некоторых курганных группах встречаются как погребения на горизонте, так и в могильных ямах, что вполне естественно, так как оба типа погребального обряда в течение какого-то времени (XII в.) сосуществуют²⁸.

Подавляющее большинство вятичских труположений имеет западную ориентировку. Некоторые незначительные отклонения к северу или к югу могут объясняться временем года, в которое совершались погребения²⁹. Однако известны курганы, в которых обнаружена восточная или меридиональная ориентировка погребенных. Как правило, восточная ориентировка известна в вятичско-кривичском пограничье³⁰, в бассейне Жиздры и Угры (Войлово, Васильевское, Леоново, Ступеньки, Ивановское, Шатуны, Колчино), в бассейне р. Москвы (Волково, Черемушки, Александровка, Потапово, Колоколово); меридиональная ориентировка характерна для рязанского течения Оки (Апониичицы, Городец, Земское, Ситково). Восточная ориентировка погребенных связывается с наследием балтского субстрата на данной территории³¹, меридиональная — с финской погребальной обрядностью³².

Женские вятичские погребения на горизонте обычно сопровождаются богатым набором украшений, мужские или безинвентарны, или содержат мало вещей. Частой принадлежностью как женских, так и мужских погребений является глиняный горшок, который ставился в головах или у ног.

Погребения в могильных ямах появляются у вятичей так же, как и у соседних верхневолжских³³ или полоцко-смоленских кривичей³⁴, позднее,

²⁷ Недошвина Н. Г. Хронологические различия в погребальном обряде вятичей. — В кн.: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971, с. 190, рис. 1, с. 193.

²⁸ Недошвина Н. Г. Хронологические различия. . . , с. 191 и сл.

²⁹ Отклонение на юго-запад бывает в том случае, если погребения совершались летом, на северо-запад — зимой (Арцизовский А. В. Курганы вятичей. . . , с. 107).

³⁰ По подсчетам Н. Г. Недошвиной, которая оперирует 1349 погребениями вятичей и пограничных кривичей, восточная ориентировка встречена в 80 погребениях, северная в 13, а южная в 8. Если же от этих цифр вычесть погребения с кривичскими комплексами (Колчино, Богоявление, Синьгово), на которые в основном падает восточная ориентировка, то на долю вятичских погребений придется ничтожная цифра (Недошвина Н. Г. Погребальный обряд вятичей. . . , с. 10).

³¹ Седов В. В. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси. — СА, 1964, № 2, с. 103—121.

³² Седов В. В. Финно-угорские элементы в древнерусских курганах. — В кн.: Культура древней Руси. М., 1966, с. 246, 248.

³³ Никольская Т. И. Хронологическая классификация Верхневолжских курганов. — КСИИМК, 1949, вып. XXX, с. 41.

³⁴ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья. . . , с. 117.

чем захоронения на горизонте. Глубина могильных ям первоначально невелика — от 0,1—0,3 м; позднее доходит до 1—1,5 м.

Если в курганах с погребениями на горизонте покойники лежат вытянуто на спине, с руками вдоль тела, то в ямных захоронениях наблюдается отход от этого ритуала: руки покойных в большинстве курганов сложены на груди. Особенно показательны в этом отношении Маклаковские курганы: во всех курганах, вскрытых Н. Г. Недошивиной, покойники лежали в ямах со сложенными на груди руками³⁵. Как известно, обычай погребения умерших со сложенными на груди руками приходит на Русь вместе с распространением христианства, что нашло свое отражение как в письменных источниках, так и в изобразительном материале³⁶.

Погребения в ямах, как правило, бедны инвентарем, или вовсе не содержат вещей. Так, раскопанные А. И. Черепниным Пронские курганы, в большей части которых обнаружены погребения в неглубоких ямах, оказались очень бедны инвентарем и датируются XIII в.³⁷ Исчезают постепенно в курганах и горшки, поставленные с пищей, которые позже заменяются черепками битой посуды (Одинцово, Новленская, Стрелково, Пронск). Иногда в курганах находят остатки полустлелвших досок гроба или чаще — дубовой колоды и гвозди, которыми прибывались крышки гробов. Величина гроба обычно делалась по росту покойника, но известен случай, когда длина гроба была 3,4 м, а ширина 1,2 м (Матвеевская, курган 4)³⁸. Вместо гроба использовалась и береста, в которую обертывали покойника (Митино, Пякульское), а иногда в бересту обертывали даже гроб³⁹.

Как отмечалось выше, обряд трупосожжения доживает у вятичей до XI—начала XII в. и в течение какого-то времени (может быть, более полувека) оба обряда сосуществовали. С XI в. обряд трупоположения уже господствовал на исследуемой территории. Однако некоторые пережитки обряда трупосожжения еще долго встречаются в курганах с погребениями песоженных трупов. Таковыми являются: 1) угольные прослойки в насыпи кургана, угли и кострица на материке рядом с погребенным. Как правило, эти курганы относятся к ранней стадии погребений — XI в. (Черемушки, Матвеевская, Шишимрово, Одинцово)⁴⁰; 2) деревянные ящики или срубы: Воскресенский посад (курганы 1, 2, раскопки В. А. Городцова); любопытно, что в этих курганах ящики стояли так же, как и в курганах с трупосожжениями непосредственно под полами кур-

³⁵ Недошивина Н. Г. Хронологические различия в погребальном обряде вятичей. . . , с. 193.

³⁶ Любопытно, что в миниатюрах Радзивилловской летописи, сопровождавших рассказы о смерти и погребении князей, все князья (Ольга, Владимир, Борис) изображены со скрещенными на груди руками, кроме Олега Святославича, который остался язычником, и потому похоронен с руками, вытянутыми вдоль тела (Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. СПб., 1902. Ольга: л. 36 об.; Владимир: л. 74, Борис: л. 76, Олег Святославич: л. 42).

³⁷ Черепнин А. И. Дневник раскопок Пронских курганов. — ТРУАК, 1898. т. XIII, вып. I, с. 53—76; Монгайт А. Л. Рязанская земля. . . , с. 217, рис. 93.

³⁸ Латышева Г. П. Раскопки курганов у ст. Матвеевской в 1953 г.

³⁹ Соловьева Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. — СА, 1956, XXV.

⁴⁰ Раевина Т. В. Шишимровские курганы. . . , с. 225; Векслер А. Г. Семиверхие курганы. . . , с. 122.

ганов⁴¹, д. Покров (курган 15), д. Стрелково (курган 9)⁴² уроч. Мерещце (раскопки Н. И. Булычова); 3) кольцевые канавки вокруг погребений, расположенных на горизонте (д. Стрелково, курган 2; дом отдыха «Быково», курган 1; Одищово). Канавки заполнены светлым супесчаным грунтом с включением угольков и имеют форму либо эллипса, либо разомкнутого кольца (ширина их от 0,1 до 0,35 м, глубина от 0,14 до 0,4 м)⁴³; 4) сооружение земляных валов вокруг погребения; этот обряд, по-видимому, близкий предыдущему, отмечен только в Звенигородских курганах. Валу (или скорее «валики») состояли из того же грунта, что и погребенная почва, так как земля для их насыпки бралась из ровиков. Высота валов 0,3—0,45 м, ширина 0,5—0,7 м. Так же, как и кольцевые канавки, валы в плане образуют овал⁴⁴; 5) сюда же, по-видимому, относится и обычай сооружения каменных кругов в насыпи кургана (из валунов), также напоминающих кольцевые оградки равнин вятичских курганов (Волково, Мякинино, Черемушки). Камни встречаются в курганах и при погребениях. Известна, например, обкладка могильной ямы валунами (Волково, курганы 3, 6, 8, 21, 27; Копки — курган 10; Биостанция — курганы 2, 3, 5)⁴⁵. Отмечен этот обычай и в Городищенских (Пронских) курганах. Так, в кургане 17 голова скелета была обставлена тремя плитами и прикрыта еще одной плитой, а в кургане 4 скелет помещен в своеобразный склеп, сооруженный из плит и девяти рядов камней, сложенных пирамидкой⁴⁶. Находки камней в курганах отмечены и при раскопках Н. И. Булычова⁴⁷, 6) обычай жертвоприношений животных, остатки которых находят в насыпях курганов или рядом с погребенным. Кости животных в погребениях могли оставаться и от той пищи, которая приносилась умершему в могилу. Чаще всего находят кости лошадей, коров, свиней, баранов и кур. Кроме костей животных, найденных в виде жертвоприношений в насыпях курганов (этот обряд преобладает в курганах с погребениями на горизонте), известны находки и целых скелетов. Так, в Волковской курганный группе (курган 9) на глубине 0,8 м обнаружены положенные друг на друга полные костяки трех телят⁴⁸, в Поворовке,

⁴¹ Арцизовский А. В. Курганы вятичей. . . , с. 106. По поводу этого обряда А. В. Арцизовский замечает: «Непрерывность погребальной традиции явная» (Арцизовский А. В. Курганы вятичей. . . , с. 106).

⁴² Юшко А. А. Покровские и Стрелковские курганы. . . , с. 190—192, рис. 4, 5.

⁴³ Юшко А. А. Покровские и Стрелковские курганы, с. 186—188, рис. 1, 2. В раскопанных А. Г. Векслером семиверхих курганах ширина ровика в погребении достигала 0,5—0,6 м при глубине 0,3—0,4 м (Векслер А. Г. Семиверхие курганы вятичей. . . , с. 124); Любопытно, что при раскопках некрополя на южном городище Старой Рязани вокруг отдельных погребений были обнаружены кольцевые канавки от оградок, подобные открытым в основании курганов, с трупосожжениями (Даревич В. П., Фролов В. П., Филогенова Е. В. Раскопки в Старой Рязани. — АО 1977 г. М., 1978, с. 57, 58).

⁴⁴ Авдусина Г. А. Три курганные группы. . . , с. 275.

⁴⁵ Авдусина Г. А. Три курганные группы. . . , с. 275.

⁴⁶ Черепнин А. И. Дневник раскопок Пронских курганов, с. 60.

⁴⁷ Булычов Н. И. Раскопки по среднему течению р. Угры. М., 1913, с. 27; *Он же*. Журнал раскопок. . . , (Леопово, курган 4).

⁴⁸ Авдусина Г. А. Три курганные группы. . . , с. 276.

в кургане 1 был найден целый скелет барашка⁴⁹. По своему происхождению ритуал жертвоприношения животных является финно-угорским⁵⁰.

К пережиткам язычества, по-видимому, можно отнести и парные погребения мужчины и женщины под одной насыпью. (Известно 30 таких погребений на материке и 12 в могильных ямах.) Эти погребения являются отголоском более раннего обряда, когда жена «добровольно» шла на смерть вслед за мужем⁵¹.

Пережитки язычества в погребальном обряде являются несомненным свидетельством того, что христианская религия довольно медленно завоевывала авторитет у сельского населения Земли вятичей. Доказательством этого является также и ничтожно малое количество находок христианских символов (иконок, крестиков) в погребениях. Так, по подсчетам Д. А. Беленькой, из тысячи раскопанных курганов Подмосковья только в 36 обнаружены крестики и иконки⁵². Нельзя не согласиться с Д. А. Беленькой, что эти немногочисленные находки христианских символов в курганах являются показателем не массовой христианизации сельского населения, а только «соприкосновения с вводимой религией», начало которого для Подмосковья датируется в основном второй половиной XII в.⁵³ В то же время находки крестов и иконок в составе ожерелий, среди бус и подвесок (в 24 погребениях из 30) говорят не о господстве языческой религии, а скорее, о зарождении двоеверия, которое удерживалось в среде русского населения довольно долго⁵⁴.

ИНВЕНТАРЬ КУРГАНОВ

Подробная и исчерпывающая характеристика погребального инвентаря, найденного в курганах, дана А. В. Арциховским в книге «Курганы вятичей».

Анализ вещевых материалов курганов, раскопанных после 1930 г., сделан в диссертационных исследованиях Н. Г. Недошивиной, Т. В. Равдиной и в отдельных статьях, посвященных публикации материалов раскопок⁵⁵. Кроме того, характеристике отдельных категорий вещей, най-

⁴⁹ Рабинович М. Г. Курганы в Поворовке. — Сб. научных студенческих работ, 1940, с. 87.

⁵⁰ Седов В. В. Сопки. — САИ, 1970, вып. Е-4, с. 21—22.

⁵¹ Недошикина Н. Г. Погребальный обряд вятичей. . . , с. 14.

⁵² Беленькая Д. А. Кресты и иконки из курганов Подмосковья. — СА, 1976, № 4, с. 88.

⁵³ Беленькая Д. А. Кресты и иконки. . . , с. 96. Здесь уместно напомнить, что в начале XII в. проповедник христианства среди вятичей монах Киево-Печерского монастыря Кукша погиб под Серенском от рук язычников. (Патерик Киево-Печерский. . .)

⁵⁴ Рыбаков В. А. Языческое мировоззрение русского средневековья. — Вопросы истории, 1974, № 1, с. 49.

⁵⁵ Недошикина Н. Г. Хронологические различия в погребальном обряде; Она же. К вопросу о связях радимичей и вятичей. — Труды ГИМ. М., 1960, вып. 37, с. 141—148; Она же. О датировке Белевского кладя. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 118—121; Она же. Акатовский курганный могильник XI—XII вв. в Подмосковье. — В кн.: Экспедиции ГИМ. М., 1969, с. 214—227; Равдина Т. В. О датировке вятичских курганов. — СА, 1965, № 1; Она же. Типология и хронология. . . , с. 136; Она же. О датировке вятичских браслетов. — КСИА, 1968, вып. 113; Она же. Древнейшие семилончатые височные кольца. — СА, 1975, № 3, с. 218; Авдусина Г. А. Три курганные группы. . . , с. 272; Юшко А. А. Покровские и Стрелковские курганы. . . , с. 185.

денных в древнерусских курганах, в том числе и курганах вятичей, посвящены статьи сотрудников ГИМа⁵⁶.

Как неодопрятно отмечалось многими исследователями, вятичские женские погребения очень богаты вещами. Это главным образом предметы украшений, реже части одежды и головного убора, совсем редко — орудия труда.

Мужские погребения, напротив, беднее инвентарем, чем, например, соседние кривичские курганы. В них находят поясные пряжки, фигурные бляшки для пояса, поясные кольца (бронзовые и железные) для кожаного ремня, разделители ремня, ножи, керамику. Так же как и в женских погребениях, горшок с пищей ставился в ногах или у головы.

Самым излюбленным украшением древенских женщин были височные кольца, являвшиеся вместе с тем основным племенным признаком. Вятичские семилопастные височные кольца, и их производные (пятилопастные и трехлопастные) при всем своем внешнем сходстве, довольно разнообразны⁵⁷. Количество височных колец в погребении не постоянно даже в пределах одного курганного кладбища. Так, например, в Звенигородских курганах (группы Волково, Копки, Биостанция) в отдельных погребениях обнаружено от двух до 10 височных колец.

Наиболее часто в погребениях находят четыре—семь колец. Височные кольца обычно расположены у обоих висков, в нескольких случаях удалось установить, что они были продеты в бересту (Шовленская, курган 13), а в курганной группе Ступеньки 1 (курган 9) — три семилопастных височных кольца (всего в погребении пять) были соединены шерстяной лентой с колечком из белого металла.

В кургане 6 у с. Битягово семилопастные кольца были также надеты на шерстяной шнурок (по три с каждой стороны) вместе с двумя бубенчиками⁵⁸. В погребении кургана 8 у с. Леоново два семилопастных ранних височных кольца были надеты на дужку ромбоциткового завязанного.

Типология семилопастных (и их производных — пяти и трехлопастных) впервые была предложена А. В. Арциховским⁵⁹, который считал, что основным и самым многочисленным типом (565 экз. на 1930 г.) семилопастных были простые. В дальнейшем в связи с накоплением материала некоторые коррективы в типологию и хронологию лопастных височных колец были внесены В. П. Левановой⁶⁰ и Т. В. Равдиной⁶¹, благодаря чему среди простых височных колец удалось выделить более ранние и более поздние варианты. Самым ранним является вариант без боковых

⁵⁶ Очерки по истории русской деревни. — Труды ГИМ. М., 1967, вып. 43.

⁵⁷ Недаром изучение семилопастных височных колец только подмосковных курганов (из 42 пунктов) позволило в свое время Б. А. Рыбакову выявить 15 различных литейных форм, с которых было отлито деревенскими мастерами 77 экз. колец (Рыбаков Б. А. Сбыт продукции русских ремесленников в X—XIII вв. — Учен. зап. МГУ. М., 1946, вып. 93, с. 77).

⁵⁸ Розенфельдт Р. Л. Битяговские курганы. — СА, 1963, № 4, с. 219.

⁵⁹ Арциховский А. В. Курганы вятичей. . . , с. 49 и сл.

⁶⁰ Леванова В. П. Височные кольца. — Труды ГИМ, М., 1967, вып. 43, с. 28 и сл.

⁶¹ Равдина Т. В. Типология и хронология. . . , с. 136; Она же. Древнейшие семилопастные. . . , с. 223.

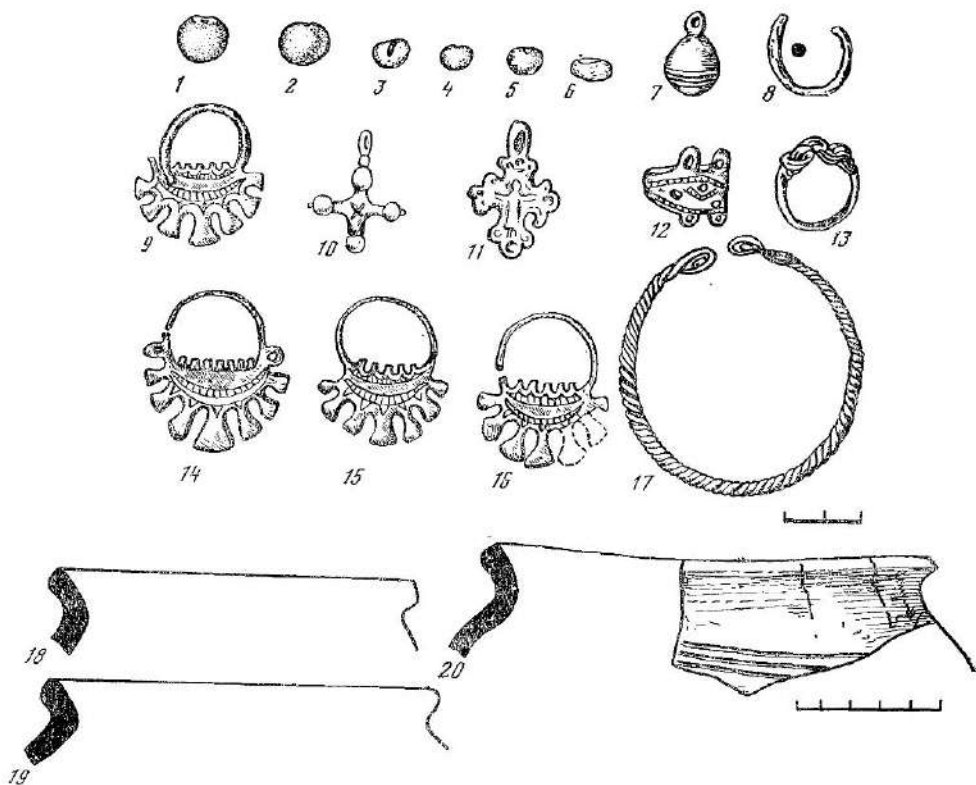

Рис. 39. С. Доброе, вещи из курганов с труноположением

1—6 — бусы; 7 — бубенчик; 8—9, 14—16 (височные кольца); 10, 11 — крестики; 12, 13 — перстни; 17 — браслет; 18—20 — керамика (по С. А. Изюмовой)

колечек, побольших размеров ($4,5 \times 4$ или 6×5 м) с утолщениями у основания дужек и с «капельвидными» округлыми очертаниями лопастей, расставленными далеко друг от друга и не орнаментированными. Иногда в лопасти входят обычные или двойные (не заштрихованные) треугольнички (рис. 39, 14—16).

Вещами, сопровождающими эти кольца, являются позолоченные стеклянные бусы и горшки архаической формы со слабо выраженным венчиком и орнаментом из параллельных, небрежно нанесенных линий почти по всему тулову. По этим вещам височные кольца раннего типа датируются XI в. (Ступенки, Щинимрово, Черемушки, Беседы). В. П. Левашова определяет такие кольца первой половиной XI в.⁶² Равдина Т. В. — рубежом XI—XII вв., мотивируя это тем, что такие кольца ни разу не встречены с монетами XI в.⁶³

⁶² Основанием является взаимовстречаемость этих колец в одном погребении с браслетообразными и щитковыми завышающимися кольцами с «классической» орнаментацией щитков (Левашова В. П. Височные кольца. . ., с. 30, 31, рис. 6, 6).

⁶³ Равдина Т. В. Типологии и хронологии. . ., с. 139.

Однако это не самые ранние формы семилопастных височных колец. Как известно, лопастные височные кольца являются дальнейшим развитием формы лучевых колец⁶⁴. Переходной формой от лучевых к лопастным обычно рассматриваются височные кольца типа «Сельцо», у которых верхний зубчатый край вогнут, как у лучевых, а расширяющиеся книзу лопасти имеют вертикальное членение с бугорками на концах, напоминающими шарики зерна лучевых колец Зарайского клада⁶⁵.

В Земле вятичей известны пока только две находки колец типа «Сельцо»: одно семилопастное обнаружено на территории Борковского селища (под Рязанью; дужка кольца обломана)⁶⁶, другое миниатюрное пятилопастное бисюловое колечко прекрасной сохранности известно из кургана, расположенного в группе у Спас-Тушино (рис. 40, 14)⁶⁷.

Височные кольца типа «Сельцо» относятся к X—XI вв., так как сопровождавшие их в погребениях другие вещи (семилучевые височные кольца, крестики «скандинавского типа», гривны витые двойные с гранеными головками, бусы синестеклянные белоромбические и т. д.) неоднократно найдены в комплексах с монетами X—XI вв.⁶⁸

Из колец типа «Сельцо» и происходят, очевидно, семилопастные височные кольца. Следующим этапом их развития является появление боковых колечек на щитке кольца, орнамента из заштрихованной полосы, заходящей в каждую лопасть острыми треугольниками-городками (рис. 40, 18, 19)⁶⁹. И наконец, самым поздним вариантом колец считаются кольца, имеющие секировидную форму лопастей⁷⁰. Лопасти колец иногда украшались ромбами и крестиками, растительным узором и т. п. (рис. 40, 20). Особенно интересными оказались орнаменты на кольцах из Царицынских курганов. Так, в кургане 3 Орешково все семь лопастей височного кольца оказались украшенными «орнаментом характерного

⁶⁴ Сизов В. И. О происхождении и характере курганных височных колец и преимущественно так называемого московского типа. — АИЗ, 1895, III; Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 108; Недошивилова И. Г. К вопросу о связях радимичей и вятичей. . . , с. 143.

⁶⁵ Еще А. А. Спицын указал на это: «Серьги с 7 лопастями, имеющими на концах лилиевидные отростки, может быть прототип калужской и московской курганной серьги» (Спицын А. А. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. — ЗРАО, 1899, т. XI, вып. 1—2, с. 183). (Село Сельцо в Бельском р-не Калининской обл.)

⁶⁶ Милонов И. П., Фролов В. П. Новые данные о вятичах и радимичах. — Учен. записки Рязанского Педагогического института. Рязань, 1965, т. 38, с. 132. По словам авторов, на этом же селище при земляных работах найдены одновременно семилопастное с боковыми колечками (по раннего типа) и маленькое семилучевое колечко.

⁶⁷ ГИМ, Хр. Р9/46а, инв. 42436, оп. 40. Возможно, дальнейшим развитием этого типа пятилопастных колечек можно считать пятилопастное височное кольцо, найденное в кургане 1 у с. Битягово. Кстати, сопровождается оно ранним типом семилопастного без боковых колечек и вогнутой линией верхних зубчиков (Розенфельдт Р. Л. Раскопки курганов у с. Битягово в 1968—1970 гг. — СА, 1973, № 1, с. 195, рис. 3, 5; рис. 3, 3).

⁶⁸ Равдина Т. В. Древнейшие семилопастные. . . , с. 220.

⁶⁹ Равдина Т. В. Типология и хронология. . . , с. 140.

⁷⁰ Сизов В. И. О происхождении и характере. . . , с. 182. Такую эволюцию семилопастных отмечал Б. А. Рыбаков: «. . . древнейшие из них с округлорасширенными лопастями сменяются секировидными лопастями» (Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси, с. 554, прим. 38).

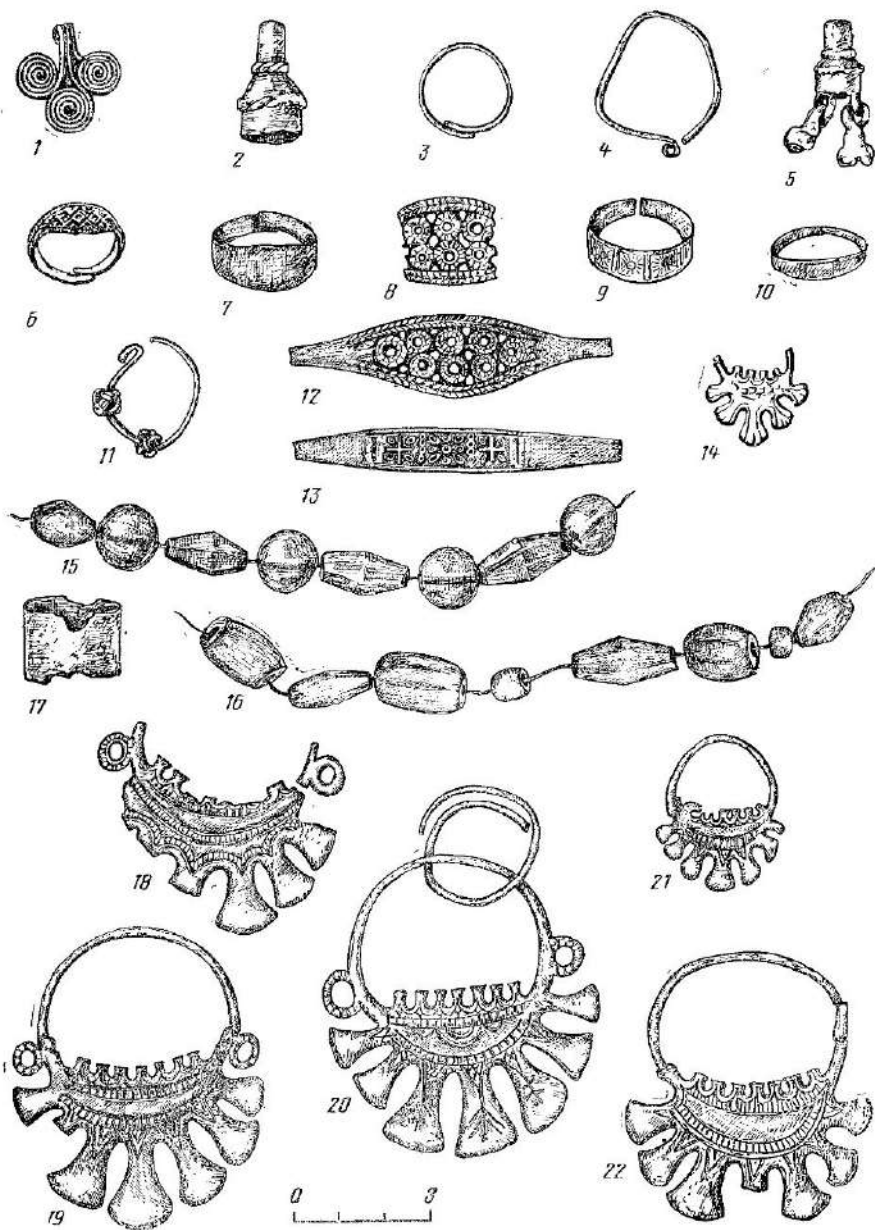

Рис. 40. Набор украшений из курганов витичей

1, 2, 5 — подвески; 3, 4, 11, 14, 18—22 — височные кольца; 6—10, 12, 13, 17 — перстни; 15, 16 — бусы (Михайловка, раскопки Гендуле, Климов, раскопки Сизова, Спас-Тушино, Верхогрязье — Чертов)

арабского стиля», состоящим из «стилизованнных трав с двумя главными ветвями»⁷¹. Обломки кольца с подобным же рисунком на лопастях ранее найдены В. И. Сизовым при раскопках курганов у д. Веригино⁷². Еще одно кольцо (Дубки, курган 2), принадлежавшее к типу решетчатых, по А. В. Арциховскому, также имело орнамент в виде «раздвоенной ветки арабского стиля»⁷³.

Вместе с тем, на том и другом кольце присутствует обычный орнамент из заштрихованной ленты и городков. Еще на одном височном кольце из курганной группы Дубки (курган 5), кроме обычных заштрихованных полос и городков, были украшены всего три лопасти, вторая и шестая лопасти имеют крестики с ромбическими сердцевинами и перечеркнутыми концами, а на центральную нанесен рисунок из плетенки, выполненной в стиле, характерном для орнамента древнерусских книг (пересекающиеся эллипсы, служившие для обозначения инициала «О») ⁷⁴.

Итак, даже беглый обзор семилопастных височных колец, отнесенных А. В. Арциховским⁷⁵ к типу первому—простых, показывает, что в него несколько искусственно были включены неодинаковые экземпляры. Морфологическое и хронологическое различие «простых» семилопастных было уже давно отмечено Б. А. Рыбаковым⁷⁶. Как говорилось выше, Т. В. Равдиной впоследствии удалось выделить внутри этой большой группы колец шесть различных, изменяющихся во времени типов⁷⁷. Однако исследовательница по-прежнему называет все эти шесть типов «простыми», что противоречит ее же выводам. Считаю, что к типу «простых» следует относить только те семилопастные (и пятилопастные) височные кольца, которые входят в типы I—IV, по Равдиной. Все остальные семилопастные относятся к типу сложных. Характеристика этих колец была дана выше.

Кроме семилопастных височных колец, в вятичских курганах часты находки перстнеобразных колечек (рис. 40, 3, 4). Однако такие колечки носили и мужчины. Так, при раскопках Р. Л. Розенфельдта Битяговских курганов и курганов Серафимо-Знаменского скита в мужских погребениях у левого виска найдено по одному перстнеобразному колечку (Битягово, курганы 3, 17, 18, Серафимо-Знаменский скит)⁷⁸.

Наряду с височными кольцами, одним из многочисленных предметов

⁷¹ Арциховский А. В. Царицынские курганы. — МИА, М.; Л., 1947, № 7, с. 80.

⁷² Там же, рис. 9. А. В. Арциховский, сравнивая этот орнамент с орнаментом на дворце термезских правителей XI—XII вв., не сомневается, однако, что височные кольца являются изделиями русских мастеров (Арциховский А. В. Царицынские курганы. . . , с. 80, 81, рис. 3).

⁷³ Арциховский А. В. Царицынские курганы, с. 81, рис. 4.

⁷⁴ Там же, рис. 5.

⁷⁵ Арциховский А. В. Курганы вятичей, с. 49. Объединению всех 565 экз. колец, известных к 1930 г., в один тип противоречит и то обстоятельство, что они встречались во всех стадиях курганов (XII—XIV вв.).

⁷⁶ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси, с. 554, прим. 38.

⁷⁷ Равдина Т. В. Типология и хронология. . . , с. 136—140; Она же. Хронология «вятичских» древностей. Канд. дис., с. 44—50.

⁷⁸ Розенфельдт Р. Л. Раскопки курганов у с. Битягово в 1968—1970 гг. — СА, 1973, № 1, с. 196—197; Он же. Курганы у быв. Серафимо-Знаменского скита на р. Рожай в Московской обл. — КСИА, 1973, вып. 135, рис. 17, 5, с. 64.

украшений вятичских курганов являются перстни. Типология их разработана А. В. Арциховским, установившим, что наиболее характерными для территории вятичей являются решетчатые перстни и их многочисленные варианты ⁷⁹. Перстни в погребениях находят по несколько штук на фалангах каждой руки и, как правило, в одном кургане перстни разнотипны ⁸⁰.

По наблюдениям Н. Г. Недошивиной, начиная с XII в., в связи с распространением христианства перстни в погребениях находят также положенными в кожаном или вязаном кошельке, на куске бересты, или связками (иногда у ног погребенных) в качестве дара. Перстень являлся необходимым элементом при совершении церковного свадебного обряда ⁸¹. Наряду с решетчатыми перстнями для территории вятичей характерны также пластинчатые широкосрединные, литые и кованные (рис. 40, б, 9, 10, 13) ⁸². Первые покрыты геометрическим или растительным орнаментом, часто в сочетании с эмалью. Любопытно, что орнамент на перстнях (в частности, стилизованный растительный, «арабского» стиля — расходящиеся в стороны ветви) повторяет подобный же орнамент на височных кольцах (Матвеевская, Дубки, Биостанция, Орешки.) и наоборот, орнамент, распространенный на литых перстнях, — крест с перекрещенными концами — встречается на лопастях височных колец (Иславское, Крымское) ⁸³.

Кованые тонкопластинчатые перстни, орнамент которых, нанесенный зубчатым колесиком, часто напоминает орнамент литых перстней, характерны для вятичских курганов Московской обл. (найдено более 130 экз. ⁸⁴).

Пластинчатые широкосрединные перстни встречаются наиболее часто в памятниках XII—XIII вв.

Еще один тип перстней, не получивший широкого распространения, известен главным образом в памятниках Земли вятичей — это «печатные» квадрифолийные перстни. Хорошо известны также перстни из Шмаровского клада и из Никоновского кургана ⁸⁵. Два квадрифолийных перстни найдены при раскопках в Серенске ⁸⁶. К отделу печатных относятся также перстень, на восьмиугольном щитке которого овальное углубление для вставки стекла ⁸⁷ и два оригинальных перстня из кургана 6 Серафимо-Знаменского скита: на щитке одного — изображение фигурки животного,

⁷⁹ Арциховский А. В. Курганы вятичей, с. 74. По подсчетам Недошивиной в курганах вятичей собрано более 300 экз. решетчатых перстней (Недошивина Н. Г. Перстни. — Труды ГИМ, 1967, вып. 43, с. 259).

⁸⁰ Так, в одном из богатых вятичских курганов при погребенной найдено семь перстней и все они разных типов (пластинчатые с чеканным, гравированным, геометрическим орнаментом, витой тройной, рубчатый и гладкий) (ГИМ, инв. 42436. Хр. Р9/216).

⁸¹ Недошивина Н. Г. Погребальный обряд вятичей. . . , с. 14.

⁸² Недошивина Н. Г. Перстни. . . , с. 261; Арциховский А. В. Курганы вятичей, отдел V, тип 1. По поводу литых орнаментированных перстней Т. В. Равдина замечает: «Перстни с таким орнаментом встречаются только в вятичских курганах (подчеркнуто мной. — Т. Н.); Равдина Т. В. Царицынские курганы. . . , с. 245.

⁸³ Недошивина Н. Г. Перстни. . . , с. 261.

⁸⁴ Там же, с. 262.

⁸⁵ Арциховский А. В. Курганы вятичей, с. 79, рис. 75—77.

⁸⁶ Никольская Т. Н. Кузнецы «железу, меди и серебру от вятич». — В кн.: Славяно и Русь. М., 1968, с. 129, рис. 2, 3.

⁸⁷ ГИМ, Спас-Гушино, инв. 42436, хр. 48/2, ракопки Щербатова.

а другого — птички⁸⁶. Можно упомянуть еще один тип решетчатых перстней, с колечками по краям, названные Н. Г. Недошивиной подзорчатыми⁸⁹. Возможно, что они относятся к типу шумящих, если предположить, что колечки служили (так же как и на браслетах) для прикрепления шумящих привесок, подобно тому, как это известно на усатых «финских» перстнях северо-западных областей⁹⁰. Остальные перстни — разнообразные рубчатые, дрововые и витые, распространенные у сельского населения X—XIII вв. на широкой территории, — в курганах вятичей особого своеобразия не составляют.

Типология браслетов также дана А. В. Арциховским. На отделы они делятся по поперечному сечению, на типы — по характеру концов⁹¹. Наиболее распространенными на территории вятичей были витые браслеты (в бассейне рек Москвы, Клязьмы и Верхней Оки они составляют 40—60% от общего количества находок браслетов)⁹². Среди витых браслетов первое место занимают тройные и 2×3 , затем идут четверные, 3×3 и 2×4 (рис. 41, 5, 6). Находки браслетов витых и плетеных, завязанных, указывающих на раннюю дату погребения (XI—начало XII в.) в вятичских курганах немногочисленны. Излюбленным типом браслетов сельских жителей Земли вятичей являются и пластинчатые загнутоконечные браслеты (рис. 41, 4). По мнению А. В. Арциховского, они могли бы считаться для них характерными, если бы не были распространены также в Западной Европе⁹³.

Остальные типы пластинчатых браслетов — тупоконечные, овальноконечные, завязанные — встречены в курганах вятичей в значительно меньшем количестве.

Подавляющее большинство вятичских браслетов изготовлено из меди, в богатых погребениях встречаются браслеты из биллона (сплав меди и серебра). Датировке браслетов уделяли внимание многие исследователи⁹⁴. По-видимому, справедливо мнение о том, что сложновитые браслеты относятся к XIII в. (а не к XIV) и, таким образом, последние стадии вятичских курганов также датируются XIII в.⁹⁵

Бусы — интересная и важная категория вещей, многочисленная в древнерусских курганах. Начало исследованию вятичских бус положено А. В. Арциховским, сделавшим целый ряд хронологических и этнографических выводов⁹⁶. В последние десятилетия изучением бус, бытовавших на Руси, занимались многие исследователи⁹⁷.

⁸⁶ Розенфельдт Р. Л. Курганы у бывшего Серафимо-Знаменского скита. . . , с. 63, рис. 17, 10, 12.

⁸⁹ Недошивина Н. Г. Перстни. . . , с. 259, рис. 33, 4; Андусина Г. А. Три курганские группы. . . , с. 278, рис. 2, 3.

⁹⁰ Недошивина Н. Г. Перстни. . . , с. 258, рис. 32, 7.

⁹¹ Арциховский А. В. Курганы вятичей. . . , с. 9 и сл.

⁹² Левашиова В. П. Браслеты. — Труды ГИМ, вып. 43, с. 216.

⁹³ Арциховский А. В. Курганы вятичей, с. 21.

⁹⁴ Арциховский А. В. Курганы вятичей, с. 130; Левашиова В. П. Браслеты. . . , с. 216 и сл.; Равдина Т. В. О датировке витых браслетов. . . , с. 118.

⁹⁵ Равдина Т. В. О датировке вятичских курганов. — СА, 1965, № 4, с. 129.

⁹⁶ Арциховский А. В. Курганы вятичей, с. 27 и сл.

⁹⁷ Шапова Ю. Л. Стекланные бусы древнего Новгорода. — МИА, 1955, № 55, с. 164; Феснер М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. — Труды

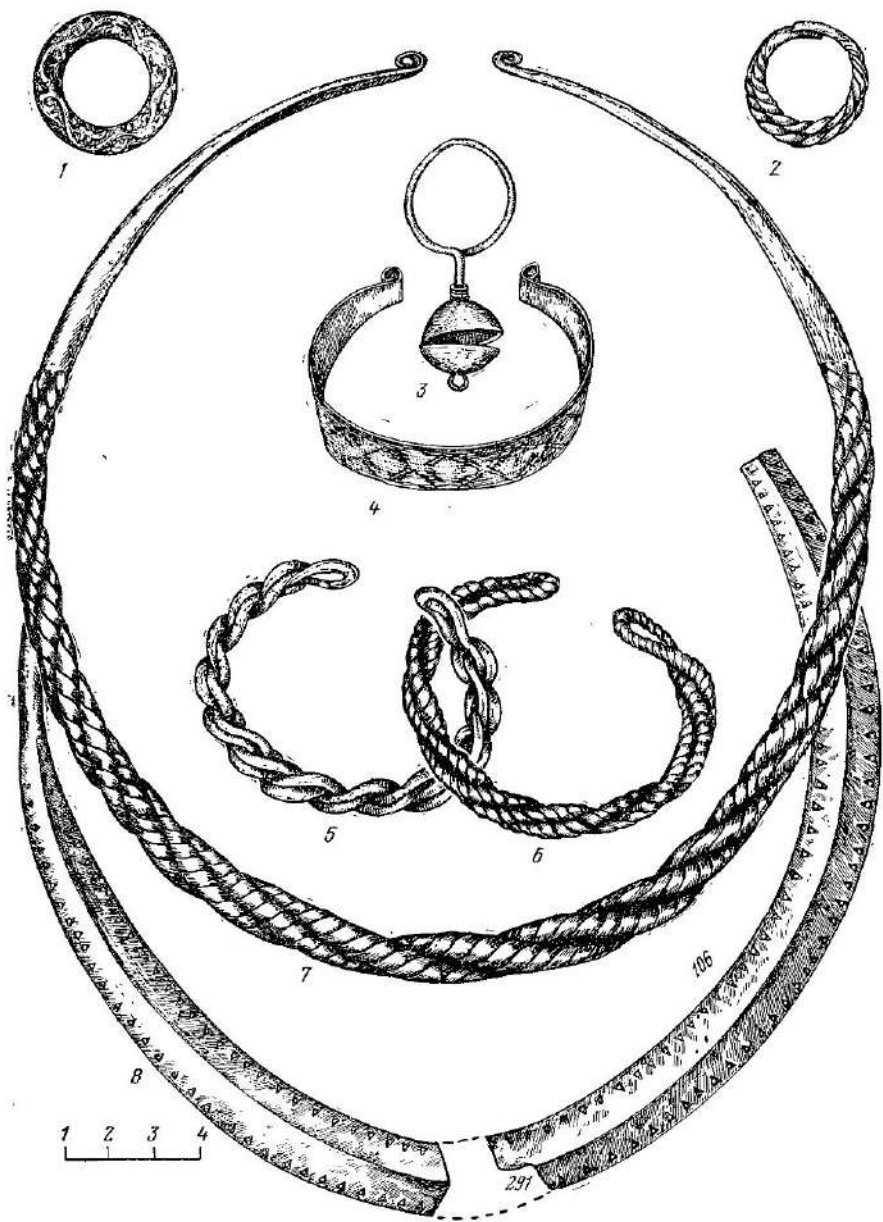

Рис. 41. Набор украшений из курганов

1 — поясное кольцо; 2 — перстень; 3 — серьга; 4—5 — браслеты; 7—8 — шейные гривны (Верхо-
 грязье, раскопки Черткова)

В книге «Курганы вятичей» А. В. Арциховский высказал предположение, что стеклянные шарообразные бусы желтого стекла характерны для вятичей⁹⁸. Картографирование мест находок этих бус на территории Северо-Запада и Северо-Востока Руси, проведенное М. В. Фехнер, выявило определенный район, где находки их в XI—начале XIII в. сосредоточены особенно густо — это бассейн Москвы, верховья Клязьмы и небольшой участок верхнего течения Оки (недалеко от впадения в нее р. Москвы); именно здесь, в центральной части Земли вятичей, по-видимому, существовал центр изготовления этих бус⁹⁹.

Как известно, для вятичских курганов XI—XIII вв. характерно обилие сердоликовых бипирамидальных и хрустальных шарообразных бус¹⁰⁰, сочетание которых делало ожерелья особенно нарядными (рис. 40, 15, 16). Кроме сердоликовых бипирамидальных бус, изредка встречаются сердоликовые призматические, являющиеся показателем ранней даты курганов (X—XI вв.), а также сердоликовые 14-гранные, употреблявшиеся на Руси с IX по начало XII в.¹⁰¹

Для датировки курганных комплексов большое значение имеют стеклянные бочкообразные и цилиндрические бусы с золотой и серебряной прокладкой, бытовавшие в древней Руси с X по начало XII в.; большая часть этих бус также была привозной. Время их максимального распространения — XI в.¹⁰² Именно этим временем могут датировать такие бусы раннюю стадию вятичских курганов.

Шейные гривны не принадлежат к категории находок, которыми изобилует погребальный инвентарь курганов. Наличие гривны в погребении само по себе говорит об известной состоятельности погребенной, но обычно шейные гривны встречаются в погребениях, богатых и другими предметами украшений. Шейные гривны в погребении всегда найдены в одном экземпляре. Кажется, единственным случаем у вятичей, когда в кургане найдены две шейные гривны, нужно считать Одищовский курган 46. Можно отметить, что в кургане 35 этой группы шейная гривна найдена в мужском погребении. Вместе с ней оказалась только одна сердоликовая бипирамидальная бусина, служившая, очевидно, пуговицей¹⁰³.

ГИМ, М., 1959, вып. 33, с. 149; Львова З. А. Стеклянные бусы Старой Ладogi. — Археологический сборник. Л., 1963, вып. 10, с. 65.

⁹⁸ Арциховский А. В. Курганы вятичей, с. 30.

⁹⁹ Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях. . . , с. 170.

¹⁰⁰ Арциховский А. В. Курганы вятичей, с. 36, 39. По статистическим подсчетам М. В. Фехнер, особенно многочисленны эти бусы в курганах Московской обл., затем Кадужской и Рязанской (Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях. . . , с. 154, табл. II, с. 155, табл. III).

¹⁰¹ Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях. . . , с. 152.

¹⁰² Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях. . . , с. 160; Е. А. Шмидт пришел к выводу, что такие бусы бытуют на Смоленщине весь XII в., но из его же пояснения следует, что эти бусы не совсем одинаковы: в XII в. качество стекла хуже, а вместо прокладки — желтая краска (Шмидт Е. А. К хронологии курганов XI—XIII вв. в Смоленском Поднепровье. . . , с. 77).

¹⁰³ Векслер А. Г. Семиверхние курганы вятичей. . . , с. 124, рис. 2, 1, 2. Шейные гривны в мужских погребениях известны только у верхневолжских кривичей (Никольская Т. П. Хронологическая классификация Верхневолжских курганов. — КСИИМК: 1949, вып. XXX, с. 38).

Как известно, в древней Руси серебряные или даже золотые шейные гривны составляли неперемный элемент княжеской или боярской одежды. Находки их вкладах домонгольского времени очень часты¹⁰⁴. Награждались шейной гривной и отличившиеся воины-дружинники или любимые слуги князя¹⁰⁵.

«Мода» на шейные гривны у населения деревень появилась во второй половине XI в. (в X в. они мало распространены), а в конце XII—начале XIII в. — гривны постепенно выходят из употребления¹⁰⁶.

Говоря о стеклянных шарообразных желтых бусах было отмечено, что где-то в Подмоскowie, или, может быть, в самой Москве, существовал центр их изготовления. Любопытно, что район концентрации этих бус почти полностью совпадает с ареалом распространения одного типа шейных гривен, а именно, двускатнопластинчатых перекрытых. Картографирование последних показало, что из 17 пунктов их находок 11 сосредоточены в окрестностях Москвы и Звенигорода¹⁰⁷. В трех подмосковных курганных группах (Тушино, Волково, Троицкое) были найдены двускатнопластинчатые перекрытые гривны, бляхи которых отлиты в одной литейной форме, и следовательно, изготовлены в одной мастерской¹⁰⁸.

Временем наибольшего распространения этих гривен был XII в., хотя появляются они в XI в. Известны такие гривны и юго-восточнее Москвы (Ачкасово, Коломенский р-н, Смедово, Зарайский р-н). Эти гривны являются дальнейшим развитием дровтовых гривен с заходящими друг за друга концами, поперечное сечение которых представляет равнобедренный треугольник с широким основанием. Часть гривны, прилегающая к шее, сделана из округлого дрота. Концы гривен завершаются розетками, многогранниками или загнуты крючком (Маришкино). Эти гривны с плоско-треугольным сечением так называемого «радимичского типа», известные в памятниках радимичей с конца X в., у населения деревень Земли вятичей распространились в конце XI—XII вв. (Ачкасово, Битягово, Волково, Одиново, Покров, Троицкое, Тушино, Чериево).

Примерно в это же время в вятичских деревнях были распространены витые гривны из простого или сложного жгута с пластинчатыми наконечниками (кузнечной сварки) с замком в виде двух петель («полужгутые загнутоконечные», по типологии А. В. Арциховского)¹⁰⁹. Они найдены в Аниськине, Верхогрязье (рис. 41, 7), Горках, Григоровке, Московском Кремле, Никольском, Никонове, Покрове, Рождествене, Тушине, Царицыне).

К более позднему времени — XII—началу XIII в. — относится витые гривны из сложного жгута с прищипанными пластинчатыми наконечниками и замком в виде двух петель или петли и крючка (Александровка,

¹⁰⁴ Корзухина Г. Ф. Русскиеклады IX—XIII вв. М.—Л., 1954, с. 62, 63.

¹⁰⁵ Князь Владимир I дарит своему дружиннику, выигравшему сражение, золотую шейную гривну (Никоновская летопись, с. 68). Князь Борис наградил гривной своего любимого слугу Георгия (летопись по Типографскому списку, с. 44).

¹⁰⁶ Фезнер М. В. Шейные гривны. — Труды ГИМ, М., 1967, вып. 43, с. 56.

¹⁰⁷ Там же, с. 66, 67, рис. 11.

¹⁰⁸ Рыбаков Б. А. Сбыт продукции русских ремесленников. . . , с. 84—86, рис. 4—6.

¹⁰⁹ Арциховский А. В. Курганы вятичей, с. 66, 67.

Апоницищи, Ангеловка, Битигово, Бессоница, Григоровка, Дубки, Тушино, Черпево). Эти гривны встречены в курганах вместе с развитыми семилопастными височными кольцами, шарообразными бубенчиками со щелевидной прорезью, пластинчатыми широкосрединными перстнями, сердоликовыми бипирамидальными, хрустальными шарообразными и желтостеклянными шарообразными бусами. Иногда эти витые гривны еще перевиты тонкой проволочкой (Апоницищи, курган 16).

Среди других категорий украшений можно считать характерными для вятичей узкорogie литые лунницы с растительным или геометрическим орнаментом (XI—XII вв.)¹¹⁰, прорезные ширококорogie (XI—первой половины XII в.) и миниатюрные псевдозерненные литые лунницы¹¹¹. Все они, по-видимому, изготавливались сельскими мастерами.

Излюбленными украшениями вятичских женщин были круглые монетовидные привески разнообразных типов, получившие распространение в XII—XIII вв. Количество этих привесок в одном погребении часто бывает велико — 6, 8 и даже 12—15, изготавливались они из бронзы и биллона. Наибольшей популярностью пользовались круглые прорезные привески, в контур которых включена узкорогая лунница или лунница с крестом между роjками, включенная в круг¹¹² и круглые прорезные привески с включенным крестом различных вариантов (XII—XIII вв.), а также решетчатые¹¹³. Кроме прорезных круглых привесок, для вятичских курганов характерны круглые гладкие монетовидные привески, имевшие довольно большой диапазон во времени — с XI по XIII вв., но наибольшее распространение получившие в XII—XIII в. Привески эти отливались в каменных литейных формах. Самые формы найдены в курганах (Митиево) и на Серенском городище. Кроме круглых гладких монетовидных привесок, многочисленны также литые или штампованные привески с орнаментом на лицевой стороне в виде креста, волоток, растительного орнамента, трефовидных и т. п. (рис. 40, I).

Круглые монетовидные привески входили в состав ожерелий обычно по несколько штук. В курганной группе Волково (курган 8) ожерелье состояло из 10 сердоликовых бипирамидальных бус и одной стеклянной рыбовидной, чередовавшихся с биллоновыми монетовидными привесками (11 экз.): 8 гладких (с припаянным ушком), 2 — с крестообразной прорезью и 1 — орнаментированная волотками с шариками ложной зерни в кружочках¹¹⁴.

Другой, не менее распространенной категорией привесок являются бубенчики, однако, функции их более разнообразны: они встречаются в составе ожерелья, в качестве украшения одежды (нашивались на край

¹¹⁰ Успенская А. В. Нагрудные и поясные привески. — Труды ГИМ, М., 1967, вып. 43, с. 100, рис. 16, 5—7, с. 101, рис. 17.

¹¹¹ Успенская А. В. Нагрудные и поясные привески. . . , рис. 16, 8, 9; Равдина Т. В. Царицынские курганы. — СА, 1963, № 4, с. 216, рис. 4, 10.

¹¹² Успенская А. В. Нагрудные и поясные привески. . . , рис. 16, 11.

¹¹³ Там же, рис. 18, 10—12, 13.

¹¹⁴ Авдусина Г. А. Три курганные группы. . . , с. 281, рис. 4.

подола), украшения головного убора¹¹⁵, выполняли роль пуговиц. Так же, как и монетовидные привески, бубенчики носились преимущественно женщинами, однако, известно и несколько мужских погребений, где они были найдены. В мужском костюме они выполняли несомненно роль пуговиц.

В вятичских курганах встречается два основных типа бубенчиков: грушевидные крестопрорезные, датирующие погребение XI—началом XII в., и шарообразные со щелевидной прорезью, бытовавшие несколько дольше первых — с конца XI до начала XIII в. Временем наибольшего их распространения является XII в.¹¹⁶

В последние годы получены новые археологические материалы, позволяющие воссоздать женский головной убор. Эта тема сейчас успешно исследуется М. А. Сабуровой, по мнению которой, женские головные уборы домонгольской эпохи были довольно разнообразны.

Сопоставляя данные отчетов о раскопках вятичских курганов в нескольких пунктах (Иславское, раскопки Л. А. Евтуховой, Никольское — раскопки А. П. Смирнова, Клоцово, раскопки А. В. Успенской, Матвеевское, раскопки Г. П. Латышевой) с данными этнографии, М. А. Сабурова реконструировала один из вариантов головного убора вятичской женщины, сравнивая его с головными уборами Рязанской обл., включавшими «увивку» и Тамбовской обл., в состав которых входят так называемые мохры (шерстяная бахрома)¹¹⁷.

В последние десятилетия получены новые материалы, позволившие сделать реконструкции обуви. Так, в кургане 6 у бывшего Серафимо-Знаменского скита па погребенной обнаружены остатки кожаной обуви, которые были реконструированы Р. Л. Розенфельдом¹¹⁸. Это были маленькие полусапожки, затягивавшиеся у основания шнурком. Перед сапожком расшит, как предполагает автор раскопок, цветными шерстяными нитками. Подошва сапожек сделана из двух слоев кожи¹¹⁹.

В этом же погребении сохранились остатки одежды — большие куски шерстяных тканей двух типов: грубой суконной и более тонкой, основа которой сделана из льняных нитей, а переплетение из шерстяных¹²⁰. Фрагменты золотной ткани с вышивкой, украшенной бляшками из тон-

¹¹⁵ Судя по материалам раскопок Н. И. Булычева, бубенчики находят у висков, прикрепленными к головной повязке из материи, вшителными в волосы или подвешенными к височным кольцам (*Булычев Н. И.* Раскопки по части водораздела. . ., с. 66).

¹¹⁶ *Малыш В. А., Фезнер М. В.* Привески-бубенчики. — Труды ГИМ, М., 1967, вып. 43, с. 136, 137.

¹¹⁷ *Сабурова М. А.* Шерстяные головные уборы с бахромой из курганов вятичей. — СЭ, 1976, № 3, с. 127, 128, рис. 1; с. 131, рис. 2.

¹¹⁸ *Розенфельд Р. Л.* Курганы у быв. Серафимо-Знаменского скита на р. Рожая в Московской обл. — КСИД, 1973, вып. 135, с. 65, рис. 18.

¹¹⁹ Остатки кожаной обуви найдены в Беседских курганах (курганы 18, 20 — мужские погребения и курган 15 — женское), а также в мужском погребении Битяговского кургана и в кургане у с. Матвеевское. В последних двух сапожки были близкими по покрою упомянутым выше. (*Латышева Г. П.* Раскопки курганов у ст. Матвеевской в 1953 г. — Труды Музея истории и реконструкции Москвы, 1954, вып. 5, с. 52, рис. 8, 9).

¹²⁰ *Розенфельд Р. Л.* Курганы у быв. Серафимо-Знаменского скита. . ., с. 65.

кого листового золота (XII в.), найдены в одном из женских погребений Новленской курганной группы ¹²¹.

Хочется остановиться на некоторых предметах, найденных В. А. Гордцовым при раскопках 1930 г. Битяговских курганов и удачно реконструированных и изданных Р. Л. Розенфельдом. При одном из мужских погребений (курган 4) найден набор предметов, которые, по мнению Р. Л. Розенфельда, являются деталями кожаной сумки, кроме того, два бронзовых массивных колечка с остатками ремешков, на которых носилась сумка и медные украшения сумки. Рядом с сумкой находилась бронзовая прямоугольная ажурная пряжка (не очень удачно названная автором накладной «бляхой») и служившая также для привешивания сумки на кожаных ремешках ¹²². Такие пряжки, кроме курганов, известны и на поселениях Земли вятичей, например в Серепске.

¹²¹ *Недошвина И. Г.* Новленские курганы, с. 69—70.

¹²² *Розенфельд Р. Л.* Битяговские курганы. — СА, 1963, № 4, с. 218, рис. 4—12, 17; с. 219.

ГОРОДА ЗЕМЛИ ВЯТИЧЕЙ

ЛЕТОПИСНЫЕ ГОРОДА

«Развитие и углубление феодальных отношений в XI—XII вв. вызвало к жизни сложную систему организации княжеских владений в каждом русском княжестве.

Наряду с пригородными селами создается целая сеть далеко раскинутых княжеских городков, служивших опорными точками хозяйственной политики киевских, черниговских, смоленских, ростово-суздальских князей. Создавая причудливую феодальную чересполосицу, такие городки на многие сотни верст уходили от стольного города в стороны»¹.

Княжеские городки в середине XII в. известны и в бассейне Верхней и Средней Оки, в лесной Земле вятичей, на которую уже в это время простиралась властная рука черниговских князей, державших здесь своих посадников (рис. 42). Одни из этих городков представляют собой своеобразные крепости, другие вырастают в древнерусские города — центры ремесла и торговли, третьи так и остаются феодальными усадьбами и постепенно приходят в упадок.

Бурные события середины XII в. — разгоревшаяся снова феодальная война Ольговичей и Мономаховичей — втянули в круговорот истории и далекую Землю вятичей. Именно она становится основным театром военных действий двух враждующих сторон.

Следуя за Святославом Ольговичем, сначала ловко ускользнувшем от черниговских Давыдовичей, а затем с помощью своего могущественного союзника Юрия Долгорукого перешедшим в наступление, мы и узнаем впервые об этих укрепленных городках в бассейне Верхней Оки.

Летописи — основной письменный источник, доставивший нам сведения о городах Земли вятичей. Когда Русская земля была поделена по завещанию Ярослава между его сыновьями (1054 г.), «вятичи» (в бассейне Верхней Оки) вошли в состав Черниговской земли, ставшей уделом второго сына Ярослава — Святослава Ярославича. Не останавливаясь сейчас на всех последующих событиях правления Ярославичей, напомним только, что начало борьбы двух княжеских фамилий было положено в 1096 г. изгнанием Олега Святославича из Чернигова Мономахом. В связи с этим и упомянута впервые Рязань (Старая)². К этому же времени относятся и упоминание об одном из «городов» в Земле вятичей, в бассейне Верхней Оки, содержащееся, как известно, в «Поучении Владимира Мономаха»: «... а в Вятичи ходихом по две зиме, на Ходоту и на сыша его и ко Корьдну ходих первую зиму»³.

¹ Рыбаков Б. А. Стольный город Чернигов и удельный город Вишиж. — В кн.: По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953, с. 98.

² Олег, выгнанный из Стародуба, пришел к Смоленску «и не прияша его смоляне и иде к Рязаню» (ПСРЛ, т. II, стб. 224).

³ ПСРЛ, т. I (под 1096 г.), стб. 248.

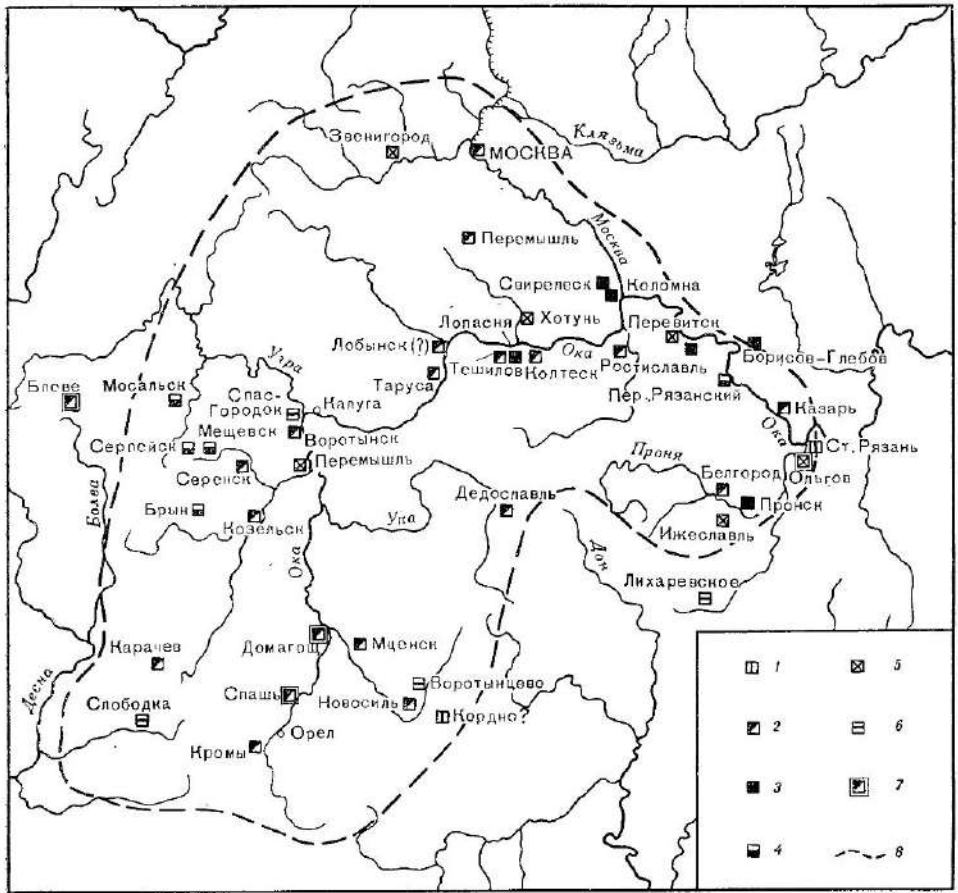

Рис. 42. Города в Земле вятичей

1—5 — города, упомянутые в письменных источниках: 1 — год 1096; 2 — 1146—1157; 3 — 1176—1186; 4 — 1207—1237; 5 — список городов XIV в.; 6 — города и поселения городского типа, известные только археологически; 7 — города — феодальные замки; 8 — граница Земли вятичей.

Где было расположено это поселение «Корьдно», пока неизвестно; Н. П. Барсов предполагает, что оно может быть связано с поселением на р. Зуше «Карнады», расположенным к северо-востоку от Новосиля⁴. Там помещает Корьдно и Б. А. Рыбаков на составленной им «Карте населенных пунктов домонгольской Руси»⁵. Однако поселение здесь пока не найдено. Зато нам хорошо известно, что собой представляла в то время Старая Рязань.

⁴ На современной карте Орловской обл. имеется дер. Карнады, на левом берегу р. Раковка (левый приток р. Зуша), к северо-востоку от Новосиля.

⁵ История культуры Древней Руси. М., 1948, с. 30, карта (вклейка).

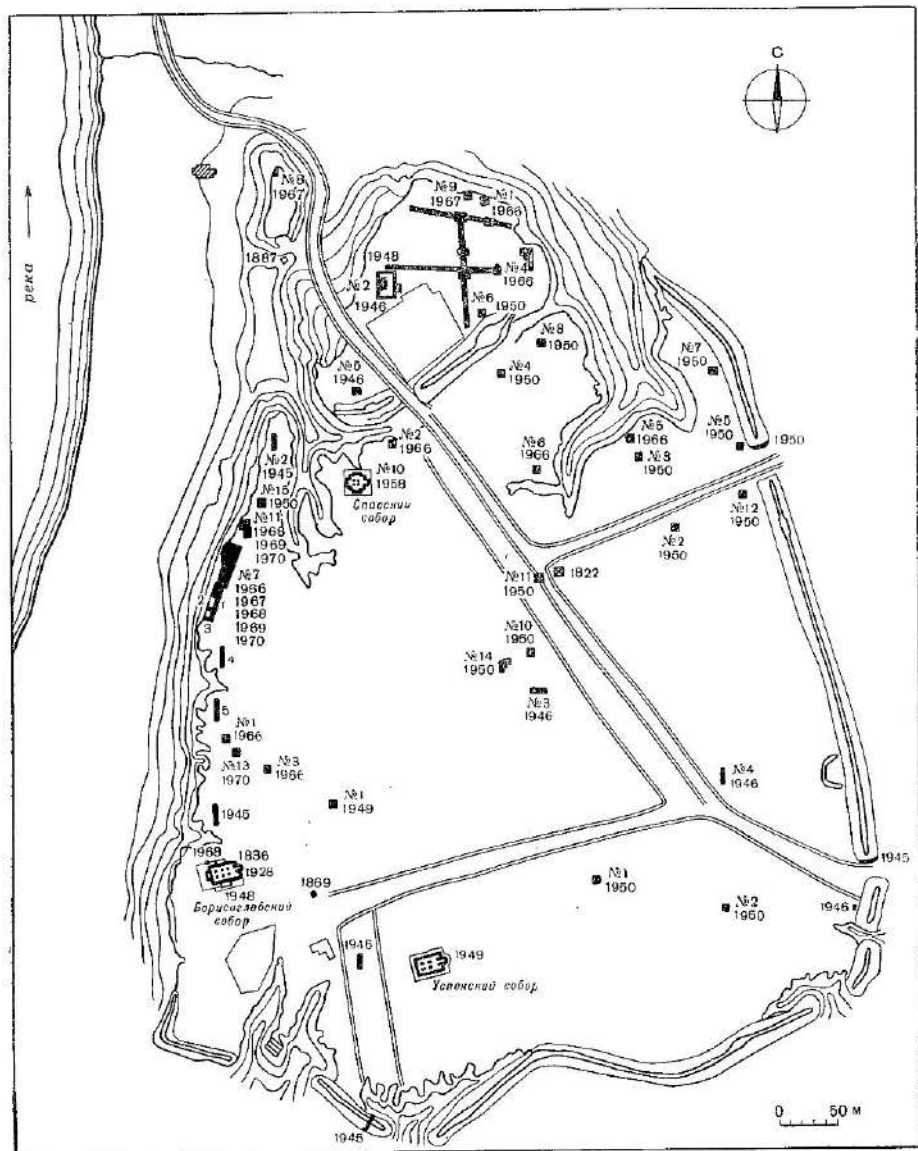

Рис. 43. План городища Старая Рязань (по В. П. Даркевичу)

Старая Рязань. Остатки столицы Рязанского княжества домонгольской поры, знаменитое городище Старая Рязань расположено на правом высоком берегу Оки (напротив города Спасска), вниз от впадения в нее р. Прони (рис. 43). Северная часть мыса городища ограничена оврагом, по которому протекает ручей Серебрянка, впадающий в Оку. С южной и восточной стороны площадки городища обнесена валом и глубоким рвом, частично разрушенными оврагом. Общая протяженность валов Старой Рязани составляет 1500 м. В древности валы укрепляли город и с запада, со стороны Оки и р. Серебрянка, но они впоследствии осыпались. На плане Старой Рязани, снятом в 1774 г., обозначены все валы, ограничившие пятиугольник неправильной формы, общая площадь которого более 40 га. На плане второй половины XIX в. вал, шедший по берегу р. Оки, не был показан; обозначены южный и восточный валы, а также небольшой внутренний вал, протяженностью 235 м, отрезающий северо-западную часть мыса городища. С восточной стороны городища в валу сохранились ворота: Исадские, через которые идет дорога на с. Исады, Старые Пронские и Новые Пронские ворота, ведущие к г. Пронску. В середине внутреннего вала, теперь сильно оплывшего (современная высота его около 3,5 м), были также ворота (северные).

Северо-западный мыс городища отделен от остальной территории городища глубоким оврагом, образовавшимся на месте рва, ограждавшего в древности поселение городецкой культуры.

После случайной находки в 1822 г. на городище клада золотых вещей («рязанских барм») ⁶ начинаются его раскопки (1836 г.). Первому трудолюбивому исследователю Старой Рязани Д. Тихомирову принадлежит открытие в юго-западной части городища большого Борисоглебского собора. После этих раскопок и неоднократных находок кладов серебряных вещей Рязанской Ученой архивной комиссией, организованной в 1884 г., были снова предприняты исследования на городище под руководством А. В. Селиванова, раскопавшего в северо-западной части южного городища еще один древний собор (Спасский) ⁷. Раскопками А. И. Черепнина и В. Крейтона, производившимися по поручению РУАК, вскрывались траншеями участки культурного слоя между двумя соборами, собраны обломки стеклянных браслетов, предметы быта и т. п. ⁸

Первые большие раскопки в Старой Рязани предприняты в 1926 г. Московским Гос. историческим и Рязанским областным краеведческим музеями под руководством В. А. Городцова. Благодаря этим раскопкам (которые велись траншеями), на городище впервые были открыты остатки жилищ и глинобитных печей, реконструкция которых была сделана исследователем. Несмотря на то, что материалы этих раскопок не были В. А. Городцовым опубликованы и получили освещение только в неболь-

⁶ Монгайт А. Л. Художественные сокровища Старой Рязани. М., 1967, рис. 10, 13, 16.

⁷ Селиванов А. Отчет о раскопках в Старой Рязани. — ТРУАК, Рязань, 1888, т. III, с. 159—164; *Он же.* Дневник раскопок в Старой Рязани. — Там же, т. V, с. 31—36.

⁸ Черепнин А. И. Кулаковский могильник в городище Старой Рязани. — ТРУАК, Рязань, 1903, т. XVIII, с. 154—159.

шой статье А. А. Мансурова⁹, все же надо отметить их большое научное значение.

Раскопки Старой Рязани возобновились в 1945 г. экспедицией Института археологии под руководством А. Л. Монгайт и с небольшим перерывом велись до 1979 г. (В. П. Даркевич). Начатые первоначально на Северном городище исследования экспедиции были перенесены с 1966 г. на Южное городище Старой Рязани. За два десятилетия работ экспедиции, которые ведутся теперь широкими площадями, исследованы десятки наземных и полудземлячных жилищ, в том числе феодальная усадьба (начало XIII в.), ремесленные мастерские, производственные комплексы — домница, гончарные горны, оборонительные сооружения, собран огромный вещевой материал, позволивший охарактеризовать разные стороны культуры и быта столицы быв. Рязанского княжества, погибшей в огне монголо-татарского пожара 21 декабря 1237 г.

Вещевые находки, собранные на городище, показали, что северное городище было заселено раньше южного. Но когда на южном городище началось интенсивное строительство, северное городище не заустало и жизнь в нем продолжалась вплоть до последних дней существования Старой Рязани¹⁰.

Богатейшая коллекция предметов ювелирного мастерства (из золота и серебра), собранная в многочисленных кладах Старой Рязани, пополнилась находками еще четырех кладов древнерусских серебряных украшений, обнаруженных в прибрежной части южного городища (неподалеку от усадьбы феодала) (1966, 1967 (2 клада) и 1970 г.)¹¹. В 1949 г. экспедицией были раскопаны фундаменты третьего собора Старой Рязани XII в. — Успенского.

После первого упоминания в летописи под 1096 г. в связи с приходом сюда Олега Святославича, Старая Рязань в течение 18 лет (до 1114 г.) не появляется на страницах летописи.

Под 1127 г. в Ипатьевской летописи сообщается, что князь Ярослав Святославич Черниговский, изгнанный из своего владения, становится князем муромо-рязанским, однако поселился Ярослав не в Рязани, а в Муроме¹². Так продолжалось до середины XII в., когда Рязанское княжество обособляется от Муромского, а Рязань начинает играть первенствующую роль по сравнению с Муромом (при князе Ростиславе); перемены объясняются, очевидно, тем, что к этому времени были проложены пути в Рязань через вятские леса, что приблизило ее к южным русским центрам. Именно к этому времени (середина XII в.) относится строительство оборонительных сооружений вокруг города и интенсивное строительство на Южном городище.

⁹ Мансуров А. А. Древнерусские жилища. — ИЗ, М., 1941, т. 12, с. 63, 64.

¹⁰ Монгайт А. Л. Старая Рязань. — МИА, 1955, № 49, с. 22.

¹¹ Монгайт А. Л. Работа Рязанской археологической экспедиции в 1966—1970 гг. — В кн.: Археология Рязанской земли. М., 1974, с. 12, 13, рис. 4, 5; Даркевич В. П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966—1969 гг.). — Там же, с. 28—35, рис. 8—12.

¹² ПСРЛ, т. II, стб. 24.

В 1237 г. 16 декабря Старая Рязань первая приняла на себя удары полчищ Батые. В течение пяти дней рязанцы героически противостояли врагу, но 21 декабря город был взят штурмом и сожжен. Эти трагические события описаны очевидцем и позже включены в русские летописи.

«А в шестый день рано приидоша погани ко граду, овии с огни, а инии с пороки, а инии с тмочисленными лествицами, и взяша град Резань месьаца декабря в 21 день. . . А во граде многих людей, и жены, и дети — мечи исекоша. И ивых в реде потопиша, и ерен черпоризцы до останка исекоша, и весь град пожгоша, и все узорочие нарочитое, богатство рязанское и сродник их киевское и черньиговское поимаша. А храмы божиа разориха, и во святых олтарех много крови пролияше. И не оста во граде ни един живых: вси равно умроша и едицу чашу смертную пиша. . .» «. . . Сий бо град Резань и земля Резанская, изменися доброта ея, и отиде слава ея, и не бе в ней ничто благо видети — токмо дым и пепел. . .»¹³.

После монголо-татарского нашествия город восстанавливался медленно, он постепенно угасал, уступая свое место Переяславлю¹⁴.

После смерти (под 1146 г.) киевского князя Всеволода Ольговича Киевский стол стал объектом притязаний Святославичей и Всеволодовичей; эта борьба переросла, как известно, снова в большую феодальную войну, в которой столкнулись интересы двух княжеских фамилий — Мономаховичей и Святославичей. Союзниками Изяслава Мстиславича, занявшего Киевский стол, оказались черниговские Давыдовичи, т. е. одна из ветвей Святославичей. Другая ветвь Святославичей — Ольговичи вместе с Юрием Долгоруким оказались во враждебном лагере. Непосредственным поводом для этой войны, разразившейся на территории вятичей, послужило изгнание Святослава Ольговича из Новгорода-Северского его двоюродным братом Владимиром Давыдовичем, княжившим в Чернигове. Нас эти события интересуют сейчас только в историко-географическом плане, в связи с тем, что в летописях именно в это время начинают особенно часто упоминаться «города» вятичей.

Под 1146—1147 гг. и в последующие десятилетия в связи с сообщениями летописца о вновь вспыхнувших усобицах князей из рода Ольговичей и Мономаховичей за обладание Черниговским княжеством упомянуты следующие города в Земле вятичей: Блове (1146), Брын (1228), Воротынк (1155), Дедославль (1146), Девягорск (1147), Домагощ (1147), Козельск (1146), Карачев (1146), Колтеск (1146), Кромы (1147), Коломпа (1177), Лобыньск (Люблинец Амосов) (1146), Лопасна (1176), Москва (1147), Мосальск (1231), Мценск (1146), Неринск (1147), Новосиль (1155), Пронск (1186), Серенск (1147 и 1232), Свирельск (1176), Спашь (1147, 1152), Тешиллов (1147), Трубеч (1186), Ярышев (1149). Таким образом, в середине и второй половине XII в. в Земле вятичей по летописи было известно 27 городов, считая Старую Рязань и Корьдно (рис. 42).

Карачев в XII в. принадлежал черниговским князьям. Дорога туда была

¹³ Повесь о разорении Рязани Батыем. — В кн.: Воинские повести Древней Руси. М.—Л., 1949, с. 12, 13, 15.

¹⁴ Монгайт А. Л. Старая Рязань, с. 28.

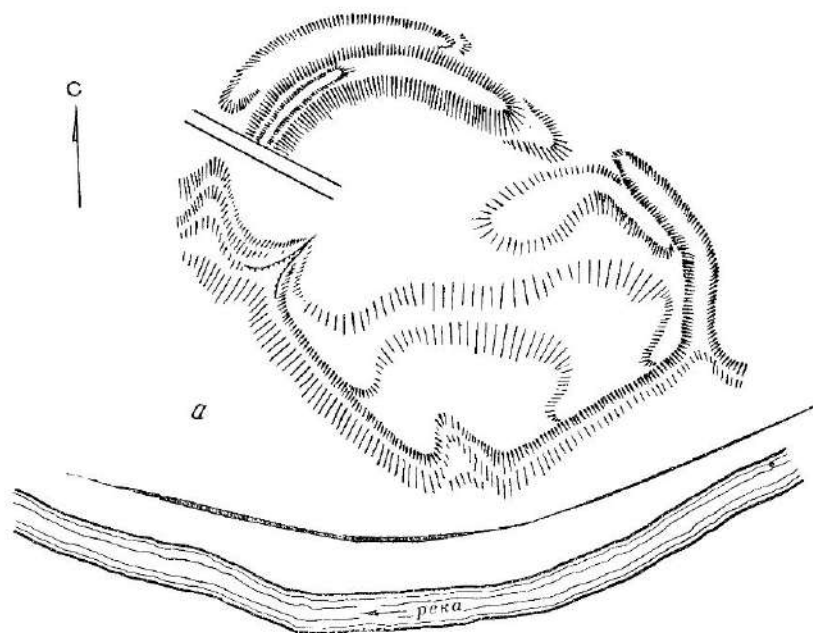
им хорошо известна. Недаром летописец, говоря о пути, по которому преследует Изяслав Давыдович Святослава Ольговича, замечает: «Иде ис Путивля на Севьско и на Болдыжь. Просте бо бе ему путь Карачеву»¹⁵. Именно за его стенами укрылся Святослав Ольгович, изгнанный своими двоюродными братьями, черниговскими Давыдовичами из Новгорода-Северского.

Карачевское городище расположено в центральной части современного города Карачева, на правом берегу р. Снежеть, возвышаясь над ее уровнем на 10 м (рис. 44, 1, 2). Площадь его около 6 га. В «город» вели два въезда: один со стороны реки, в южной части, другой — с востока, со стороны древней сухопутной дороги — Мценск—Карачев—Брянск. С запада и юга городище ограничено естественными склонами к р. Снежети. С севера его защищает ров (шириной 18 м и глубиной 1,5 м) и вал, сохранившийся на высоту 2,5 м. Восточный склон городища уширался в глубокий овраг, а площадка городища с этой стороны усиливалась валом, остатки которого сохранились лишь частично.

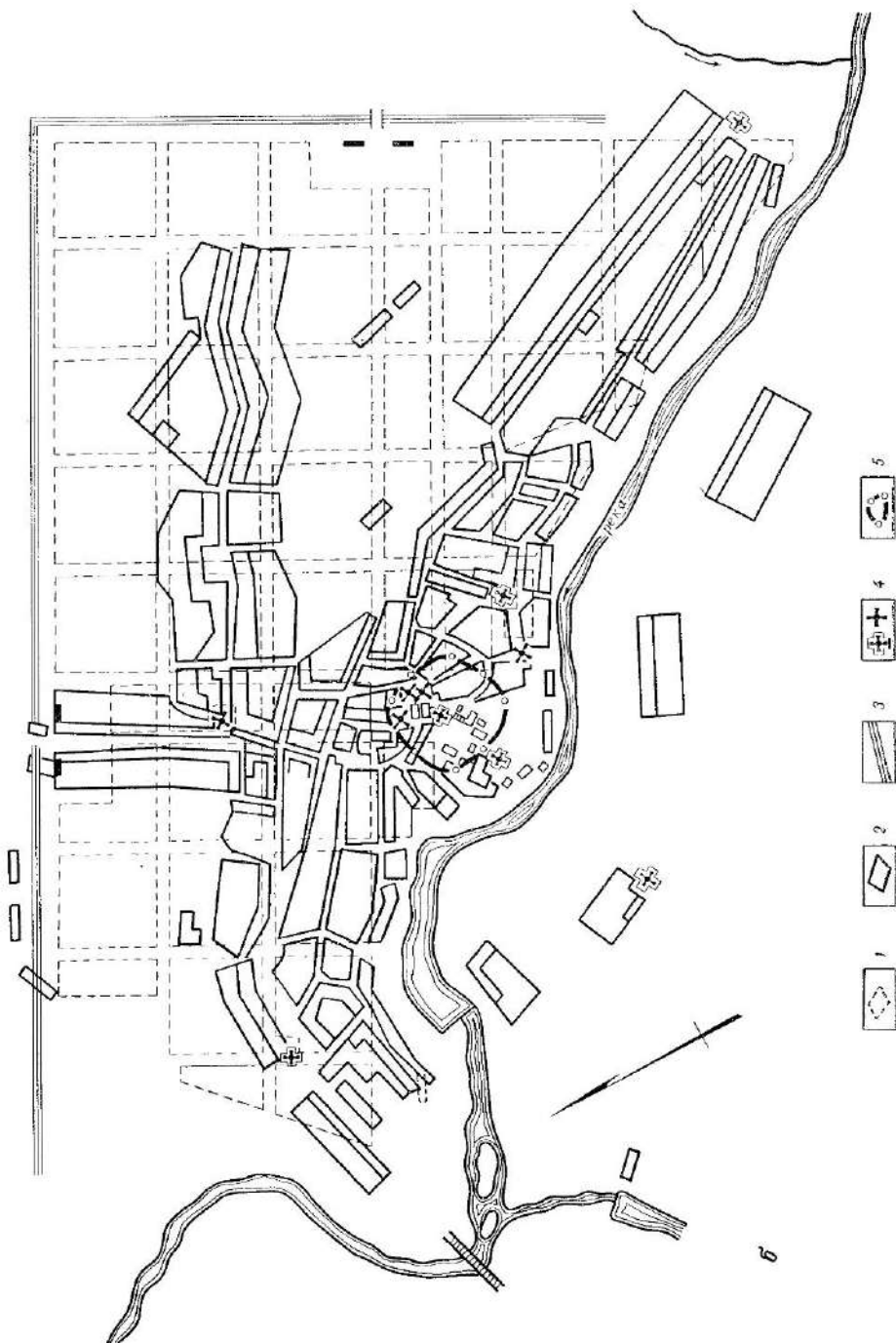
Раскопки Карачевского городища в дореволюционное время не производились. В настоящее время площадка его застроена и распахана под огороды. При обследованиях городища в 1964—1967 гг. и зачистке

Рис. 44. Планы города Карачева (а, б)

1 — застройка конца XVIII в.; 2 — древняя застройка; 3 — вал и ров; 4 — церкви; 5 — территория городища

¹⁵ ПСРЛ, т. II, стб. 335.

обнажений культурного слоя собраны обломки гончарных сосудов с волнистым и линейным орнаментом (XII—XIII вв.), белоглиняных — XIV—XV вв., обломки стеклянных браслетов, а также фрагмент прозрачного бесцветного сосуда с голубым эмалевым узором, изготовленного в одной из Сирийских мастерских второй половины XII в.¹⁶

Что собой представляло это древнерусское поселение, возникшее на территории древнего, дославянского поселка, сказать трудно. Можно предположить, что в начале XII в. один из «вятичских» князьков по имени Корач¹⁷ основал здесь небольшую феодальную усадьбу, которую затем прибрал к своим рукам Святослав Ольгович, так же, как это сделал в свое время Юрий Долгорукий с владением боярина Кучки — «Кучковым полем». Постепенно эта феодальная усадьба выросла в древнерусский городок — Карачев, ставший центром целой волости¹⁸.

Карачев долго был во владении черниговских князей. В начале 50-х годов им владел Святослав Всеволодович. Весной 1155 г. Святослав Ольгович отобрал у него Карачев и Воротыиск «зانه же бе его отступи»¹⁹. Однако впоследствии Святослав Всеволодович снова возвращает себе этот город, ставший, по-видимому, его личным доменом²⁰. Святослав часто ездил в Карачев «орудей своих делая», т. е. по своим личным владельческим делам²¹.

Возможно, что в 1238 г. этот город постигла та же участь, что и соседний Козельск, и он был сожжен войсками Батые²².

В «Списке городов» конца XIV в. Карачев упоминается в числе литовских²³.

Козельск. Вторым городом, лежащим несомненно в Земле вятичей, куда бежал от Давыдовичей Святослав Ольгович, был Козельск. Сначала летописец говорит, что из Карачева Святослав «бежа за лес у Вятичей»²⁴, а затем мы узнаем, что Святослав Всеволодович «посла Козельску ко Святославу стряпи своему»²⁵.

Остатками древнерусского города Козельска является городище, расположенное на левом крутом берегу р. Жиздра, при впадении р. Другусны, которые окаймляют центральную, наиболее возвышенную часть городища с восточной, северной и западной стороны (рис. 45). В древности

¹⁶ Фрагменты подобных привозных сосудов найдены в Старой Рязани и определены Ю. Л. Шаповой (*Шапова Ю. Л.* Стекланные изделия из Старой Рязани (по материалам раскопок 1966—1968 гг.). — В кн.: Археология Рязанской земли, с. 83.)

¹⁷ Как утверждает В. А. Никонов, в славянской топонимике суффикс -ов(ев) был одним из самых распространенных; он служил для выражения принадлежности в ту эпоху, когда «распространение феодальной собственности на землю стало главным признаком наименования места» (*Никонов В. А.* Введение в топонимику. М., 1965, с. 69).

¹⁸ *Зайцев А. К.* Черниговское княжество, с. 110.

¹⁹ ПСРЛ, т. II, стб. 479.

²⁰ *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова. — МИА, 1949, № 11, с. 14.

²¹ *Рыбаков Б. А.* Князь Святослав Всеволодович (ок. 1125—1194). — МИА, 1949, № 11, с. 96 (прав.).

²² Отголоском этих событий, возможно, является современное название городища у местных жителей — «Татарский вал».

²³ Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 476.

²⁴ ПСРЛ, т. II, стб. 336.

²⁵ ПСРЛ, т. II, стб. 338.

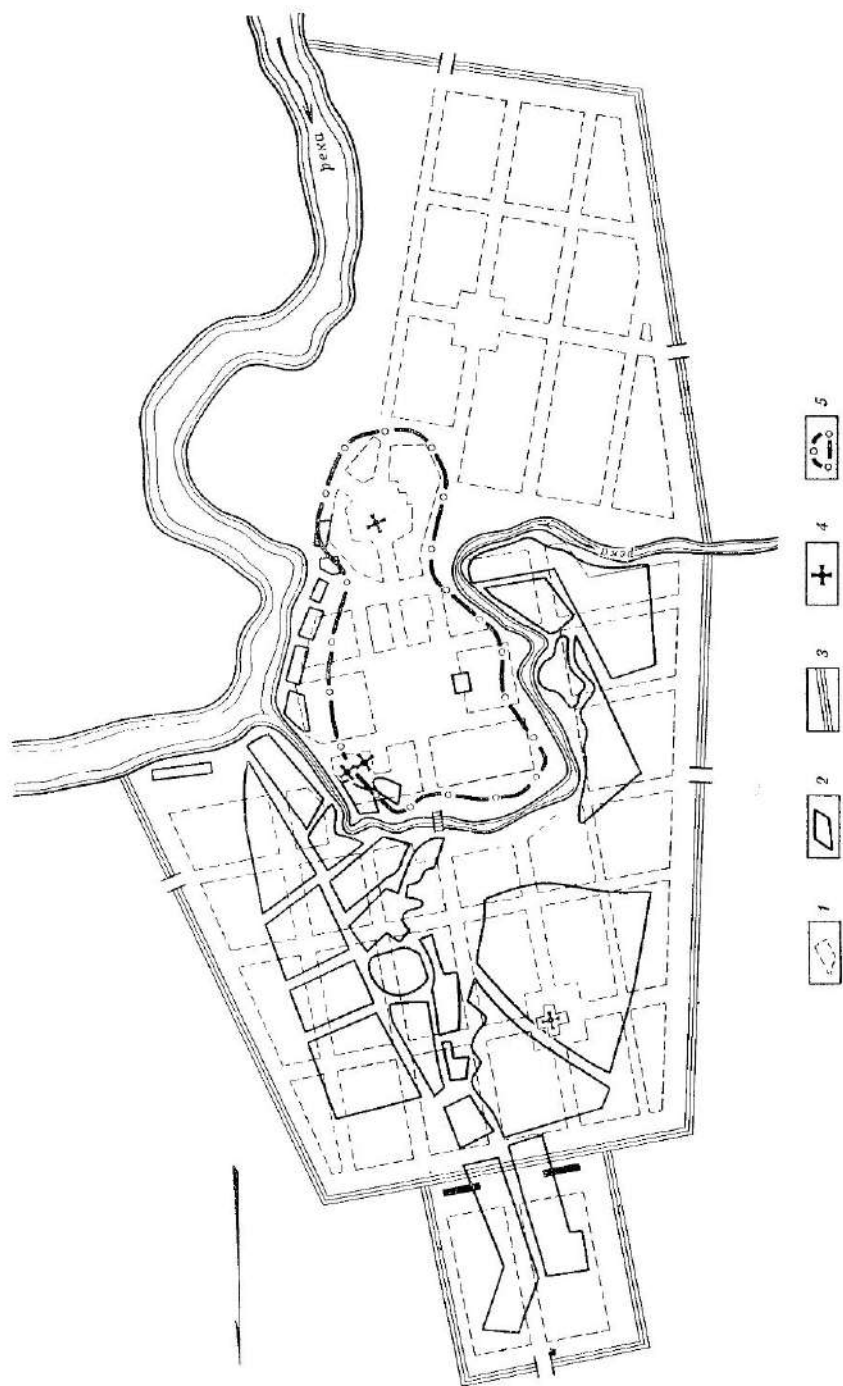

Рис. 45. План города Козельска

1 — застройка XVIII в.; 2 — древняя застройка; 3 — вал и ров; 4 — церковь; 5 — территория городища

город был окружен высокими валами; упоминание о них есть в Ипатьевской летописи, в рассказе о штурме города войсками Батия (под 1238 г.)²⁶. Очевидно, по гребню вала шла деревянная стена. Несомненно, что Козельск был очень хорошо укреплен, иначе его жители не могли бы противостоять в течение семи недель войскам Батия.

Площадка Козельского городища овальной формы (вытянутая с северо-запада на юго-восток), склоны городища очень крутые и отвесные. По-видимому, эта овальная площадка, имевшая длину периметра 900 м, была детинцем Козельска. Севернее, вплоть до берега р. Другусна располагался посад. Можно предположить, что планировка древнерусского Козельска XII—XIII вв. в общих чертах напоминала планировку города-крепости, каким он был в XVI в., судя по описанию: «Город в Козельске был деревянный, рубленый, с двумя проезжими и шестью глухими башнями²⁷; вал тянулся на 450 сажень (т. е. немпого более 900 м. — Т. Н.). Был и второй вал, который шел от «острога» по берегу р. Другусны, и, перейдя ее, охватывал южную, более других открытую часть города»²⁸.

В 1975 г. Козельское городище обследовано Верхнеокской экспедицией. Заложённые шурфы (городской парк, Белевская горка) выявили слой домонгольского времени, содержащий обломки гончарной керамики XII—XIII вв. Найдено даже розовое шиферное пряслице.

Козельск имел очень большое значение для черниговских и новгород-северских князей в процессе освоения волости «Вятичи», в которую он входил. Об этом говорит хотя бы тот факт, что даже при вступлении на Киевский стол или при переходе в Чернигов, они пытались оставить его за собой. Так, под 1223 г. о старшем в Черниговской Земле Мстиславе Святославиче говорится, что он сидел «в Козельске и в Чернигове»²⁹.

Дедославль. Как только стало известно, что Давыдовичи собираются преследовать Святослава и выступить из Брянска, «Святослав с Козельска иде до Дѣдославля»³⁰, где он, по-видимому, задержался недолго и вновь отступил к Осетру. Очевидно, Давыдовичи не замедлили воспользоваться уходом Святослава и заняли Дедославль.

Получив помощь от Юрия Долгорукого, Святослав собирался с дружиной Белозерцев выступить к Дедославлю на Давыдовичей, но его задержала болезнь сына Юрия — Ивана. Вместе с тем, Давыдовичи, узнав, что Святослав получил помощь от Юрия, приостановили преследование Святослава. «Она же слышавша оже Гюрги прислалъ к нему в помочь и не смѣста по немъ ити, по съзваша Вятиче и рѣша им: „се есть ворогъ

²⁶ По описанию Л. Кавелина валы Козельска были хорошо видны еще в первой половине XIX в. (*Кавелин Л.* Историческое описание Введенской Оптиной пустыни. М., 1847, с. 144, 145).

²⁷ В древности количество башен было, очевидно, меньшим.

²⁸ *Малинин Д.* Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 1912, Козельск. Хашыков. Летопись калужская от отдаленных времен до 1841 года. М., 1878, с. 72.

²⁹ В Хлебниковском списке сказано об этом еще сильнее: «Тогда бо бѣ Мьстиславъ Романовичъ в Къевѣ а Мьстиславъ Козельскыи в Черыгѡвъ, а Мьстиславъ Мьстиславичъ в Галичи. Тии бо бяху старѣннишы в Роуской землѣ» (ПСРЛ, т. II, стб. 741).

³⁰ ПСРЛ, т. II, стб. 338.

нама и вамъ а ловите его убити лестію и дружиною его избите, а имѣніе его на полонъ вамъ — и тако възвратистася ис Дѣдославля»³¹.

По-видимому, Дедославль был довольно важным городом в Земле вятчѣй и не случайно Давыдовичи создали здесь Вятчѣй на «вече». Возможно, здесь, в Дедославле, была уже своя феодальная верхушка, к которой и обращаются черниговские князья. Соседство Дедославля с Рязанским княжеством заставило черниговских князей постоянно держать этот городок в поле зрения.

Местоположение этого города хорошо известно: еще Н. С. Арцыбашев и М. П. Погодин, а вслед за ними и А. Н. Насонов предположили, что Дедославль лежал на месте с. Дедилова, на р. Шиворони³². На южной окраине села, на мысу высокого правого берега р. Шиворонь находится большое городище. Впервые оно обследовано экспедицией Тульского краеведческого музея в 1935 г.³³, а в 1967 г. — Верхнеокской экспедицией.

Площадка городища размером 175×60 м с северной, напольной стороны защищена валом, с востока — широким и глубоким оврагом. В средней ее части сохранилось небольшое всхолмление, вытянутое с запада на восток (остатки внутреннего вала?), от которого поверхность городища приобретает резкое падение к югу, в сторону реки (рис. 46). Культурный слой, сохранившийся не на всей площади поселения, имеет толщину 0,8—1,2 м и содержит обломки гошчарной керамики домонгольского времени и XIV—XV вв.³⁴

Колтеск. Святослав, несомненно, стремился приблизиться к своему союзнику Юрию Долгорукому, так как перейдя верховья р. Осетр, он остановился в маленьком городке Колтеске, лежащем недалеко от границ Ростово-Суздальского княжества, на правом берегу р. Оки. «Пришедши же Святославу в Колтескъ городокъ»³⁵.

З. Д. Ходаковский, а вслед за ним А. Н. Насонов полагали, что Колтеск лежал на месте с. Колтова, расположенного выше по Оке от Каширы³⁶.

Колтовское городище, обследованное в 1960 г. Р. Л. Розенфельдом на мысу левого берега р. Мутенки (правого притока Оки), к сожалению,

³¹ ПСРЛ, т. II, стб. 338.

³² Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, с. 224.

³³ Отчет М. А. Дружинина об археологических обследованиях в пределах Тульского и соседних с ним районов по открытому листу № 8. — Архив АК, д. 87 за 1935 г.

³⁴ Город Дедилов сохранял свое значение до конца XVIII в. В период укрепления южной границы Московского государства в 1553 г. здесь была построена деревянная крепость. До 1797 г. Дедилов числился городом, затем превращен в казенную волость, а впоследствии в село Тульской губ. «До настоящего времени отдельные части села и окружающие его урочища носят названия, сохранившиеся от эпохи феодализма. Городище на горе „Покровке“ окружено слободами: Стрелецкая, Пушкарская, Жилая, Казачья, Луговая, Дегшева, Ямской лес, Государев лес, Бобльские камни» (Отчет М. А. Дружинина об археологических обследованиях в пределах Тульского и соседнего с ним районов. — Архив АК).

³⁵ ПСРЛ, т. II, стб. 338.

³⁶ А. Н. Насонов, уточняя местоположение Колтеска, говорит, что устье Протвы, впадающей в Оку, находилось по отношению к Колтеску вверх по Оке (Русская земля. . ., с. 225).

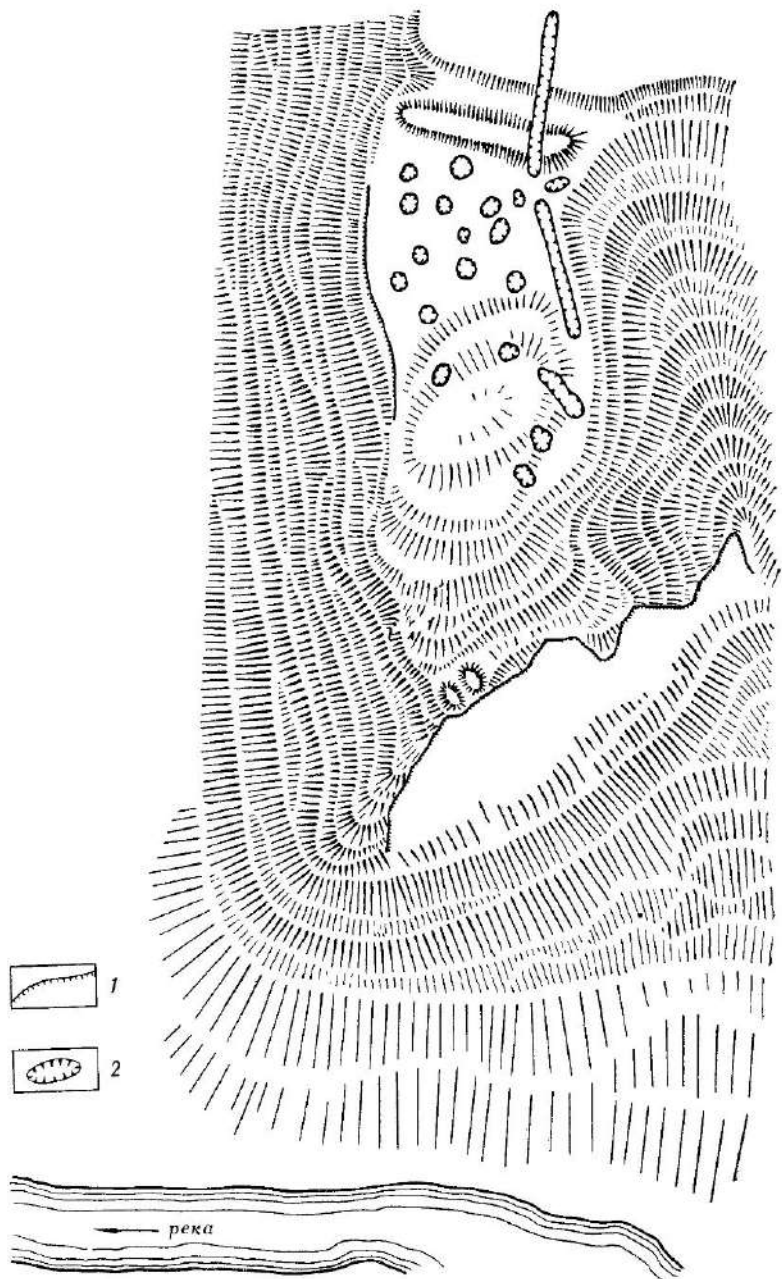

Рис. 46. План городища у с. Дедилово
 1 — обрыв; 2 — ямы, траншеи (съемка С. С. Ширинского)

совершенно уничтожено карьером. На площадке, примыкавшей с напольной стороны к валам разрушенного городища (посад?) обнаружены следы полуземлянок, в культурном слое которых собраны обломки гончарных сосудов домонгольского времени ³⁷.

Лобынск. Городком, в который отправился из Колтеска Святослав, был Лобынск. В летописи сказано, что «Святослав възвратися (из Колтеска. — *Т. Н.*), поиде оу верхъ Оки и пришедь ста на оустъ Поротве в городъ Лобынскъ. . .» ³⁸ А. Н. Насонов помещает Лобынск на правом берегу Оки, в устье р. Протвы ³⁹.

Отсюда Святославу Ольговичу несложно было совершить поход в верховье Протвы, во время которого он «взя люди Голядь» ⁴⁰. После этого состоялось свидание Святослава Ольговича с Юрием Долгоруком в Москве («и приславъ Гюрги рече приди ко мне брате в Московъ») ⁴¹.

Москва. История и археологическое изучение Москвы является темой специального исследования; Москве посвящено множество книг, написанных как в дореволюционное время, так и в наши дни ⁴².

Первые летописные сведения о Москве относятся к 1147 г., когда Юрий Долгорукий дал Святославу Ольговичу «обед силен» (4 апреля). А под 1156 г. в Тверской летописи сказано, что князь Юрий Долгорукий «. . . Заложил град Москву на устьеже Неглины, выще реки Аузы» ⁴³. Естественно предположить, что ко времени этих записей летописцев Москва была уже довольно известным городом ⁴⁴.

Возможно, что древнейшее поселение существовало на месте Кучкова поля (р-п пл. Дзержинского и Сретенских ворот), так как Москва в летописи еще названа Кучковым, по имени боярина «богата суца» Стефана Кучки. Упоминания о Кучковичах встречаются в XIV—XV вв. По мнению М. Н. Тихомирова, Кучка был реальной личностью, представителем местной («вятичской») знати, покоренной суздальскими князьями ⁴⁵.

Первым исследователем, привлечшим внимание ученых к изучению истории Москвы, был историк П. Н. Миллер. Ему принадлежит инициатива в организации постоянных наблюдений за огромными

³⁷ *Розенфельдт Р. Л.* Отчет об обследовании археологических памятников на территории Московской обл. — Архив ИА, Р.—1, № 2042.

³⁸ ПСРЛ, т. II, стб. 339.

³⁹ *Насонов А. П.* «Русская земля». . ., с. 226.

⁴⁰ ПСРЛ, т. II, стб. 339.

⁴¹ Там же.

⁴² *Забелин И. Е.* Изыскания о древнейшем первоначальном поселении Москвы. — Тр. VIII АС, ч. III. М., 1897; *Он же.* История города Москвы. М., 1902, I, с. 62—74; *Тихомиров М. И.* Древняя Москва. М., 1947; *Арциховский А. В.* Основные вопросы археологии Москвы. — МИА, 1947, № 6, с. 7—22; *Воронин И. Н., Рабинович М. Г.* Археологические работы в Московском Кремле. — СА, 1963, № 1, с. 253; *Рабинович М. Г.* О древней Москве. М., 1964; *Древности Московского Кремля.* М., 1971.

⁴³ ПСРЛ, т. XV, стб. 225.

⁴⁴ Недаром, еще в прошлом веке И. Е. Забелин писал, что создавать историю Москвы, «оставаясь в пределах летописных данных», невозможно. Однако по мнению Забелина, «Первое древнейшее заселение Кремля сосредоточивалось у Боровицких ворот, на бору, или в бору, на высоком отроге р. Неглины и Москвы-реки» (*Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1895, с. 19).

⁴⁵ *Тихомиров М. И.* Древняя Москва, с. 14.

строительными работами в Москве. Особенно интересные результаты были получены при наблюдениях за строительством на Котельнической набережной (в районе древней гончарной слободы), где впоследствии (в 1946—1947 гг.) были организованы первые научные раскопки⁴⁶. Археологическое изучение Москвы с той поры ведется совместными усилиями многих научных учреждений: Институтом археологии АН СССР (Н. П. Воронин, А. Ф. Дубынин, Д. А. Беленькая, М. Г. Рабинович), Музеем истории и реконструкции г. Москвы (А. Г. Векслер), Гос. музеями Московского Кремля (В. И. Федоров, Н. С. Шеляпина), Гос. Историческим музеем (М. В. Фехпер, В. А. Мальм).

Остатки древнейших укреплений Москвы (вала и рва) и культурных наслоений были открыты на территории Кремлевского мыса, образованного р. Неглинная и р. Москва. Общая мощность культурных отложений здесь была от 0,2 до 10 м (у южной и западной стен Кремля). Самый древний культурный слой III (нижний) — плотный, слежавшийся: в верхнем горизонте его найдены стеклянные браслеты, стеклянные непрозрачные, зеленые и желтые перстни, зошпы ярко-зеленые и ярко-синие прозрачные бусы и другие предметы, бытовавшие на Руси до монгольского нашествия. Здесь же найдена шпора с шипом, датируемая серединой XIII в. В нижнем горизонте III слоя встречаются обломки амфор и желто-стеклянных бокалов, русская полевая керамика (птичка с зеленой полпой). Керамика — серая и курганная (до 30%). Количество стеклянных браслетов книзу уменьшается (по количеству крученых — увеличивается). В предматериковом слое найдены шиферные пряслица, хрустальная бипирамидальная и зонная густо-синяя и красная бусины (конец XI—начало XII вв.)⁴⁷. Кроме того, в этом слое найдена свинцовая гирька, железный наконечник копья, железная фибула, коса-горбуша, калачевидное кресало, вислая свинцовая печать Киевской метрополии конца XI—начала XII вв.⁴⁸ Предположения М. Н. Тихомирова о том, что низменный москворецкий Подол, где проходила Великая улица, соединявшая Кремль с Пристанью, был весьма древним, таким образом, оправдались. М. Н. Тихомиров считал даже, что эта часть города должна была застраиваться быстрее, чем нагорная часть будущего Китай-города⁴⁹.

В другой части Великого посада, в Зарядье — также обнаружен культурный слой конца XI—XIV вв.

Следует упомянуть, что на территории Московского Кремля, в предматериковом слое начала XII в. найден обломок бронзового семиплостного височного кольца, а при строительстве Оружейной палаты в 1847 г. найдены два серебряных семиплостных и две полужгутовых загнутых конечных гривны.

Тешлов. В связи с упоминанием Москвы под 1147 г. в Никоновской летописи говорится еще об одном городе в Земле вятичей, также вхо-

⁴⁶ Рабинович М. Г. П. М. Миллер и археология Москвы. — МИА, 1949, № 12, с. 305; *Он же.* Раскопки 1946—47 гг. в Москве на устье Яузы. — МИА, 1949, № 12, с. 5.

⁴⁷ Воронин Н. П., Рабинович М. Г. Археологические работы в Московском Кремле. — СА, 1963, № 1, с. 258.

⁴⁸ Шеляпина Н. С. Археолог поправляет летописца. — Наука в жизнь, 1965, № 9.

⁴⁹ Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957, с. 45.

давшим в сферу влияния черниговских князей: «...И тако совещашии снидошася на Москву князь великий Юрьи из Суждаля, а князь великий Святослав Ольгович с Рязани из Тешилова с сыном своим Олгом и со князем Владимиром Святославичем. . .»⁵⁰

Итак, речь идет о городе Тешилове, из которого Святослав прибывает на совещание с Юрием в Москву. По этому поводу А. В. Ардиховский замечает: «Святослав был первым князем в Земле вятичей. Определенной столицы он не имел, но по-видимому, Тешилов был тогда довольно важным пунктом»⁵¹.

Раскопки древнего Тешилова, проводившиеся А. В. Ардиховским в 1925 г., позволили заключить, что это был город-крепость, существовавший с XII по XVI вв.

Тешиловское городище расположено около с. Тешилова Серпуховского р-на Московской обл., на высоком правом берегу р. Оки. Западный и восточный склоны городища упираются в глубокие овраги, с северной стороны — крутой спуск к реке. С юга площадка городища укреплена валом, высота которого с внешней стороны 10 м, со стороны площадки 6 м. Высота вала, окаймляющих площадку городища по ее периметру, незначительна. Поперечные разрезы вала в восточной и западной частях площадки городища выявили, что первоначальная высота его насыпи была большей, но в связи с тем, что в период жизни на поселении культурный слой около вала интенсивно нарастал, насыпь вала от уровня современной нам поверхности городища оказалась невысокой. Валу Тешиловского городища сооружены из глины. В центре южного высокого вала был прорыв, служивший, очевидно, воротами. Разделенные в этом месте половины вала заходят одна на другую, что, по справедливому замечанию автора раскопок, должно было затруднять вторжение в крепость неприятеля.

Площадь поселения примерно более 1 га. Раскопки велись трапезеями, но дали общую картину планировки города и его культурных напластований. Толщина культурного слоя колеблется от 0,2 до 2,2 м⁵².

В южной части площадки городища было древнее кладбище. В жилой части городища открыты остатки жилищ; это были наземные бревенчатые избы с земляным полом. На некоторых участках поселения «избы» тесно примыкали друг к другу, располагаясь длинными рядами и образуя как бы улицу.

⁵⁰ ПСРЛ, т. IX, с. 172. Однако А. Н. Насонов считает, что данные «известия Никонской летописи не являются тем доброкачественным материалом, опираясь на который, можно было бы делать прочный вывод; и с большим доверием относится к сообщению Ипатьевской летописи, согласно которой Святослав поехал в Москву «с Лобыньска». Возможно, что А. Н. Насонов и прав, говоря, что к известиям Никонской летописи XII—XIII вв. надо относиться с осторожностью, но зато никак нельзя согласиться с другим его утверждением: «Само существование Тешилова до XIV в. источниками не подтверждается» (Насонов А. Н. «Русская земля. . .», с. 214). Археологические источники опровергают мнение А. Н. Насонова.

⁵¹ Отчет А. В. Ардиховского о раскопках в Московской губ., Серпуховском уезде. — Архив ГАИМК, д. 199 за 1925 г., с. 50. В настоящее время село Снас-Тешилово не существует.

⁵² Никольская Т. Н. К исторической географии Земли вятичей. — СА, 1972, № 4, с. 166, рис. 6, 2.

В культурном слое и сооружениях городища собрано множество отдельных находок, относящихся главным образом к XII—XIII вв., может быть, — началу XIV вв. Среди них — половина золотой двусторонней бусины эллипсоидной формы и обломок серебряного семилопастного височного кольца. Из бронзы найдены перстнеобразное височное колечко, пуговица, проволочный разомкнутый браслет, орнаментированный по внешней стороне косыми насечками, обломок плоско-выпуклого браслета, покрытого по внешней стороне пунктирным орнаментом, составлявшим два ряда треугольников; на сохранившемся конце браслета — коническая пищетка, покрытая красным веществом (эмаль?). Из белого металла — шарообразный бубенчик с одной прорезью и поясками из трех выпуклых полос, перстень пластинчатый широкосрединный, со штампованным орнаментом. Предметы из стекла немногочисленны: семь обломков стеклянных браслетов и желтая, зонная бусина, из розового шифера битрапедиевидное прилище.

Из железных вещей найден массивный треугольный в сечении наконечник черешковой стрелы с шипами, долото, рыболовные крючки, овальное кресало, подковка для сапога, ножи, гвозди.

Среди костяных изделий — трапециевидные двусторонние гребни с циркулярным орнаментом и две рукояти — книжала и ножка с таким же орнаментом, пуговица плосковыпуклая с отверстием.

При раскопках найден 2274 обломок глиняных сосудов, из них только 7 (или 0,3%) — лепных. Орнамент на гончарных сосудах преобладает линейный, затем — волнистый и сочетание их, зубчатый и т. д. На некоторых днищах — клейма: ромб, вписанный в прямоугольник, колесо.

Среди костных остатков в большом количестве кости коровы, затем свиньи, лошади, собаки; костей диких животных очень мало: лисица, медведь, лось.

Серенск. Принятый с «великой честью» своим союзником Юрием Долгоруким в Москве Святослав, по словам летописца, «оттуда возвратися к Лобыньскоу и оттоуду иде Нериньскоу и перешедь Окоу и ста»⁵³.

В Летописи по Воскресенскому списку это событие излагается иначе: «Святослав же с Москвы возвратися к Лобыньску, и оттуду ко Серенску и перешед Оку ста. . .»⁵⁴.

А. Н. Насонов считает, что «Неринск лежал где-то не очень далеко от Лобынска, на правом берегу Оки. К. А. Неволин и Н. И. Надеждин предполагали, что Неринск находился близ устья Нары⁵⁵. Кроме того, имея в виду, что Святослав шел из Москвы в Лобынск, а из Лобынска в Неринск, можно предполагать, что Неринск лежал выше Лобынска по Оке, а не ниже».

Б. А. Рыбаков помещает Неринск на левом берегу Оки, несколько

⁵³ ПСРЛ, т. II, стб. 340.

⁵⁴ ПСРЛ, т. VII, стб. 38.

⁵⁵ Археологические разведки Р. И. Розенфельда в устье р. Нары не обнаружили никакого городища.

ниже Лобынска ⁵⁶. М. В. Фехпер и А. В. Успенская — также на левом берегу, но вслед за А. Н. Насоновым — выше Лобынска по Оке ⁵⁷.

Если предположить, что Неринск лежал на левом берегу р. Оки, т. е. на том же берегу, что и Лобыск, то для того, чтобы попасть в этот город, Святославу не нужно было переходить на другой берег Оки. Предположение А. Н. Насонова о том, что Неринск лежал на правом берегу Оки, поэтому кажется более правдоподобным.

В Воскресенской летописи кроме цитированного отрывка есть и еще одна запись: «Святослав же пришед с Москвы, и ста у Сереньска, и ту придоша к нему послы из половец. . .» ⁵⁸.

Еще Н. М. Карамзин и Н. С. Арцибашев считали, что в Ипатьевской летописи следует читать не Неринск, а Сереньск ⁵⁹. Н. М. Карамзин даже указывал на село Серенск, на р. Серене, Мещовского у. Калужской губ. ⁶⁰ Именно здесь известно городище, раскопки которого ведутся Верхнеокской экспедицией и которое несомненно является остатками древнерусского города Серенска ⁶¹.

Остается только неясным, почему Святославу понадобилось переходить р. Оку?

Как известно, из Серенска Святослав снова двинулся к Дедославию, откуда отослал прибывших к нему половцев на смолян, в верховье Угры, а сам пошел к Девигорску и занял всю Землю вятичей «до Брянска и до Воробийна, Подесенье, Домагац и Мценск» ⁶².

Может быть летописец описал события просто не в той последовательности, в какой они происходили на самом деле, или, вернее, два одновременных события были в одной записи соединены воедино. Таким образом, представляется, что заслуживает доверия следующее сообщение Воскресенской летописи: «Святослав же пришед с Москвы, и ста у Сереньска. . .» (под 1147 г.). Сообщение же летописи о том, что Святослав, «перешед Оку», несомненно относится к последующим событиям, когда Святослав снова направился к Дедославию, в связи с чем ему и пришлось переходить Оку ⁶³.

⁵⁶ История культуры Древней Руси. М., 1948, т. I, с. 30, карта (вклейка).

⁵⁷ Успенская А. В., Фехпер М. В. Поселения древней Руси. — Труды ГИМ, вып. 32, М., 1956, с. 146.

⁵⁸ ПСРЛ, т. VII, с. 39.

⁵⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. II, с. 302.

⁶⁰ Того же мнения, по-видимому, придерживается и А. В. Арциховский, упомянувший в числе городов вятичей Серенск и сославшийся на Ипатьевскую летопись, где, как известно, назван Неринск (Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930, с. 160).

⁶¹ Никольская Т. Ш. К истории древнерусского города Серенска. — КСИИ, 1968, вып. 143, с. 108.

⁶² ПСРЛ, т. II, стб. 342.

⁶³ Означает ли этот вывод, что летописного Неринска не существовало вообще и что во всех случаях, когда в летописи упоминают «Неринск», следует читать «Серенск»? Ответить на этот вопрос трудно, во всяком случае, пока не найдено городище, которое с полным основанием можно было бы связать с летописным Неринском. Очевидно, Неринск все же существовал. В «Списках городов» одновременно упомянуты и Серенск и Неринск, причем, Неринск неизменно назван в числе рязанских городов, что, по-видимому, для того времени (XIV в.) соответствовало действительности (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950; ПСРЛ, т. VII, с. 240, 241). М. Н. Тихомиров помещал Неринск на правом берегу

Рис. 47. Серенск

а — план городища; б — общий вид городища (фото автора); 1 — раскопы 1965—1967, 1969, 1971 гг.

Второй раз Серенск упоминается в Воскресенской летописи под 1232 г., когда Ярослав Всеволодович, призванный новгородцами вместо изгнанного ими сына Михаила Черниговского — Ростислава, двинулся в земли Михаила в отместку за то, что он дает убежище новгородским изгнанникам враждебной Суздалью партии. Поход этот был неудачным, однако Ярослав сжег Серенский детинец и опустошил окрестности Мосальска, волости и села, но города взять не смог⁶⁴.

В Воскресенской летописи об этом событии записано так: «Ярослав же с Константиновичи (князьями ярославским и белозерским. — *Т. Н.*), идеще к Сереньску град пожгоша, а людем избегшим и много воевавшие возвратишеся»⁶⁵.

Серенское городище (рис. 47, 1, 2) расположено на высоком правом берегу р. Серены при впадении в нее безымянного ручья, протекающего по дну глубокого оврага, у северной окраины д. Серенск (над уровнем р. Серены городище возвышается на 20 м). Река огибает городище с севера; западный и восточный его склоны опираются в глубокие овраги. Городище состоит из двух частей: детинца, имеющего форму подтреугольного мыса и прямоугольного в плане окольного города, от которого детинец отделяется высоким валом и глубоким рвом. Площадка окольного города отграничена от плато также высоким валом и глубоким рвом. Общая площадь городища составляет 4 га, детинца — около 2 тыс. кв. м.

Городище впервые исследовалось в 1898 г. Н. И. Булычовым, заложившим в южной и северной частях площадки детинца две траншеи⁶⁶.

За шесть полевых сезонов работы Верхнеокской экспедиции на городище вскрыта площадь более 1000 кв. м. Исследованы остатки оборо-

р. Пропп, в Рязанской земле (*Тихомиров М. П.* Средневековая Россия на международных путях. М., 1966, с. 27, карта — Рязанские города).

⁶⁴ В Никоновской летописи это событие записано под 1231 г. В лето 6739. . . «Того же лета князь Ярослав Всеволодович иде с Новгородци ратью на Черпигов, на великого князя Михаила, сына Всеволода Черленого . . . и пожже Шернск, и став под Можайском (Мосальском. — *Т. Н.*), пакы возвратися веять, всяк хлеб, овощь, пограви, и опустоши, и пожже вся власти и села (ПСРЛ, т. X, с. 102, 103).

⁶⁵ ПСРЛ, т. VII, с. 138.

⁶⁶ Булычов Н. И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, с. 15 и сл.

нительных сооружений, жилищ, ремесленных мастерских, собрано около 15 тыс. предметов быта, ремесла, вооружения, украшений, огромное количество фрагментов керамики и костей животных.

Культурный слой городища делится на три одновременные напластования. В верхнем горизонте залегал серовато-бурый, рыхлый, перемешанный слой с включениями сырой и обожженной глины, мелких камней толщиной от 0,2—0,3 м до 0,7—0,8 м, содержащий обломки толстостенной белоглиняной и чернолощеной керамики московского типа (XIV—XVI вв.). Ниже лежит черный, рыхлый слой с включениями угля, золы, мелких камней, комочков обожженной глины, извести. Внутри него выделяется прослойка, наиболее интенсивно окрашенная в черный цвет, насыщенная обгоревшим зерном, углем, остатками сторевших шлак и бревен и связанная с пожаром, разразившимся в городе в середине XIII в., очевидно, в период нашествия Батюя (толщина этого слоя в среднем равна 0,6—0,8 м). Здесь открыты жилые и производственные постройки и собраны многочисленные находки, относящиеся к XII—XIII вв. Среди всего многообразия предметов вооружения, найденных на городище, один тип наконечников стрел — срезы в виде узкой лопаточки, представленные множеством экземпляров, — не являются продукцией древнерусских кузнецов и принадлежат кочевникам. Обычно их находят на поселениях, разрушенных в середине XIII в. монголо-татарами⁶⁷. По-видимому, эта же участь постигла и Серенск. В разных частях детинца, в жилищах, хозяйственных постройках обнаружены многочисленные скелеты людей, погибших во время погрома и пожара в городе.

Наибольший интерес представляет слой домонгольского времени. Культурные остатки его: производственные сооружения, находки полуфабрикатов и отходов производства — металлические и кузнечные шлаки, отходы литейных работ, инструментарий ремесленников, многочисленные и разнообразные литейные формы, матрицы и, наконец, огромное количество разнообразных предметов из черного и цветного металлов — все это является свидетельством высокоразвитого ремесла в XII—XIII вв.

Наиболее трудоемким и сложным делом для ремесленников — «кузнецов железу» было производство сельскохозяйственных орудий, потребность в которых была велика не только у ближайших деревень, но и у населения самого города, не порвавшего окончательно с земледелием. Плужные лемехи и ножи, сошники, косы, серпы и топоры, найденные в Серенске, наряду с инструментами для обработки дерева и металла, предметами вооружения свидетельствуют о высокой квалификации и узкой специализации местных кузнецов. Металлографический анализ железных изделий Серенского городища показал, что техника обработки черного металла ничем не отличалась от общерусской. В основе технологии изготовления железных изделий лежал тот же принцип различного сочетания железа и стали. Чаще всего — это торцовая наварка стального лезвия на железную основу клинка с последующей тепловой обработкой готового изделия. Вся кузнечная продукция изготовлена

⁶⁷ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. — САИ, 1966, вып. Е4—36, с. 75, тип. 67.

специалистами-ремесленниками, в совершенстве владевшими техникой металлообработки. Для характеристики ювелирного дела наибольший интерес представляют литейные формы (их найдено более 50), в том числе и так называемые «имитационные», в которых изготовлялись различные полые украшения — колты, бусы, трехбусинные височные кольца с помощью хорошо известного древнерусским литейщикам приема литья «навьшлеск» и подражающие дорогим изделиям княжеского убора (рис. 48, 49). Подобные литейные формы зпамянуют собой высокую ступень развития ремесла, позволяя заключить, что серенские «кузнецы меди и серебру» в XII—XIII вв. переходят от работы на заказ к производству изделий на рынок. Найдены в Серенске и литейные формочки с надписями (рис. 48, 12—15; рис. 49, 12, 12а) ⁶⁸.

С немелньшим мастерством и художественным вкусом выполнены также литейные формы для разнообразных пластинчатых браслетов, перстней, крестиков, подвесок к ожерелью и т. п. Уникальны литейные формы для изготовления широких створчатых браслетов киевского типа, выполненных из серебра с чернью, с изображением сцены «русалий» и человеческой личности (рис. 48, 16; рис. 49, 2).

Кроме литейных форм, найдены также и медные матрицы для изготовления колтов, бус, змеевиков и т. п. (рис. 48, 10; рис. 49, 7, 10).

О высокой квалификации местных ремесленников говорит и богатая и разнообразная продукция, изготовленная из серебра, меди, биллона и других сплавов: витые, пластинчатые и створчатые браслеты, перстни, привески к ожерельям, трехбусинные височные кольца, крестики и т. п. ⁶⁹

Большой интерес представляют найденные в Серенске обломки стеклянных браслетов. Изучение их по составу стекла и цвету показало, что большинство принадлежит браслетам калиево-свинцово-кремнеземного стекла, изготовление которых велось главным образом в Киеве. Среди всех обломков фиолетовые крученые браслеты составляют $\frac{2}{3}$; это больше, чем в каком-либо другом городе, и даже в Киеве, где таким браслетам принадлежит $\frac{1}{4}$ от общего количества найденных обломков. В 1966 г. в раскопе открыты остатки мастерской стеклодела, в которой найдено 5,5 тыс. обломков стеклянных браслетов, стеклянный шлак и бракованные браслеты, что свидетельствует о их местном производстве.

Муенск. Узнав, что Святослав в Дедославле и снова собирает силы для дальнейших наступательных операций («и повоеваша верхъ Оургры») ⁷⁰, посадники киевского и черниговского князей стали покидать вятичские города: «В то же время выбъгоша посадници Володимери Изяславли из Вятичь, изъ Бряньска и изъ Мьченьска, и изъ Блеве. . .» ⁷¹

⁶⁸ *Никольская Т. Н.* Литейные формочки древнерусского Серенска. — В кн.: Культура средневековой Руси, 1974, с. 40; *Она же.* Литейные формочки с надписями из древнерусского города Серенска. — СА, 1974, № 1, с. 237 и сл.

⁶⁹ *Никольская Т. Н.* Кузнецы железу, меди и серебру от вятч. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 122; *Она же.* Древнерусский Серенск — город вятичских ремесленников. — КСИА, 1971, вып. 125, с. 73 и сл.; *Равдина Т. В.* О датировке витых браслетов (по материалам Серенского городища). — КСИА, 1968, вып. 113, с. 117 и сл.

⁷⁰ ПСРЛ, т. II, стб. 342.

⁷¹ Там же.

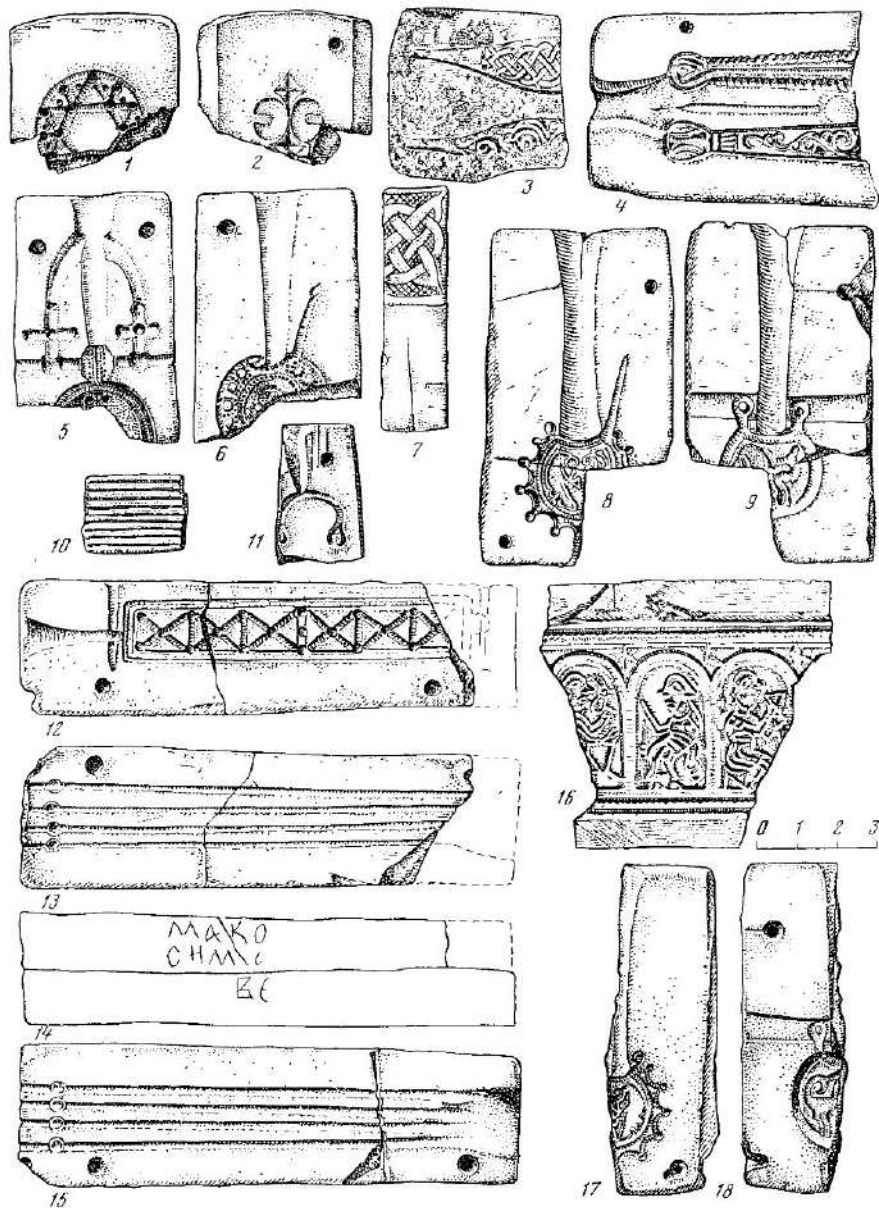

Рис. 48. Серенск. Литейные формочки

1, 2, 8, 9, 17, 18 — для изготовления колец; 3 — для отливки перстней; 4, 12—16 — для браслетов; 10 — матрица; 11 — формочка для отливки дужки; 14 — надпись на боковой грани «Максимод»

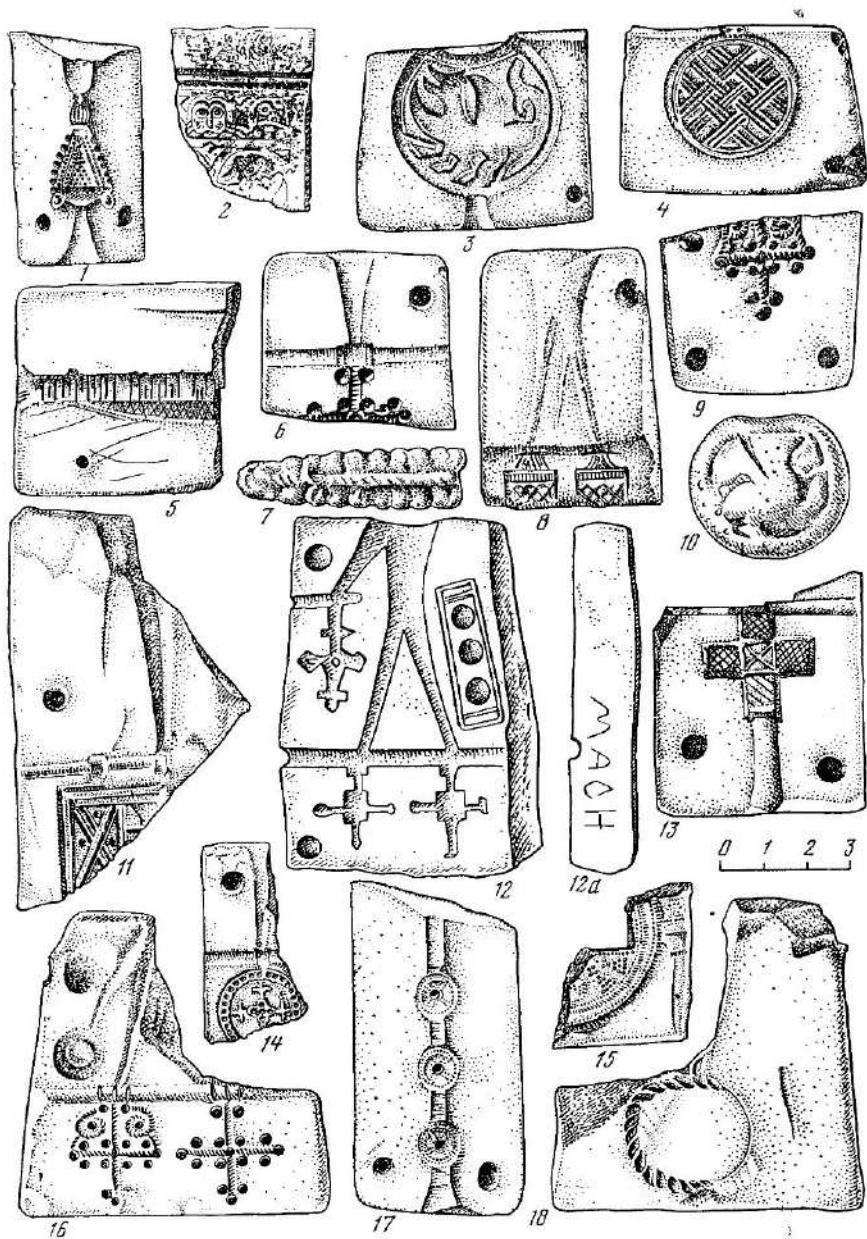

Рис. 49. Серенск. Литейные формочки и матрицы

1 — для подвески от яраса; 2, 11 — для браслетов; 3 — для отливки колтов; 4—6, 8, 14, 15 — для подвесок и медальонов; 9 — для булавки с ажурным павершем; 12, 12а, 13, 16 — для крестиков; 17 — на боковой грани надпись «Маси»; 17 — для трехбусинного кольца; 18 — для рубчатых перстней; 7, 10 — матрицы

Мценское городище расположено в центральной части современного города Мценска, на высоком крутом мысу, образованном р. Зуша и впадающей в нее слева р. Мцена. Площадка его прямоугольная в плане (размером 470 × 40—60 м), имеющая почти горизонтальную поверхность, состоит, по-видимому, из двух частей: детинца и отграниченного от него валом, окольного города. Высота площадки над уровнем р. Зуша — 22 м (рис. 50).

Северная часть городища сильно повреждена траншеями и огромным развалом кирпичного собора, разрушенного во время войны. С южной, напольной стороны, где в настоящее время возвышается Петропавловская церковь, площадка городища была ограждена валом (высота 2,5 м)⁷².

Небольшие разведывательные раскопки И. Е. Евсеева и обследование городища Верхнеокской экспедицией в 1955 и 1967 гг. показали, что в сильно перемешанном слое содержались остатки, связанные как с жизнью древнерусского города домонгольской поры (гончарная керамика с линейным и волнистым орнаментом, каменный жернов и др.), так и со строительством крепости в XVII в. (лощенная керамика). Подобно многим другим поселениям рассматриваемой территории, древнерусский Мценск возник на древнем, дославянском поселении (лепная посуда с ногтевым и ямочным орнаментом).

Кромы. Под 1147 г. в Хлебниковском списке Ипатьевской летописи и в Воскресенской летописи упоминается еще один городок, оставленный посадниками Изяслава — Кромы (Святослав Ольгович «поиде к Кромю») ⁷³.

Кромское городище (детинец города Кромы) находится на левом берегу р. Недны, недалеко от впадения ее в р. Кромю. С восточной стороны городище защищено широким и глубоким рвом; северная и северо-западная части городища разрушаются рекой, омывающей поселение с трех сторон. Сохранившаяся часть территории площадки детинца составляет около 1000 кв. м. Толщина культурного слоя в обрыве, обращенном к северу, достигает 1,5 м. Здесь прослежены следы бревенчатых срубов, поставленных в основании вала, и пласты обожженной глины. По-видимому, существовавшие здесь укрепления вала были аналогичны деревянным конструкциям Слободки (см. ниже), Звенигорода ⁷⁴, Верей ⁷⁵ и Тушкова городка ⁷⁶. В культурном слое обнажения, а также на поверхности площадки городища собрано много керамики XII—XIII вв., а также обломки чернолощеных сосудов и красных, покрытых белым

⁷² И. Е. Евсеев, впервые исследовавший городище в 1907 г., отметил, что за валом, сохранившимся частично только у церкви, проходил также и ров. В XVII в. древнее городище использовалось как укрепление: в северной части мыса существовал «острог или рубленный город», на южной части — «острожек», у Петропавловской церкви — земляной вал и ров (*Евсеев И. Е. Исследование городищ и курганов в бассейне верхнего (Орловского) течения р. Оки и ее притоков: Цона, Рыбницы, Цепологи и Зуши. «Труды Московского предварительного комитета по устройству XIV Археологического съезда. М., 1908, вып. II, с. 40).*

⁷³ ПСРЛ, т. II, стб. 342; ПСРЛ, т. VII, с. 39.

⁷⁴ *Рыбаков Б. А.* Раскопки в Звенигороде (1943—1945 гг.). — МИА, 1945, № 12, с. 131.

⁷⁵ *Голубева Л. А.* Раскопки в Верейском Кремле. — МИА, 1949, № 12, с. 140.

⁷⁶ *Рабинович М. Г.* Крепость и город Тушков. — СА, 1959, XXIX—XXX, с. 280.

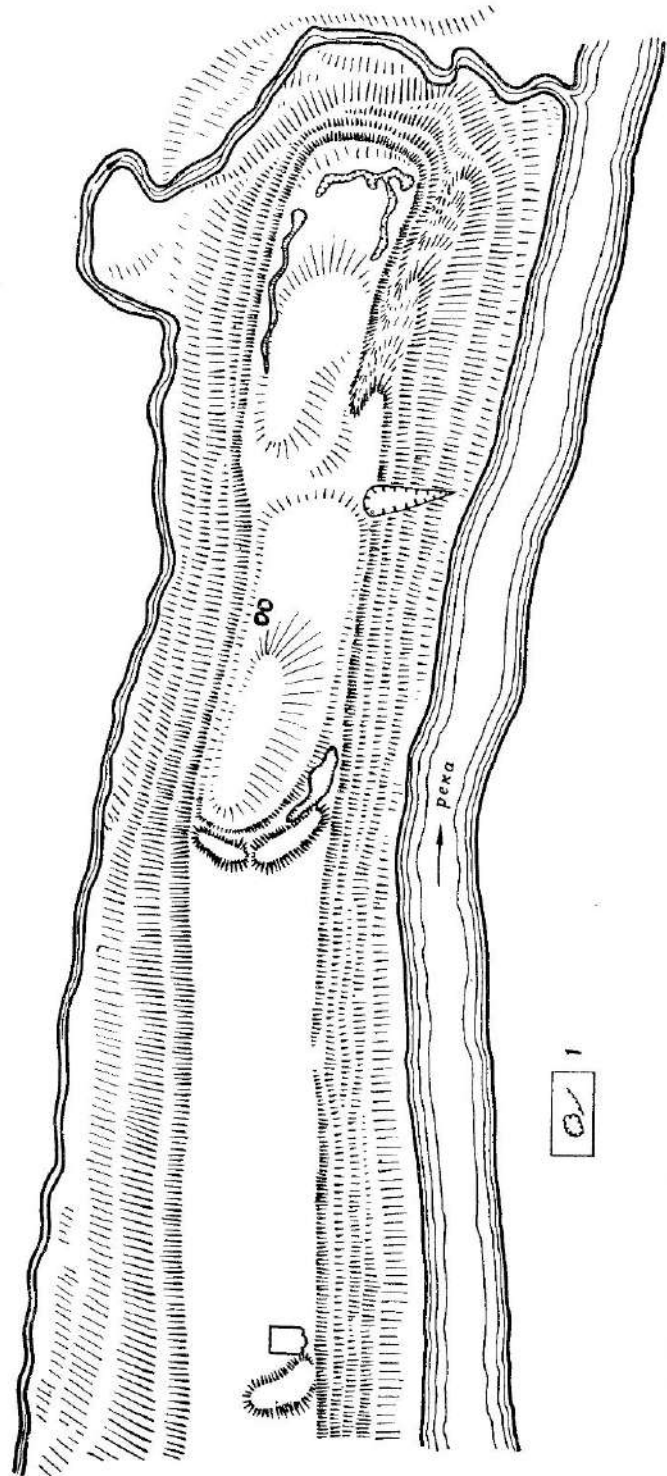

Рис. 50. План города Міденска
1 — яма

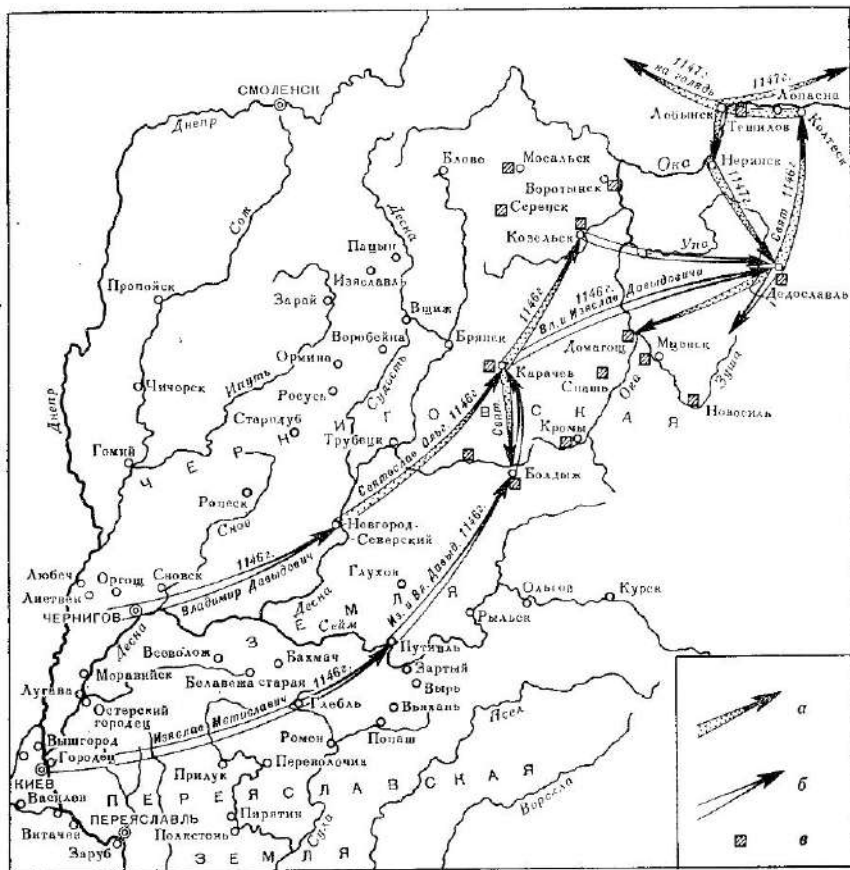

Рис. 51. Походы Святослава Ольговича и его противников

а — маршруты Святослава Ольговича; б — походы Изяслава Мстиславича и его союзников
в — городища—города

ангобом, более позднего времени. Площадка городища застроена, занята огородами и для раскопок почти непригодна ⁷⁷.

Одержав победу над коалицией Владимира и Изяслава, вследствие чего их посадники начали покидать вятичские города, Святослав сам перешел в наступление: «... иде заемъ вси Вятчи и Добрянскъ и до Воробинъ Подеснье Домагощъ и Мценскъ» (1147) ⁷⁸.

Походы Святослава Ольговича и его противников схематически даны на карте (рис. 51) ⁷⁹.

⁷⁷ Никольская Т. Н. К исторической географии Земли вятичей, с. 166, рис. 6, 1.

⁷⁸ ПСРЛ, т. II, стб. 342.

⁷⁹ Никольская Т. Н. К исторической географии Земли вятичей. — СА, 1972, № 4, с. 159, рис. 1.

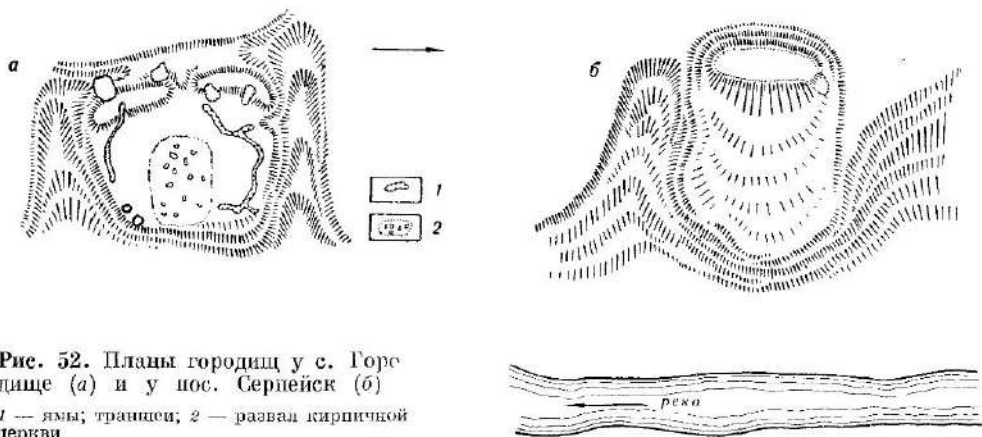

Рис. 52. Планы городищ у с. Городище (а) и у пос. Серпейск (б)

1 — ямы; траншеи; 2 — развал кирпичной церкви

Домагощ. Некоторые исследователи середины XIX в., в частности М. П. Погодин, читали это сообщение летописи не «Домагощ», а «до Магощ», связывая это поселение с деревней Маговкой в Карачевском уезде Орловской губ.⁸⁰ А. Н. Насонов также помещал Домагощ южнее Карачева, в районе д. Маговки⁸¹. Однако сплошное археологическое обследование показало, что в окрестностях этой деревни никаких древнерусских поселений нет. В статье «Домагощ и границы «вятичей» XII в.» А. К. Зайцев на основании анализа Белевских писцовых книг довольно убедительно связывает летописный Домагощ с городищем у с. Городище на р. Оке (Мценский р-н Орловской обл.)⁸²

Городище у с. Городище расположено северо-западнее г. Мценска, на высоком левом берегу р. Оки, при впадении в нее р. Зуша, на южной окраине села (рис. 52, а). Трапециевидная в плане площадка поселения, слегка вытянутая с севера на юг, имеет размер 72×57 м. С западной, напольной стороны она укреплена валом, сохранившимся на высоту 1,6 м при ширине основания равной 10 м и рвом, имевшим ширину 14 м и глубину 1,4 м. Противоположной стороной городище обращено к р. Оке, русло которой находится от него на расстоянии около 200 м, с двух других сторон оно ограничено глубокими оврагами. Сама площадка городища довольно ровная, почти горизонтальная. Однако она сильно повреждена траншеями и ямами военного времени, развалом кирпичной церкви и расположенным здесь кладбищем. Над уровнем р. Оки городище возвышается всего на 12 м.

⁸⁰ Погодин М. П. Список древнерусских поселений и волостей. — Журнал Министерства внутренних дел, 1848, т. XXIII, с. 439.

⁸¹ Насонов А. И. «Русская земля»..., с. 61, карта-вклейка.

⁸² Зайцев А. К. Домагощ и границы «вятичей» XII в. — В кн.: «Историческая география России» XII—начала XX вв. М., 1975, с. 27.

Небольшие разведочные раскопки П. С. Ткачевского в 1926 г.⁸³ и обследовании Верхнеокской экспедиции в 1958 и 1967 гг.⁸⁴ обнаружили на городище довольно мощный культурный слой (до 1,5 м), содержащий обломки стеклянных браслетов, предметы из железа, гончарную керамику с линейным и волнистым орнаментом XII—XIII вв., кости животных. В верхнем горизонте культурного слоя встречались также фрагменты сосудов XVI—XVII вв.⁸⁵

Воротыиск. Под 1155 г. в Ипатьевской летописи упоминается еще один город в Земле вятичей — Воротыиск⁸⁶.

На юго-западной окраине деревни того же названия, в петле, образуемой р. Высса, расположено городище. Площадка его (размером 200×30 м), вытянутая с юго-запада на северо-восток, отделена от окружающего плато на западе валом и рвом. В противоположной стороне площадки имеется еще один вал и ров, отделяющие ее от понижающегося конца мыса. Склопы городища очень крутые, почти отвесны.

В 1940 г. небольшие раскопки на городище проводил Г. П. Гроздилов⁸⁷, затем памятник обследовался экспедицией ГИМ под руководством М. В. Фехнер⁸⁸. В 1975 г. городище исследовалось Верхнеокской экспедицией под руководством автора⁸⁹. Изучение конструкции оборонительных сооружений проводилось в 1954 г. П. А. Раппопорт⁹⁰.

Культурный слой городища состоит из двух горизонтов: нижний, с лепной керамкой без лощения и черной лощеной — IV—VI вв., местами отделен стерильной прослойкой от верхнего, древнерусского, относящегося, судя по обломкам гончарной керамики, к XIII—XVII вв.

Раскопками на городище открыты остатки жилых и производственных построек, собран большой вещевой материал XIII—XV вв.

Новосиль. Под 1155 г. в Воскресенской и Никоновской летописях упоминается еще один город в бассейне Верхней Оки: «...Того же лета прииде в Киев княгиня княже Юрьева Долгорукого из Новосилья»⁹¹.

⁸³ *Ткачевский П. С.* Раскопки в 1926 г. в Орловской губ. — Бюллетень Орловского Губернского бюро краеведения. Орел, 1927, вып. 1, с. 23, 24. Особого внимания заслуживает сообщение П. С. Ткачевского о том, что в 20 м от городища при рытье ямы найдены семипластные височные кольца и решетчатый перстень (разрушенное погребение?).

⁸⁴ *Никольская Т. Н.* Отчет о работе Верхнеокской экспедиции в 1967 г. — Архив ИА, Р-1, № 3638.

⁸⁵ К сожалению, культурный слой городища сильно нарушен при строительстве поздней церкви и в период Отечественной войны 1941—1945 гг., и для дальнейших исследований поселение не пригодно.

⁸⁶ ПСРЛ, т. II, стб. 479 (под 1155 г.).

⁸⁷ *Гроздилов Г. П.* Предварительный отчет о командировке в 1940 г. в Калужский р-н Тульской обл. (Коммуна, 13/XI—1940 г. № 261). — Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 1, д. 78, 1940 г.

⁸⁸ *Фехнер М. В.* Отчет об археологической разведке в бассейне р. Оки в пределах Калужской обл. — Архив ИА, 1953, № 865.

⁸⁹ *Никольская Т. Н.* Воротыиск. — В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 118—128.

⁹⁰ *Раппопорт П. А.* Укрепления раннемосковских городищ. — КСИИМК, 1958, вып. 71, с. 16; *Он же.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. — МИА, 1961, № 105, с. 124.

⁹¹ ПСРЛ, т. IX, стб. 203.

А. Н. Пасофов считает, что слова «из Новосиля» являются испорченными словами «у весельи» («пробыща оу весельи»), как сообщается в Ипатьевской летописи⁹². Поскольку княгиня ехала в Киев из Суздаля через Смоленск, то, замечает А. П. Пасофов, «из Новосиля» она приехать не могла⁹³. Все же предположение, что слова «из Новосиля» являются испорченными «у весельи», кажется натяжкой.

В начале XVI в. Новосиль хорошо известен составителям Воскресенской (1530—1540 гг.) и Никоновской (1556 г.) летописей. В «Списке городов» Новосиль назван в числе Залесских.

Новосильское городище расположено в центре г. Новосиль Орловской обл. на мысу высокого правого берега р. Зуша, между двумя оврагами (высота над уровнем реки 40 м). Площадка городища (размером 300 × 80 м) так же, как и его валы, сильно разрушены современным строительством. Подъемный материал состоял из фрагментов гончарной керамики домонгольского времени и XVI—XVII вв.⁹⁴

Под 1176 г. в Ипатьевской летописи упоминается еще два города, лежавшие на Верхней Оке и принадлежавшие Черниговской «волости». Восстанавливая права братьев Андрея, Михаила и Всеволода в Суздале, Святослав Всеволодович снаряжает с ними из Чернигова ополчение под начальством сына Владимира, а другого сына — Олега — отправляет сопровождать до Москвы их жен. После этого, как сообщает летопись, Олег возвращается в свою волость Л о п а с ю, а по дороге захватывает и С в и р е л ь с к, отнятый у Чернигова рязанскими князьями во время последних смут. «... посла Святославъ жены ихъ Михалковуую и Всеволокою приставя к нимъ сына свое Олга проводити ѿ до Москвъ. Олег же проводивъ и възвратися во свою волость к Лопасну отуду пославъ Олег. зая Свѣрилескъ бяшетъ бо и то волость Черниговская»⁹⁵.

А. Н. Пасофов, называя находящиеся поблизости при р. Лопасне три селения Лопасни (в быв. Серпуховском у. Московской губ.), все же присоединяется к мнению Н. И. Троицкого, считавшего, что летописная Лопасня лежала на южном берегу Оки, на Рязанской стороне⁹⁶. Об этом свидетельствует договорная грамота кн. Олега Рязанского с Дм. Ивановичем Донским 1389 г. «А что на Рязанской стороне за Окою, что доселе потягло к Москве, Почеп, Лопасна. . . те места к Рязани»⁹⁷. Именно здесь, на правом берегу Оки, против устья р. Лопасни, где находится погост «городище», называемый «Четыре церкви», известно древнерусское городище, являющееся, очевидно, летописной Лопасней⁹⁸.

⁹² «В то же время приде Гюргеваия ис Суздаля Смоленську и с детми своими к Ростк-славу. . . и тако пребыла оу весельи» (ПСРЛ, т. II, стб. 480).

⁹³ Пасофов А. П. Русская земля. . ., с. 228.

⁹⁴ Фролов И. К. Отчет о работе Орловского отряда Верхнеокской экспедиции в 1970 г. — Архив ИА, Р—1, № 4920, л. 14—15.

⁹⁵ ПСРЛ, т. II, стб. 602.

⁹⁶ Пасофов А. П. «Русская земля. . .», с. 227.

⁹⁷ Троицкий П. И. Село Городище Каширского уезда Тульской губ., древний город Лопасня и монастырь Св. Николая чудотворца четырех церквей. М., 1901.

⁹⁸ По мнению А. А. Юшко, остатками Лопасни является городище у д. Макарово, на правом берегу Оки (Юшко А. А. О некоторых волостях и волостных центрах Московской земли XIV в. — В кн.: Древняя Русь и славяне, с. 282—284, рис. 1).

Что касается Сверилеска, то его местоположение пока неизвестно. А. Н. Насонов предполагает, что он лежал где-то недалеко от Лопасни по направлению к Рязани. Здесь известна р. Сиверка (или Северка), начинающаяся недалеко от Лопасни и впадающая в Москву несколько выше Коломны; при устье р. Сиверка есть и село Сиверское (Северское) или «Северск», похожее по названию на Сверилеск⁹⁹.

В 1968 г. Верхнеокской экспедицией проведено обследование берегов р. Северка и окрестностей с. Северское; к сожалению, предположение А. Н. Насонова не подтвердилось: никаких следов древнего поселения при впадении этой реки в р. Москву не обнаружено. Однако на левом берегу реки, недалеко от ее устья и от д. Мячково, найдено овальное в плане городище (размером 140×120 м), возвышавшееся над поймой р. Северка всего на 4 м. Склоны городища разрушены так же, как и насыпь вала, окаймлявшего площадку с севера и запада (высота вала со стороны плато 6 м). Въезд на городище был с северо-востока. В небольшом шурфе, заложенном в северной части площадки городища, обнаружен культурный слой толщиной 0,4 м, содержащий обломки гончарной и лепной керамики.

Можно ли связать это поселение со Свирельском, сказать трудно.

Ростиславль. Ниже по Оке от черниговского Колтеска, на том же правом берегу Оки известен город, входивший в состав Рязанской земли — Ростиславль. О времени его основания сообщается в Никоновской летописи под 1153 г.: «Того же лета князь Ростислав Ярославич Рязанский созда во имя свое град Ростиславль у Оки реки»¹⁰⁰. В. Н. Татищев упоминает город Ростиславль в связи с походом русских князей в 1183 г. на камских болгар¹⁰¹.

Остатками города, по-видимому, является Ростиславльское городище, расположенное на мысу высокого правого берега р. Оки, отрезанного с востока от плато глубоким оврагом (д. Ростиславль, Озерский район Московской обл.). Городище состоит из двух частей: маленькой площадки на самом мысу, укрепленной валом (детинец?) и примыкающей к ней территории (размером 200×120 м), также ограниченной от плато земляными укреплениями; к городищу примыкает селище.

Раскопками, проводившимися здесь в 1936 г. Н. П. Милоновым, установлено, что древнерусское поселение основано на заброшенном городище раннего железного века. Культурный слой города почти уничтожен распахкой, поэтому находки в нем немногочисленны. Открыты остатки производственных сооружений (гончарные горны²), собраны фрагменты гончарной керамики и некоторые вещи XII в.¹⁰²

Коломна. Под 1177 г. в Лаврентьевской летописи упоминается еще один город, лежащий чуть южнее черниговского Сверилеска, но принадлежавший Рязанской «волости», — это Коломна¹⁰³. Об этом совершенно

⁹⁹ Насонов А. Н. «Русская земля». . . , с. 230.

¹⁰⁰ ПСРЛ, т. IX, с. 197.

¹⁰¹ Татищев В. Н. История Российская, кн. III, с. 249.

¹⁰² Милонов Н. П. Отчет о раскопках Ростиславльского городища и на территории Коломенского кремля. — Архив ИА, 1937, д. № 219.

¹⁰³ ПСРЛ, т. I, стб. 383.

определенно говорится под 1180 г. в Ипатьевской летописи: «Того же лета посла Святослав Глеба сына своего в Коломну, в Рязанскую волость»¹⁰⁴. В 1187 г. коалиция князей во главе с Всеволодом Юрьевичем совершила поход «сис Коломны на Рязань и взяша сема вся и полон мног. . .»¹⁰⁵ Под 1207 г. Коломна вновь упомянута в Лаврентьевской летописи в связи с походом Всеволода на Пронск и Рязань¹⁰⁶. Какую роль играла Коломна во всех этих событиях? Несмотря на то, что город считался рязанским¹⁰⁷, все же обращает на себя внимание, что ростово-суздальский князь чувствует в нем себя довольно свободно, используя его как плацдарм для борьбы с самой же Рязанью.

Расположение Коломны почти в устье Москвы-реки и на перекрестке путей, ведущих в бассейн Оки и Клязьмы, делало ее важным военно-стратегическим узлом. Используя Коломну для консолидации своих сил в борьбе против рязанского князя, Всеволод Юрьевич как бы заявлял свои претензии на этот город¹⁰⁸.

Коломенское городище (Кремль г. Коломны) расположено на высоком правом берегу Москвы при впадении в нее р. Коломенка¹⁰⁹. Раскопки, проводившиеся в Коломне Н. П. Милоповым в 1935—1936 гг., выявили стратиграфию города, который был построен в XI—XII вв. на древнем городище. Домонгольский слой Коломны, особенно плотно залегавший в набережной части старого города, содержал многочисленные орудия сельского хозяйства, охоты и рыболовства, оружие — наконечники стрел, копий, предметы быта, украшения, шиферные пряслица, обломки стеклянных браслетов, бронзовые браслеты, фрагменты гончарной посуды с лицевым и волнистым орнаментом. В слое открыты остатки наземных срубных и полуземляночных жилищ, мастерские ремесленников, производственные сооружения — сырдутные горны, кузницы, хозяйственные постройки¹¹⁰.

В период с 1157 г. по 1207 г. в Лаврентьевской, Воскресенской и Никоновской летописях упоминается еще ряд рязанских городков, расположенных по Оке, ниже Коломны: Казарь, Борисов-Глебов, Ольгов, Ожск. Подробный обзор источников и литературы о них дается в книге А. Л. Мовгайта «Рязанская земля»¹¹¹.

¹⁰⁴ ПСРЛ, т. II, стб. 614.

¹⁰⁵ ПСРЛ, т. I, стб. 406.

¹⁰⁶ ПСРЛ, т. I, стб. 432—433.

¹⁰⁷ По мнению А. Н. Насонова, «Рязань утвердилась в низовьях Москвы не позднее первых десятилетий XII в. (опередив в этом и Чернигов и Ростово-Суздальскую землю), но и не ранее конца XI в.» (Насонов А. И. «Русская земля». . . , с. 205, 206).

¹⁰⁸ По сведениям В. Н. Татищева, владимирский князь пытался принудить Глеба Рязанского уступить ему Коломну (Татищев В. И. История Российская, т. III, с. 228). Но, как известно, Коломна только с начала XIV в. становится владением Москвы.

¹⁰⁹ Булич О. П. Коломна. Пути исторического развития города. М., 1928. Схема города (вклейка).

¹¹⁰ Милонов Н. П. Историко-археологический очерк г. Коломны. Научно-исследовательский институт краеведческой и музейной работы. — В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1948.

¹¹¹ Мовгайт А. Л. Рязанская земля. . . , с. 193—203, рис. 81, 83а, 83б, 84.

Переяславль Рязанский. Ниже по Оке от Коломны расположен город Переяславль (Рязанский), название которого так же, как и рек Лыбедь, Трубеч, мысленно переносит нас на юг. Освоение его территории А. Н. Насонов связывает с князем Переяславля Русского Всеволодом, получившим дань с «восточной страны до Мурома» еще в 80—90 годах XI в.¹¹² Хотя в Лаврентьевской летописи Переяславль Рязанский упоминают только под 1301 г., когда «Данило князь Московьскыи приходилъ на Рязань ратью и билися у Переяславля»¹¹³, но при археологическом исследовании в Переяславле был обнаружен домонгольский слой¹¹⁴.

Кремль г. Переяславля расположен в северо-восточной части современного г. Рязань, на правом берегу р. Оки, подалеку от впадения в нее р. Трубеч, омывающей холм городища с северо-запада. У восточного склона Кремля протекает Лыбедь, впадающая в Трубеч. Площадка Переяславского Кремля имеет форму неправильного четырехугольника (размером 690×540 м). Вал городища, сохранившийся с восточной стороны (на протяжении 220 м), имеет высоту 12 м при ширине основания 10 м.

Начало исследования Переяславля было положено в 1924 г. В. А. Городцовым, а в 1929 г. И. П. Милоновым. При раскопках 1955—1957 гг. А. Л. Монгайтом в городе был обнаружен домонгольский слой. В нем открыты остатки бревенчатых настилов мостовых, срубов жилищ, хозяйственные постройки, частоколы. Собраны вещи XII—XIII вв.: обломки стеклянных браслетов, стеклянные сине-рыбовидные и хрустальные шарообразные бусы, медные витые браслеты, железные замки, ключи, ножи, гончарная керамика курганного типа.

Однако расцвет Переяславля пачивается со второй половины XIII—начала XIV в., после того, как прежняя столица Рязанского княжества — Старая Рязань — была сожжена Батыем¹¹⁵.

Пронск. К середине XII в. в Никоновской летописи относится упоминание еще одного города, принадлежавшего Рязанскому княжеству и лежащего на границе с Половецким «полем», — Пронска, в котором, якобы, побывал Святослав Ольгович во время той же усобицы с Давыдовичами. Однако противоречивость этих сведений была доказана еще А. П. Насоновым¹¹⁶. По-видимому, первое достоверное упоминание Пронска (Прыпска) относится к 1186 г., когда пронские князья Всеволод и Святослав Глебовичи, узнав о готовившемся на них нападении «почаста город твердити»¹¹⁷. Затем под 1207 г. говорится об осаде го-

¹¹² А. Н. Насонов и А. Л. Монгайт ссылаются на запись псалтыри XVI в., в которой под 1095 г. говорилось: «В лета 6603 (SXГ) заложен бысть град Переславль Рязанская около церкви святого Николы Старого. . .» (Насонов А. Н. «Русская земля. . .», с. 206, примеч. I; Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 163, 164, рис. 56).

¹¹³ ПСРЛ, т. I, стб. 486.

¹¹⁴ При раскопках около Борисоглебского собора в 1828 г. найден клад из 199 серебряных гривен, а в 1923 г. в ГИМ поступил клад, состоящий из семидесяти пяти вятских височных колец, найденных в окрестностях г. Рязани (Монгайт А. Л. Рязанская земля. . ., с. 166, 167).

¹¹⁵ Монгайт А. Л. Рязанская земля. . ., с. 182, рис. 72—77; с. 278, рис. 117.

¹¹⁶ Насонов А. Н. «Русская земля». . ., с. 209, 210.

¹¹⁷ ПСРЛ, т. I, стб. 401.

рода войсками Всеволода, и в Пронске упомянуто трое городских ворот ¹¹⁸. В 1237 г. Пронск, по-видимому, постигла та же участь, что и Рязань, так как монголо-татары дошли до Пронска, «и всю землю избивша» ¹¹⁹; однако город просуществовал до XVII в.

Пронское городище расположено в южной части г. Пронска (Покровский бугор) на мысу левого берега р. Проня при впадении р. Шралии. Раскопки в Пронске, начатые еще в конце XIX в., были продолжены в 1925, 1927—1930 и 1947 гг. П. П. Милоновым (в 1927—1930-е годы совместно с А. А. Мансуровым), в 1969—1971 гг. — В. А. Малым и М. В. Фехнер. Как оказалось, древнерусский город был основан на древнем городище. В результате исследований на поселении были открыты остатки жилищ и производственных мастерских (сыродутный горн, кузница) домонгольского времени, собраны многочисленные предметы быта, ремесла и украшений, среди которых часты изделия восточных мастеров XII—XIV вв. ¹²⁰

Под 1228 г. в Новгородской летописи упоминается «Брынь» «вятичский» город, остатками которого несомненно можно считать городище у д. Брынь, на левом берегу р. Брыни, притока Жиздры (Сухиничский р-п Калужской обл.) ¹²¹.

Площадка городища почти круглая в плане с диаметром 150 м (площадь городища около 2 га). Дугообразный вал окаймляет ее с восточной стороны. В древности насыпь вала, очевидно, шла по всему периметру городища. С южной стороны сохранились остатки второго вала. Высота внутреннего вала со стороны площадки городища 6 м, ширина основания около 25 м. Площадка городища совершенно испорчена еще в дореволюционное время; построена церковь, крестьянские дома, огороды. В обнажениях культурного слоя собрано множество обломков гончарных сосудов XIII—XIV вв. и маловыразительные фрагменты лепной керамики.

Мосальск. Под 1231 г. в Новгородской летописи в связи с походом князя Ярослава на Чернигов упоминаются еще два города, находящиеся в бассейне верхней Оки; уже известный нам Серенск (Шернск) и Мосальск. «...Того же лета ходи князь Ярослав ратью к Чернигову на князи великого Михаила и поуже Шернск и стояв под Мосальском взвратися в своя си без мира, а города не взяша» ¹²².

Остатки древнерусского города — Мосальское городище — расположено на территории современного города Мосальска (Калужская обл.;

¹¹⁸ ПСРЛ, т. I, стб. 432.

¹¹⁹ ПСРЛ, т. II, стб. 778.

¹²⁰ Милонов Н. П. Основные источники и приемы изучения истории сел и городов Рязанской области. Рязань, 1950, с.34; *Он же*. Славянские жилища, по данным археологических раскопок Пронского городища. Рязань, 1931; Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 209, рис. 88; Малыш В. А., Фехнер М. В. Археологические исследования древнего Пронска и городища на горе Гневие. — В кн.: Археология Рязанской земли, с. 193 и сл.

¹²¹ «Новгородци послаша по Михаила в Чернигов. . . и (послы) быша Смоленске и не пусти их князь Смоленский и пути заяла вся . . . и уведав Михаил, яко прияти суть послы Новгородский в Смоленске, бе бо тогда в Брыну» (ПСРЛ, т. III, стб. 44).

¹²² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 74. (В лето 6739).

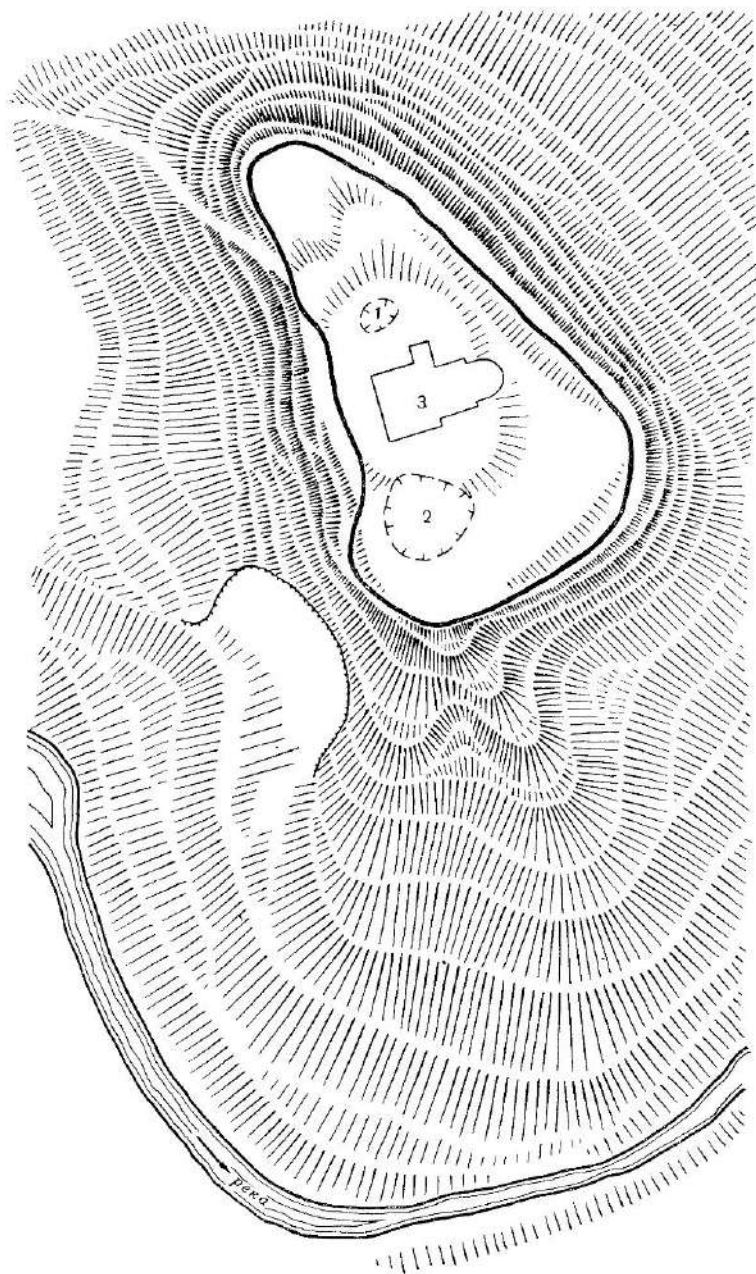

Рис. 53. План города Мосальска
1, 2 — ямы; **3** — церковь

рис. 53). Площадка городища имеет форму удлинённого мыса, вытянутого в направлении с северо-запада на юго-восток на 100 м. С севера, востока и юга крутые склоны городища, поросшие кустарником, омываются ручьём Можайкой. Самый крутой склон — северный, возвышается над берегом ручья на 20—25 м. Въезд на городище расположен с северо-западной стороны (между ручьём и оврагом). На городище расположена Пятницкая церковь, при строительстве которой сильно нарушен культурный слой (толщина его достигает 1 м). В слое найдены обломки гончарной посуды XIII—XIV вв., железный ключ и гвозди.

Мещовск. Примерно в это же время, что и древний Мосальск, существовало еще два города в бассейне Верхней Оки — Мещовск и Серпейск. Несмотря на то что в летописях эти поселения упоминаются довольно поздно — в XIV—XV вв.¹²³; возникновение их относится к более раннему времени — XII—XIII вв. Возможно, что эти поселения первоначально были так незначительны, что не представляли большого интереса для черниговских князей, а потому и не привлекли внимания летописцев.

Мещовское городище расположено в центре современного города Мещовска, на правом берегу р. Турей (рис. 54). Площадка его имеет форму вытянутого с запада на восток овала с длиной осей — 69 и 50 м и возвышается над уровнем реки на 12 м. Склоны городища поросли кустарником, сама площадка сильно испорчена фундаментом существовавшей здесь церкви. Вал не сохранился. В шурфе, заложенном на городище, обнаружен слабо гумусированный и перемешанный культурный слой мощностью 1,6 м с обломками гончарных сосудов XII—XIII вв. и XIV—XV вв.

Серпейское городище находится на левом высоком берегу р. Серпейка, на северо-западной окраине г. Серпейска. Площадка его имеет форму овала, вытянутого с севера на юг, размером 84×70 м и возвышается над уровнем реки на 20—25 м (рис. 52, б). Южный склон омывается рекой, восточный, северный и западный — упираются в глубокие овраги. Склоны городища, особенно южный и восточный, очень круты. Менее крутой северный склон со стороны плато защищен валом, имевшим высоту 2 м. Площадка городища сильно испорчена в период Отечественной войны, большая часть вала разрушена. Особенно пострадал западный склон городища, сплошь изрытый ямами. Зачистка степок военной траншеи обнаружила культурный слой (светло-коричневого цвета в верхней части и штепсивно-черного — в нижней) мощностью от 1 до 2 м. Обнаружена гончарная керамика с линейным и волнистым орнаментом XII—XIII вв. и сероглиняная посуда XIV—XV вв. В нижнем предматериковом слое найдены обломки лепных сосудов.

Звенигород. В письменных источниках Звенигород впервые упоминается в 30-х годах XIV в. (Духовная Ивана Калиты); однако археологические исследования, проводившиеся в 1943—1945 гг. Б. А. Рыбаковым, позволили установить, что основание города относится к домонголь-

¹²³ В «Списке городов» Мещовск — «Мещеск», «Мезесю» и Серпейск — «Серпесек» так же, как и Мосальск, названы в числе литовских (ИОРЛ, т. VII, стб. 241).

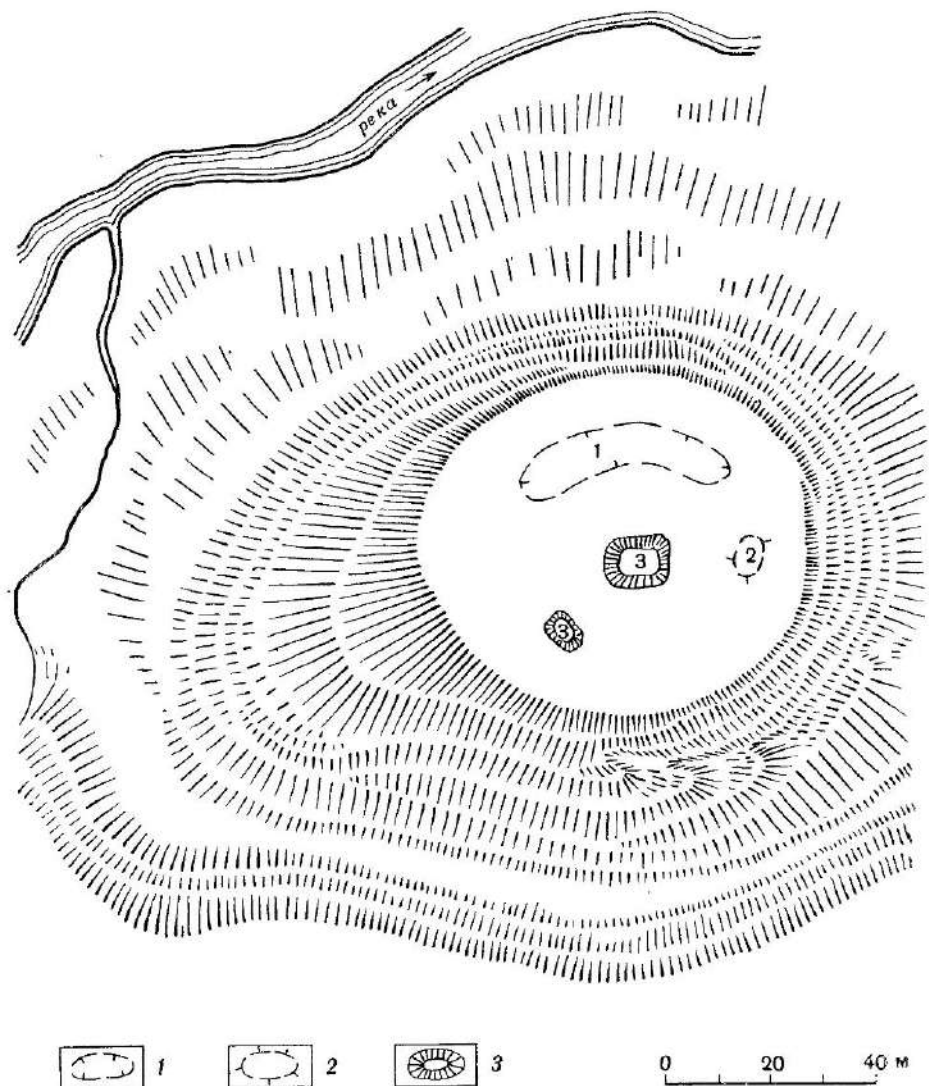

Рис. 54. План города Мещовска

1 — яма; 2 — холм; 3 — развалы каменных строений

скому времени. Тогда же Б. А. Рыбаков высказал предположение, что город был «крайним северо-восточным пунктом Черниговского княжества»¹²⁴. В XIV в. Звенигород становится центром самостоятельного

¹²⁴ Исследователь основывал свои выводы на записях Любецкого синодика, который упоминал «князя Федора Звенигородского, княгиню его Софию и сына их, князя Александра» (Рыбаков Б. А. Раскопки в Звенигороде. — МИА, 1949, № 12, с. 125).

удела, принадлежащего потомкам Калиты; с именем сына Дмитрия Донского — Юрия, ставшего звенигородским князем с 1389 г., связано развитие и процветание города.

Звенигородские городище — Кремль древнерусского города Звенигорода — расположено на мысу левого высокого берега Москвы-реки (высота площадки над уровнем реки 24 м, длина ее — 180 м, ширина — 110 м). С юга площадка городища круто обрывается к Москве-реке, с запада и востока она ограничена глубокими оврагами, имеющими крутизну скатов до 60—70°. По дну восточного оврага протекает речка Жерновка, по дну западного — безымянный ручей. С севера городок отрезан от плато искусственным рвом, который затем превратился в глубокий и широкий овраг. Здесь, со стороны поля, имеется мощный вал высотой 8 м при ширине основания 20 м. Возможно, что сооружение его относится уже к XII—XIII вв. Небольшой шурф, заложенный Ю. А. и Н. А. Красновыми у подошвы северного вала, позволил заключить, что этот вал насыпан непосредственно на материке¹²⁵. Три других края городища нависали над крутыми скатами обрывов, и валы здесь были сравнительно невелики. В южной части вал уничтожен почти полностью.

Раскопки в западной части Звенигородского Кремля (Б. А. Рыбаков, А. А. Юшко) доставили некоторые данные о планировке древнего города, выявили интенсивную застройку этой территории, начавшая с XII в. Здесь открыты остатки жилищ, производственных сооружений, собрано множество предметов быта, ремесла, украшений (особенно многочисленны цилиндрические замки, фрагменты керамики курганного типа, обломки стеклянных браслетов). О вятичском окружении, в котором возник древний Звенигород, пока говорит только обломок семилопастного височного кольца. Однако в материалах раскопок все же преобладали вещи и остатки сооружений XIV—XVII вв.¹²⁶

ПРОЧИЕ ГОРОДА И ПОСЕЛЕНИЯ ГОРОДСКОГО ТИПА

Несомненно, что многие города, также существовавшие в домонгольское время, не попали в поле зрения летописца. Таковы, во-первых, два города, известные под одним названием, — Перемышль на Оке (Калужская обл.) и Перемышль на р. Моча (Московская обл.).

По сведениям В. Н. Татищева, который как будто бы пользовался не дошедшим до нас «Списком летописи», Перемышль Московский основан Юрием Долгоруким в 1152 г.¹²⁷ В 1339 г. Перемышль упоминается в записании Ивана Калиты сыну Андрею¹²⁸. Впоследствии город входил в со-

¹²⁵ Краснов Ю. А., Краснов Н. А. Топография древнего Звенигорода по археологическим данным. — СА, 1964, № 1, с. 115.

¹²⁶ Рыбаков Б. А. Раскопки в Звенигороде, с. 130, 132, рис. 5; Юшко А. А. Раскопки в Звенигороде Московском. — АО 1974 г. М., 1975, с. 91, 92; АО 1975 г. М., 1976, с. 101, 102.

¹²⁷ Татищев В. Н. История Российская. М., 1774, кн. III, с. 482, примеч. 458.

¹²⁸ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, № 1, 7, 11.

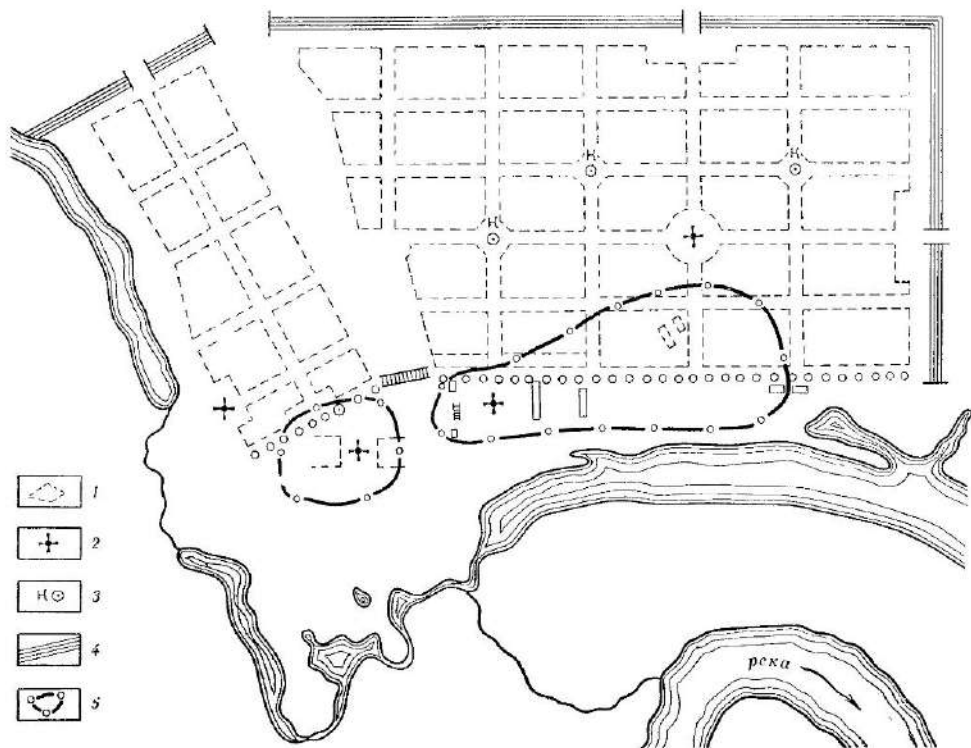

Рис. 55. План города Перемышля на Оке

1 — застройка конца XVIII в.; 2 — церкви; 3 — колодец; 4 — вал и ров; 5 — территория городища

став уделов Серпуховских и Боровских князей и был важным форпостом на западе Московской Руси. Остатками древнего Перемышля является городище Городок, расположенное на правом высоком (более 40 м) берегу р. Моча (Подольский р-н Московской обл.). Площадка городища (размером 250 × 240 м) хорошо укреплена со стороны плато мощным подковообразным валом (высота до 6 м), который в древности был расположен по всему периметру, с севера и юга — естественными преградами (большие овраги). Въезд на городище был с севера. Раскопки, проводившиеся в 1955 г. М. Г. Рабиновичем, выявили домонгольский слой с остатками жилищ и ремесленных мастерских, керамикой курганного типа и фрагментами стеклянных браслетов. К этому же периоду относится и сооружение вала и рва¹²⁹.

Остатками другого Перемышля является городище, расположенное в центре с. Перемышль (Калужская обл.), на высоком левом берегу р. Оки, недалеко от него (в заливе Оки, носящим название оз. Бездонное) и состоя-

¹²⁹ Рабинович М. Г. К истории русской фортификации (укрепления Перемышля Московского). — В кн.: Культура древней Руси. М., 1966, с. 209 и сл.

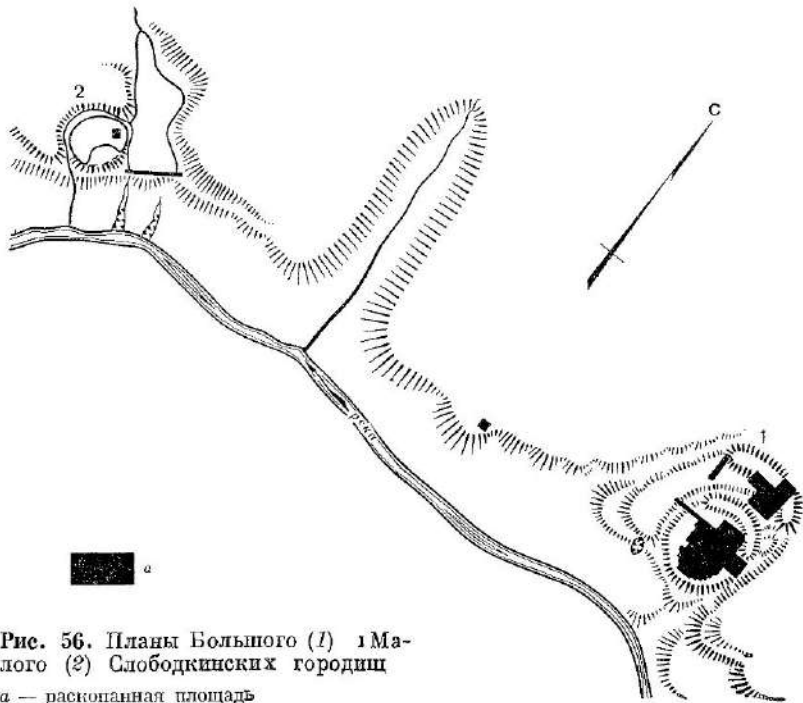

Рис. 56. Планы Большого (1) и Малого (2) Слободских городищ
а — раскопанная площадь

шее из двух частей, разделенных оврагом. Городище сильно разрушено. Остатки вала сохранились в северной и северо-западной частях (рис. 55).

При обследовании городища в 1953 г. М. В. Фехнер отмечала, что в осыпях и ямах были найдены фрагменты гончарной керамики с волнистым и линейным орнаментом (XII—XIII вв.) и чернолощеных сосудов XVI—XVII вв.¹³⁰ Исследованиями Верхнеокской экспедиции в 1975 г. на «Старом городище» около Успенского собора XVI в. зафиксирован культурный слой мощностью 0,25 м (на восточном и южном крае городища, обращенном к Оке, толщина слоя уменьшается). Возвышенная полоса у самого обрыва к Оке — следы распаханного вала¹³¹. В слое обнаружены фрагменты лепных сосудов роменского типа с веревочным орнаментом (IX—X вв.) и гончарных горшков с линейным орнаментом; собрана также красная керамика (XIV—XV вв.) и белая, мореная и лощеная (XVI—XVII вв.). Возможно, что город Перемышль возник в домонгольское время на предшествующем ему славянском поселении.

¹³⁰ Фехнер М. В. Отчет об археологической разведке в бассейне р. Оки в пределах Калужской обл. — Архив ИА, д. 865, с. 8.

¹³¹ В описании Калужского наместничества отмечены остатки земляного вала (Малинин Д. Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и важнейшим центрам губ. Калуга, 1912).

Известен еще целый ряд памятников с культурным слоем XI—XIII вв., возможно, также являющихся остатками древнерусских городов, названия которых не сохранились в письменных источниках.

Остатками одного из таких городков является городище, расположенное на мысу высокого правого берега Навли, у д. Слободка, названное нами Большим Слободкинским. В течение шести лет Верхнеокской экспедицией проводились его раскопки. Недалеко от него, ниже по реке, существовало еще одно небольшое круглое в плане городище — Малое Слободкинское (рис. 56, 1, 2).

Остатки города состоят из детинца — округлой в плане площадки (диаметр около 80 м), окольного города, лежащего в виде подковы за валом и рвом детинца, и посада. Общая площадь, занятая поселением, составляет около 40 га. Окольный город, охватывающий детинец с запада и севера, также имел свою систему укреплений, но менее значительную. В западной его части вал и ров сильно размыты, в северной и восточной — они лучшей сохранности.

Вскрыта полностью вся площадка детинца (более 4 тыс. кв. м), часть окольного города и небольшие участки на территории посада¹³².

При строительстве укрепленного поселения древние зодчие большое внимание уделяли не только расположению его на речных и сухопутных путях, что важно в стратегическом отношении, но и конкретной природной ситуации, рельефу местности — оврагам, ручьям. Принималось во внимание все: естественные склоны оврагов, берегов рек, граница поймы реки, так как они позволяли сократить объем работ без ущерба для достижения необходимой обороноспособности. Выбор места для сооружения городка Слободки обусловлен наличием неглубокого и короткого сухого оврага, превращенного затем в ров для детинца и окольного города. Укрепления обеих частей крепости рассматривались военными «инженерами» древности как единое целое.¹³³

Раскопками детинца выявлена его четкая планировка. Внешнее кольцо обороны составляла высокая земляная насыпь, которая в древности опоясывала всю площадку детинца (подробнее о раскопках оборонительных сооружений будет сказано ниже; рис. 57, 58).

Полевые исследования позволили с достаточной полнотой воссоздать картину жизни небольшого древнерусского городка, хорошо укрепленного, густо застроенного жилищами ремесленников, дружинников и различными хозяйственными и производственными сооружениями (сыродутный, кузнечный и медеплавильный горны и т. д.). Многочисленные предметы быта, ремесла, вооружения и украшений, найденные в постройках и культурном слое детинца и окольного города, позволяют заключить, что поселение существовало сравнительно недолго — со второй половины XII в. до середины XIII в. Находки бронзового коромысла маленьких складных весов

¹³² *Никольская Т. Н.* О летописных городах в Земле вятичей. — КСИА, 1972, вып. 129, с. 5 и сл.

¹³³ По расположению на местности и своей конфигурации городище Слободка напоминает в миниатюре городище Листвиц, на Волини (см.: *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. — МИА, 1967, № 140, с. 61, рис. 64; с. 151, рис. 146).

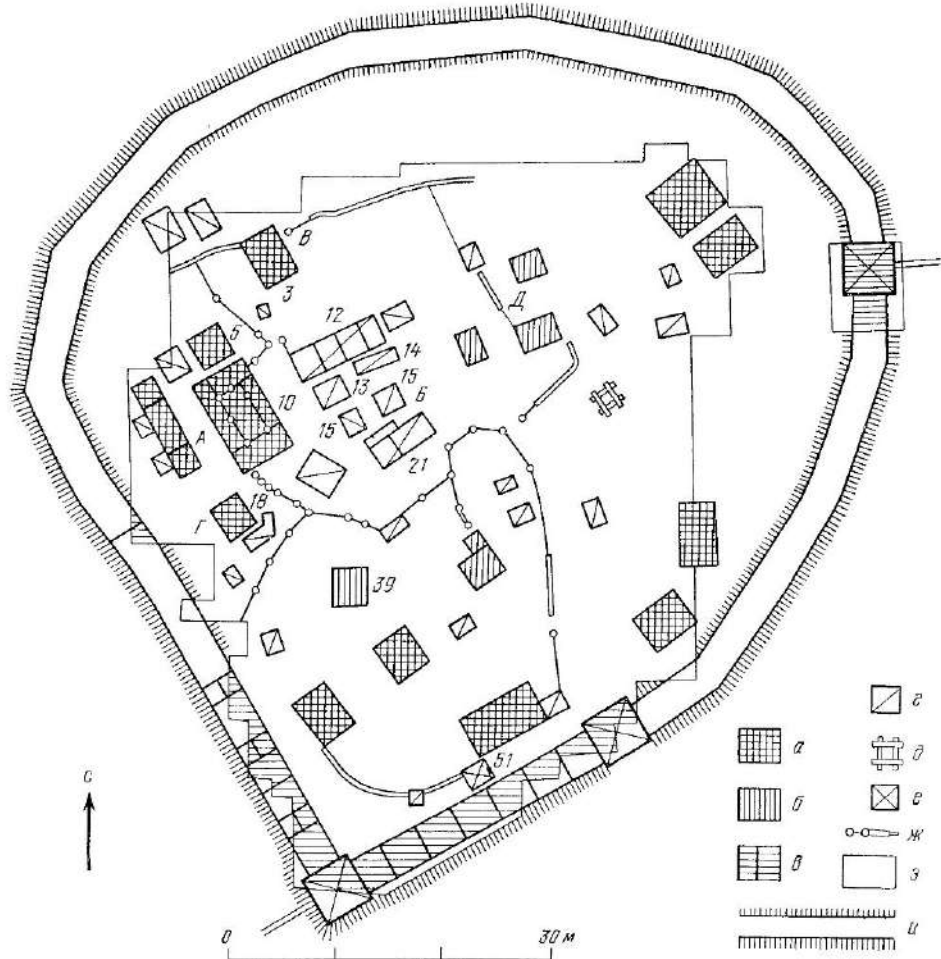

Рис. 57. Планировка детинца на городище Сlobодка (реконструкция Т. Н. Никольской, Г. В. Борисевича, рисунок Г. В. Борисевича)

а — срубные жилища, *б* — полусрубные жилища, *в* — остатки крепостной стены, *г* — хозяйственные постройки; *д* — колодец; *е* — башни; *ж* — столбы, ограда, частокол; *з* — раскопанная территория; *и* — вал. Буквами и цифрами обозначены постройки, упомянутые в тексте.

и чашечек для них в одном из жилищ детинца принадлежали, возможно, местному ювелиру.

Кроме кузнечного и меднолитейного дела, в Сlobодке было хорошо развито керамическое ремесло, и в частности производство поливной керамики. Несмотря на то, что поливное дело развивалось здесь так же, как и в большинстве древнерусских городов, под несомненным влиянием Киева, — местная сероглиняная поливная посуда обладает и некоторым

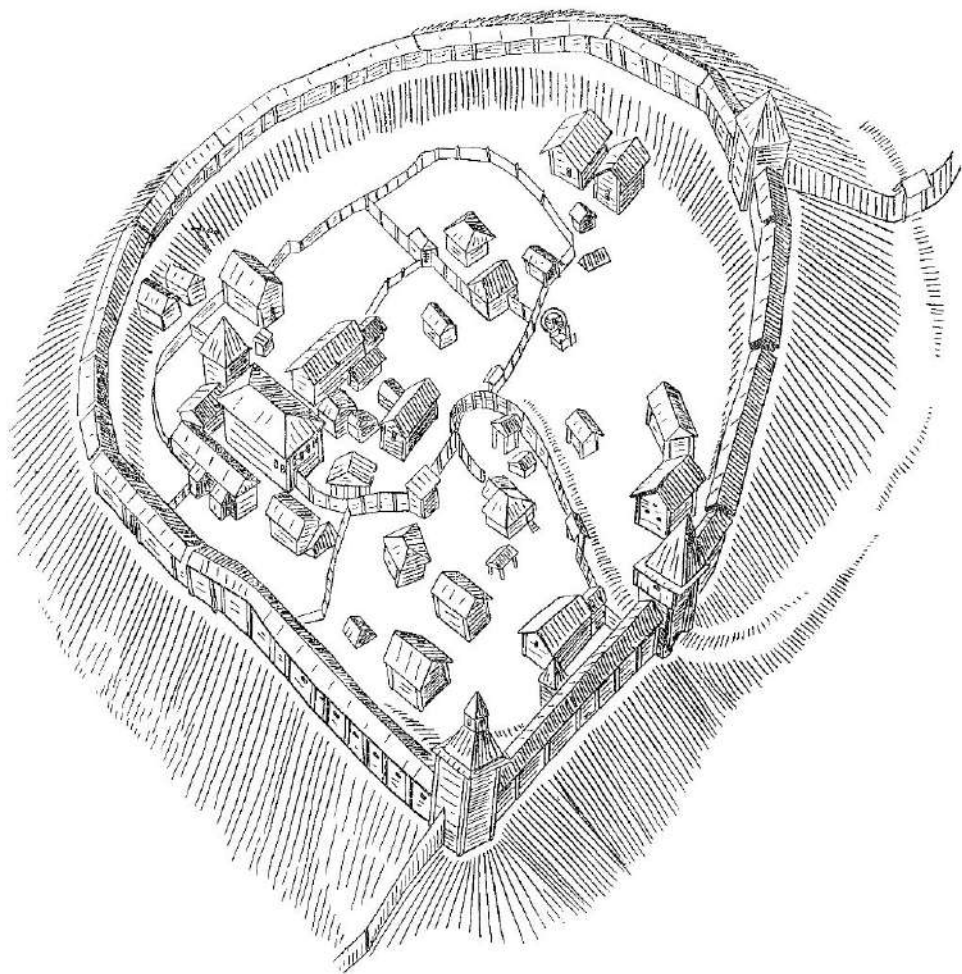

Рис. 58. Общий вид Слободкинского детинца (реконструкция Г. В. Борисевича, Т. Н. Никольской, рисунок Г. В. Борисевича)

своеобразием (цвет поливы, форма сосудов, орнамент и т. п.)¹³⁴. Овладение искусством поливы свидетельствует о высоком уровне развития ремесла в Слободке и о наличии квалифицированных ремесленников-гончаров. Для характеристики поселения городского типа важную роль играет наличие развитых торговых связей. Предметом импорта является колокол,

¹³⁴ Как показал петрографический анализ глин слободской керамики, для поливной посуды употреблялась та же глина, что и для обычной гончарной (Макарова Т. И. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси. — САИ, 1967, вып. Е1—38, с. 50).

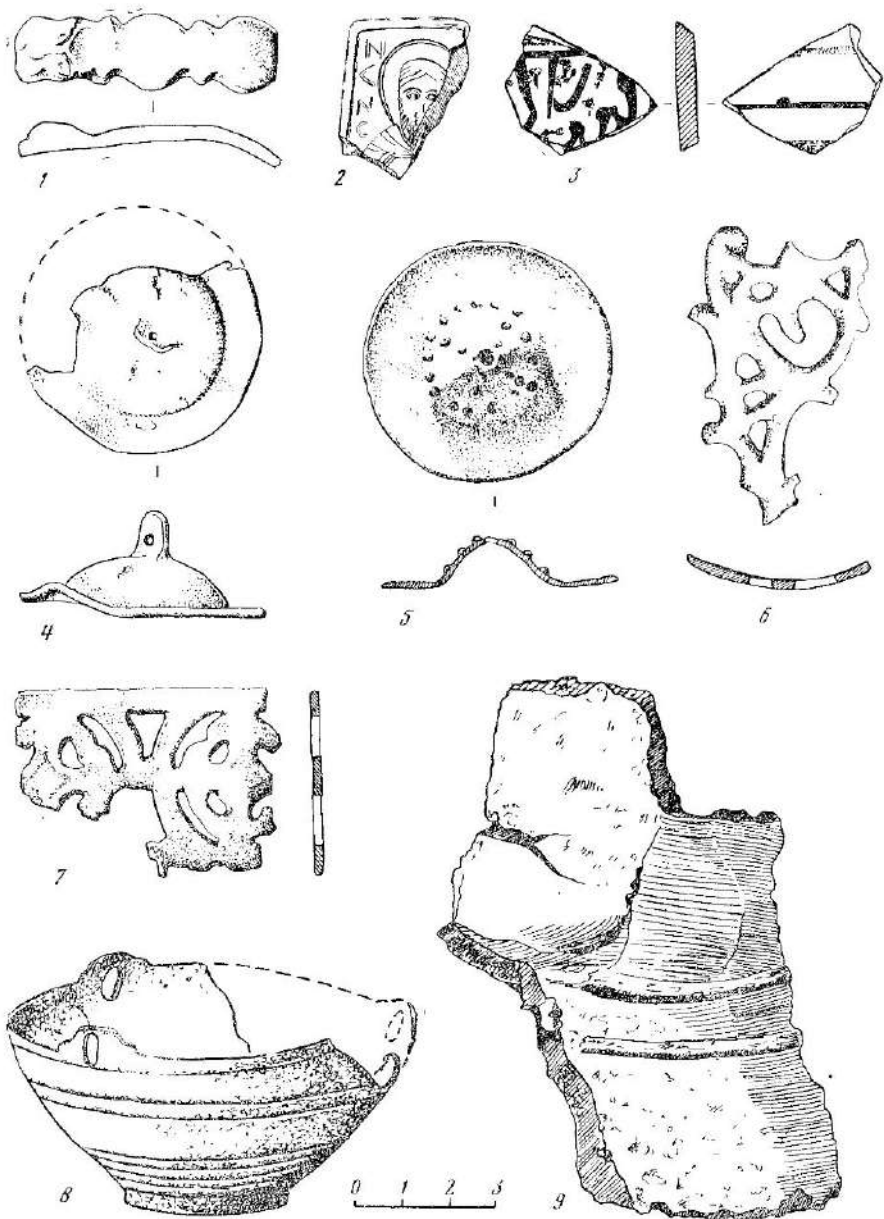

Рис. 59. Предметы импорта на городище Слободка (2, 8, 9) и Серенск (1, 3—7)
 1 — обломок браслета; 2 — иконка глиняная; 3 — фрагмент керамики; 4—7 — части хороса;
 8 — лампада; 9 — часть колокола

отлитый из белого металла (рис. 59, 9), пайденный в слое пожара и дошедший, к сожалению, до нас в нескольких обломках, сильно деформированных. Целые колокола были найдены в древнем Киеве¹³⁵, Новгороде и Городске, обломок колокола — в древнем Гродно¹³⁶. Некоторые из них являлись, очевидно, произведением местных мастеров, другие были привезены из крупного центра производства колоколов — Германии (XI—XIII вв.)¹³⁷.

Колокол из Слободки был невелик по размеру и имел, очевидно, форму «сахарной головы» (подобно колоколу, найденному в Новгороде) и характерную для XIII в.¹³⁸ Импорт из Приднепровья является и бронзовая лампадка с тремя ушками (рис. 59, 8), близкая по форме лампадам, найденным на Бородинском городище Смоленщины¹³⁹, а также на Райковецком городище¹⁴⁰ и в Гродно¹⁴¹. Кстати, можно упомянуть здесь и глиняную иконку с изображением святого, изготовленную, очевидно, местным мастером; надпись на иконке NCNC (рис. 59, 2). Имеется множество доказательств того, что среди населения городка была распространена грамотность (писала, книжные заставки, надпись на ручке амфоры, надпись на иконке и т. п.).

Следы сильного пожара — сгоревшие постройки, обнаруженные в них скелеты людей, разнообразные предметы быта (в том числе клад серебряных украшений) (рис. 60, 1—5) — говорят о катастрофе, разразившейся в этом маленьком городке в середине XIII в. Очевидно, городок был уничтожен полчищами Батия в 1238 г. К сожалению, название этого города затерялось в веках, так как после страшного разорения жизнь здесь больше не возобновлялась.

Очевидно, остатками еще одного городка в Земле вятичей является большое городище на левом берегу р. Оки, недалеко от впадения в нее р. Угры, между с. Спас и д. Городок. Оно состоит из двух частей: удлиненного подпрямоугольной формы мыса, площадью 3000 кв. м — детинца и отделенной от него высоким валом (6 м) и глубоким рвом площадка, также с трех сторон укрепленной валом и рвом, площадью 900 кв. м — посада (рис. 61, 1, 2). При раскопках, проводившихся на городище в 1936 г. П. Н. Третьяковым, открыты остатки жилищ типа полуземлянок и собраны вещи времени XI—XIV вв.¹⁴² На соседних участках вокруг городища расположены селища; на одном из них при земляных работах найден обломок семилопастного височного кольца. Исследователь городища высказал

¹³⁵ Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958, т. I, табл. XLIII, 1, 2.

¹³⁶ Воронин Н. Н. Древнее Гродно. — МИА, 1954, № 41, с. 120, рис. 65, 1.

¹³⁷ Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). — САИ, 1966, вып. Е1—57, с. 52, табл. 3, 3—4; Выезжев Р. П. Колокола древнего Городеска. — КСИА, Киев, 1960, вып. 9.

¹³⁸ Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла, табл. 3, 2.

¹³⁹ Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.). — МИА, 1960, № 92, с. 120, рис. 62.

¹⁴⁰ Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев, 1950, табл. XXI, 4.

¹⁴¹ Воронин Н. Н. Древнее Гродно, с. 20, рис. 65, 2.

¹⁴² Третьяков П. Н. Калужская экспедиция ГАИМК 1936 г. — СА, 1937, № 4, с. 328—330; Воеводский М. В., Герасимов М. М., Третьяков П. Н. Отчет об археологических работах в долине р. Оки. — В кн.: Археологические исследования в РСФСР в 1934—1935 гг. М., 1941, с. 40.

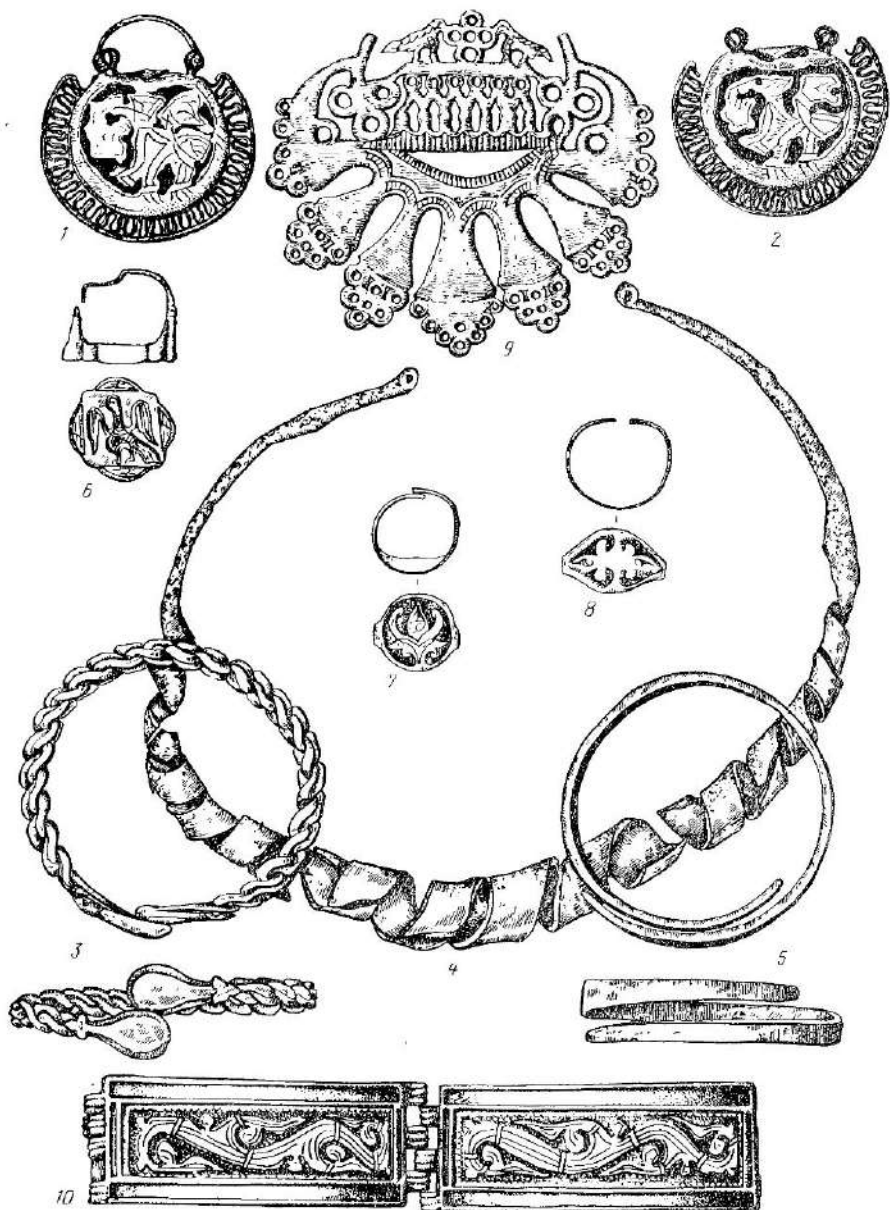

Рис. 60. Клады, зарытые в Земле вятичей:

1—2 — колты; 3, 5, 10 — браслеты; 4 — шейная гривна; 6—8 — перстни; 9 — височное кольцо
 (1—2, 3—5 — Слободка, раскопки автора; 6—9 — д. Шмарово; 10 — д. Писловка)

Рис. 61. Городище Спас-Городок

1 — посад и вал детища; 2 — детище, вид с юга (фото Ю. Н. Князева)

предположение, что здесь располагалось огромное поселение, являвшееся остатками неизвестного древнерусского города.

Раскопки, проводившиеся в детинце Спас-Городка в 1978 и 1979 гг., подтвердили предположение М. Н. Третьякова. Здесь были открыты наземные и углубленные в грунт жилища с каменными и глинобитными печами, производственные сооружения (сыродутные горы), собраны многочисленные орудия труда, предметы быта, вооружения и украшений XI—XIII и XIV—XV вв. К первому периоду относятся шиферные пряслица, обломки стеклянных браслетов, цилиндрические замки и ключи к ним, кресала, топоры, ножи, косы-горбуши, пещни, железные наконечники стрел, копий, целая сабля, кольчуга, удила (рис. 62), серебряные и бронзовые семилопастные височные кольца, решетчатые перстни, витые браслеты (рис. 63). Из предметов украшений особенно интересна бронзовая монетовидная подвеска к ожерелью с изображением птицы с распростертыми крыльями и головкой, повернутой в профиль (рис. 63, 6), паноминяющей плясунью из сцены языческих русалий. В то же время на городище найдены кресты-энколпионы домонгольского времени (рис. 63, 12) и второй половины XIII в. и янтарный крестик (рис. 88, 8). Хотелось отметить, что семилопастные височные кольца, найденные на городище, относятся как к раннему типу простых (миниатюрных, без боковых колечек и орнамента), так и к типу развитых с секировидными лопастями и орнаментом на щитке. Можно думать, что приток населения сюда из окрестных деревень продолжался на протяжении всех трех столетий существования города домонгольской поры. Многочисленны находки фрагментов гончарной посуды с волнистым и линейным орнаментом и клеймами на днищах ¹⁴³.

Еще одним городом, имя которого не сохранилось в письменных источниках, было, очевидно, укрепленное поселение, расположенное на высоком правом берегу р. Зуша, против д. Воротынцево, которое упоминалось выше в связи со славянским расселением в бассейне Верхней Оки (гл. 4).

Городище состоит из двух частей: треугольной формы мыс — детинец, площадью около 1 га, ограниченный валом и ровом от прямоугольной в плане площадки — окольного города (размером 150×96 м), также укрепленной валом. Таким образом, общая площадь детинца и окольного города составляет около 2,5 га. Склопы городища очень высокие и крутые; западный склон упирается в глубокий овраг, с востока и юго-востока — обрывистый берег р. Зуша. Площадка поселения испорчена во время Отечественной войны.

Кроме того, на поверхности мысовой части городища повсюду обнаружены небольшие вехолмления, являющиеся следами могил и надгробных плит. Территория окольного города, по словам населения, долгое время распахивалась.

В 1953 и 1955 гг. автором проведены небольшие раскопки на площадке детинца и окольного города ¹⁴⁴.

¹⁴³ *Никольская Т. П.* Отчет о работе Верхнеокской археологической экспедиции в 1978 г. — Архив ИА, 1979; *Она же.* Отчет о работе Верхнеокской экспедиции в 1979 г. — Архив ИА.

¹⁴⁴ *Никольская Т. П.* Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э. — МИА, 1959, № 72, с. 15, 87.

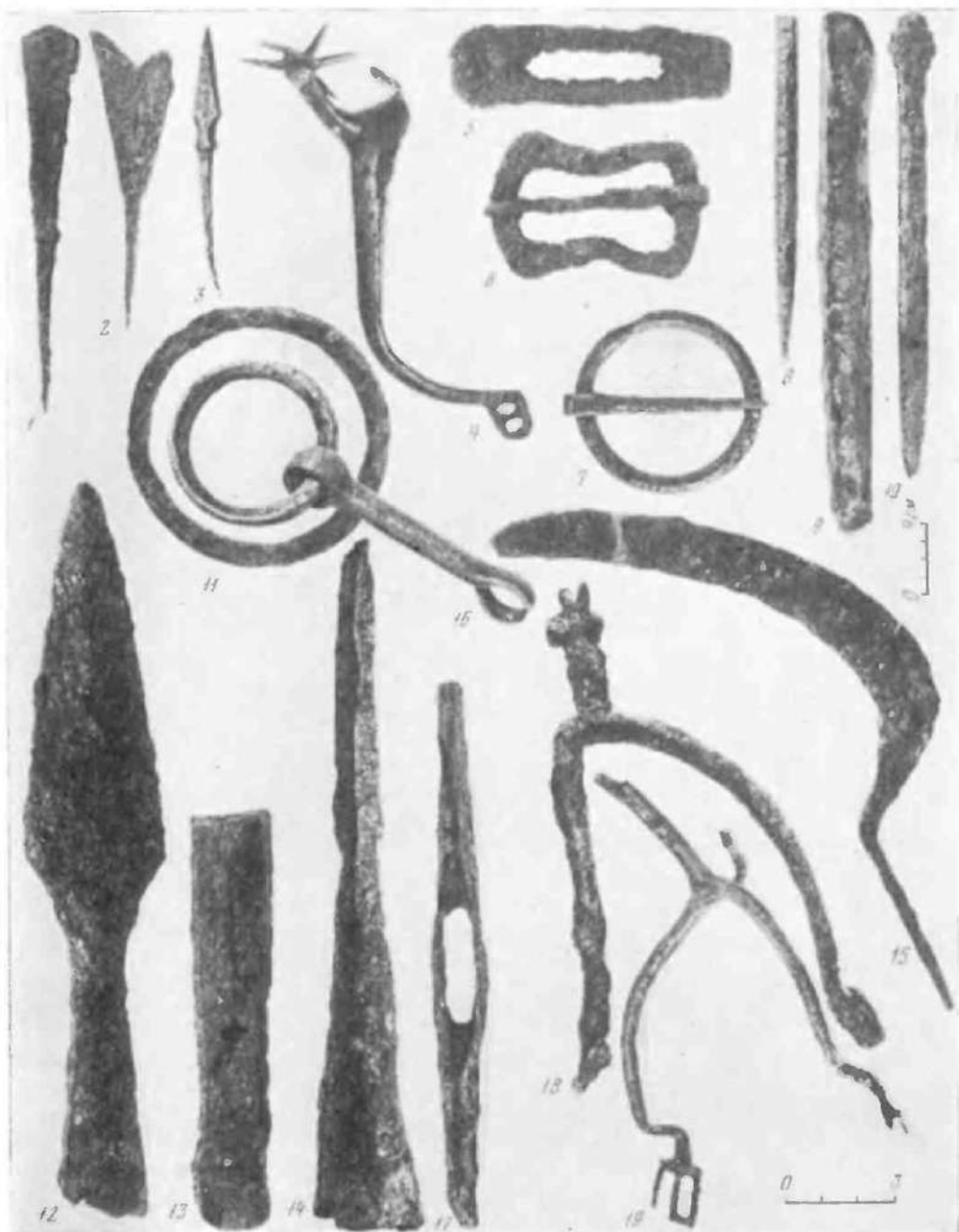

Рис. 62. Городище Спас-Городок. Предметы вооружения, быта и ремесла (раскопки автора)

1—3 — наконечники стрел; 4, 18, 19 — шпоры; 5 — кресало; 6, 7 — привки; 8 — зубило; 9 — гривна; 10 — инструмент (?); 11 — дверная ручка; 12, 14 — наконечники копий; 13 — вешия; 15 — серп; 16 — удила; 17 — перекрестие меча

Раскопки мысовой части поселения обнаружили, что культурный слой в детинце, нарушенный древним кладбищем (XVI—XVII вв.), стратиграфическому изучению не поддается. Определение характера памятника возможно только по вещам, найденным в слое. Проведен также разрез насыпи вала. Было установлено, что древнерусское поселение, возникшее здесь в VIII—IX вв., разрастается в XI—XII вв. за пределы укрепленного мыса, оборонительные сооружения его усиливаются (валы в детинце и окольном городе частично сооружены из культурного слоя)¹⁴⁵, а недалеко от этого городища появляется еще одно небольшое круглое в плане укрепление с кольцевым валом — феодальная усадьба.

Подобная же картина обнаружена, как мы видели, на р. Навле: около Большого Слободкинского городища также сооружено небольшое круглое в плане поселение с кольцевым валом, очевидно, являвшееся укрепленным двором какого-то знатного феодала.

Возможно, что древнерусское поселение у д. Воротынцево представляло собой остатки небольшого города в Земле вятичей, владелец которого, а может быть, и посадник жил не в самом детинце, а в своей собственной усадьбе поблизости.

Раскопки на городище, особенно на территории окольного города, доставили множество обломков гончарной керамики с волнистым и линейным орнаментом XI—XIII вв., предметов быта и украшений; среди последних — обломки стеклянных браслетов, бронзовый решетчатый перстень и обломок серебряного семиплощастного височного кольца.

Очень вероятно, что этот вятичский городок был построен на границе со стенью для защиты от кочевников; как он назывался, — мы не знаем. Однако название деревни, против которой расположено городище, — Воротынцево, вероятно, не случайно и указывает на ее окраинное положение¹⁴⁶.

В Рязанском течении Оки остатками древнерусских городов, имена которых до нас не дошли, являются, очевидно, Лихаревское городище, раскопки которого в 1924—1925 гг. велись Н. П. Милоповым¹⁴⁷, и Жокинское, расположенное на левом берегу Жраки (к югу от с. Жокино). Площадка городища прямоугольной формы (размером 155×120 м) укреплена тремя линиями валов высотой 7 м и ров глубиной 1,5—2 м. С северной, южной и западной сторон в валах городища были проемы, образующие въезды (рис. 64). По мнению А. Л. Монгайта, Жокинское городище является остатками княжеского или боярского замка¹⁴⁸.

¹⁴⁵ *Николаевская Т. Н.* Культура племен. . . , с. 19, рис. 4, а, б; с. 87—89.

¹⁴⁶ После строительства в более удобном месте нового города — Новосиль — Воротынецкий городок постепенно запустел, а впоследствии на его территории было учреждено кладбище.

¹⁴⁷ *Монгайт А. Л.* Рязанская земля, с. 228.

¹⁴⁸ Там же, с. 226.

Рис. 63. Городище Спас-Городок. Предметы украшений и быта

1 — высокое кольцо; 2, 3, 11, 15 — перстни; 5, 10 — части шейной гривны; 4 — заготовка браслета; 6 — подвеска; 7—9 — обломки стеклянных браслетов; 12 — крест-англошюан; 13 — пинцет; 14 — браслет; 16, 17 — пряслица; 18 — донце сосуда

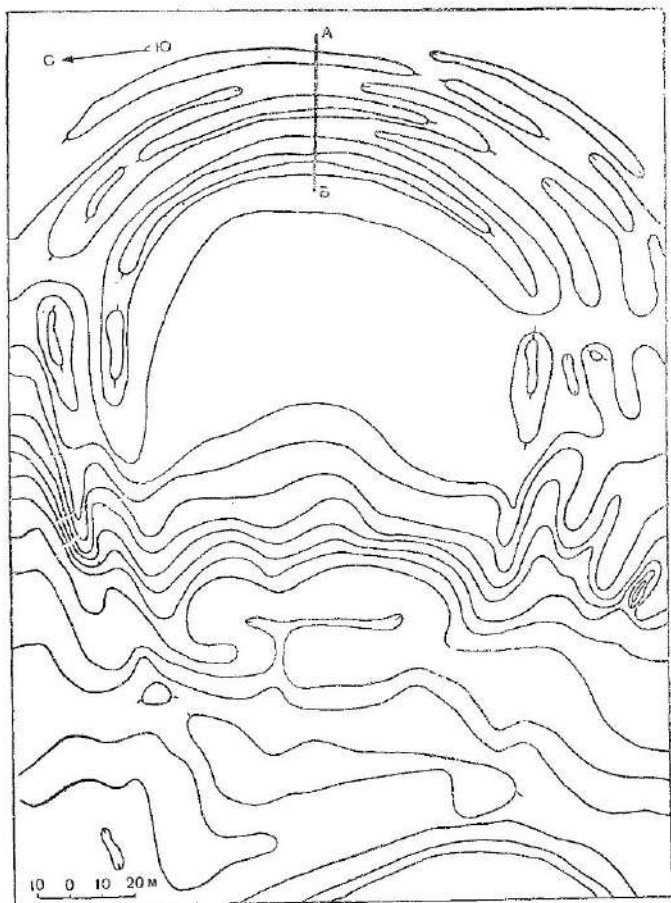

Рис. 64. План Жовинского городища (по А. Л. Монгайту)

Итак, все поселения городского типа расположены на основной водной магистрали — Оке, или по ее притокам. Тот же вывод можно сделать и в отношении сельских поселений, тяготевших к плодородным аллювиальным почвам речных долин.

А как известно, города возникают «в первую очередь там, где развивается сельское хозяйство», и «земледелие было одной из предпосылок к созданию городов с постоянным населением»¹⁴⁹. Подобно большинству древ-

¹⁴⁹ Тихомиров М. И. Древнерусские города. М., 1946, с. 35, 38. Особенно показательны в этом отношении район г. Пронска, где сконцентрировано пять сельских поселений XI—XIII вв. и целый ряд селищ XIV—XVII вв. В окружении сельских поселений выросли также города Старая Рязань, Переяславль Рязанский, Коломна, Серпухов, Вороньинск, Спас-Городок, Кромь, Слободка, Серенск и многие другие.

нерусских городов, поселения городского типа Земли вятичей возникали на возвышенных местах при слиянии двух (или больше) рек и получали название чаще от меньшей реки. Так, город Серенск получил название от р. Серена, Мценск — от р. Мцена, Кромы — от р. Крома, притока Оки, Брын — от р. Брын. Некоторые города получили, свои названия в связи с окружающей их природой (Козельск — Козлеск).

Планировка городов была неодинаковой: одни поселения, кроме основного ядра, — детинца-кремля, имели укрепленный окольный город, а затем посад (Серенск, «Слободка», Кромы, Москва), другие обладали только одной «линией обороны» — кремлем (Мосальск, Мещовск, Серпейск и др.).

Большинство древнерусских городов Земли вятичей возникает не на «пустом месте», а использует наиболее удобно и надежно расположенные поселения, существовавшие здесь в середине I тысячелетия н. э. Некоторые города строились на месте древнерусских сельских поселений IX—X вв. (Кромы, Таруса, Перемышль на Оке, Серпухов, Коломна). Известны и города, не имевшие древнего подстилающего слоя (Козельск, Брын, Тешилы, Ижеславль).

Происхождение и социальная история этих поселений — тема специального исследования. Несомненно, что возникновение укрепленных городков в Земле вятичей в конце XI и первой половине XII вв. было подготовлено всем предшествующим развитием общественно-экономических отношений на данной территории (развитие пашенного земледелия, ремесла, торговли, появление местной феодальной знати)¹⁵⁰.

Как упоминалось выше, не все вятичские «города» были однотипны по своему облику и характеру. Незначительные пока еще материалы раскопок не позволяют охарактеризовать каждое из названных поселений, однако среди них известны и довольно развитые центры ремесла и торговли, как, например Ст. Рязань, Коломна, Серенск, были крепости — Слободка, Тешилы, Новосиль, Ворытск, Пронск и поселения типа феодальных замков — Спашь, Домагоц, Тушков, Новый городок Ольгов, Южское городище.

Предположительно можно наметить такие пути возникновения городов на рассматриваемой территории: 1) на основе развитого ремесленного поселка (Рязань, Коломна, Серенск); 2) города, в основе которых лежит феодальная усадьба, принадлежавшая черниговскому князю или, возможно, представителям местной («вятичской») феодальной знати (Карачев,

¹⁵⁰ Косвенным свидетельством высокого уровня развития культуры в Земле вятичей служит наличие кладов, зарытых в период между 70-и годами XII в. и 1240 г. Только в бассейне Верхней Оки известно 9 кладов (считая и клад серебряных украшений, найденный в 1962 г. на городище Слободка (рис. 60); среди них особенно выделяются знаменитые Тереховский и Белевский клады (*Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX—XIII вв. М.—Л., 1954, с. 139—142, № 153—157 и 160; *Гуцун А. С.* Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. М.—Л., 1936, табл. XIV, 9; *Недошвина П. Г.* О датировке Белевского клада «Славяне и Русь». М., 1968, с. 118, рис. 1, 2; *Никольская Т. Н.* К вопросу о феодальных «замках» в Земле вятичей. — В кн.: *Культура Древней Руси*. М., 1966, с. 188, рис. 3).

Тушков)¹⁵¹; 3) города, построенные князьями как крепости для защиты от внешней опасности («Слободка», Воротынский, Тешилов, Пронск).

Не безынтересно вспомнить характеристику, данную С. В. Бахрушиным древнерусским городам эпохи феодальной раздробленности. «Для эпохи феодальной раздробленности характерен тип города, не утративший еще черт разросшейся владельческой усадьбы. Город XIII—XV вв., в первую очередь, — центр вотчинного княжеского хозяйства и опорный пункт феодального господства над окрестным крестьянским населением, то, чем в частной вотчине был двор вотчинника»¹⁵².

¹⁵¹ Такие «укрежденные феодальные городки — «замки» быстро обрастали ремесленными посадами, превращаясь в «эмбрионы» городов. *Карлов В. В.* О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья. (К постановке вопроса). — В кн.: *Русский город*. М., 1976, с. 43.

¹⁵² (*Бахрушин С. В.* Научные труды, т. I, с. 38.) Если вспомнить, как невелики были размеры многих «вятичских» городков (общая площадь детинца с посадом в среднем — от 1 до 6,5 га, а площадь детинцев — от 2 до 6 тыс. кв. м), то можно с полным основанием этот вывод применить к городам рассматриваемой территории.

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

В данном разделе основное внимание уделено конструкции оборонительных сооружений укрепленных поселений эпохи древней Руси, являющихся остатками феодальных усадеб, или древнерусских городов, известных по письменным источникам.

Изучению конструкции оборонительных сооружений Северной Руси X—XV вв., куда входит и основная часть городов Земли вятичей, посвящено специальное исследование П. А. Раппопорта¹. Поэтому нет необходимости повторять здесь, какое большое значение в организации обороны древнерусских укрепленных поселений имели земляные части оборонительных сооружений — их валы и рвы, или как важно для изучения истории древнерусской фортификации исследование деревянных конструкций, расположенных как внутри этих земляных насыпей, так и на поверхности.

Исследования оборонительных сооружений Земли вятичей в разное время проводились на 30 укрепленных поселениях, в том числе на 14 раскопки велись Верхнеокской экспедицией под руководством автора. Следует отметить, что в большинстве случаев исследования сводились к разрезке валов и рвов, которая, естественно, не всегда отражает целостную картину конструкции укреплений. П. А. Раппопорт пришел к выводу, что внутривальные сооружения на протяжении всей их длины могут быть неодинаковы.

Как говорилось выше, при строительстве древнерусских оборонительных сооружений часто использовались укрепленные городки, существовавшие здесь в середине I тысячелетия н. э. Их валы при этом подсыпались и подновлялись². Укрепления эпохи Древней Руси возводились на подстилающем древнем культурном слое (Слободка, Серепск) или непосредственно на материке³.

Пожалуй, наименее сложная конструкция оборонительных сооружений среди исследованных укрепленных поселений домонгольского времени обнаружена на городище *Тушков городок*, в верховьях Москвы-реки. Первоначальное небольшое укрепление этого городка относится, очевидно, к XI—XII вв. На поверхности земляного вала обнаружены следы кольев частоккола, а древний ров имел глубину всего 2,5 м и ширину около 18 м.

¹ Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. — МИА, 1961, № 105.

² Так, например, на городищах Гать, Неждипском, Моцинском, Серенском первоначальные валы были сооружены населением древнего поселка, а затем в эпоху Древней Руси несколько раз они подсыпались и укреплялись.

³ В XIV—XV вв. известны города, которые были построены на специально выбранном, не заселенном ранее месте, но таких — немного.

Установлено, что «древний» вал насыпан не на самом краю рва, а на некотором расстоянии от него и имел горизонтальную площадку-берму, ширина которой 2 м⁴.

Несложными были и оборонительные сооружения, открытые на городище у с. Спас и д. Городок. П. А. Раппопорт, обследовавший этот памятник и произведший прорезку вала детинца, относит городище к сложно-мысовому типу. Как и П. Н. Третьяков, он считал, что сооружение вала мысовой части его относится к XI в.⁵ Насыпь вала, состоявшая из слоев суглинка, песка и темной земли, первоначально имела высоту около 4 м и ширину основания 18 м. В слое насыпи обнаружены остатки бревен (или плах), не связанных между собой. Лицевой склон первоначального вала имел ступенчатое очертание, причем на ступеньках отмечены следы сгнившего дерева, пятна обожженного суглинка и фрагменты керамики XII—XIII вв. Над ступеньками залегала земляная подсыпка, являющаяся следами усиления или ремонта этого вала. Возможно, что ступенчатое очертание лицевого склону вала было придано во время его перестройки и подсыпки в XII—XIII вв., с тем, чтобы вновь насыпанный слой не сполз по склону первоначального ядра вала. В результате усиления насыпи вала крутизна его склона стала большей и равнялась 30°⁶.

Интересны оборонительные сооружения *Воротынского* городища. По мнению П. А. Раппопорта, основание укрепленного поселения в Воротышке относится к XIV в.⁷

Судя по профилю разреза вала, первоначально была сооружена небольшая насыпь, состоящая из слоев суглинка, песка, мелкого хрящевого камня и гюмуса. Затем эта насыпь увеличена путем постепенной подсыпки к тыльной стороне. Общая высота насыпи оказалась немногим более 3 м. К лицевой стороне этого земляного ядра вала пристроена деревянная конструкция, также засыпанная землей. Это был своего рода решетчатый каркас, сооруженный из дубовых бревен диаметром 15—25 см, соединенных «в режь». Продольные бревна конструкции располагались вдоль оси вала, причем, каждое верхнее бревно находилось не под шпиком, а сдвинуто по отношению к нему в направлении тыльной стороны вала на 30—40 см. (Нечто похожее было в деревянных конструкциях вала городища Гать, только расположенных с тыльной стороны вала.) Таким образом, получилась бревенчатая стенка, по поставленной не вертикально, а наклонно. Уклон этой стенки соответствовал уклону лицевого склона вала — около 40° по отношению к горизонту. Наклонная бревенчатая стена скреплена поперечными стенками, соединенными с пей, по-видимому, рубкой «в обло». Поперечные стенки были поставлены вертикально, однако, торцы их бревен сдвинуты — каждый верхний торец на 35—40 см ближе к тыльной стороне вала, чем нижний торец. Следовательно, линия торцов поперечных стенок соответствовала уклону лицевой стенки конструкции и уклону лицевого склона вала. Бревна поперечных стенок короткие — 1,5—2 м и не

⁴ Рабинович М. Г. Крепость и город Тушков. — СА, 1959, XXIX—XXX, с. 263.

⁵ Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества . . . Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. — МИА, 1961, № 103, с. 102.

⁶ Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества. . . , с. 102, 104, рис. 82.

⁷ Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества, с. 124, рис. 103.

заходят в основную насыпь ядра вала, а только упираются в нее. В самой нижней части конструкции 2—3 бревна, идущих вдоль вала, не имели соответствующих поперечных бревен, так как эти поперечные бревна лежали выше поверхности культурного слоя (т. е. выше уровня древней поверхности земли), в то время, как продольные бревна спускались и несколько ниже вдоль склона ⁸.

Представляется, что в конструкции насыпи вала отразились два строительных периода, относящихся к разному времени.

Первая, целиком «земляная» насыпь высотой 3 м, сооружена, очевидно, здесь в XIII в. Правда, насыпь вала не везде прорезала до материка и поэтому трудно судить, что служило подстилающим слоем (по словам П. А. Раппопорта, под насыщью вала найдена керамика XIII в.), но так как Воротынский как город упоминается в летописи уже под 1155 г., естественно предположить, что к XIII в. укрепления существовали. Древнее поселение было неукрепленным и поэтому основатель города, — кто бы он ни был (князь, боярин) — должен был начать со строительства укреплений, хотя бы просто земляных. В XIV в. оборонительные сооружения были значительно усилены строительством деревянных стен, после чего насыпь вала была увеличена ⁹.

Южный склон Воротынского городища все время осыпается. В профиле его хорошо видны отверстия от поперечных бревен деревянной конструкции; расстояние между поперечными стенками колеблется от 1,1 до 3 м. Поперечные стенки расположены на разной глубине от поверхности и имели не одинаковое количество бревен. Возможно, это объясняется различной сохранностью этих бревен, во всяком случае, в некоторых местах от поперечной стенки осталось всего 2—3 бревна. Большинство стенок доходит до материка, но поскольку уровень материкового грунта колеблется, нижние бревна стенок также расположены на разной глубине ¹⁰. Судя по тому, что внутривальные конструкции обычно бывают связаны с верхней частью вала и расположенными на его гребне наземными стенами, П. А. Раппорт предполагает, что и в валу Воротынска наземная стена также была расположена там, где выходила на поверхность вала внутренняя конструкция. Такое заключение сделано на основании того, что верхние бревна внутривальной конструкции обгорели, очевидно, в результате пожара, уничтожившего стену ¹¹.

К мысовому типу укреплений, возникших, очевидно, в начале XII в. на холме, в устье р. Неглиная, по продолжавших существовать и развиваться в дальнейшем, относится и *Московский Кремль*. Поскольку археологическое исследование древней Москвы является самостоятельной большой темой и ему посвящено немало специальных работ ¹², можно лишь

⁸ Раппорт П. А. Очерки по истории военного зодчества. . . , с. 124.

⁹ Такое предположение высказано и П. А. Раппортом, правда, не очень решительно (Раппорт П. А. Очерки по истории военного зодчества. . . , с. 124, примеч. 54).

¹⁰ Раппорт П. А. Очерки по истории военного зодчества. . . , с. 126.

¹¹ Там же, с. 133.

¹² Рабинович М. Г. О начальном периоде истории Москвы. — Вопросы истории, 1956, № 1, с. 61.

кратко остановиться на некоторых результатах, полученных при изучении укреплений Московского Кремля.

Постройка Московского Кремля Юрием Долгоруким, которую летопись описывает в 1156 г.¹³, и в действительности имевшая место около этого времени, дубовые стены Кремля, возведенные при Иване Калите в 1339—1340 гг., и, наконец, белокаменные стены Дмитрия Донского (1367—1368 гг.) — вот основные этапы роста Московского Кремля, в результате которого он занимает современную площадь, окруженную кирпичными стенами еще в конце XV в.¹⁴

Чрезвычайно интересной оказалась конструкция крепостной стены Московского Кремля, шедшей вдоль берега р. Неглинная. Остатки ее открыты в 1959—1960 гг. при археологических наблюдениях за строительством Дворца съездов к востоку от Потешного дворца и Троицких ворот (Н. Н. Воронин). Напротив Потешного дворца, в нижнем горизонте естественной западины культурного слоя (в основании тыльного склона вала) обнаружены дубовые бревна (диаметр 30—35 см и длина от 5 до 6 м), лежащие по продольной оси вала. Каждое вышележащее бревно было несколько сдвинуто относительно нижнего к середине вала, образуя, таким образом, крепление тыльного склона вала в его нижней части. Для того чтобы бревна не скатывались, каждое продольное бревно опиралось на два-три поперечных (длиной 1,2—2,0 м, диаметром 12—18 см) с выступающим кверху сучком-крюком, удерживавшим нижнюю часть продольного бревна. В свою очередь, поперечные бревна на концах, противоположных крючьям, были укреплены в насыпи вала кольями (длиной от 20 до 60 см). Насыпь вала, открытая здесь, сохранилась на незначительную высоту. Но севернее, против современной Троицкой башни Кремля (в северной стенке котлована) открылась часть вала, сохранившаяся почти на полную высоту — около 7 м при ширине основания 14,5 м. Оба эти отрезка принадлежат одной и той же линии укреплений, построенной не ранее второй половины XII в. и не позже начала XIII в.¹⁵ Подобные, так называемые «хаковые» (крюковые) конструкции валов обнаружены при раскопках целого ряда средневековых городов Польши.

Подобная же в принципе конструкция вала открыта в Перемышле Московском, строительство укреплений которого также относится к середине XII в. Укрепления Московского Кремля и Перемышля Московского являются примером нового для русской фортификации XII в. приема сооружения вала, имеющего по краям жесткую конструкцию, мешающую насыпи оползть¹⁶.

Разница заключалась только в том, что в Московском Кремле жесткая конструкция, мешавшая оползанию вала, состояла из трех рядов дубовых

¹³ Тверская летопись. — ИСРЛ, т. XV, стб. 225. А. Н. Насонов предполагает, что укрепления Московского Кремля строил не сам Юрий, который был в 1156 г. в Киевщине, а его сын Андрей, еще ранее связанный с Кучковичами (Насонов А. Н. Русская земля. . . , с. 186, 187).

¹⁴ Воронин Н. Н. Московский Кремль. — МИА, 1958, № 77, с. 54.

¹⁵ Рабинович М. Г. О Древней Москве. М., 1964 г., с. 22 и сл.; рис. 6—9.

¹⁶ Рабинович М. Г. К истории русской фортификации (Укрепления Перемышля Московского). — В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 213.

бревен, удорживаемых деревянными крюками, а в укреплениях Перемышля «эта кольцевая подошва вала сделана в виде валика из обожженной глины»¹⁷.

Старая Рязань. Несколько ширмы по конструкции были оборонительные сооружения Старой Рязани, изученные в разных частях города (Южное городище). Раскопки вала проводились у Исадских ворот, у Новых Пронских ворот, против Шатрищенской школы (А. Л. Монгайт), а также в прибрежной части городища (В. П. Даркевич). В результате этих исследований сделан вывод о том, что укрепления на южном городище, как в южной, так и западной его части построены по заранее намеченному плану, как единый комплекс в первой половине XII в.¹⁸ Замкнутый земляной вал проходил по всему периметру городища, но с западной стороны он был особенно высоким (до 10 м); ров отрезал поселение от окружающего плато.

Раскопки верхней части вала у Новых Пронских ворот выявили в его насыпи сплошную стену из продольных бревен, перевязанных поперечными бревнами. Вдоль стен с внешней стороны стоял тын из двух рядов бревен¹⁹. В разрезе вала у Исадских ворот также обнаружены бревна, идущие до глубины 1,4 м (от вершины вала). Открыто 9 венцов из дубовых бревен толщиной 12—15 см. Продольная стена делилась поперечными стенками, имевшими длину 4 м и поставленными с интервалом 1,2 м. Таким образом, стена состояла из продолговатых клеток, рубленых в обло (чажки бревен повернуты вверх, а не вниз). Клетки заполнялись глиной, а у их основания находилась вымостка из плитчатых кирпичей. Таким образом, старорязанские укрепления состояли из двух параллельных бревенчатых стен, соединенных между собой короткими поперечными стенками²⁰.

В западной, прибрежной части Южного городища раскопками выявлены остатки насыпи вала, почти совершенно осыпавшегося. Он насыпан на материковом грунте и состоял из чередующихся прослоек плотной желтой глины и светло-серой гумусной земли²¹. По мнению исследователя, земля при насышке вала бралась на самой площадке городища, свидетельством чего является котлован-выемка в материке, примыкавшая к тыльной стороне насыпи. Никаких деревянных конструкций в насыпи не было, однако в «котловане» за валом обнаружены деревянные сооружения из сосновых и дубовых бревен, состоявшие из двух параллельных стенок, расположенных на расстоянии 2,5—3 м и разделенных перегородками на отдельные клетки. Сплошная связанная линия срубов в пределах раскопа выявлена на протяжении 25 м. Нижние венцы срубов забиты плотно утрамбованной глиной. В этом слое встречались кости животных и обломки керамики XI—XII вв. Клетки были неодинаковы. Следы четырех поперечных стенок срубов, имевших длину 2,6—2,8 м, расположены с интервалом 3,8 м; 6,7 м; 5,2 м. Способ соединения продольных бревен проследить не удалось; по предположению В. П. Даркевича, это соединение производилось путем врубki продольных бревен в поперечные стенки «вахлестку». Крыша

¹⁷ Рабинович М. Г. История русской фортификации, с. 213.

¹⁸ Даркевич В. П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966—1969 гг.). — В кн.: Археология Рязанской земли. М., 1974, с. 60.

¹⁹ Монгайт А. Л. Старая Рязань. — МИА, 1955, № 49, с. 34, 35.

²⁰ Монгайт А. Л. Старая Рязань, с. 38, 39.

²¹ Даркевич В. П. Раскопки на Южном городище. . . , с. 56.

срубов, служившая боевой площадкой за стеной-частоколом, была покрыта слоем глины ²². По-видимому, здесь так же, как и в северной части насыпи вала у Новых Пронских ворот, на деревянном пакете стены могли располагаться защитники крепости. Укрепления сгорели, по-видимому, в 1208 г., когда Рязань была взята войсками Всеволода III.

Оборонительные сооружения домонгольского времени наиболее полно изучены в детище Большого *Слободинского городища*. Раскопки насыпи вала велись здесь широкими площадями на нескольких участках. Внешнее кольцо обороны составляла высокая земляная насыпь, которая в древности опоясывала всю площадку детища. К моменту раскопок вал сильно оплыл, а вдоль юго-западного и южного краев площадки, обращенных к пойме Навли, он не был заметен. Обнаружить эту насыпь, состоящую из зеленовато- или светло-желтого суглинка, а местами — глины, удалось только в профилях стенок раскопов и дополнительных бровок. Судя по профилям, вал почти доходил до современной поверхности, и его верхняя часть прикрыта только почвенным слоем. Находок в насыпи почти не было, за исключением нескольких обломков гончарных сосудов с линейно-волнистым орнаментом и костей животных. По-видимому, земля для насыпки этого отрезка вала бралась здесь же, на площадке городища, так как к его тыльной части примыкает довольно глубокая выемка (глубиной до 1,6 м); однако проследить ее границы не удалось, так как вал постепенно оплывал, а котлован впоследствии был застроен. Таким образом, здесь обнаружилась картина, близкая той, что была только что рассмотрена на южном городище Старой Рязани.

Внутри вала открыты деревянные конструкции. Это была стена, состоящая из прямоугольных клетей, рубленных из дубовых бревен толщиной 0,2—0,3 м и длиной от 4 до 5 м, соединенных в поперечном направлении в обло; в западной части детища сохранилось 3—4 венца стены (на высоту 0,6—0,7 м), выявленной на протяжении 24 м. Юго-западная часть стены имела ширину 3,5 м, т. е. 2 мерных сажени, а длина секций равна одной, двум и трем мерным сажням. В южной части — длина стены составляла 20 м, в ней насчитывалось от одного до восьми венцов. Стена делилась поперечными бревнами на отдельные секции 4 × 4 м. Таким образом, эти укрепления служили каркасом земляной насыпи, предохранявшим ее от оползания. (Первое, нижнее бревно этой бревенчатой стены имело своим основанием древний культурный слой.) Мощная дубовая стена, связанная с верхней частью внутренних конструкций, выходила и на поверхность вала (рис. 57, 58, 65).

Неожиданностью явилось открытие в юго-западной части площадки городища квадратной в плане башни, расположенной в том месте, где западная и южная стены вала пересекались под прямым углом ²³. Таким образом, в детище Слободки как бы сочетаются схемы регулярных планов крепостей двух типов — прямоугольная и кольцевая. Зачистка южного

²² Даркевич В. Л. Раскопки на Южном городище. . . , с. 58—60.

²³ Подобная картина обнаружена при раскопках Шучинского городища (древнерусского Чучина). Исследователь его также отметил, что «в одном из поворотов стены над Днепром находилась башня. . . » (Довженко В. И. Сторожевые города на юге Киевской Руси. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 43).

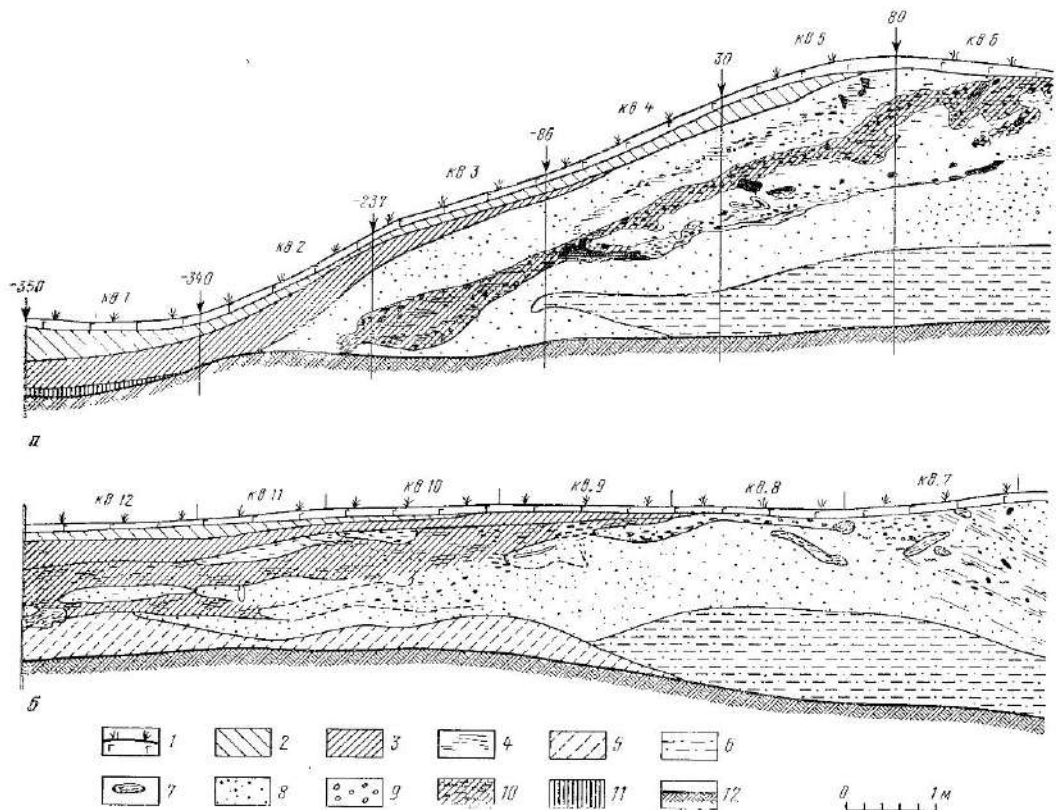

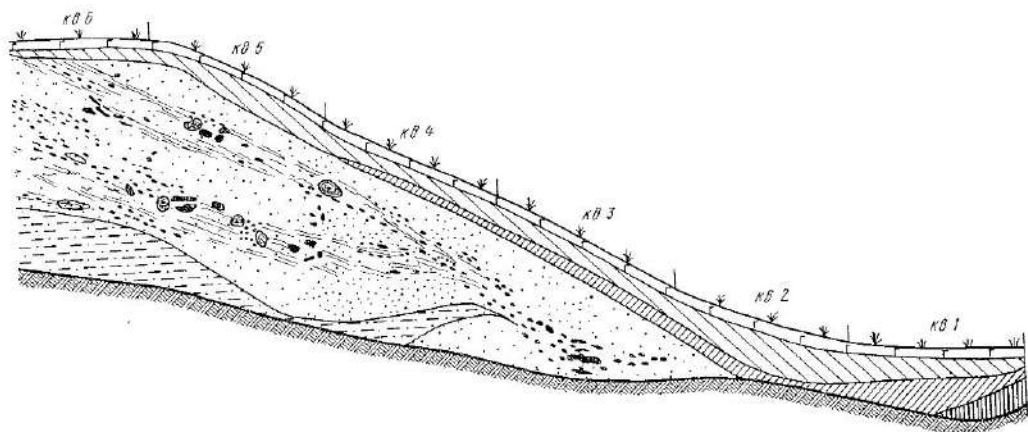
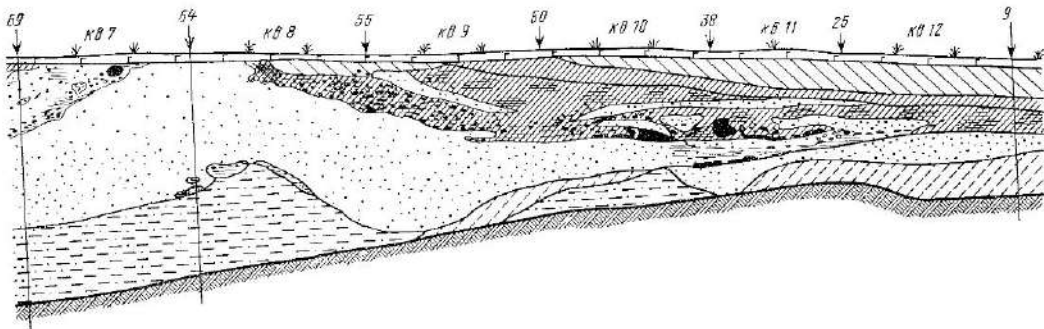
Рис. 65. Слободка. Профили раскопа в насыпи вала (а, б)

1 — деревянный слой; 2 — серый культурный слой; 3 — темный культурный слой; 4 — древесный тлеп; 5 — древний культурный слой; 6 — суглинок; 7 — обожженное дерево; 8 — песок; 9 — известняк; 10 — черный культурный слой с золой, тленом и обожженной глиной; 11 — предматерик; 12 — материк

края площадки городища показала, что все надвальные конструкции рухнули вниз и сохранилась только глиняная подушка укреплений.

Въезд в детинец Слободки был, по всей вероятности, в юго-восточной части городка. В этом месте по фронту откоса со стороны реки заметны следы древней дороги в виде небольшой ложбинки и легкой седловины в насыпи вала. В раскопе этого участка обнаружены частично сохранившиеся остатки деревянного настила мостовой²⁴. Здесь, во-видимому, была и воротная башня. Древние зодчие придавали въезду большое оборонительное значение и, как правило, устраивали воротную башню, укрепляя ответственный узел обороны и достигая при этом определенного художественного эффекта.

²⁴ Сооружение мостовой у въездных ворот в город известно, например, по раскопкам в Миске (Загоруйский З. М. Древний Минск. Минск, 1963, с. 30).

В восточной части детинца истлевшие бревна стены прослежены на длину 10 м. Здесь стена отстояла от края площадки городища на 4 м. Стена делилась поперечными бревнами на отдельные отсеки 4×4 м²⁵.

²⁵ Дубовые оборонительные клетки в насыпи вала известны во многих древнерусских городах XII—XIII вв. Открыты они на Райковецком городище (Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев, 1950, с. 22), в Мстиславле (Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. — МИА, 1961, № 105, с. 106), Дмитрове (Милонов Н. П. Дмитровское городище. — СА, 1937, IV, с. 152), Вышгороде (Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. — МИА, 1956, № 52, с. 121), Колодыжине (Юра Р. А. Исследование Колодыжинского городища. — КСИА, Киев, 1955, вып. 4) и Городске (Гончаров В. К. Раскопки древнего Городска. — Археологічні пам'ятки УРСР, Київ, т. III, 1952, с. 186). По мнению П. А. Раппопорта, сложные срубные конструкции внутри валов сооружались только на поселениях, имевших

На самом гребне вала открыты остатки еще одного сгоревшего бревенчатого сооружения — башни, возвышавшейся над валом и обвалившейся в восточном направлении, т. е. по внешнему склону вала. При расчистке были хорошо видны чаши-вырубки на углах венцов бревенчатых стен. В одном из бревен продольной стены зафиксированы две чаши с интервалом 0,5 м друг от друга, причем в обеих чашах обнаружены торцы — обломки бревен поперечных стен (длина поперечных стен здесь около 4 м).

Вполне возможно, что под защитой этой башни находился въезд в окольный город, проходивший по дну оврага и рва. Такое прикрытие въезда башней известно, например, по раскопкам В. В. Седова в Воишине²⁶.

Если взглянуть на планировку крепости в целом, то можно заметить, что сооружение башен приходится на места соединения укреплений окольного города со стенами детинца. В этом и состоит оригинальность древнего военно-инженерного и композиционного замысла, выявленного на данном памятнике.

Одна из открытых башен, юго-западная, несомненно, была наблюдательной — вежей²⁷. Местоположение ее очень удобно, с нее хорошо просматривается вся долина реки Навли.

Неподалеку от этой башни открыта еще одна небольшая постройка (51 на рис. 57), около которой найдены обломки колокола. Вероятно, посредством последнего население города оповещалось об опасности.

Пока не исследованы валы и стены детинца, обращенные к окольному городу. Поэтому говорить о том, были ли здесь башни и где находились ворота, связывавшие детинец с укрепленным посадом, не приходится. Однако уже и сейчас можно видеть, что раскопки Слободкинского городища внесли кое-что новое в представления о плановой структуре древнерусских укреплений домонгольской поры²⁸.

Валы и рвы окольного города имели меньшую высоту и глубину (правда, они сильно оплыли). Это обстоятельство, а также отсутствие прочных вдуваемых конструкций говорит о вспомогательной роли этих укреплений в обороне крепости. Возможно, что укрепления окольного города вымощались в виде частокола или бревенчатой стены — «оплота». В этом случае

большое военное значение (*Раппопорт П. А.* Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. — МИА, 1956, № 52, с. 121).

²⁶ *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XIV вв.), с. 60.

²⁷ Рыбаков Б. А. отметил генетическое родство понятия «вежа» — «башня» с понятием «вежды» (вежи) — глаза и ведать — знать (*Рыбаков Б. А.* Искусство древних славян. — В кн.: История русского искусства. М., 1953, т. I, с. 8).

²⁸ *Борисевич Г. В., Никольская Т. Н.* Один из памятников древнерусского градостроительства. — КСИИ, 1978, вып. 155, с. 49.

В очерках по истории военного зодчества П. А. Раппопорт неоднократно говорит о том, что «изучение памятников военного зодчества Южной Руси X—XIII вв. (то же и северной — авторы) показало, что башни в этот период не играли существенной роли в организации обороны и, за исключением воротных и наблюдательных башен почти совершенно не применялись» (*Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества, с. 144).

Теперь, исходя из материалов раскопок Слободки, этот вывод в отношении памятников XII—XIII вв., по-видимому, следует пересмотреть.

подытна роль башен: они позволяли вести бой по обе стороны ошота, вдоль стены окольного города.

Серенск. Система оборонительных сооружений в древнерусском городе Серенске была так же внушительна.

Высокая земляная насыпь, в настоящее время сохранившаяся только в южной части городища, в древности, очевидно, шла по всему периметру площадки детинца. В основании вала древнерусского города лежала насыпь вала древнего (балтского) поселка. Каркас вала составляла деревянная стена, сложенная из массивных дубовых бревен, местами сохранившаяся на 8—10 венцов и выходившая, очевидно, на гребень древнего вала. Остатки этих деревянных конструкций обнаружены в разных частях площадки детинца. Небольшая высота древнего вала (менее 2 м) компенсировалась высокой бревенчатой стеной, сооруженной на его поверхности.

В XII—XIII вв. насыпь древнего вала была увеличена в высоту и ширину более, чем вдвое, судя по раскопкам в южной части детинца. В насыпи вала, сооруженной из глины, смешанной с остатками сгоревшего дерева, древесным глянem и культурным слоем, обнаружены деревянные конструкции, состоявшие, очевидно, из небольших срубов (размером 2,8×2,8 и высотой 0,4 м), поставленных вдоль внутреннего склона вала и соединявшихся между собой бревенчатыми или плетеными конструкциями.

Кроме того, обнаружено несколько рядов столбовых ям, соединенных плетнем (расстояние между рядами 1,2—1,4 м), свидетельствующих о долговременном существовании этих заграждений и последующих их подправках. Несомненно, что часть столбов выходила на поверхность насыпи (следы их зафиксированы в глиняном покрытии вала) и играла роль в наземных конструкциях.

Южнее этих столбовых конструкций расположен комплекс сооружений, которые можно считать остатками башни. К ним относятся две неглубокие ямы (размером 1,4×1,2 м и глубиной 0,2—0,4 м), расположенные в глиняном покрытии вала на расстоянии 2 м друг от друга. Заполнены ямы культурным слоем с фрагментами гончарной керамики. Ямы соединены в северной части узкой канавкой, на дне которой находились небольшие ямки от столбов. К югу от этих ям обнаружен угол сооружения, ориентированного параллельно валу. Отчетливо выявились две столбовые ямы на расстоянии 2 м. Это сооружение прорезает глиняное покрытие вала и выходит на его гребень (общая глубина от поверхности горизонта 1,8 м, длина по южной стенке раскопа 3,6 м, ширина по линии северо-запад—юго-восток 3 м). На дне постройки обнаружен развал толстых обгоревших дубовых бревен. По-видимому, это остатки башни.

В юго-западной части детинца, почти у самых «ворот» открыты остатки еще одной башни несколько иной конструкции. Башня, имевшая в поперечнике 4 м, поставлена на кирпичном фундаменте. В нижнем горизонте заполнения котлована сооружения найдено около 10 железных арбалетных, черешковых и втульчатых наконечников стрел (болтов самострельных), по-видимому, специально заготовленных. На основании этих находок и данных стратиграфии можно предположить, что башня построена во второй половине XIII—начале XIV вв.

ЖИЛИЩА И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

Для изучения и реконструкции жилищ и хозяйственных построек в городских поселениях Земли вятичей накоплен значительный материал.

Начало изучению жилищ положено раскопками А. В. Арциховского на Тешиловском городище в 1925 г., когда были вскрыты остатки наземных срубных жилищ, в расположении которых автор усматривает уличную планировку города ²⁹.

В 1926 г. начались раскопки В. А. Городцова в Старой Рязани, в результате которых открыто множество жилищ типа полуземлянок с глинобитными печами. Исследование и реконструкция их сделаны позднее А. А. Мансуровым ³⁰.

Проводившиеся в 30-е годы Н. П. Милоновым и А. А. Мансуровым раскопки в Пронске и Коломне также доставили материалы о жилищах и мастерских ремесленников ³¹.

В послевоенные годы Рязанской экспедицией Института археологии АН СССР продолжены раскопки в Старой Рязани. Одновременно велись исследования на многих памятниках Рязанской Земли, давшие новые материалы по истории домостроительства ³².

Древнерусские жилища в бассейне Оки и Москвы в разные годы изучались на городище Спас-Городок (П. Н. Третьяков и автор) ³³, в Звенигороде (Б. А. Рыбаков, А. А. Юшко) ³⁴ и экспедициями Музея истории и реконструкции Москвы (М. Г. Рабинович, Г. П. Латышева) ³⁵, Государственного исторического музея (М. В. Фехнер, В. А. Мальм, А. В. Успенская) ³⁶, музеев Московского Кремля (Н. С. Шелягина) ³⁷.

С 1959 г. изучение жилых и хозяйственных построек в Земле вятичей ведется Верхнеокской экспедицией под руководством автора. Одним из прекрасных памятников древнерусского градостроительства является

²⁹ Арциховский А. В. Отчет о раскопках 1925 г. — Архив ЛОИА, ф. 2, 1925, д. 199, л. 28.

³⁰ Мансуров А. А. Древнерусские жилища (по материалам археологических раскопок в Старой Рязани). — ИЗ, 1941, № 12.

³¹ Милонов Н. П. Славянские жилища, по данным археологических раскопок Пронского городища. Рязань, 1934; *Он же*. Историко-археологический очерк г. Коломны. — В кн.: Историко-археологический сборник Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы. М., 1948, с. 82; *Он же*. Отчет о раскопках в Коломне. — Архив ЛОИА, ф. 2, 1937, д. 219, л. 24.

³² Монгайт А. Л. Старая Рязань. — МИА, 1955, № 49; *Он же*. Рязанская земля. М., 1961; Даркевич В. П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966—1969 гг.). — Археология Рязанской земли. М., 1974.

³³ Третьяков П. Н. Калужская экспедиция. — СА, 1937, IV, с. 239; *Он же*. Отчет о раскопках 1936 г. — Архив ЛОИА, ф. 2, 1936, д. 277, л. 9.

³⁴ Рыбаков Б. А. Раскопки в Звенигороде (1943—1945 гг.). — МИА, 1949, № 2, с. 132;

³⁵ Юшко А. А. Раскопки в Звенигороде Московском. — АО 1975 г. М., 1976, с. 101.

³⁶ Рабинович М. Г. Крепость и город Тушков. — СА, 1959, XXIX—XXX, с. 268; *Он же*. Древний ландшафт и жилище. — СЭ, 1969, № 2, с. 19; *Он же*. О древней Москве. М., 1964, с. 194—241; Культурный слой центральных районов Москвы, с. 11—87.

³⁷ Мальм В. А., Фехнер М. В. Археологические исследования древнего Пронска и городища на горе Гневно. — Археология Рязанской земли, с. 193.

³⁷ Шелягина Н. С. Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963—1965 гг. — В кн.: Древности Московского Кремля. М., 1971, с. 131—141.

упомянувшееся выше Большое Слободкинское городище. В связи с тем, что поселение погибло во второй четверти XIII в. (1238 г.?) от сильного пожара, и жизнь в нем больше не возобновлялась, до нас дошли остатки обгоревших построек, развалы глинобитных печей, подпольные и хозяйственные ямы, производственные комплексы. Всего в детинце Слободки открыто более 60 построек разного типа, не считая срубов городской и башен, входивших в систему фортификации. Реконструкция жилых и хозяйственных сооружений Слободки сделана автором совместно с архитектором Г. В. Борисевичем.

Много жилищ и разнообразных хозяйственных сооружений открыто при раскопках Серепского детинца, хотя раскопанная площадь в нем сравнительно невелика (более 1000 кв. м).

Все жилые, хозяйственные и производственные строения, открытые на поселениях Земли вятичей, подразделяются на несколько типов.

Жилища. Тип 1. Наземные постройки: а) жилые стены или клетки; б) срубные (одно-двух-трехкамерные постройки); *подтип 1* — без подполий; *подтип 2* — с подпольной ямой; *подтип 3* — наземные срубные с углубленным полом.

Тип 2. Жилища, углубленные в землю: а) полуземлянки и землянки со столбовой конструкцией стен; б) землянки и полуземлянки со срубной конструкцией стен.

Печи: а) глинобитные с подом на уровне пола; б) глинобитные прямоугольные на срубном опечке; в) на столбовом опечке; г) каменно-глинобитные печи.

Хозяйственные постройки. Тип 1. Наземные: а) амбары, сарай, загон для скота — срубные; б) постройки столбовые.

Тип 2. Углубленные в землю: а) подпольные и подпечные ямы; б) погреба; в) ямы для хранения зерна и овощей.

Производственные постройки: а) кузницы; б) домницы; в) керамические мастерские с гончарным горном.

Жилые «стены» или клетки. Остатки данного типа жилищ были выявлены при раскопках Большого Слободкинского городища. Это была вторая линия клеток, сооруженных параллельно насыпи вала, по видимому, одновременно с постройкой внутривальных конструкций.

На раннем этапе строительства планировка детинца Слободки напоминала планировку некоторых городов-крепостей, построенных в X—XI вв. на границе леса и степи для защиты русских земель от кочевников³⁸. Наиболее хорошо устройство подобных городков изучено при раскопках Райковецкого городища, строительство которого относится к XI—XII вв. Городок, очевидно, был разрушен и сожжен войсками Батыя в 1241 г.

Постройки раннего периода в детинце Слободки сохранились плохо. Остатки сгоревших срубов обнаружены главным образом в юго-восточной части. Расстояние между стенками, т. е. ширина клеток составляла 4,2 м;

³⁸ Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев, 1950, с. 19; *Он же*. Древний Колодыжн. — КСИИМК, 1951, вып. XI; *Он же*. Раскопки древнего Городска. — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1952, с. 186; Юра Р. А. Исследование Колодыжнинского городища. — КСИА АН УССР, 1955, вып. 4, с. 14.

в некоторых местах можно было уловить части сгоревших бревен стенок, деливших линию клетей на отдельные неравные отсеки шириной 3,2 и 2,2 м. Остатки глинобитной печи в виде скопления красной обожженной глины находились в меньшем помещении. Вероятно, жилые клетки Слободки, так же, как и Райковецкого городища, состояли из двух частей: холодной клетки и истопки — теплой избы с печью, которая была обычно меньших размеров³⁹. Как известно, подобное деление на холодную и теплую избу сохранилось и в современном крестьянском жилище, однако, теперь меньшую площадь часто имеет холодная клеть, которая иногда даже строится из более легкого материала⁴⁰. В пределах клетей встречаются куски глиняной обмазки со следами примазки к бревнам, — пазы между бревнами обмазывались глиной для утепления. Внутри помещения, по-видимому, стены сплошь обмазывались глиной и белились — на кусках глины кое-где сохранились следы побелки⁴¹. Пол жилых клетей был деревянным. В некоторых местах сохранились остатки довольно толстых обгоревших досок, которые прикреплялись к переводинам пола с помощью костыльковых железных гвоздей: семь таких гвоздей с загнутыми остриями были обнаружены вдоль одного из бревен. Остатки сгоревших построек были покрыты слоем красного обожженного песка (толщина слоя 0,22 м). Песок, очевидно, использовался для тушения пожара.

Своего рода жилые стены открыты и при раскопках Старой Рязани, где они также относятся к раннему периоду строительства города — XI—XII вв. (см. выше).

Наземные срубные постройки. Наиболее простым и распространенным типом наземных построек была однокамерная срубная изба. Множество таких жилищ открыто в детинце Слободкинского городища. Большая часть их погбала во время пожара, однако, в нескольких случаях удалось уловить некоторые конструктивные детали домов. Наиболее четко эти детали проступают в срубах 2, 3, 5, 6, 7 и 18⁴². Они были построены из сосновых или дубовых бревен, толщиной 0,2—0,25 м, рубленных на углах в обло. Особенно хорошо сохранилась конструктивная основа в срубе 18 (рис. 57). До нас дошел нижний венец сруба восточной, южной и западной стен. Сруб покоился на столбах-стульях, расставленных под нижним венцом сруба с определенным шагом (0,75 м). Внутри сруба сохранились остатки трех столбов под переводинами пола, на которых укладывались доски пола. У северо-восточной стены сруба видны следы крыльца. Слева от входа,

³⁹ Гончаров В. К. Райковецкое городище. . . , с. 32. В жилищах окольного города Новогрудка, относящихся к середине XIII в., теплая «изба» с печью была также меньших размеров, чем холодная (Гуревич Ф. Д. Раскопки в Новогрудке (1960—1961 гг.). — КСИИ, 1963, вып. 96, с. 52).

⁴⁰ Мачинский В. Д. Крестьянские сельскохозяйственные постройки «Новая деревня». М., 1924, с. 128.

⁴¹ Е. Э. Бломквист и О. А. Ганцкая отмечают, что побелка обмазанных глиной стен жилища характерна для Болховского и Дмитровского уездов б. Орловской губ. По-видимому, эта строительная техника в Орловщине имеет глубокие корни (Бломквист Е. Э., Ганцкая О. А. Типы русского крестьянского жилища середины XIX—начала XX в. — Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967, с. 131).

⁴² Борисевич Г. В., Никольская Т. Н. Один из памятников древнерусского градостроительства. — КСИИ, 1979, вып. 155, с. 20, рис. 1.

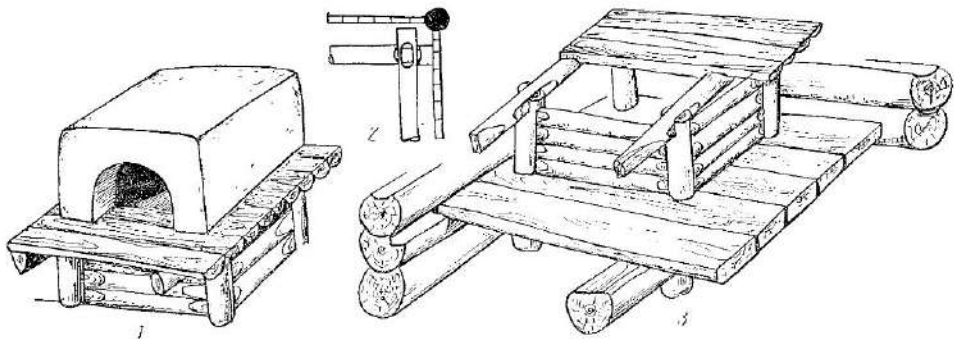

Рис. 66. Городище Слободка. Реконструкция печи (Г. В. Борисевич) (1—3)

в переднем углу дома стояла печь, от которой сохранился развал обожженной глины и столб. На этом столбе покоились два бруса, пересекающиеся под прямым углом и врубленные в стены. На брусках плотно укладывались плахи, потом все это обмазывалось глиной для создания огнеупорной конструкции пода и самой печи (рис. 66). Сруб 18 имел размеры 4,3 × 3,5 м.

Воссоздавая реконструкцию детинца Слободки, и изучая открытые в нем постройки, Г. В. Борисевич пришел к выводу, что в городе при планировке зданий строители пользовались главным образом двумя мерами: малой (142,3 см) и мерной (176 см) саженьями. Становится понятны размеры срубов 5 и 18, так как длина их стен кратна трем малым саженьям (4,296 м), а ширина составляет две мерные сажени (3,52 м).

В северо-восточной части детинца, на склоне насыпи вала открыты довольно хорошо сохранившиеся остатки двух построек, лежащих в разных горизонтах. Постройка нижнего горизонта (рис. 67, 2) была столбовой, верхнего — срубной (64а). После того как более раннее сооружение сгорело, спустя некоторое время на том же самом месте была построена изба, которая как бы вписалась внутрь предыдущего сооружения. Эта бревенчатая, срубная постройка, также сгорела, и развал ее горелых бревен обнаружен внутри котлована столбовой постройки, вследствие чего, они, как правило, лежали параллельно ее стенам. Первоначально можно было даже подумать, что бревна сруба и вертикально стоявшие доски и столбы — принадлежали одной постройке⁴³ (рис. 68, 1, 2). Покрытие пола было, очевидно, дощатым: от него сохранился бурый слой древесного тлена и угольки. Бревно южной стенки сохранилось фрагментарно, так как недостаточно хорошо обуглилось и потому исдело (общая длина бревна 5 м). Бревна постройки лежат не горизонтально: южный конец восточного бревна зафиксирован на глубине 1,67 м, а северный — на глубине 2,13 м. Это объясняется, очевидно, расположением постройки на склоне вала: по мере того, как насыпь вала

⁴³ Подобная картина наблюдалась А. Л. Монгайтом при раскопках Переяславля Рязанского. Автор отмечает, что несколько венцов более поздней постройки оказались внутри более древнего сруба, «и на первый взгляд казалось, что это сруб с двойными стенами» (Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 172).

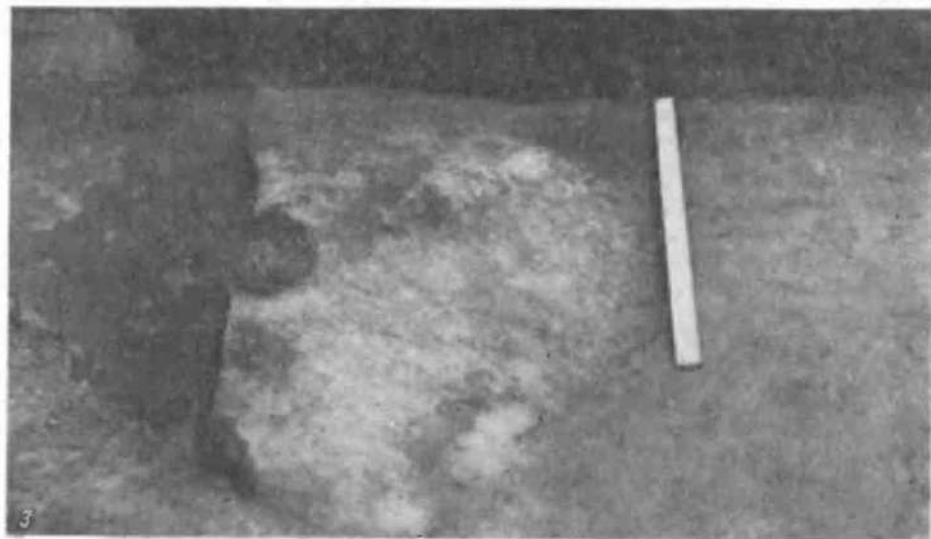

Рис. 67. Городище Слободка

1 — кольца с крюками для подвешивания котла в очаге; 2 — остатки обгоревшей стены в доме 64;
3 — обмазка пода печи в доме 64а

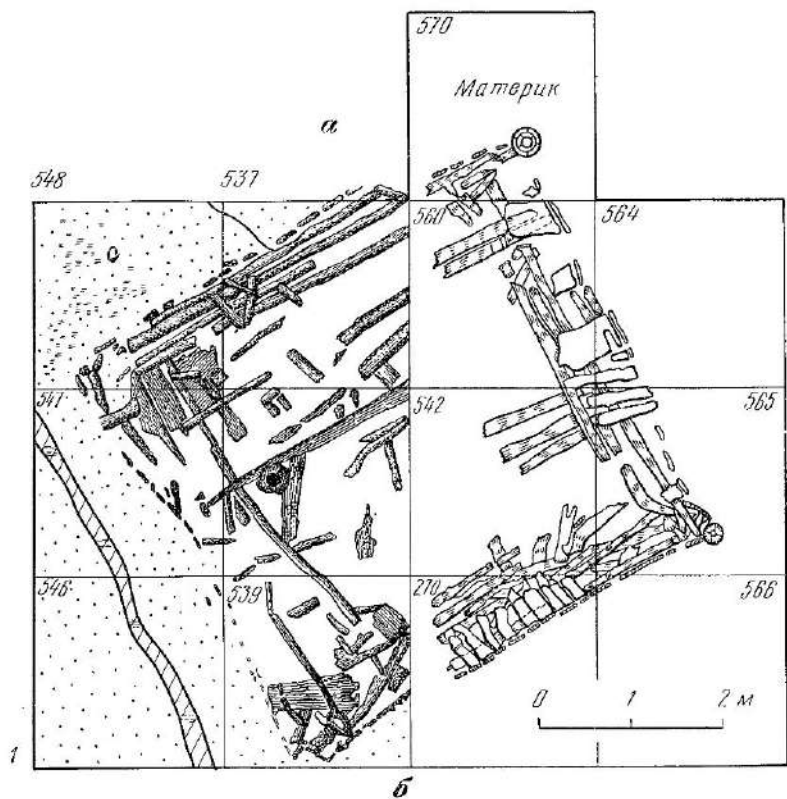

Рис. 68. Слободка, дом 64
1 — план; 2 — разрез

сползала, постройка смещалась. Нижний горизонт постройки ограничен полосами древесного тлена шириной 0,1—0,17 м, лежащими непосредственно под бревнами венца сруба. В северо-западном углу сруба под наплывом красной обожженной глины обнаружен прекрасно сохранившийся под печи (рис. 67, 3).

Срубные постройки, иногда также поставленные на массивные бревенчатые стулья, пространство между которыми закладывалось камнями, открыты и в детинце Серенска.

В западной части детинца, в верхнем горизонте второго (домонгольского) культурного слоя обнаружены остатки наземной, прямоугольной в плане постройки (12), от которой сохранились остатки сторевших досок пола, нижнего венца сруба и развал печи. Полностью размеры жилища выявить не удалось (длина 5,5 м, ширина более 4 м). Остатки печи, состоявшие из развала красной обожженной глины, угля и камней, обнаружены в южной части жилища. Площадка, занятая этим развалом, вытянута с северо-запада на юго-восток (2×1,4 м; толщина слоя до 0,3 м). От свода печи, очевидно, остались развалы камней, лежавшие в беспорядке южнее и севернее печи. Среди этого развала найдена железная крица. Вещевые находки позволяют датировать жилище второй половиной XII и первой половиной XIII в.

Западнее обнаружена довольно большая яма, слегка овальная в плане, вытянутая с севера на юг (длина осей 1,8 и 1,4 м), углубленная в материк более, чем на 1 м. В разрезе форма ямы была усеченно-конической. В заполнении ее найдено много предметов вооружения и быта XII—XIII вв.: бронзовое навершие меча, железные пластинки от панциря, медорезка, железные ножи, замки, пробои, маленькое шиферное прыслице, обломки гончарных сосудов и т. д. Очевидно, это — остатки кладовой, принадлежавшей владельцу жилища 12.

К этому же горизонту культурного слоя относятся остатки наземной срубной постройки (5), открытой в южной части Серенского детинца (размерами 4,5×4 м), ориентированной юго-запад—северо-восток (параллельно изгибу вала). Постройка поставлена на столбы-стулья, остатки глинобитной печи расположены в северо-западном углу жилища. Следы дощатого пола обнаружены в виде угольно-зольной прослойки. Найдены вещи, датирующие жилище XII—первой половиной XIII в.

Здесь же, в южной части детинца открыты остатки наземной квадратной в плане постройки размерами 4×4 м (1), расположенной по оси юго-запад—север-северо-восток, также параллельно валу. В северном ее углу — остатки каменно-глинобитной печи. Постройка сооружена на стульях, от ее дощатого пола осталась «горелая» прослойка черного цвета. Судя по находкам, жилище, очевидно, принадлежало ремесленнику-ювелиру и функционировало в то же время, что и предыдущие.

На городище у д. Гать при раскопках Н. П. Милонова в 1938 г. открыты остатки наземного строения, квадратного в плане (длина стены 3,35 м), поставленного на каменный фундамент и ориентированного по странам света. Стены фундамента толщиной 1 м состояли из известняковых плиток, промазанных глиняным раствором. Вход в жилище был с юга, ширина проема 0,75 м. В северо-западном углу жилища от входа

слева обнаружены остатки печи-каменки размерами $2 \times 1,25$ м с глинобитным сводом. Устье печи обращено в сторону входа в жилище. К печи примыкала яма ($1 \times 0,75$ м, глубина 1 м), заполненная углем и золой. По словам исследователя, жилище было трехкамерным, так как к нему примыкали еще два помещения: одно из них являлось сенями (размером $3,35 \times 2,15$ м), а другое металлургической мастерской (в юго-западном углу последней был развал печи и обнаружены крицы, железный шлак, медный витой браслет⁴⁴. Жилище относится к XII—XIII вв.

Наземные бревенчатые жилища открыты и в бассейне Средней Оки. Несколько жилищ исследовано Н. П. Милоновым при раскопках Пронского городища. Они почти квадратные в плане, имели длину степ от 3,5 до 5,5 м. Срубы, рубленные в обло, поставлены на деревянные, реже каменные столбы. Полы жилищ были глинобитными, крыши — соломенными⁴⁵.

Н. П. Милонов отмечает четкую планировку пронских жилищ: сени и вход были с южной стороны; налево от входа, в юго-западном углу жилища — глинобитная печь, обращенная устьем ко входу⁴⁶. Печи сложены на глиняном цоколе, укрепленном двумя столбами; две другие стороны цоколя примыкают к стенам постройки. В одном из жилищ печь сложена из кирпичей прямо на материковом песке. В жилищах имелись подпольные ямы, покрытые деревянными плахами. Найдено много кусочков слюды, которой, очевидно, были затянуты окна жилищ. В расположении построек автор раскопок усматривает уличную планировку города.

При раскопках в Пронске в 1969—1971 гг. экспедицией ГИМ также открыты остатки наземных жилищ с дощатым полом и остатками сторешей соломенной крыши. Доски пола (шириной около 20 см и толщиной 3 см), плотно пригнанные друг к другу, сбиты гвоздями. Так же, как и в раскопках Н. П. Милонова, вход в дом расположен посредине южной стены дома: здесь найден железный цилиндрический замок, он был протет через кольцо пробоя и закрыт⁴⁷. По находкам трех круглодонных амфор грушевидной формы, врытых в землю в центральной части дома, и другим бытовым предметам жилище датировано XII—XIII вв.⁴⁸

На городище у с. Жокино открыты остатки бревенчатой избы с глинобитной печью и предпечной ямой. Куски обмазки печи сохранили следы примазывания глины к дереву. Бревна сруба жилища были также обмазаны глиной, на которой сохранились следы побелки. Подпольная яма овальной формы ($2,95 \times 4$ м) имела глубину 1,2 м. Жилище датируется по вещам и керамике XII—XIII вв.

⁴⁴ Милонов Н. П. Отчет об археологических исследованиях, проведенных Орловским областным музеем на территории Орловского и Урицкого районов летом 1938 г. — Архив ЛОИА, ф. 35, № 78, 1938, л. 2—4.

⁴⁵ Милонов Н. П. Славянские жилища, по данным археологических раскопок. . . , с. 5.

⁴⁶ Милонов Н. П. Славянские жилища, по данным археологических раскопок. . . , с. 23—25.

⁴⁷ Мальм В. А., Фехнер М. В. Археологические исследования древнего Пронска и городища на горе Гневец. — В кн.: Археология Рязанской земли, с. 197.

⁴⁸ Мальм В. А., Фехнер М. В. Археологические исследования древнего Пронска. . . , с. 197.

Рядом с жилищем открыты остатки постройки типа амбара с сушильной печью, сложенной на глиняном растворе из крупных камней и обломков разбитого жернова. На полу, около печи, найдены зерна ячменя и пшеницы⁴⁹.

Наземные жилища Старой Рязани многочисленны, однако, сохранность их плохая. Остатки одной частично сохранившейся постройки представляли сруб, рубленный в обло, с длиной стен 4,1 м, дощатым полом, положенным на лаги (ширина досок 20—24 см). Жилище углами ориентировано по странам света, развал глинобитной печи, поставленной на бревенчатом опечке, находился в южном углу, под печи лежал на уровне пола, устье печи направлено к западной стене дома (рис. 81, б).

Сохранились остатки рухнувшей крыши — слой глины (толщиной 5—15 см) со следами действия огня. В глине проступали полосы, заполненные угольками и древесной трухой — следы бревен, прикрытых глиной. Авторы раскопок считают, что бревна и глина — это строила крыши и слой глиняной обмазки кровли. На материке на площади жилища обнаружен ряд столбовых ям, связанных с внутренним убранством дома — латки, стол. По вещам постройка датируется первой половиной XII в.⁵⁰

Во многих жилищах открыты подпольные ямы (одна, две) длиной около 2 м и глубиной 60—70 см. Иногда ямы подполья очень обширны (4,3×2,9; 3,7×3; 3,4×2,6 м) и имели глубину до 2 м. Стены и дно подпольных ям обмазывались глиной, а иногда обшивались досками. В подполья часто сваливались глинобитные печи, обычно стоявшие над ними, и дощатые настилы полов. В некоторых жилищах было определено место входа; печь в таких постройках располагалась в противоположном от входа углу⁵¹. Реконструкция старорязанских наземных жилищ сделана в свое время В. А. Городцовым⁵².

Подобные же наземные бревенчатые постройки с глинобитными печами и подпольными ямами открыты на Ижеславльском городище в слое XII—XIII вв.

Иногда печь сооружалась на краю подпечной ямы и опиралась на два столба, поставленных в яме (размеры печей 1,5×1 м, подпольные ямы от 1×1 м до 3×2,4 м, глубина до 1,7 м). Полы жилищ были глинобитные или дощатые⁵³.

На территории Коломенского Кремля открыто пять наземных бревенчатых домов, рубленных в обло, с дощатыми полами (размеры жилищ от 4,5×4,5 до 6×6 м). Печи небольшие, глинобитные (1,25×1,25) поставлены прямо на уровне пола, устьем ко входу. Жилища меньших размеров были, очевидно, одновременно и мастерскими, около больших расположены ямы для хранения зерна и погребов⁵⁴.

⁴⁹ Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 226—228, рис. 100.

⁵⁰ Раппопорт П. А., Шолохова Е. В. Новые материалы о жилищах Старой Рязани. — В кн.: Археология Рязанской земли. М., 1971, с. 72—75.

⁵¹ Монгайт А. Л. Старая Рязань, с. 40—49.

⁵² Там же, с. 41, рис. 12.

⁵³ Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 223.

⁵⁴ Милонов Н. П. Историко-археологический очерк г. Коломны. Научно-исследовательский институт краеведческой и музейной работы. — Историко-археологический сборник. М., 1948, с. 83.

Наряду с такими однокамерными жилищами, принадлежащими горожанам или ремесленникам, существовали целые жилые комплексы, в социальном отношении несколько отличные от них: они имели большие размеры и выделялись по характеру найденных в них предметов быта, украшений и вооружения. Правда, конструктивно эти богатые жилища также сооружались из двух-трех бревенчатых срубов, пристроенных один к другому, иногда поставленных на ступья⁵⁵.

Так, северо-западную часть детинца Слободки занимала усадьба феодала, ограниченная частоколом. Основу усадьбы (в западной ее части) составлял целый ряд срубных построек, выделявшихся составом инвентаря и несомненно принадлежавших привилегированной группе населения. Здесь найден клад серебряных украшений (два колта с чернью, два браслета и шейная гривна) (рис. 60, 1—2, 3—5), иконка с надписью (рис. 59, 2), бронзовая лампада (рис. 59, 8), писала, книжные застежки, стеклянные браслеты, перекрестье сабли, обломки амфор, ромбический наконечник стрелы. Наиболее значительные постройки (5 и 10) составляли единое целое — хоромы боярина или княжеского наместника. Усадьба относится к первой половине XIII в. Восточную часть усадьбы занимали хозяйственные и производственные сооружения (погреб, кузница, гончарная мастерская), восточнее и южнее — открыты полужемлянки ремесленников или челяди, обслуживающих владельцев хором (рис. 57, А, Г; рис. 69)⁵⁶.

Подобные же сооружения, но худшей сохранности, открыты в юго-восточной части Серенского детинца. Остатки большой постройки размером 11,2×6,7 м и погибшей во время пожара, предстали в виде слоя сгоревших бревен, досок, углей, кусков красной обожженной глины (развал печи), а также глубоких ям от столбов-студьев, пространство между которыми было заложено некрупными камнями.

На территории предполагаемой постройки четко выделяется группа находок, характеризующая ремесленное производство. Несомненно, на ювелирную мастерскую указывают находки наковальши и каменные литейные формы. Найдено множество готовых ювелирных изделий — рещетчатые перстни, вложенные один в другой (рис. 99, 21, 22), бронзовые и серебряные витые и пластинчатые браслеты, семилопастные височные кольца. Огромное количество браслетов являлось, вероятно, готовой продукцией, хранившейся в мастерской. Однако данная постройка не являлась, по-видимому, обычной мастерской рядового ремесленника. Скорее, это был дом феодала, в котором жили и работали несвободные мастера⁵⁷.

⁵⁵ И. А. Забелин считал, что в основе конструкции даже княжеских хором была также клеть и изба-истопка (зимняя клеть с печью). «Хоромины-избы, клетки ставились по две, по три в одной связи, но всегда отдельными группами, отчего вся совокупность построек называлась хоромами» (Забелин И. А. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1895, ч. 1, с. 2123; *Оп же*. Черты самобытности в русском зодчестве. Древняя и новая Россия, 1878, т. 1, с. 194).

⁵⁶ Борисевич Г. В., Никольская Т. П. Одыя яз памятников древнерусского градостроительства, с. 20, рис. 1.

⁵⁷ Никольская Т. П. Древнерусский Серенск — город вятских ремесленников. — КСИА, 1974, вып. 125, с. 75, 76.

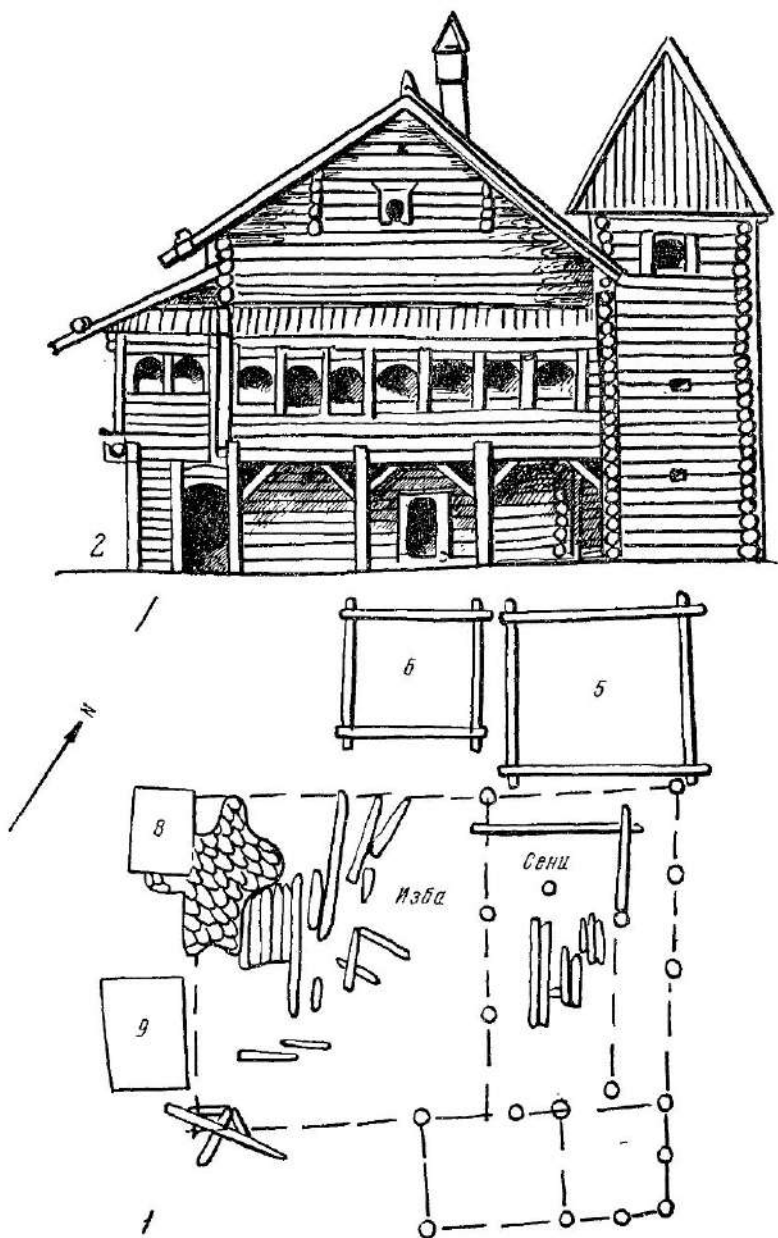

Рис. 69. Слободка. Дом боярища
 1 — план; 2 — реконструкция

Вероятно, рядом с жилищем и мастерской помещался амбар. Культурный слой здесь содержал огромное количество горелого зерна ржи и проса; найдены и обломки жерновов.

Остатки боярской усадьбы первой трети XIII в. с богатыми хоромами исследованы при раскопках прибрежной части Южного городища Старой Рязани. Расположенная на высоком берегу р. Оки постройка, прямоугольная в плане, занимала площадь около 100 кв. м (12×7,8 м). Сруб почти полностью сгорел. На уровне пола найдены куски глиняной обмазки с отпечатками дерева: бревна по пазам и трещинам были обмазаны глиной. На полу жилища, покрытом желтой глиной, и в горелом слое собрано много кованых гвоздей, которыми крепились некоторые деревянные части дома. От внутренней перегородки осталось ничего не сохранилось, но по аналогии с большими домами-пятистенками Новгорода, Пскова и Новогрудка, исследователь памятника полагает, что она несомненно существовала. Об этом же свидетельствует и местоположение печи, ставившейся обычно в одном из углов теплой половины дома. Другая часть постройки была неотапливаемой и являлась, очевидно, сенями⁵⁸.

Печь — почти квадратная в плане (размером 2,1×2,3 м) сохранилась в высоту и ширину от одного до четырех рядов кирпичей и находилась в переднем углу, слева от двери, ведущей в холодную часть постройки⁵⁹.

В северо-западном углу холодного помещения открыта подпольная яма (размер 2×1,6 м, глубина 0,8 м), служившая для хранения зерна. Стенки ее обмазаны глиной. В северо-восточном углу расположено прямоугольное помещение (2,5×2 м) столбовой конструкции с очагом «чулан», в котором найдено два десятка замков и ключей, гвозди и свитки бересты⁶⁰. Восточнее этого чуланчика, вблизи от дома находились маленькие срубные клетки с деревянными полами, имевшие хозяйственное назначение. С юга к дому примыкала также срубная постройка (3×2 м), возможно, служившая хлевом⁶¹. Реконструируя рязанскую усадьбу, В. П. Даркевич находит много общего с южновеликорусским типом застройки крестьянских дворов⁶².

Ко второму типу жилищ относятся постройки, углубленные в грунт. Большая часть таких сооружений имеет столбовую или каркасную кон-

⁵⁸ Согласно П. И. Засурцеву, сени богатых новгородских домов-пятистенков были неотапливаемым помещением, рубленным из бревен одновременно с жилищем и служившим своего рода тамбуром (*Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода.* — МИА, 1963, № 123, с. 52). По Ю. П. Спегальскому же сени отделенные от теплого жилища рубленой бревенчатой стеной, имели облегченную каркасно-стоечную конструкцию и имели оконные проемы (*Спегальский Ю. П. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. Л., 1972, с. 97, и сл.*).

⁵⁹ *Даркевич В. П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани. . .*, с. 21, 22, рис. 2—4. По конструкции и размерам, рязанская печь напоминает печи богатых жилищ окольного города Новогрудка (*Гуревич Ф. Д. О жилищах окольного города древнего Новогрудка.* — КСИА, 1962, вып. 87, с. 70, 73, рис. 24, 25; *Гуревич Ф. Д. Дом боярина XII в. в древнерусском Новогрудке.* — КСИА, 1964, вып. 99, с. 97, рис. 40).

⁶⁰ *Даркевич В. П. Раскопки на южном городище. . .*, с. 24, 25.

⁶¹ Там же, с. 26.

⁶² Там же, с. 27, рис. 7.

струкцию⁶³. Но как известно, встречаются жилища типа землянок, в котлован которых опущен сруб (Спас-Городок).

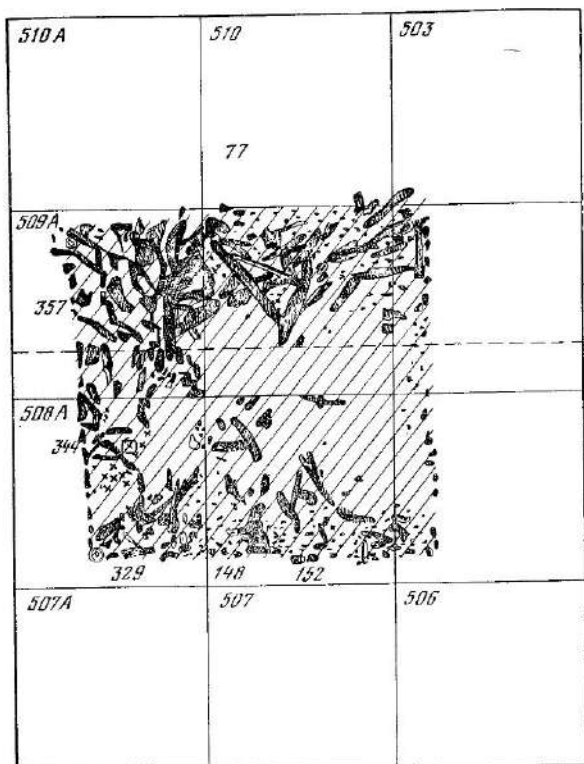
Рассмотрим сначала жилища столбовой конструкции. Они особенно многочисленны в Старой Рязани, открыты в детинце Серенска и Слободки. Среди такого типа построек значительный интерес представляет землянка плотника или столяра, открытая в детинце Слободки и расположенная южнее боярской усадьбы (39)⁶⁴ (рис. 70, 1, 2). Котлован землянки размером 4×4 м ориентирован строго по сторонам света. (Глубина землянки от поверхности современного горизонта 1,95 м, в материке — 1,1 м.) При исследовании постройки четко выявились ее конструктивные детали: отвесные стенки углубленной в грунт части были облицованы толстыми и довольно широкими (до 0,15—0,2 м) плахами, или досками, поставленными вертикально с интервалом 0,008 м. (Обугленные части досок сохранились на высоту 0,25—0,35 м от донной части землянки.) Кроме них, по углам и вдоль всех четырех стен землянки были врыты столбы (по пять у каждой стены) диаметром 0,15—0,2 м, сохранившиеся также на высоту от 0,25 до 0,5 м. Кровли землянки, очевидно, была четырехскатной. Вход в землянку обнаружен в северо-западном углу в виде трех широких обмазанных глиной ступеней. В противоположном, дальнем углу постройки расположена глинобитная печь (развал красной обожженной глины, скопление угля и золы). В землянке сохранились обгоревшие доски пола. (Ширина досок пола составляла от 0,15 до 0,3 м, длина сохранившихся частей от 0,3 до 0,8 м.) При расчистке удалось проследить последовательность наслоения завалившейся части жилища: сначала шел развал обгоревших бревен (рухнувшие перекрытия и части стен), затем толстый слой обгоревшей бересты и, наконец, сгоревший тес кровли, лежащий на слое красного, прокаленного от сильного пожара песка. Каково было назначение бересты, сказать трудно, возможно, она служила гидроизоляцией (рис. 71)⁶⁵.

Вся площадь постройки занята обломками сгоревших досок, а также слоем красной, обожженной от сильного пожара глины, которой, очевидно, были обмазаны стены надземной части землянки. Под этим завалом, у южной стенки землянки обнаружены железные инструменты:

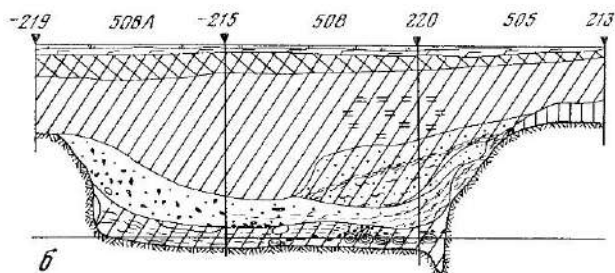
⁶³ Характер этой конструкции хорошо известен по этнографическим материалам. В опорных столбах, имевших высоту, соответствующую высоте помещения, делались вертикальные пазы, в которые входили своими затесанными концами жерди или бревна. Поверх столбов укладывался один венец, имеющий также пазы. Вниз вертикальные столбы входили своими шишами и вся конструкция приобретала, таким образом, необходимую прочность и жесткость (*Блажков Е. Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. — В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, с. 212).

⁶⁴ *Борисевич Г. В., Никольская Т. Н.* Один из памятников древнерусского градостроительства. . . , рис. 1.

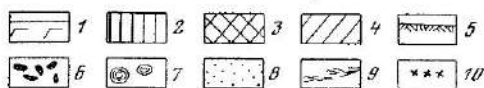
⁶⁵ Применение бересты в жилищах с такой целью известно еще в XVII в. в Переяславле Рязанском (*Монгайт А. Л.* Рязанская земля, с. 169). Однако этнографы отмечают, что покрытие крыши тесом, так называемой «долгой драбней» производилось по скале, т. е. поверх слоя бересты (*Ганцкая О. А.* Строительная техника русских крестьян. — Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967, с. 181). Исходя из этого, можно думать, что слой обгоревшей бересты в землянке является частью свалившегося перекрытия.

а

б

0 100

Рис. 70. Слободка, землянка плотника

а — план; б — профиль, 1 — почвенный слой; 2 — предматерик; 3 — перекоп; 4 — черный культурный слой; 5 — материк; 6 — угли; 7 — обожженное дерево; 8 — песок; 9 — древесный тиен; 10 — кальцинированные кости

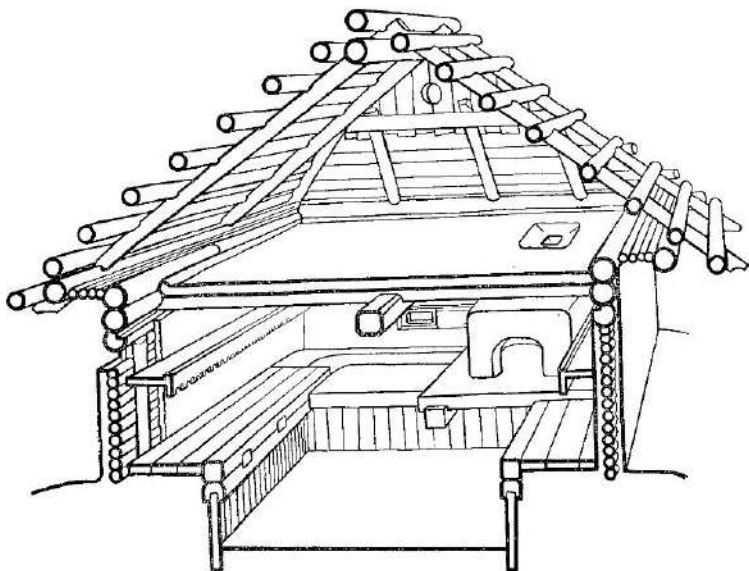

Рис. 71. Слободка. Реконструкция землянки (Г. В. Борисевич)

большое перовидное сверло, молоток-гвоздодер и черта (рис. 72)⁶⁶. Кроме этих вещей, на полу землянки были найдены и другие предметы быта, в том числе фрагменты гончарных сосудов с линейным и волнистым орнаментом (рис. 73, 4, 5, 8); на днищах некоторых сосудов обнаружены клейма (рис. 74, 1, 3; 5). Постройка несомненно являлась не только мастерской, но и жилищем.

Жилища, углубленные в грунт, существовавшие одновременно с наземными постройками, неоднократно исследовались при раскопках в Старой Рязани. Глубина котлованов в материке от 0,6 до 1,1 м, от современной поверхности — до 1,8 м. В некоторых землянках имелись подпольные и хозяйственные ямы, глубина которых была иногда значительной — до 2,2 м и даже до 3,2 м (жилище 30)⁶⁷. Площадь построек относительно невелика 9—12 кв. м (длина стен от 2,6 до 5,4 м). Стены жилищ обиты досками (толщина 8—12 см и ширина 15—30 см), закрепленными в пазах угловых столбов. В одной из полуземлянок (28, 1950 г.) сохранилась обшивка стены из досок, вбитых в материк вертикально впритык одна к другой. Обуглившиеся доски сохранились на высоту 45—50 см. Вдоль стены шли деревянные нары (высота 42 см, длина 2 м, ширина 52 см); обугленные доски их покрытия были шириной 12 см и толщиной 2,5 см.

Печи в жилищах глинобитные, расположены на уровне пола, на материковых останцах (высотой 50—70 см) или деревянных помостах, чаще

⁶⁶ Подобный же инструмент применялся в строительной технике еще в XIX в.; это стальная вилка с загнутыми концами, которой плотники отмечали линии пазов и угла (Ганцкая О. А. Строительная техника. . ., с. 169, 170, рис. 9В).

⁶⁷ Монгайт А. Л. Старая Рязань, с. 60, 64, рис. 37.

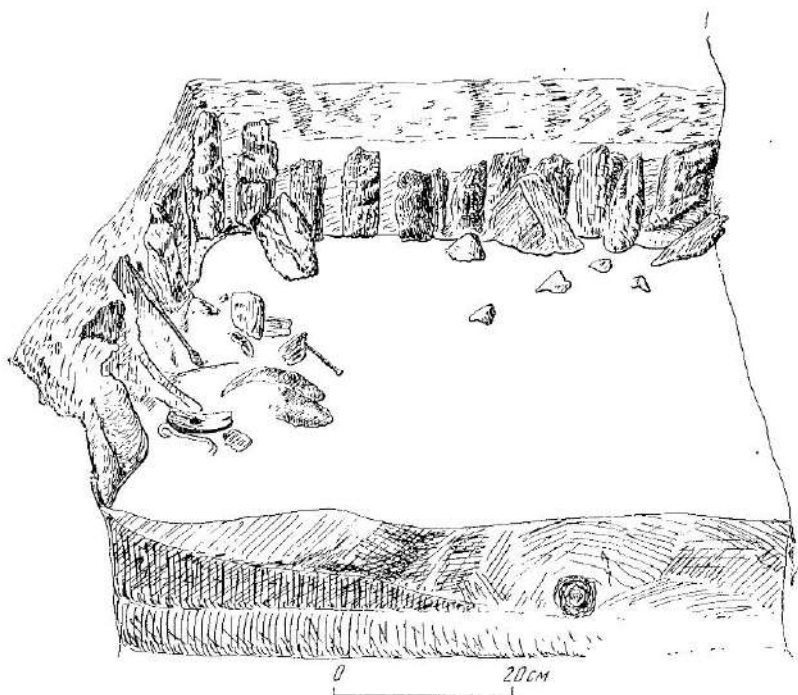

Рис. 72. Слободка. Набор инструментов в землянке плотника

в северо-западном углу, устьем к югу. Входы в жилища устраивались в юго-восточной части, по диагонали от печи. Полы в землянках были дощатыми, иногда, возможно, глинобитными. Землянки открыты как на северном, так и на южном городище.

Так, например, в жилище 4 (северное городище) прямоугольном в плане, печь, расположенная в западной части, сооружена на материковой площадке (1×1 м), возвышавшейся на 0,73 м от пола, покрытого горбылями и досками. В восточной части землянки вырублены ступени. Обшивка стен состояла из горбылей, впущенных в паз вертикально стоявшего бревна. В северной части жилища находились две хозяйственные ямы, отгороженные деревянным простепком. Относится оно к первой половине XII в.⁶⁸

Жилище 26 (Южное городище), прямоугольное в плане (размером 4,3×2,9 м) имело глубину 2 м. Однако остатки печи (в северо-западном углу) и пола были расположены на 1 м выше материка; жилище имело подполье глубиной около 1 м. В углах котлована жилища и у середины стен стояло восемь столбов, служивших для крепления обшивки стен и, возможно, поддерживавших кровлю. Вход в землянку был в юго-восточ-

⁶⁸ Монгайт А. Л. Старая Рязань, с. 50—54, рис. 27, 28, с. 55, рис. 29.

Рис. 73. Слободка

1—8 — гончарные сосуды; 4, 5, 8 — из землянки плотника

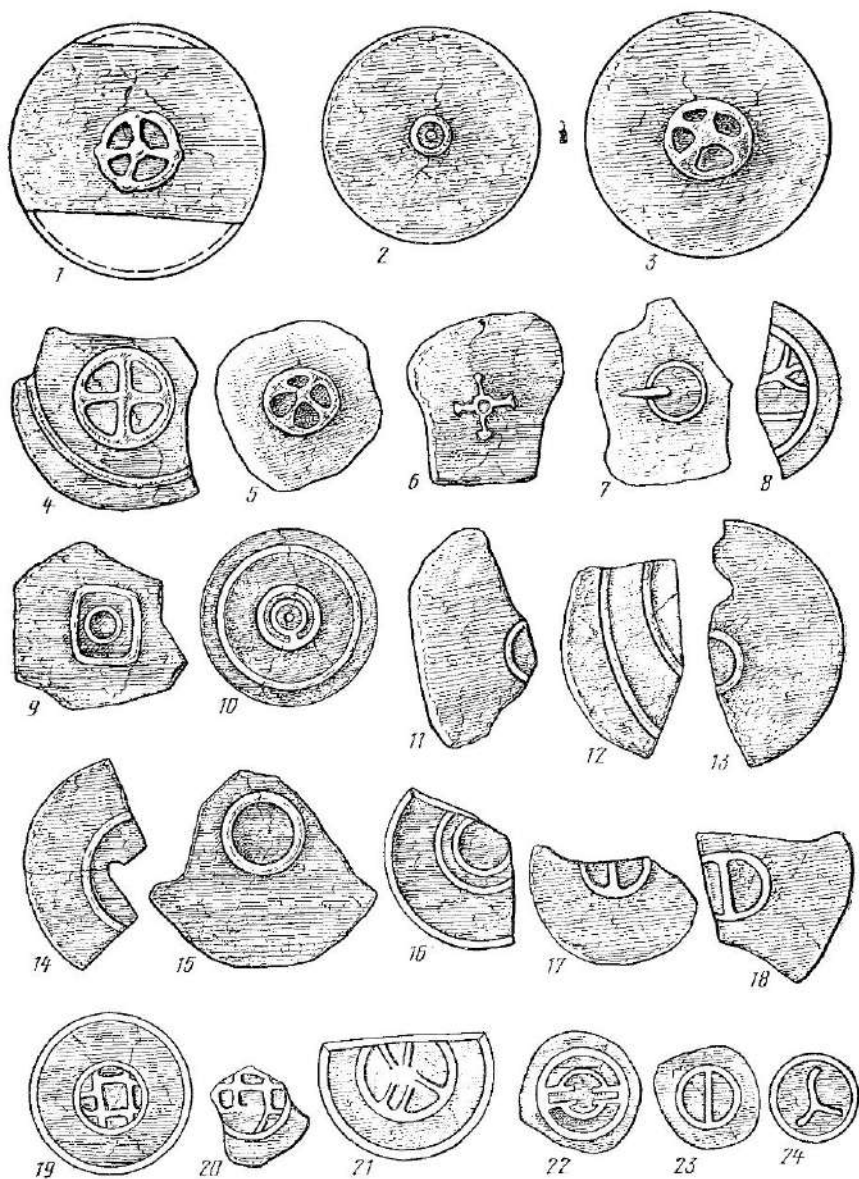

Рис. 74. Слободка

1—24 — клейма на донцах гончарных сосудов; 1, 3—5 — из землянки плотника

ной части. Вещи, найденные под полом жилища (стеклянные браслеты, светильник киевского типа, обломки рифленой амфоры), позволяют датировать его началом XIII в. Рядом с землянкой расположена овальная формы яма (3,1×2 м), связанная, очевидно, с обработкой черного металла: в ней найдено около 60 кусков железного шлака, крицы, сколпение золы и углей⁶⁹.

Интересно по своей конструкции жилище 30, в центральной части городища⁷⁰. Это прямоугольная в плане землянка (3,7×3 м) с угловыми столбами, державшими облицовку стен. Вдоль западной и восточной стен обнаружены обгоревшие сосновые лаги с лежащими на них обуглившимися досками пола, залежавшего на глубине 1,8 м. от современной поверхности. Пижэ пола открылся котлован подполья, углубленного также на 1,8 м. В северо-западном углу землянки, на материковом возвышении, на деревянных лагах сооружена печь (длина 1 м, высота 1,1 м, толщина стен 0,25 м). Каркас печи состоял из переплетенных прутьев, обмазанных глиной, свод печи был коробовым. Жилище, возможно, погибло во время нашествия Батия и датируется первой половиной XIII в.⁷¹ Рядом с землянкой расположены две зерновые ямы. Одна из них была обмазана глиной, другая — выложена плиточными кирпичами, поставленными на ребро⁷².

Рассмотренные землянки имели облицовку стен в виде деревянного каркаса. Но известные постройки, в котлован которых опущены срубы. Такие землянки открыты при раскопках П. Н. Третьякова на городище Спас-Городок (р. Ока). В котлован землянки (размер 3,3×3,1 м и глубина 1,5 м) был опущен сруб (3×3 м), рубленный в обло, из бревен толщиной 10—15 см. Пространство между стенками котлована и бревнами сруба было забито глиной. На полу жилища — камни и куски глиняной обмазки от разрушенной печи.

После того, как это жилище сгорело, на его месте сооружена новая постройка, менее глубокая (0,7 м), но больших размеров (3,6×3,4 м). Стены жилища были также бревенчатыми (размер сруба 3,55×3 м, толщина бревен 15—20 см). Три стены сруба поставлены вплотную к стенам котлована, четвертая — на некотором расстоянии, которое засыпано землей. Частично сохранившиеся доски пола настланы вдоль длинных стен. У середины короткой стены, противоположной входу, на глиняном основании (высотой 0,20—0,30 м, размером 1,3×1,1 м) сооружена камешко-глинобитная печь. В ее развале — куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев каркаса. Остатки обгоревших досок, найденных в заполнении жилища (на 20 см выше его пола), возможно, принадлежали рухнувшему перекрытию.

Углубленные в грунт постройки открыты и в домошгольском слое Серенска. Большая часть из них была хозяйственными сооружениями, но известны и жилища. Так, в юго-западной части детинца открыта полу-

⁶⁹ Там же, с. 57, рис. 32; с. 58.

⁷⁰ Раскоп 14, 1950 г.

⁷¹ *Монгайт А. Л.* Старая Рязань, с. 60, 62, рис. 36; с. 64, рис. 37.

⁷² Там же, с. 60.

землянка, вырытая в культурном слое (сооружение 13). Котлован ее имел размер $4 \times 3,4$ м и глубину в культурном слое 0,8 м. Пол жилища лежал на материке, почти в самом центре постройки расположена глинобитная печь — площадка красной прокаленной глины подпрямоугольных очертаний (размером 1×1 м) и развал обожженной глины, под которым оказалась глубокая подпечная яма. В юго-западном углу постройки обнаружено скопление шлаков цветных металлов. Постройка, очевидно, являлась одновременно и мастерской ремесленника-ювелира.

ПЕЧИ

Остатки глинобитных печей в жилищах XI—XIII вв. представлены обычно развалом красной обожженной глины, занимающим площадь от 4 до 8—9 кв. м. Иногда сохраняется под печи, причем можно видеть следы его неоднократной подправки — несколько слоев глиняной обмазки (Слободка, жилище 63, Старая Рязань, жилище 10⁷³, Серенск, мастерская стеклодела). Поды печей сооружались: 1) на уровне пола, на дощатом настиле, а иногда слое бересты (Слободка); 2) на срубном опечке (Слободка, Старая Рязань, Коломна, Пронск); 3) на дощатом опечке, покоившемся на столбах (рис. 66). Столбы незначительно возвышались над уровнем пола (0,2—0,3 м). Печи сооружались обычно над подпольными ямами, в которые иногда опускалось два столба, а два другие столба — на полу жилища. Поэтому в подпольных ямах часто находят завалы красной обожженной и сырой глины, уголь и золу: они попадали в них после того, как помост и столбы сгорели или подгнили. В пределах жилищ встречаются печи конической и цилиндрической формы, со следами примыкания к бревнам. Внутри таких печин сохранялись иногда кольца и прутья. Это следы каркаса, который обмазывался глиной при сооружении печи. Свод печи делался полукруглым (коробовым), снаружи по его краю шел закругленный валик⁷⁴.

Печи ставились слева или справа от входа, устьем к двери, так как топились по-черному. Иногда наблюдалось расположение печи против входа, у дальней стенки, что более характерно для жилища типа полуземлянок (Старая Рязань, Слободка, Слас-Городок).

В некоторых постройках удалось проследить конструкцию печей более детально. Так, в одном из наземных срубных жилищ Слободки (64а) хорошо сохранился под глинобитной печи (рис. 67, 3). Он имел форму трапеции, обращенной большим основанием (1,22 м) на юго-запад, а меньшим (0,83 м) на северо-восток и представляет собой хорошо утрамбованную и обожженную глину, сильно растрескавшуюся. Юго-западная часть пода — более закопченная, северо-восточная — светло-серая. На ос-

⁷³ Монгайт А. Л. Старая Рязань, с. 66, рис. 38. В этом жилище остатки слоев пода чередовались так: верхний — обожжен добеда, средний — ярко-красный с белой поверхностью, нижний — оранжевый. Общая толщина обмазки 5 см (Монгайт А. Л. Старая Рязань, с. 46).

⁷⁴ Монгайт А. Л. Старая Рязань, с. 67. Подробное описание сооружения печи в Рязанской губ. (быв. Зарайский у.) можно найти в этнографическом сочинении В. Селиванова «Год русского земледельца» (Календарь Рязанской губ. на 1887 г., с. 69).

новании этого можно предположить, что топка печи была именно с северо-восточной стороны. Поверхность пода плавно вогнута от краев к середине. Под ограничен глиняным бортом, представлявшим собой как бы глиняную подушку — сохранившиеся стенки печи. При разборке развала печи под подом обнаружили остатки сильно обугленного деревянного помоста, на котором сбита печь. Ниже выявлены следы истлевшей деревянной опалубки печи, двумя сторонами которой служил угол первого венца сруба постройки.

В большой срубной избе Старой Рязани (раскопки В. П. Даркевича), имевшей подпольную яму, погреб и столбовую пристройку, удалось проследить конструкцию глинобитной печи, расположенной в северо-восточном углу помещения. Печь сооружена на плотно утрамбованной площадке из глины с песком. На эту глиняную подушку уложены поперечные деревянные плахи, на которых покоилось рубленое основание печи (пол самой избы был глинобитным). От срубного опечка, рубленного в обло, сохранился северо-восточный угол из трех венцов и один венец — с южной стороны (высота трех венцов 0,55—0,6 м, длина северной стенки 1,9 м, восточной — 2 м, толщина бревен 0,15—0,2 м). Печь была квадратной, размером 2×2 (такой размер печи — стандарт для Старой Рязани). Передняя часть опечка была открыта, боковые стенки закреплены между парами столбиков, специально для этого врытых. На этот П-образный сруб были прибиты длинными кованными гвоздями плахи, шириной 0,2—0,26 м и толщиной 0,1 м. Для предохранения нижних венцов сруба и столбиков от гниения они обернуты берестой. Устье печи было с западной стороны. Печь располагалась над лазом в подполье ⁷⁵.

В детище Серенска остатки печей сохранились плохо, однако, как можно судить по их развалам, здесь печи были каменно-глинобитными. Удалось проследить конструкцию только одной из таких печей, вероятно, имевшей производственное назначение (полуземлянка, расположенная в северо-западной части детища). Основанием печи служила глинобитная площадка, на которую были уложены в несколько рядов небольшие камни.

Площадь каменной вымостки, окаймленной по краям высокими крупными камнями (34—45 см), составляла 1,7×2,2 м. Многие камни, особенно крупные, растрескались. Среди камней встречались и твердые обожженные куски чистой серой глины. Поверх камней лежал слой слегка обожженной светло-коричневой глины (толщина 0,24 м). В южной части это глиняное покрытие площадью 0,8×0,5 м, прокаленное до темно-розового цвета, имеет гладкую ровную поверхность и является собственно подом печи. В разрезе печи хорошо видны пять ярусов обмазки пола (пять слоев прокаленной глины толщиной 3—4 см каждый). Глина каждого слоя пода сильно растрескалась. Самый нижний под покоился на каменной вымостке, лежавшей, в свою очередь, на дубовом дощатом настиле (размерами 1×0,6 м). У северной стороны пода сохранилась часть глинобитной стенки печи. Развал красной обожженной глины разрушен-

⁷⁵ Даркевич В. П. Работы в Старой Рязани. — АО 1975 г. М., 1976, с. 61, 62.

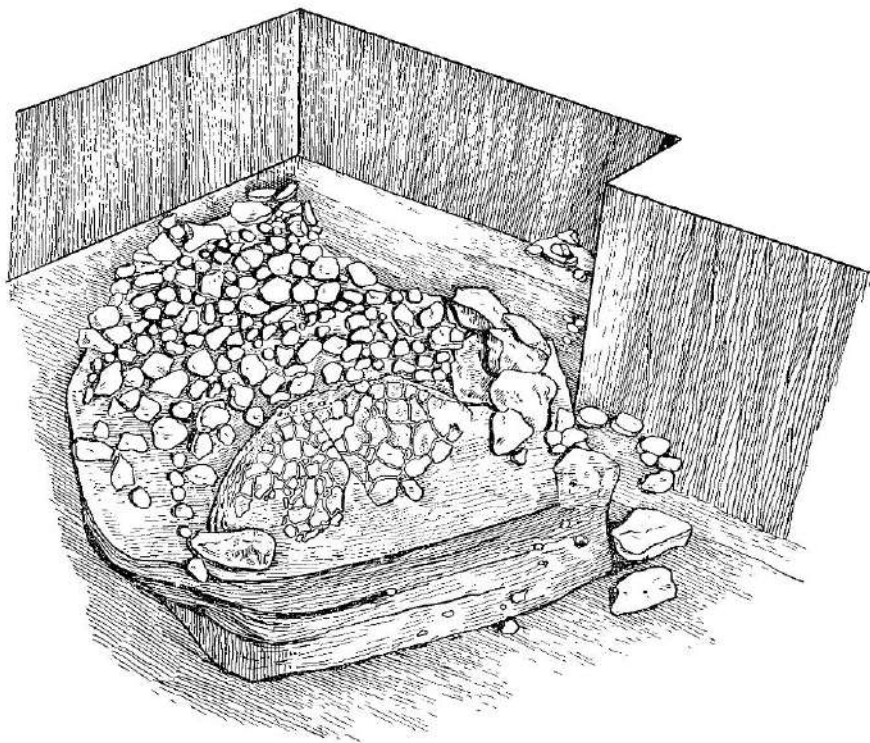

Рис. 75. Серенск. Печь в полуземлянке стеклодела (?)

ных стен и свода печи занимал значительно большую площадь, чем каменная вымостка (рис. 75).

Хозяйственные постройки многочисленны и разнообразны. Большая часть их была сооружениями, углубленными в грунт (погреба, зерновые ямы); встречаются и наземные постройки (амбары, овины, загоны для скота и т. п.).

Погреба. При характеристике усадьбы богатого боярина Слободки были упомянуты некоторые хозяйственные строения. Значительный интерес представляет постройка типа погреба или кладовой (14).

Яма полуземлянки четко выявилась в культурном слое своим более темным заполнением на глубине 0,4 м (рис. 57, 14). Она имела грушевидную форму и вытянута с северо-востока на юго-запад. Длина ямы 3,1 м, ширина самой широкой западной части 2,3 м; восточная ее часть значительно уже — 1,2; здесь несомненно был вход (рис. 76, 1). Судя по заполнению, состоявшему из слоя светло-желтой, местами обожженной глины, черной углистой земли и кусков сгоревшего дерева, постройка погибла в момент пожара и ее перекрытие частично завалилось внутрь котлована. На полу погреба, у северной ее стенки обнаружен склад железных вещей, в том числе котел (диаметр 25—30 см), сплюснутый и треснувший в двух

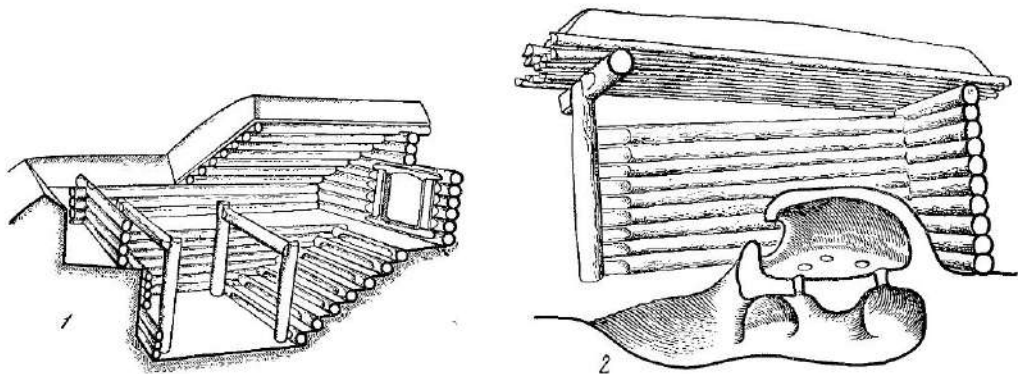

Рис. 76. Слободка

1 — погреб 1 (14); 2 — керамический горн (реконструкция Г. В. Борисевича)

местах, и, по-видимому, перевернутый вверх дном (рис. 77, 5). Дужка от котла сломана, часть ее найдена в яме, на некотором расстоянии от котла (рис. 77, 10). Под котлом оказались четыре серпа разной величины (рис. 77, 1—4), конская скребица (рис. 77, 9), удила, дверная цепь и большая накладка на дверь с петлей (рис. 77, 6, 7, 8).

В Серенске к нижнему горизонту домонгольского культурного слоя, т. е. ко времени до пожара, разразившегося в городе, относится несколько построек типа полуземлянок, имевших хозяйственное назначение. Одна из них расположена в северо-западной части детинца (сооружение 11). Котлован почти квадратный в плане ($4 \times 4,5$ м) углублен в материк на $0,8-0,9$ м. Донная часть очень ровная, представляла собой плотно утрамбованный материковый гравий, слегка закопченный и обмазанный слоем коричневой сырой глины (толщина $4-5$ см).

Несколько южнее сооружения 11 расположена еще одна подобная хозяйственная постройка (14) размером $4,3 \times 4,1$ м. Котлован ее прорезал черный угольный слой пожара, насыщенный горелым зерном и находками XII—XIII вв., а также древний (балтский) культурный слой (на $0,2-0,3$ м) и имел общую глубину от уровня горизонта $1,4$ м. По центральной оси постройки обнаружены три ямы от столбов, служившие, очевидно, опорой перекрытия. Две столбовые ямы зафиксированы и по углам постройки, у ее северной стенки. В заполнении постройки, состоявшем из рыхлого темного грунта с включением углей, мелкого гравия и песка, найдено очень много предметов быта и украшений XII—XIII вв. (наконечник стрелы, ключи, шилья, пробой, бронзовые колечки и т. д.), а в юго-западной и северо-восточной частях — на полу большое скопление обгоревших зерен пшеницы.

Хозяйственные постройки открыты и в центральной части детинца. Одна из них представляла собой также полуземлянку (3), квадратную в плане с длиной стен $2,6$ м. Стенки котлована имеют небольшой скос, дно покрыто гравием и сусесью. В культурном слое заполнения постройки обнаружена плотная серая золистая прослойка (в профиле прослойка

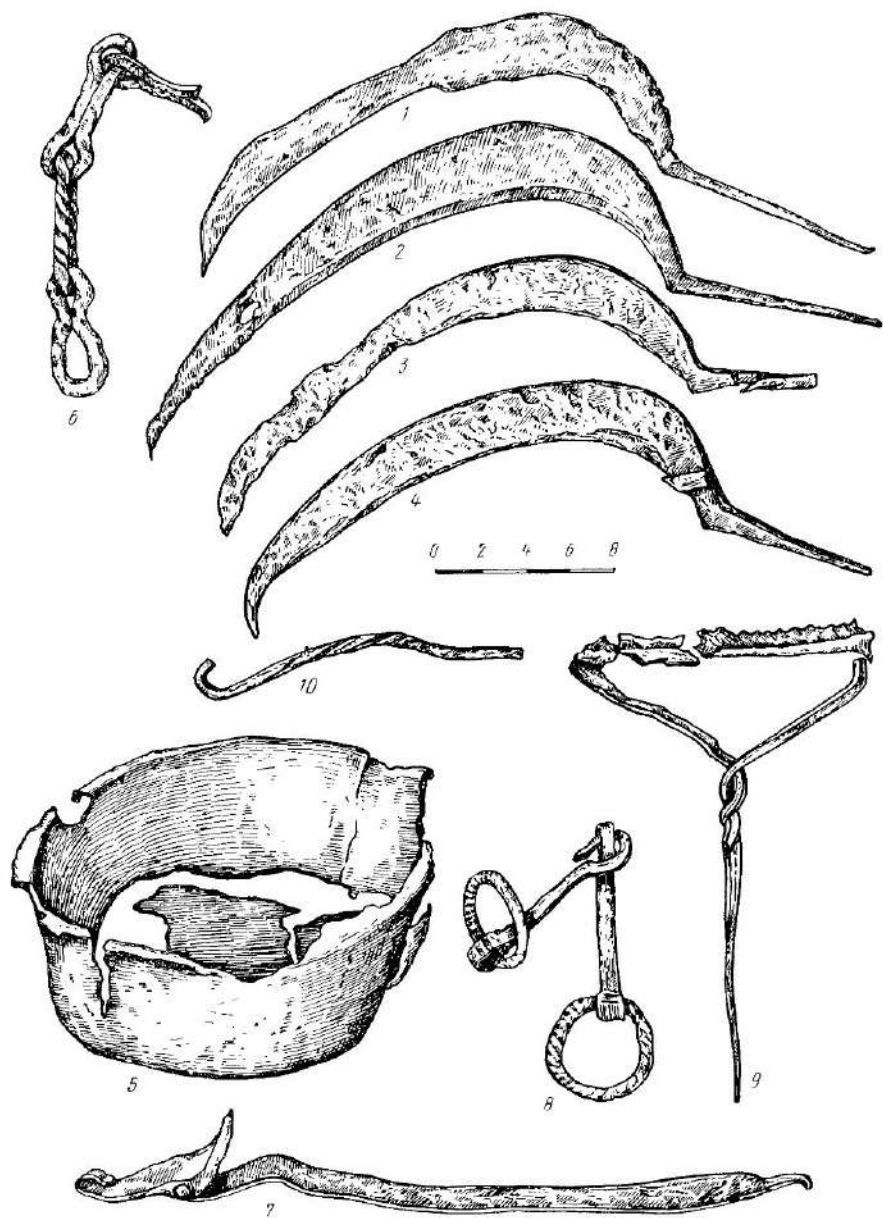

Рис. 77. Слободка. Вещи, найденные в погребке 1

1—4 — серпы; 5 — железный котел; 6 — цепь с пробосом; 7 — дверной навес; 8 — удила; 9 — скребица; 10 — душка от котла

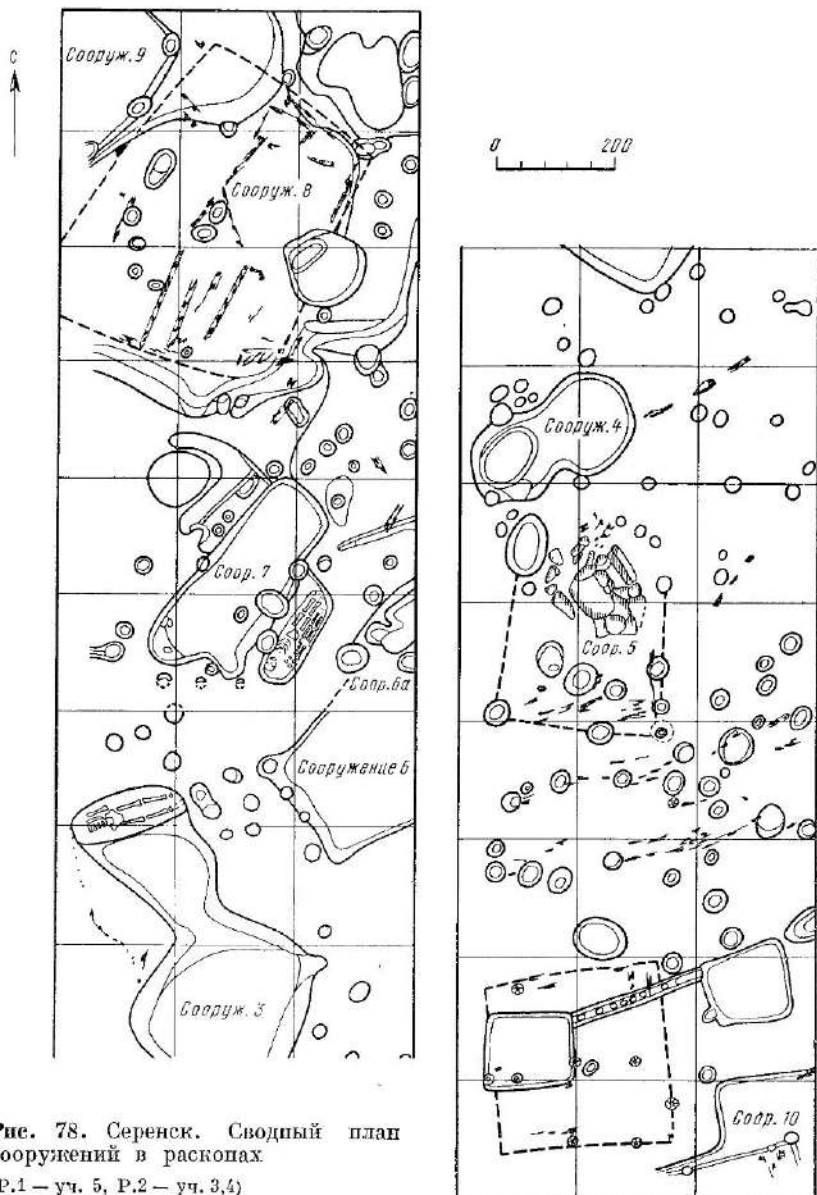

Рис. 78. Серенск. Сводный план сооружений в раскопах (Р.1 — уч. 5, Р.2 — уч. 3,4)

имела толщину 0,2 м и форму вогнутой чаши) и остатки сгоревшего и частично сгнившего дерева. Обнаруженный в северо-западном углу погреба вход имел форму вытянутого коридора, ступенькой спускавшегося в котлован (рис. 78). В заполнении постройки найдены некоторые предметы быта: дужка от ведра, пряжка, бронзовый подсвечник от хороса, обломки гончарных сосудов XII—XIII вв.

Некоторые хозяйственные постройки были наземными и также имели столбовую конструкцию.

Наиболее хорошо конструктивные детали таковых прослеживались при исследовании сооружения 64 в восточной части Слободкинского детища (рис. 67, 2). По углам строения размером $4,8 \times 5,2$ м были расположены толстые бревна (диаметром 0,3 м), а стены состояли из вертикально поставленных толстых досок или плах (толщиной 0,03—0,05 и шириной 0,12—0,25 м). Обугленные доски сохранились на высоту всего 0,3—0,5 м (расстояние между досками колеблется от 0,02 до 0,1 м). Можно предположить, что первоначально доски были пригнаны вплотную и только в двух местах — по линии северо-восток—юго-запад и северо-запад—юго-восток обнаружено два проема шириной около 0,4 м. Некоторые доски с внутренней стороны имели косые зарубки, а на трех досках южной стенки с восточной стороны обнаружен валик шириной не более 0,02 м. Значительная часть досок восточной и южной стенок покосилась под давлением земли, а часть из них, сломавшись, лежала плашмя, перекрывая расположенные внутри постройки обгоревшие бревна сруба, относящегося к следующему строительному ярусу. Доски врыты в материковый грунт, в котором была прямоугольная в плане канавка, сохранившая следы торцов досок в виде узких ямок, заполненных древесным тленом (глубина ямок от 0,08 до 0,2 м)⁷⁶.

В столбовой технике сооружена и постройка 21⁷⁷ в средней части детища, размером $6 \times 2,5$ м. Судя по ямкам от столбов, расположенных в определенной системе, сооружение покоилось на опорах, вкопанных в землю толстых столбах. На южном фасаде этими столбами постройка членится на неравные части, что свидетельствует о наличии поперечной стены. Малый отсек соответствует ширине сооружений. Таким образом, одна камера была квадратной, а другая — прямоугольной. Внутри камер сохранились следы от опор, на которых покоились переводины дощатого пола. Северная сторона продольной клетки расчленена опорами на три части. По-видимому, здесь был вход. Со стороны внутреннего двора около квадратной камеры, возможно, был устроен навес, покоившийся также на столбах, врытых в материк. Под навесом, вероятно, имелся вход в малую клетку (рис. 57, 21).

Производственные сооружения. Большая часть производственных сооружений, открытых на поселениях, связана с добыванием железа и железоделательным ремеслом и поэтому рассмотрена будет ниже.

⁷⁶ Конструкция этой постройки несколько отличалась от столбовых сооружений, о которых говорит К. Э. Бломквист. Не исключено, что такое устройство имела только нижняя часть строения, а верхняя была сооружена в обычной технике.

⁷⁷ Борисевич Г. В., Никольская Т. Н. Один из памятников древнерусского градостроительства. . . , рис. 1.

Некоторые производственные постройки Серенска и Слободки упоминались ранее. К постройкам того же типа относится, очевидно, керамическая мастерская по производству поливной керамики, открытая в детище Слободки ⁷⁸. В нее входило два сооружения: одно — квадратная в плане полуземлянка (2,6 × 2,6 м), глубиной в материке 0,8 м с двускатной крышей, четыре столбовые ямки или по осевой линии постройки (рис. 57, 16). На полу найдены обломки бронзовой чаши, ключ от цилиндрического замка, железный нож, фрагменты стеклянных сосудов желтого и зеленого прозрачного стекла, стеклянного перстня со щитком и стеклянных браслетов, обломки гончарных сосудов.

С западной стороны к полуземлянке примыкало каменно-глинобитное сооружение в форме «восьмерки» — развал печи (15). Южная часть этой восьмерки — плотно утрамбованная и докрасна обожженная глинобитная площадка, почти квадратной формы (с длинной стороной 1,8 м), представляла собой, очевидно, под печи; северная — глиняное кольцо, вымощенное камнем, внутри которого яма, заполненная черным углистым грунтом, — может быть, является завалившимся ее сводом. Около печи найдены обломки поливной керамики и кусок свинца (рис. 57, 15; рис. 76, 2).

Остатки нескольких гончарных горнов были открыты в разные годы на Северном городище Старой Рязани. Один из них, сложенный из кирпича, служил для обжига поливной керамики. Около горна найдены подставки для обжига поливных керамических изделий, поливные ячкисписки, фрагменты посуды с желтой прозрачной поливой. Так же как и в Слободке, горн находился вблизи от жилища ремесленника ⁷⁹. Остатки другого гончарного горна, с хорошо сохранившимися продухами и частью глинобитного пода открыты в прямоугольной яме, стены которой были укреплены деревом и обмазаны глиной. По находкам белой тонкостенной керамики, бедно украшенной, сооружение датируется началом XIII в. ⁸⁰ При раскопках В. А. Городцова, также на Северном городище, была открыта мастерская по изготовлению янтарных бус. В сооружении (жилище ремесленника?) были найдены янтарные бусы и куски частично обработанного янтаря. По находкам (круглая монетовидная привеска с изображением всадника, пластинчатый медный перстень и костяная продолговатая пуговица) постройка датируется XII в. ⁸¹ Открыты в Старой Рязани и мастерские косторезов и резчиков по камню ⁸².

Рассмотренные материалы позволяют сделать некоторые выводы. Основным типом жилищ на поселениях Земли вятичей XI—XIII вв. были наземные квадратные или прямоугольные в плане постройки (размером 3—4 × 5—7 м) (рис. 79). Стены рубились из бревен в «обло», пол — дощатый,

⁷⁸ Наличие такого производства в Слободке доказано Т. И. Макаровой на основании спектрального анализа глины, из которой изготавливалась здесь обычная гончарная и поливная посуда (Макарова Т. И. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства древней Руси. — САИ, 1967, вып. Е1—38, с. 67, № 371—384, табл. XVIII, 1—9).

⁷⁹ Мансуров А. А. Древнерусские жилища. . . , с. 64.

⁸⁰ Там же, с. 114.

⁸¹ Там же, с. 131.

⁸² Там же, с. 131—133, рис. 95—97.

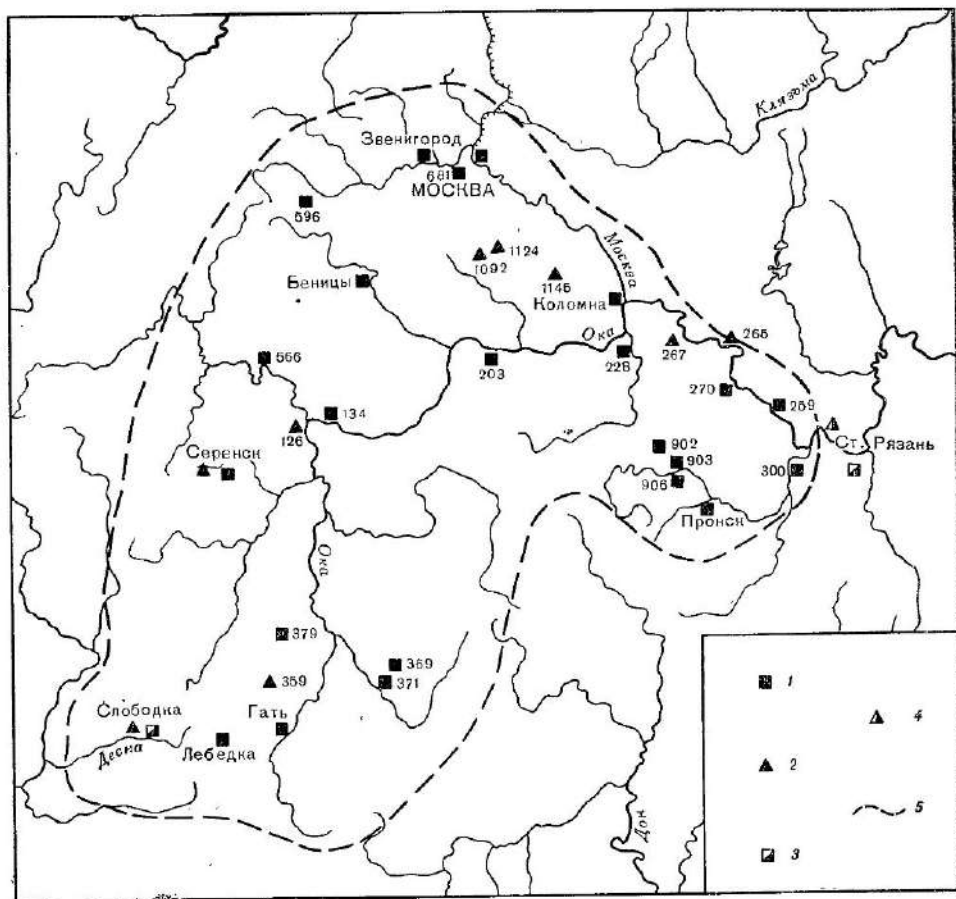

Рис. 79. Типы жилищ XI—XIII вв.

1 — наземные жилища; 2 — полуземлянки (до 50); 3 — наземные; 4 — полуземлянки (более 50); 5 — граница Земли витичей

уложенный на лагах; иногда сруб ставился на столбы — стулья. Жилища ориентированы сторонами или углами по сторонам света. Вход в жилище, если его удавалось проследить, находился в южной части (Старая Рязань, Пронск, Коломна, Слободка). В некоторых городах в жилищах открыты подпольные ямы, размеры которых часто бывают равны площади самого жилища, а глубина достигает 2 м (Старая Рязань, Слободка, Коломна, Казарь, Жокино). В Москве известны также дома на срубном подклете, углубленном в землю.

Значительно меньше открыто жилищ типа землянок или полуземлянок, существовавших одновременно с наземными. Чаще эти постройки имели хозяйственное или производственное назначение (Старая Рязань,

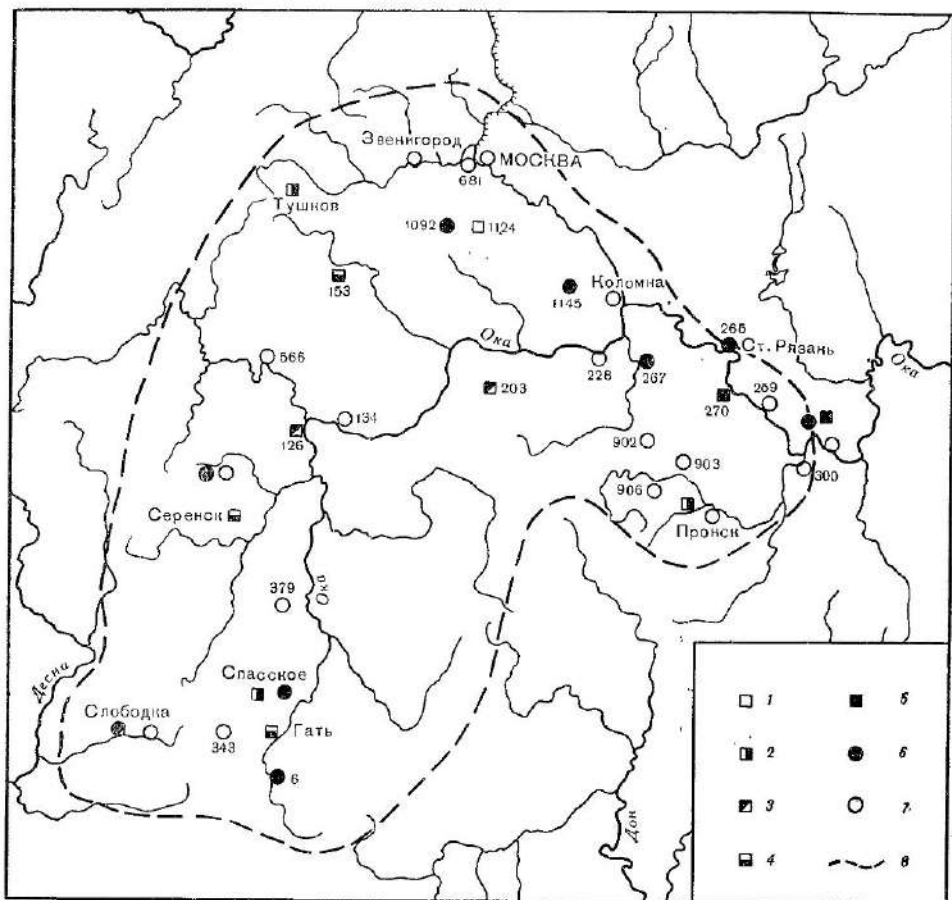

Рис. 80. Типы печей XI—XIII вв.

1 — камень в полуземлянке; 2 — камень в наземном жилище; 3 — каменно-глинобитная в полуземлянке; 4 — каменно-глинобитная в наземном жилище; 5 — прямоугольная глинобитная в наземном жилище; 6 — круглая глинобитная в полуземлянке; 7 — круглая глинобитная в наземном жилище; 8 — граница Земли вятичей

Слободка, Серенск). Однако известны поселения, в которых полуземлянки составляли единственный тип жилых строений (Перемышль Московский).

Преобладающим типом печи в XI—XIII вв. была круглая глинобитная печь, поставленная на деревянный опечек или столбы (Старая Рязань, Пронск, Слободка). Иногда печи сооружались на уровне пола (Серенск, Слободка) (рис. 80). Известны каменно-глинобитные печи (Спас-Городок, Серенск, Тушков-Городок); печи из кирпича сооружались редко и в наиболее богатых домах (Старая Рязань, Пронск).

В Старой Рязани и Переяславле Рязанском встречались и глинобитные прямоугольные в плане печи.

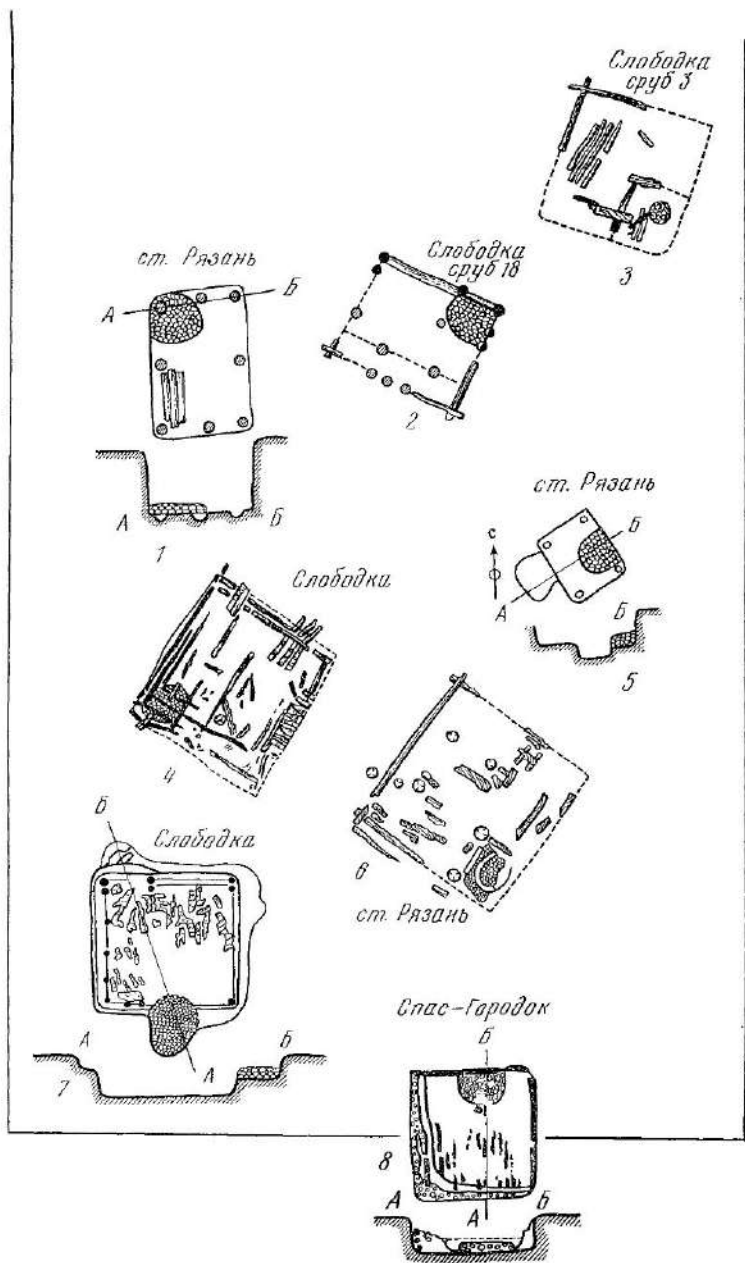

Рис. 81. Типы жилищ в городских поселениях Земли вятичей (1—8)

Что касается планировки жилищ, то совершенно очевидно, что на столь обширной территории, как рассматриваемая, она не могла быть единообразной. Кроме того, сохранность материала не всегда позволяет сделать соответствующие выводы. И если расположение печи в жилище, как правило, удается установить, то соотношение ее со входом и направление устья чаще от исследователя ускользает. В наземных постройках Слободки, Провска, Старой Рязани, Тушкова-городка и Москвы печь стояла рядом со входом справа или слева от него, устьем ко входу, что соответствует современному украинскому и белорусскому типам жилищ⁸³. В полуземлянках Слободки и Спас-Городка печи расположены у задней стены устьем ко входу, что соответствует восточному южновеликорусскому типу жилища (рис. 81).

РЕМЕСЛО

Раскопки городов, сельских поселений и курганов в Земле вятичей дали богатый материал для характеристики ремесла. Исследования Старой Рязани, Переяславля Рязанского, Коломны, Провска, а в последние десятилетия Москвы, Серпского, Слободкинского, Ижеславльского, Казарского, Лубянского, Борисоглебского, Лихаревского городищ открыли многочисленные ремесленные мастерские металлургов, кузнецов, слесарей, ювелиров, гончаров, камнерезов.

Деревенское ремесло вятичей, ранее известное только по курганным инвентарям, теперь может быть освещено более полно после раскопок некоторых сельских поселений.

Металлургия. Так же как и на остальной территории древней Руси, металлургическое производство в Земле вятичей основано на местном сырье — болотных и луговых рудах, богатые запасы которых известны по всей территории лесной полосы Восточной Европы, в том числе в бассейне Верхней и Средней Оки⁸⁴. С добычей руды связаны, очевидно, названия некоторых рек и поселений: Ржавка, Железница, Железное, Рудница, Руднево, Рудня, Рудка. В рязанском течении Оки болотные руды хорошо известны в бассейне р. Прони (р. Истья, р. Душии Ржавец — приток р. Жраки, р. Ржавец — приток р. Керди) на Осетре, в районе Переяславля Рязанского (р. Рудня), в районе Старой Рязани, по берегам рек Пры и Кади⁸⁵. Болотные руды известны по берегам р. Жиздры, Цона и Навли (Железное). Добывание железа велось здесь издревле. Ранним типом печей были обычные круглые ямы диаметром около 1 м, обмазанные глиной. Такие ямные горны носят название «волчьих ям». Одна из древних разработок бурого железняка известна на Оке, под Серпуховым в районе с. Подмоклого. Здесь, «в урочище ямы» в 1853 г. инженером Романовским обнаружены пласты бурого железняка, а также отвалы руды, из

⁸³ Блокгейст Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. — В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, с. 212, 230.

⁸⁴ Рыбаков В. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 34.

⁸⁵ Баранович М. Рязанская губ. Материалы для географии и статистики России. СПб., 1866, с. 419. Писцовые книги Рязанского края XVI в. М., 1898, т. I.

которой в древности добывалось железо⁸⁶. «Волчьи ямы», открытые во множестве здесь же, заполнены древесным углем и железным шлаком. В одной из таких ям найден дирхем халифа Ибрагима 189 хиджры (805 г. н. э.)⁸⁷.

Сыродутные горны ямного типа, расположенные близ городской стены, открыты Н. П. Милоповым при раскопках в 1937 г. в Коломне. Автор раскопок предполагает, что в Коломенском Кремле, на берегу Москвы-реки была основана целая слободка ремесленников-металлургов⁸⁸.

Однако в домонгольское время существовали и другие способы добычи железа. Известна, например, варка железа в глиняных горшках в обычных печах. Полученная таким образом железная крица имела форму дна сосуда. Добыча железа таким способом велась, по-видимому, на поселении Беницы, где найден лепной глиняный горшок с железной крицей на дне⁸⁹.

Более совершенным способом было добывание железа в сыродутных горнах. О двух сыродутных печах, открытых на селище Лебедка в слое VIII—X вв. и работавших на местном сырье, мне уже приходилось писать. Залежи болотной руды найдены на самом поселении и на берегу р. Цоп. Полученное в горнах железо обрабатывалось местными кузнецами и ремесленниками. Об этом свидетельствуют открытая на поселении кузница с кузнечным горном и многочисленные находки железных инструментов, сельскохозяйственных орудий и предметов быта⁹⁰.

Железоплавильная печь обнаружена на Борковском селище X в. На Алёкановском селище найдены металлургические и кузнечные железные шлаки, запасы железной руды, а также изделия из черного металла, изготовленные, по-видимому, деревенскими кузнецами⁹¹.

Возможно, что деревенские металлурги поставляли железо также в города Земли вятичей, подобно тому, как это было в Новгороде⁹², но несомненно, железо добывалось и в самих городах.

Домища с железоплавильным горном открыта при раскопках в Серещке. Печь сооружена на поверхности материка, в юго-западной части дегинца, у вала. Она сложена из крупных нетесанных камней, ее основанием служила большая каменная плита. Печь имела форму цилиндра и сохранилась на высоту 0,3—0,4 м; верхняя часть горна дошла в виде развала небольших камней, в котором найдено пять шаровидных кусков железного шлака и непрокованная крица железа. Внешний диаметр печи составлял 4,3 м, внутренний — 0,6 м. Печь была поставлена в наземной

⁸⁶ Успенская А. В. Металлургическое производство по материалам древнерусских селищ. — В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв., 1959, с. 107.

⁸⁷ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. . . , с. 129.

⁸⁸ Милопов Н. П. Отчет о раскопках Ростиславльского городища и на территории Коломенского Кремля в 1937 г. — Архив ИА АН СССР, д. 219 за 1937 г., с. 38, 39.

⁸⁹ Успенская А. В. Древнерусское поселение Беницы. . . , с. 221, рис. 3, 1—2.

⁹⁰ Низольская Т. Н. Древнерусское селище Лебедка. — СА, 1957, № 3, с. 180, рис. 3.

⁹¹ Городцов В. А. Материалы для археологической карты. . . , с. 583—585; Он же. Результаты археологических исследований в Белевском и Рязанском уездах в 1897 г. — АИ, 1898, № 7—8, с. 230.

⁹² Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. — МИА, 1959, № 65, с. 9.

постройке размером 4×4 м. В западной части строения к печи примыкала яма ($1 \times 0,35$ м, глубиной в материке 0,75 м) — предгорновой выем. К востоку от домницы расположена еще одна яма, заполненная шлаком, углями и сажей, возможно, служившая для сброса отходов производства. Домница сооружена в слое начала XIII в. (рис. 78, 5)⁹³. В общих чертах серельский горн может быть сопоставлен с сыродутной печью Прогоного поля, открытой при разведках Б. А. Колчина в Ленинградской области⁹⁴. Подобная железоплавильная паземная печь, сооруженная из мелких булыжников без раствора, открыта на Северном городище Старой Рязани. Верхняя часть ее была глинобитной. В яме, расположенной севернее горна, найдено целое воздуходувное сопло и обломки еще нескольких соплем. Горн сооружен в слое XII—XIII вв. Около него найдены куски железного шлака, пять криц и обугленные кости, которые, по предположению автора раскопок, служили для насыщения железа углеродом, т. е. для получения стали⁹⁵.

Еще одна лучше сохранившаяся домница и сыродутная печь XII в. известна также по раскопкам в Старой Рязани⁹⁶. Реконструкция ее сделана Б. А. Колчиным⁹⁷. Она представляла собой землянку, прямоугольную в плане размером $3,2 \times 3,4$ и глубиной около 1 м. У северной стенки землянки, на уровне пола стояла сыродутная печь, основание которой размером $1,5 \times 0,85$ м, состояло из булыжников, обмазанных глиной. От стен печи остался большой развал обожженной глины и кирпича, а в ее основании лежало большое количество шлака. С южной стороны землянки к печи примыкала яма размером $1,4 \times 1$ м, глубиной 0,8 м — предгорновой выем, заполненная шлаком, рудой и соплами (целые и в обломках). Автор реконструкции предполагает, что землянка имела деревянное, обмазанное глиной четырехскатное перекрытие⁹⁸.

Целый производственный комплекс, состоящий из двух смежных полуземлянок с сыродутной печью в каждой из них, также известен по раскопкам 1970 г. в Старой Рязани. Около печей найдены железные шлаки, крицы и обломки сопла⁹⁹. Открытые в Старой Рязани домницы не могли, конечно, удовлетворить весь спрос на железо в таком большом городе — столице целого княжества. Несомненно домниц было значительно больше. Возможно также, что железо в виде полуфабрикатов поставлялось в Рязань сельскими металлургами. Кроме того, известно, что в Старой Рязани железо получали также и архаическим способом, в обычных печах, в горшках. При раскопках В. А. Городцова и А. Л. Монгайта найдены горшки, на дне которых обнаружены маленькие губчатые крицы, повторявшие

⁹³ *Никольская Т. П.* К истории древнерусского города Серельска. — КСИА, 1968, вып. 113, с. 110, 111.

⁹⁴ *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. — МИА, 1953, № 32, с. 28, рис. 4.

⁹⁵ *Монгайт А. Л.* Старая Рязань, с. 100.

⁹⁶ Там же, с. 100.

⁹⁷ *Монгайт А. Л.* Старая Рязань, с. 101; *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка. . . , с. 27, рис. 3.

⁹⁸ *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка. . . , с. 28.

⁹⁹ *Монгайт А. Л.* Работа Рязанской археологической экспедиции в 1966—1970 гг. — В кн.: Археология Рязанской земли. М., 1974, с. 8, 9, рис. 2—3.

формы дна сосуда¹⁰⁰. Считается, что такое «тигельное» железо было довольно высокого качества. Но этот способ «варки» железа для города, разумеется, не мог иметь большого значения.

При наших раскопках 1978 г. на городище Спас-Городок также найдена часть глиняного гончарного горшка с прикипевшей к его дну губчатой массой черного металла¹⁰¹. Вместе с тем здесь же на городище, на самом краю площадки детища у городской стены в XII—XIII вв. функционировали три сыродутных печи (по-видимому, не одновременно), которые дошли до нас в виде развалов сильно прокаленных камней, кусков обожженной глины и кирпичей. Около печей найдены скопления железных шлаков, железные крицы шаровидной формы и обломок глиняного сопла. При раскопках в Московском Кремле, в слое XII—XIII вв. найдена товарная крица и шлаки лещковидной формы диаметром 25—30 см¹⁰².

С добыванием железа тесно связана и его обработка и изготовление из него многочисленных изделий в специальных кузнечных горнах, в кузницах. Такие сооружения открыты как на сельских, так и в городских поселениях Земли вятичей. Как упоминалось выше, остатки кузнечного горна, сооруженного в землянке, открыты на селище Лебедка¹⁰³.

Кузница была обнаружена при раскопках городища Гать на р. Оке. Это была срубная изба, разделенная сеними на две неравные части: большую, с печью в углу, — жилище кузнеца, меньшая — с каменным полом и кузнечным горном была собственно кузницей¹⁰⁴.

Кузницы, открытые Н. П. Милоновым при раскопках в Коломенском Кремле, представляли собой небольшие землянки (3×3 м) с каменно-глинобитными кузнечными горнами. Они располагались так же, как и сыродутные горны, недалеко от крепостной стены. Все эти сооружения относятся к слою XII—XIII вв. Сыродутные горны исследованы также Н. П. Милоновым при раскопках в Пронске¹⁰⁵.

На городище Слободка среди многих исследованных производственных построек была также и кузница. Это небольшая, квадратная в плане землянка (длина стены 2,6 м, глубина в материке 1,3 м), в восточном углу которой находился горн — глинобитное цилиндрическое сооружение диаметром 0,6 м. Разрушенные стенки горна представляли развал красной обожженной глины у основания горна. В глине найдена железная крица. Можно полагать, что наземная часть землянки представляла собой не

¹⁰⁰ Материалы раскопок В. А. Городцова в Старой Рязани частично опубликованы А. А. Мансуровым (*Мансуров А. А. Древнерусские жилища*. — ИЗ, 1941, т. 12, с. 89).

¹⁰¹ Возможно, что глиняный сосуд был поставлен под сыродутную печь специально, чтобы в него стекала кричная масса. О подобной практике, существовавшей в городском доменном производстве, пишет Б. А. Рыбаков (*Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси*, с. 132).

¹⁰² *Шеляпина Н. С.* Археологические наблюдения в Московском Кремле. . . , с. 124.

¹⁰³ *Никольская Т. П.* Древнерусское селище Лебедка. . . , с. 180, рис. 3.

¹⁰⁴ *Милонов Н. П.* Отчет об археологических исследованиях, проведенных Орловским областным музеем на территории Орловского и Урицкого районов летом 1938 г., с. 5—7.

¹⁰⁵ *Милонов Н. П.* Основные песчанники и приемы изучения сел и городов Рязанской области. Рязань, 1950, с. 40.

очень высокий сруб, сложенный из нетолстых бревен (остатки сторевших бревен обнаружены вдоль северной стенки землянки, а ее стены, опущенные в грунт, имели более легкое покрытие, возможно, даже из жердей, от которых не осталось ничего, кроме древесного тлена) (рис. 57, 13).

Кузнечное и слесарное дело. Продукция, полученная в результате горячей или холодной обработки черного металла, очень велика и разнообразна. Это орудия труда, куда входят многочисленные инструменты по обработке металла, дерева, кости, кожи, а также сельскохозяйственный и промысловый инвентарь, предметы вооружения и снаряжения всадника и коня, предметы быта. Отходы производства, кузнечные шлаки и сами инструменты для обработки металла, составляющие значительную долю среди ассортимента найденных на поселениях вещей, говорят о том, что большая часть этих изделий изготовлена местными ремесленниками. Здесь излагается главным образом городское ремесло XI—XIII вв., так как до настоящего времени это была наименее освещенная страница в истории Земли вятичей. Кроме материалов хорошо известной в науке Старой Рязани, вводятся в научный оборот совершенно новые и богатейшие коллекции, позволяющие охарактеризовать все разнообразие древнерусского городского ремесла. Найдены почти все инструменты ремесленника-металлурга: наковальни, клещи, молоты-кувалды, ручки, напильники, зубила, пробойники. Деревообрабатывающие инструменты: топоры, сверла, долота, тесла, скобели, резцы, стамески, молотки-гвоздодеры; сельскохозяйственный и промысловый инвентарь: сошники, лемехи, плужные ножи, серпы, косы, медорезки, рыболовные крючки, гарпуны, остроги, блесны, колесные путы. Предметы вооружения и конской упряжи: копыя, стрелы, сабли, мечи и их детали, боевые топоры, кольчуги, стремена, шпory, удила, скребницы, подковы. Наиболее многочисленны и разнообразны предметы быта: замки, ключи, пробой, накладки, петли, дужки, обручи и ушки деревянных ведер, ушки и обломки железных котлов, сковородки, кресала, цепи, скобы, гвозди, гири, писала, кольца, пряжки, подковки для обуви и т. д.¹⁰⁶

Кроме того, использованы материалы раскопок Москвы, Пронска, Переяславля Рязанского, Коломны, Звенигорода, Спас-Городка и некоторых других городских поселений бассейна Верхней и Средней Оки и Москвы-реки.

Техника и технология обработки черного и цветного металлов в Древней Руси блестяще исследованы Б. А. Рыбаковым¹⁰⁷ и Б. А. Колчиным¹⁰⁸. Это избавляет нас от необходимости подробно останавливаться на этих

¹⁰⁶ По материалам Серенского дегаща сделана попытка вывести процентное соотношение всех категорий предметов из черного металла; как и следовало ожидать, самый большой процент падает на предметы быта (67,2%); на втором месте — предметы вооружения, конского снаряжения и упряжи (22,8%), на третьем — промысловый и сельскохозяйственный инвентарь (5,7%), на четвертом инструменты по обработке дерева, кожи, кости (3,3%) и, наконец, инструменты по обработке металла (0,8%). Мелкие обломки железных изделий, назначение которых невозможно определить, составляют 0,25%.

¹⁰⁷ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси.

¹⁰⁸ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. — МИА, 1953, № 32.

вопросах при рассмотрении материала. Металлографический анализ железных изделий Серенска (исследовано 100 предметов — серпы, косы, топоры, ножи, кресала, меч, наконечники стрел) выявил четыре технологических схемы их изготовления¹⁰⁹.

1. Торцовая наварка стального лезвия на железную основу клинка с последующей тепловой обработкой готового изделия (пожи, косы, топоры, тесло, кресало).

2. Цельносталевые изделия (ножи, копыя), термически обработанные (косы, меч).

3. Вварка стального лезвия в пикную часть железного клинка. Один из серпов имел трехслойный клинок: в середине его почти до самой спинки проходила стальная полоса.

4. Изделия, изготовленные целиком из железа (серп, наконечники стрел). При изготовлении пера стрел применялся холодный наклеп острия.

Итак, в основе технологии изготовления железных изделий лежал принцип различного сочетания железа и стали. Чаще всего это — торцовая наварка стального лезвия на железную основу клинка с последующей тепловой обработкой. Металлографический анализ железных изделий показал, что техника обработки черного металла в городах Земли вятичей ничем не отличалась от общерусской. Вся кузнечная продукция изготовлена специалистами — кузнецами-ремесленниками, в совершенстве владеющими техникой металлообработки. В исследованных инструментах железо и сталь хорошо освобождены от шлаковых включений. Что же касается массовой кузнечной продукции (ножи), то иногда она изготовлена из металла невысокого качества.

Среди инструментов для обработки черного и цветного металлов известны разнообразные орудия кузнеца, слесаря и ювелира. Встречаются инструменты, находки которых вообще довольно редки: это железная наковальня, служившая, очевидно, для слесарных работ, кузнечный молот-кувалда и обломки подобных же молотов¹¹⁰. Наковальня имела форму четырехгранной пирамиды, рабочей поверхностью которой служило основание пирамиды¹¹¹ (высота наковальни 120 мм, рабочая часть 55×60 мм, вес около 2 кг)¹¹². По форме она напоминает кузнечную наковальню городища Княжья гора, отличаясь от нее только меньшими размерами. Кувалда по форме напоминала колодяжинскую, а по размерам была немного больше, приближаясь к молоту Княжьей горы (длина го-

¹⁰⁹ Металлографический анализ производился в лаборатории естественных методов ИА АН СССР Г. А. Вознесенской, за что автор приносит ей свою благодарность (см. приложение I).

¹¹⁰ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка. . . , с. 57, 59. До раскопок в Серенске было известно всего три молота-кувалды: с городища Колодяжин, Княжьей горы и из Житомирского могильника. Коллекция молотов, найденных в Серенском детянце, сразу удвоила число подобных находок (Никольская Т. П. Древнерусский Серенск — город вятичских ремесленников. — КСИА, 1971, вып. 125, с. 80, рис. 26, 9). Молоты-кувалды были найдены также и в Старой Рязани (Монгайт А. Л. Старая Рязань, с. 104).

¹¹¹ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка. . . , с. 58, рис. 16, 3.

¹¹² Никольская Т. П. Древнерусский Серенск. . . , рис. 26, 8; Гончаров В. К. Древний Колодяжин. — КСИА, 1951, вып. XI.

ловки 130 мм, размер бойка 80×70 мм, вес около 2 кг). Два молотка-ручника найдены в Старой Рязани¹¹³, третий молоток с заостренным краем служил для перерубания железа. Необходимым инструментом кузнеца являются клещи, которыми он держит раскаленное железо. Такое орудие также известно в коллекциях Старой Рязани¹¹⁴.

Более часты находки слесарных зубил, пробойников и напильников по металлу. К инструментам ювелира относятся маленькие ювелирные наковальни, ювелирные молоточки (рис. 82, *II*, 17), зубильца, пинцеты, а также железная чашечка с небольшой ручкой, служившая для плавки цветного металла (Старая Рязань, Серенск, Слободка, Переяславль-Рязанский). Наиболее часто встречаются пинцеты двух типов: с плоскими и Г-образными губами (рис. 82, 7, 10, 14, 18, 19). Преобладает последний тип, на некоторых сохранилось фиксирующее кольцо. Длина пинцетов от 45 до 95 мм, диаметры кольца 11—15 мм, расстояние между губами — от 3 до 12 мм. Ювелирный молоточек на одном конце имеет плоский боек размером 11×9 мм, а на другом — клиновидное острие (ширина 8 мм). В средней части — отверстие для деревянной рукояти 12×4 мм (рис. 82, *II*). По форме и размерам молоточки и пинцеты близки аналогичным инструментам ювелира, найденным на Черевском расколе Новгорода¹¹⁵.

Обработка дерева. Поскольку основным строительным и поделочным материалом служило дерево, инструменты для его обработки были значительно разнообразнее, чем для работы по металлу. Сюда входят топоры, тесла, скобели, токарные резцы, сверла, напильники, стамески, ложки, молотки (Серенск, Старая Рязань, Москва, Слободка, Переяславль-Рязанский, Пронск, Коломна).

Все найденные на поселениях Земли вятичей топоры можно разделить на три типа¹¹⁶. Все они могли выполнять различные функции: массивные — плотничьи и лесорубные, более легкие служили для столярных и бондарных работ (рис. 82, 1; рис. 83, 1—5, 7, 11). Последние, наиболее легкие, могли использоваться и как боевые топоры. Однако на вооружении воинов-дружинников были и особые боевые топоры, отличавшиеся по форме от всех других типов. Такие топоры были найдены, например, в Старой Рязани и Серенске¹¹⁷.

Технология изготовления топоров хорошо разработана Б. А. Колчиным¹¹⁸. Вятские кузнецы, так же, как и новгородские, применяли сочетание железа и стали, чем достигалась вязкость тела топора, твердость лезвия и стойкость острия¹¹⁹.

Долота — инструменты для долбления пазов и выемов в дереве — найдены двух типов: простые и втульчатые (преобладают первые). Простые долота, представлявшие собой цельный четырехгранный стержень с лез-

¹¹³ Монгайт А. Л. Старая Рязань, рис. 68, 1, 5.

¹¹⁴ Там же, рис. 68, 2.

¹¹⁵ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло. Новгород, с. 20, 22.

¹¹⁶ Левашова В. П. Сельское хозяйство. — В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1956, с. 40—42.

¹¹⁷ Монгайт А. Л. Старая Рязань, с. 107, рис. 72, 1—4.

¹¹⁸ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка. . . , с. 102—105.

¹¹⁹ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода с. 29.

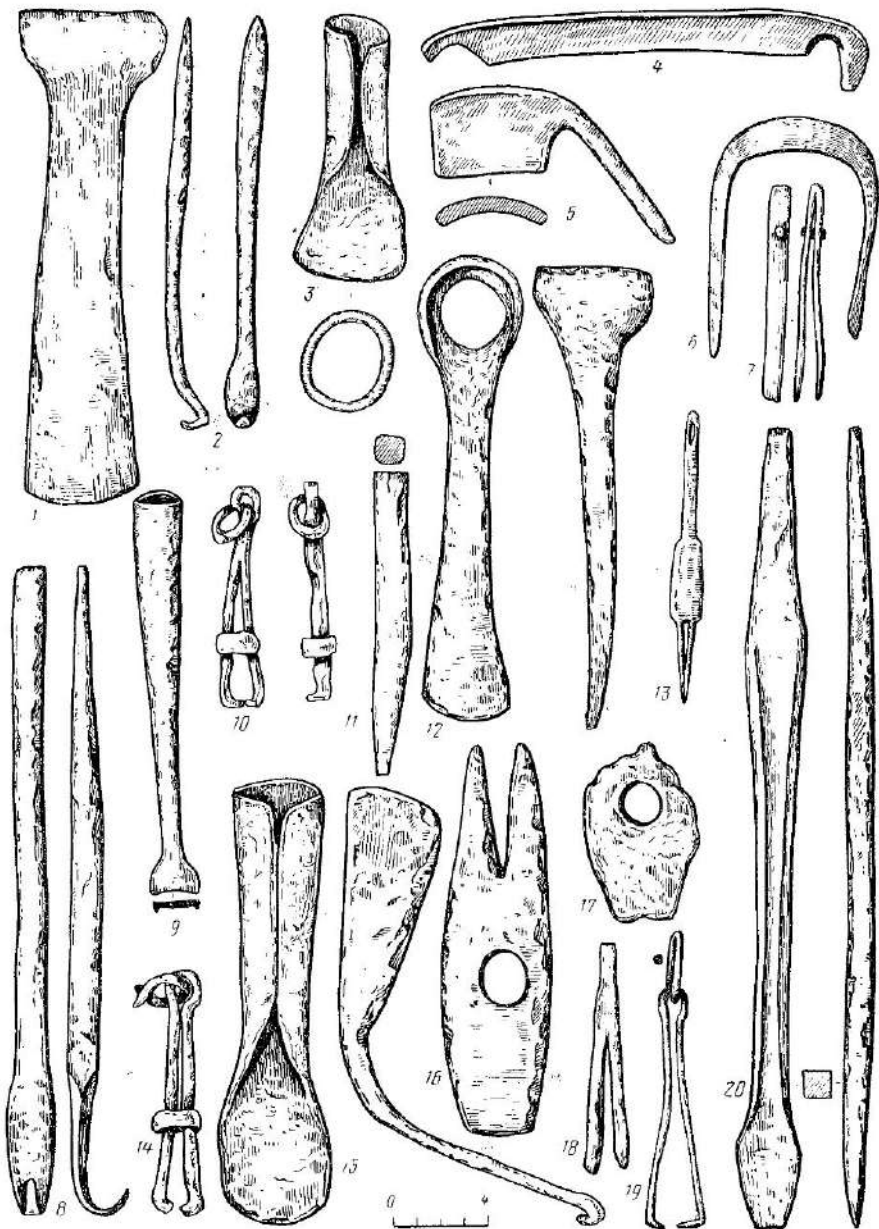

Рис. 82. Инструменты для обработки дерева и металла

1 — топор; 2, 8, 9 — резцы; 3, 12, 15 — тесла; 4—6 — скобели; 7, 10, 14, 18—19 — пинцеты; 11, 17 — молоточки ювелирные; 13 — лучковое сверло; 16 — молоток-гвоздовер; 20 — сверло перовидное; (1—3, 5, 7, 8, 12, 13, 15, 18, 19 — Серенки; 4, 6, 9—11, 14, 16, 17, 20 — Слэбокласы)

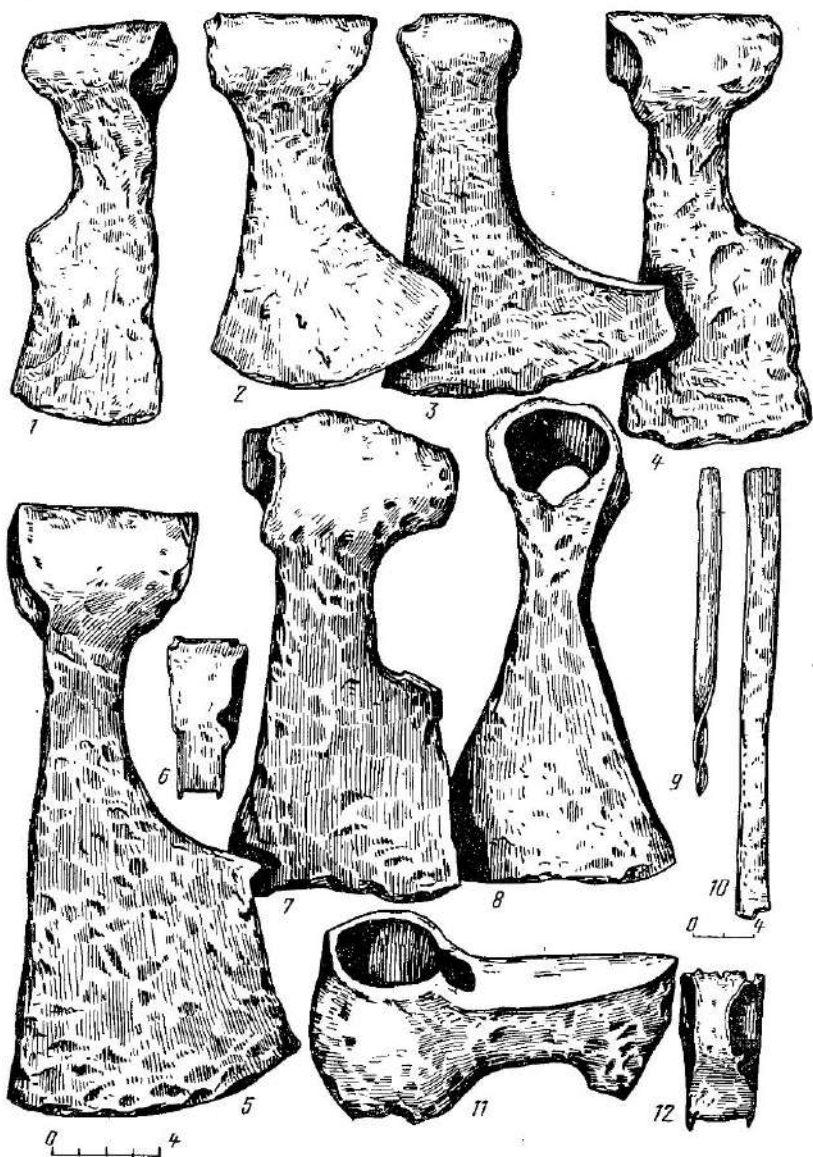

Рис. 83. Инструменты для обработки дерева

1—5, 7, 8, 11 — топоры; 6, 12 — фигурные тесла; 9 — сверло; 10 — долото; 1—4, 6, 9, 11, 12 — Герешк; 5, 7—10 — Слободка

вием на одном конце и обухом на другом, встречены большие (длина 320 мм, ширина лезвия 20 мм) и малые (длина 86—1,40 мм, ширина лезвия — 5—10 мм) (рис. 83, 10). (Старая Рязань, Серенск, Слободка, городище Пальное)¹²⁰. Одно из втульчатых долот, найденных в Слободке, принадлежит к типу ручных резцов для художественной резьбы по дереву (рис. 82, 9)¹²¹.

Более частой находкой являются простые долота¹²². Другим инструментом, употреблявшимся также для производства различных выемов в деревянных предметах, было тесло. Тесла найдены втульчатые и проушные (рис. 82, 3, 12, 15; рис. 83, 8)¹²³, а также фигурные (рис. 83, 6, 12).

После обработки дерева топором применялся еще один инструмент-скобель, которым пользовались также для сдирания коры с бревен. Все найденные скобели (Серенск, Слободка, Москва) двуручные и представляли собой прямые или дугообразные пожевидные лезвия с двумя поперечными черенками на концах, вставлявшимися в деревянные рукоятки (рис. 82, 4—6) (Серенск, Слободка). Находки дугообразных скобелей известны в культурном слое Московского Кремля. Здесь же были найдены сверла, долота, стамески, буравы¹²⁴. Размеры скобелей почти одинаковы: ширина клинка лезвия 17 мм, толщина спинки 3 мм, длина лезвия 145 мм, длина черенка 25 мм. Находки пил редки. Целое полотно лучковой пилы, служившей для продольной распиловки дерева, найдено в Серенске. В Старой Рязани обнаружен обломок пилы-ножовки¹²⁵, а также маленькая пилочка, служившая для работы по кости¹²⁶.

Токарные резцы также немногочисленны. Они имеют длинный прямой черенок и крючкообразное лезвие, служившее для выточки больших глубоких сосудов (рис. 82, 2, 8).

Еще одним инструментом для обработки дерева был ложкарь или ручной резец для изготовления деревянной посуды от руки¹²⁷.

¹²⁰ Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 293, рис. 131 а.

¹²¹ Долото представляло собой длинный круглый стержень (длина 175 мм), на одном конце которого расположено П-образное лезвие шириной 22 мм и высотой 18 мм, а на другом — втулка диаметром 22 мм. Почти подобное же фигурное долото найдено в Новгороде в слое XII в. (Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло. . . , с. 45). Другое втульчатое долото известно на городище Вышгород (Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 293, рис. 131 а, б).

¹²² Монгайт А. Л. Рязанская земля. . . , с. 293, рис. 131, а, 1—3.

¹²³ Монгайт А. Л. Старая Рязань. . . , с. 107, рис. 72, 5, 6. Длина тесел варьирует от 120 до 150 мм, ширина лезвия 50—90 мм, диаметры втулок 30—35 мм. Найденное на городище Слободка тесло было проушное, хорошей сохранности. Оно было довольно массивным, насаживалось на длинную прямую рукоятку и предназначалось для больших тяжелых работ (изготовление лодок-долбленок, корыт и т. п.). Размеры его почти совпадают с подобным же инструментом, найденным в Новгороде в слое XIII в. (Колчин Б. А. Железообрабатывающие ремесла. . . , с. 29).

¹²⁴ Шелляпина И. С. Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963—1965 гг. Древности Московского Кремля. . . , с. 124, 128, 129, рис. 8, 2—4, 7. Скобель подобной же формы был найден на Бородинском городище в Смоленщине (Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. — МИА, 1960, № 92, с. 110, рис. 55, 5).

¹²⁵ Даркевич В. П. Раскопки на Южном городище. . . , с. 67, рис. 45, 1.

¹²⁶ Монгайт А. Л. Старая Рязань, с. 103, рис. 69, 5; Колчин Б. А. Черная металлургия. . . , с. 118, рис. 85.

¹²⁷ Монгайт А. Л. Старая Рязань, с. 102, рис. 68, 7.

Несомненно, что деревянная посуда бытовала у населения Земли вятичей, однако, вследствие плохой сохранности дерева она почти не дошла до нас. Обломки деревянных чаш известны по материалам Шереметьевского Рязанского ¹²⁸. Там же найдены и некоторые деревянные поделки: льночесальный гребень, веретена, ложки, поплавки, педаль от прядки, пестики, колодка для плетения лаптей, нож для трепания льна, тележная ось, двусторонние гребни с циркульным орнаментом, счетные бирки и даже детские игрушки (лодочка из сосновой коры) ¹²⁹. Некоторые изделия из дерева сохранились в самом древнем культурном слое Московского Кремля. Так, в одной из хозяйственных клеток обнаружены деревянный хомут и поплавок ¹³⁰. Наиболее многочисленными инструментами для обработки дерева были сверла (Серенск, Воротынский, Слободка, Старая Рязань, Спас-Городок). Найдены сверла двух типов: спиральные и перовидные ¹³¹ (рис. 82, 20; 83, 9).

Как говорилось выше, в одной из землянок на городище Слободка, принадлежавшей, очевидно, плотнику, найдено три железных инструмента, необходимых для работы по дереву: большое перовидное сверло, молоток-гвоздодер и черта (железная вилка с загнутыми концами) для прочерчивания линий на досках или бревнах. Сверло являлось не менее важным инструментом для обработки дерева (получения круглых точных отверстий), чем долото. И наиболее распространенной формой были именно перовидные сверла ¹³². Это сверло представляет собой металлургический стержень, верхний конец которого — плоский черенок для крепления деревянной рукоятки, а нижняя, рабочая часть — заостренное перо ложковидной формы с двумя острыми режущими гранями (длина всего сверла 290 мм, длина пера 35 мм, длина черенка 70 мм, диаметр пера 20 мм, диаметр стержня 10 мм) ¹³³ (рис. 82, 20).

Молоток-гвоздодер на одном конце имеет боек для забивания гвоздей, а на другом — плавно загнутый раздвоенный носок для вытаскивания гвоздей. Посередине молотка — круглое отверстие для деревянной ручки. Длина молотка 145 мм, ширина бойка 25 мм, длина «губ» 25 мм, диаметр отверстия для ручки 22 мм (рис. 82, 16).

Кроме инструментов для обработки дерева, найдены небольшие лучковые сверла для косторезных работ (Серенск, Старая Рязань) ¹³⁴ (рис. 82, 13). Аналогичные сверла с лучковым приводом известны в Новгороде, в слоях XII—XIII вв. ¹³⁵

¹²⁸ Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 183, рис. 72.

¹²⁹ Там же, с. 182, рис. 71, рис. 184, рис. 73; с. 185, рис. 74; с. 186, рис. 75.

¹³⁰ Рабинович М. Г. Культурный слой центральных районов Москвы. — В кн.: Древность Московского Кремля. М., 1971, с. 94.

¹³¹ Монгайт А. Л. Старая Рязань, с. 102, рис. 68, 6. Спиральные сверла невелики, длина их от 82 до 115 мм, длина спирали 16—30 мм; перовидные имели длину до 180 мм, длину пера до 22 мм.

¹³² Колич В. А. Железообрабатывающее ремесло. . . , с. 38—39.

¹³³ Подобные сверла известны в древнерусском слое Саргела (Сорокин С. С. Железные изделия Саргела—Белой Вежи. — МИА, 1959, № 75, с. 161, рис. 13, 1, 3, 4).

¹³⁴ Монгайт А. Л. Старая Рязань, с. 103, рис. 69, 4; Даркевич В. П. Раскопки на южном городище Старой Рязани (1966—1969 гг.). — В кн.: Археология Рязанской земли, с. 47, рис. 26, 2.

¹³⁵ Колич В. А. Железообрабатывающее ремесло. . . , с. 67, рис. 53, 3, 4.

ЮВЕЛИРНОЕ ДЕЛО. ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ, СТЕКЛА И КАМНЯ

Ювелирное мастерство в городах Земли вятичей накануне монгольского нашествия может служить темой специального исследования.

Достоянием науки давно стали золотые и серебряные изделия княжеско-боярского убора, сохранившиеся в знаменитыхкладах Старой Рязани, Терехова, Шмарова, Лесков, Писковки и других¹³⁶, являвшиеся шедеврами ювелирного искусства городских ремесленников. Деревенское ремесло вятичей благодаря блестящим исследованиям Б. А. Рыбакова также хорошо известно. Сельские ремесленники в совершенстве владели разнообразными сложными приемами изготовления украшений из цветных металлов, имели свои рынки сбыта¹³⁷.

Однако массовая продукция ювелиров, работавших в небольших вятчских городах, до настоящего времени была почти неизвестна. А между тем, «кузнецы меди и серебра» так же, как и кузнецы железа достигли здесь высокого мастерства. Богата и разнообразна их продукция, изготовленная из серебра, бронзы, меди и биллона: браслеты, перстни, семилепестные и трехбусинные височные кольца, колты, бусы, привески к ожерелью, крестики, амулеты и т. п. Мастерские ювелиров с их специализированными инструментами, остатки меднолитейного горна (Слободка), шлаки и обрезки цветных металлов, слитки металла, заготовки медной и серебряной проволоки, полуфабрикаты, каменные литейные формы, матрицы, тигли со следами расплавленного металла, найденные в мастерских, — убедительное свидетельство развития местного ювелирного ремесла, достигшего особенно высокого искусства в XII—начале XIII в.

Технология производства богатой продукции вятчских ювелиров, доставленной раскопками последних лет, пока изучена недостаточно. Однако и внешнее изучение предметов, как правило, позволяет высказать технологию их производства. Основные принципы подобного изучения изделий древнерусских ювелиров впервые были обоснованы Б. А. Рыбаковым в его труде «Ремесло древней Руси»¹³⁸, затем удачно продолжены Г. Ф. Корзухиной¹³⁹, Н. Н. Стосковой¹⁴⁰, Н. В. Рындиной¹⁴¹ и М. В. Седовой¹⁴².

¹³⁶ Монгайт А. Л. Художественные сокровища Старой Рязани. М., 1967; Даркевич В. П. Монгайт А. Л., Клад из Старой Рязани. М., 1978; Корзухина Г. Ф. Русские клады. М.—Л., 1954, с. 139—141, табл. LX; Гуцун А. С. Памятники художественного ремесла древней Руси. Л., 1936, табл. XIV—XV.

¹³⁷ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. . . , с. 141—163, 441—449, рис. 119 (карта).

¹³⁸ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси, с. 157.

¹³⁹ Корзухина Г. Ф. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания. — СА, 1950, XIV, с. 221.

¹⁴⁰ Стоскова Н. Н. Древнерусское литейное дело. Автореф. канд. дисс. М., 1954; Она же. Литье способом «навыплек» в древней Руси. — В кн.: Вопросы истории естествознания и техники, 1956, № 1.

¹⁴¹ Рындина Н. В. О древнерусском литье «навыплек». — СА, 1962, № 3, с. 91; Она же. Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв. — МИА, 1963, № 117, с. 200.

¹⁴² Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. — МИА, 1959, № 65.

Выводы, сделанные Н. В. Рындиной на основании изучения материалов Новгородской экспедиции с помощью более точных методов (микроструктурный, спектральный, петрографический и другие анализы) могут быть использованы и применительно к рассматриваемым материалам.

Как известно, техника производства орудий сельского хозяйства, инструментов, оружия и предметов быта из черного металла, применявшаяся вятичскими ремесленниками в XI—XIII вв., мало отличалась от уровня развития общерусской техники. Этот же вывод можно сделать и при изучении изделий из цветного металла.

Самым распространенным приемом обработки цветных металлов в эпоху древней Руси являлось литье. Б. А. Рыбакову удалось определить его разнообразные способы: в жесткие литейные формы, изготовленные из глины, в которой оттискивалось готовое изделие, литье по восковой модели с сохранением или потерей формы и т. д.

Коллекция литейных форм, собранная в детинце древнерусского Серенска, по количеству и разнообразию, пожалуй, превосходит все известные до сих пор собрания древнерусских городов за исключением Киева (рис. 48, 49). Несколько литейных форм найдено в Старой Рязани.

подавляющее большинство найденных в Серенске формочек залегало в так называемом горелом слое, который связывается с разгромом и сожжением Серенского детинца монголо-татарами (около 1238 г.).

Наибольшее количество формочек было в центральной части детинца, где обнаружены остатки большой постройки, несомненно включавшей в себя и мастерскую ювелира¹⁴³. Здесь найдено 19 литейных форм, ювелирная наковаленка, разнообразные изделия, решетчатые перстни, вложенные один в другой, более 100 бронзовых целых браслетов, множество полуразрушившихся предметов, определить которые уже невозможно. Огромное количество браслетов являлось, очевидно, готовой, хранившейся в мастерской продукцией. Здесь же найден продолговатый слиток свинца и мотки медной проволоки. Как упоминалось выше, среди литейных форм довольно много имитационных, служивших для изготовления полей украшений — колтов, бус, трехбусиных височных колец и т. п., с помощью хорошо известного древнерусским ювелирам приема литья «навыпшеск».

Всего на раскопанной площади в Серенском детинце было найдено более 50 литейных формочек, изготовленных из белого известняка. Детальное рассмотрение их дано в специальных статьях¹⁴⁴.

В Старой Рязани найдены литейные формы из белого известняка и плотного сланца. Одна из них — четырехсторонняя — служила для отливки круглой и прямоугольной подвесочек и шариков зерни¹⁴⁵, в другой — трехсторонней — отливались четырехконечный крест, плоские тре-

¹⁴³ *Никольская Т. И.* Древнерусский Серенск — город вятичских ремесленников.

¹⁴⁴ *Никольская Т. И.* Литейные формочки древнерусского Серенска. — В кн.: *Культура средневековой Руси*. М., 1974, с. 40 и сл.; *Она же.* Литейные формочки с надписями из древнерусского города Серенска. — *СА*, 1974, № 1, с. 237—240; *Медведева А. А.* О литейных формочках с надписями Максима. — В кн.: *Древняя Русь и славяне*. М., 1978, с. 378, и сл.

¹⁴⁵ *Монзайт А. Л.* Старая Рязань, с. 137, рис. 100, 4, 5.

угольные привески и круглая монетовидная бляха с орнаментом из двух крестовидно пересекающихся овалов ¹⁴⁶.

Более высокую ступень в приемах обработки цветных металлов, по сравнению с литьем, представляло тиснение украшений из серебра, золота (изредка меди) на специальных медных штампах-матрицах, имеющих выпуклый рисунок. Эта техника тиснения тонких золотых и серебряных украшений с применением черни была хорошо известна и вятичским ремесленникам. В Серенске и Старой Рязани найдены медные матрицы разных размеров и форм для изготовления колтов, выпуклых бус, колодочек, разнообразных бляшек, криновидных подвесок и медальонов типа змеевиков ¹⁴⁷. Медные чечевицеобразные матрицы служили для тиснения серебряных колтов, украшенных на черпеном фоне выпуклым рисунком геральдического зверя (диаметр матрицы 35 и 34 мм, толщина 9 мм). Колты, выполненные в подобной технике, найдены в составе клада серебряных украшений в дачине Слободки (рис. 60, 1, 2).

Одна из матриц (Серенск), также предназначавшаяся для изготовления колтов, оказалась необработанной после отливки: по ее контуру обнаружены затеки металла, поверхность так и осталась гладкой, без рисунка (диаметры матрицы 46 и 40 мм, толщина 15 мм).

Как говорилось выше, помимо готовых изделий из меди, бронзы, серебра и биллона, найдено также и сырье для их изготовления — куски листовой меди, слитки металла, целые мотки и обломки медной и серебряной проволоки ¹⁴⁸. Так, в одной из полуземлянок Старой Рязани, являвшейся мастерской ремесленника (№ 29), расположенной рядом с его жилищем (28), найдены слитки олова, медная стружка и обрезки тонких листов меди, в том числе и полоски, служившие для изготовления мордовских наконечников, которые, очевидно, шли на рынок. Здесь же найдены некоторые мелкие поделки из меди ¹⁴⁹.

Местным ремесленникам были хорошо известны приемы волочения проволоки. Об этом свидетельствует не только качество проволоки, но и специальное приспособление для такой техники — волочильная доска, найденная Н. И. Булычевым на Спасском городище (р. Перекша) ¹⁵⁰. Наряду с волоченой на поселениях найдено множество обломков и обрывков кованой проволоки. Ювелирные инструменты (наковальни, ювелирные молоточки, пинцеты, напильники, клещи-кусачки, ножницы по металлу,

¹⁴⁶ Там же, рис. 100, 1, 2, 3. Любопытно, что точно такая же литейная форма найдена на Селигренском городище (подъемный материал). Автор публикации считает, что данный узор типично монгольский и означает «узел счастья» (Крымина М. И. Литейные формы из золотоордынских городов Нижнего Поволжья. — СА, 1977, № 3, с. 250).

¹⁴⁷ *Никольская Т. Н.* Кузнецы железу, меди и серебру от вятич. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 129, рис. 2, 8, 10, 11; *Монгайт А. Л.* Старая Рязань, с. 140, рис. 103.

¹⁴⁸ Большой слиток низкопробного серебра весом около 800 г и мотки медной проволоки найдены в одной из хозяйственных построек Серенска (раскопки автора 1965 г.).

¹⁴⁹ *Монгайт А. Л.* Старая Рязань, с. 139, 142, рис. 107.

¹⁵⁰ *Булычев Н. И.* Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. XIX, рис. 20.

зубила), найденные в мастерских ремесленников, рассмотрены выше в разделе, посвященном орудиям труда.

В рамках настоящей работы невозможно детально рассмотреть все многообразие найденных в городах Земли вятичей предметов украшений, изготовленных местными ремесленниками. Поэтому ограничимся только беглым перечислением основных категорий и типов находок.

Самой многочисленной категорией украшений являются браслеты, которые удалось разделить на восемь отделов: витые, плетеные, ложновитые, пластинчатые, круглопроволочные (дротовые), створчатые, плосковыпуклые¹⁵¹. Подавляющее большинство экземпляров (75%) принадлежит витым браслетам, а среди них — тройным и четверным (рис. 84, 14; рис. 85, 2, 19). Такие браслеты — частая находка также в Слободке, Старой Рязани¹⁵², известны они и в Спас-Городке (рис. 63, 14). Они найдены также и во многих погребениях, открытых в Серенском детинце, относящихся ко второй четверти XIII в. Многочисленны в Серенске и другие типы витых браслетов — 2×3 (рис. 84, 10, 17; рис. 85, 18, 20), 2×4, 3×3, 3×2 и двойные (рис. 85, 7, 8)¹⁵³.

Так же как и в курганах вятичей, в городских поселениях известны ложновитые браслеты, т. е. изготовленные в литейных формах, снятых с витых браслетов. Плетеные браслеты найдены двух типов — без каркаса и на каркасе (кольчужные, по А. В. Арциховскому) (Серенск, Слободка, Старая Рязань) (рис. 85, 21, 16, 17).

Пластинчатые браслеты по количеству найденных экземпляров занимают второе место в древнерусских памятниках Земли вятичей. В детинце Серенска известно 90 пластинчатых браслетов (целых и в обломках), что составляет примерно 20% по отношению к общему количеству браслетов, найденных в наших раскопках.

Типы этих браслетов разнообразны: загнутоконечные, тупоконечные, звериноголовые, «шумящие» створчатые, ленточные (рис. 84, 1, 5, 6, 8, 9, 13; рис. 85, 3, 9, 11—15).

Несколько слов о *шумящих браслетах*. В коллекциях Серенского детинца найдено пять таких браслетов (сохранившихся не целиком). Один из этих браслетов, изготовленный из бронзы в жесткой литейной форме, был овальноконечным. На поверхности браслета, орнаментированной плетенкой, сохранились следы позолоты. Рисунок немного стерт, но легко различим. Края браслета окаймлены ложной сканью. К краям с двух сторон припаяны колечки, по шесть с каждой стороны (три колечка

¹⁵¹ Данный раздел написан главным образом по материалам древнерусского Серенска, коллекции которого по количеству и разнообразию ювелирных изделий превосходят собрания подобных изделий на всех остальных памятниках Земли вятичей. Так, например, за три полевых сезона (1965—1967 гг.) на вскрытой площади, составлявшей около 900 кв. м, найдено 465 браслетов. Для сравнения напомним, что в Новгороде, на площади 5 тыс. кв. м при толщине слоя до 7 м найдено всего 89 браслетов (из них 10 витых). См.: Равдина Т. В. О датировке витых браслетов (по материалам Серенского городища). — КСИА, 1968, вып. 113, с. 117.

¹⁵² Даркевич В. П. Раскопки на южном городище. . . , с. 38—39, рис. 16, 6—10.

¹⁵³ Типологическая классификация данных браслетов дана в главе III (Курганы вятичей XI—XIII вв.). Во избежание повторений здесь она опускается.

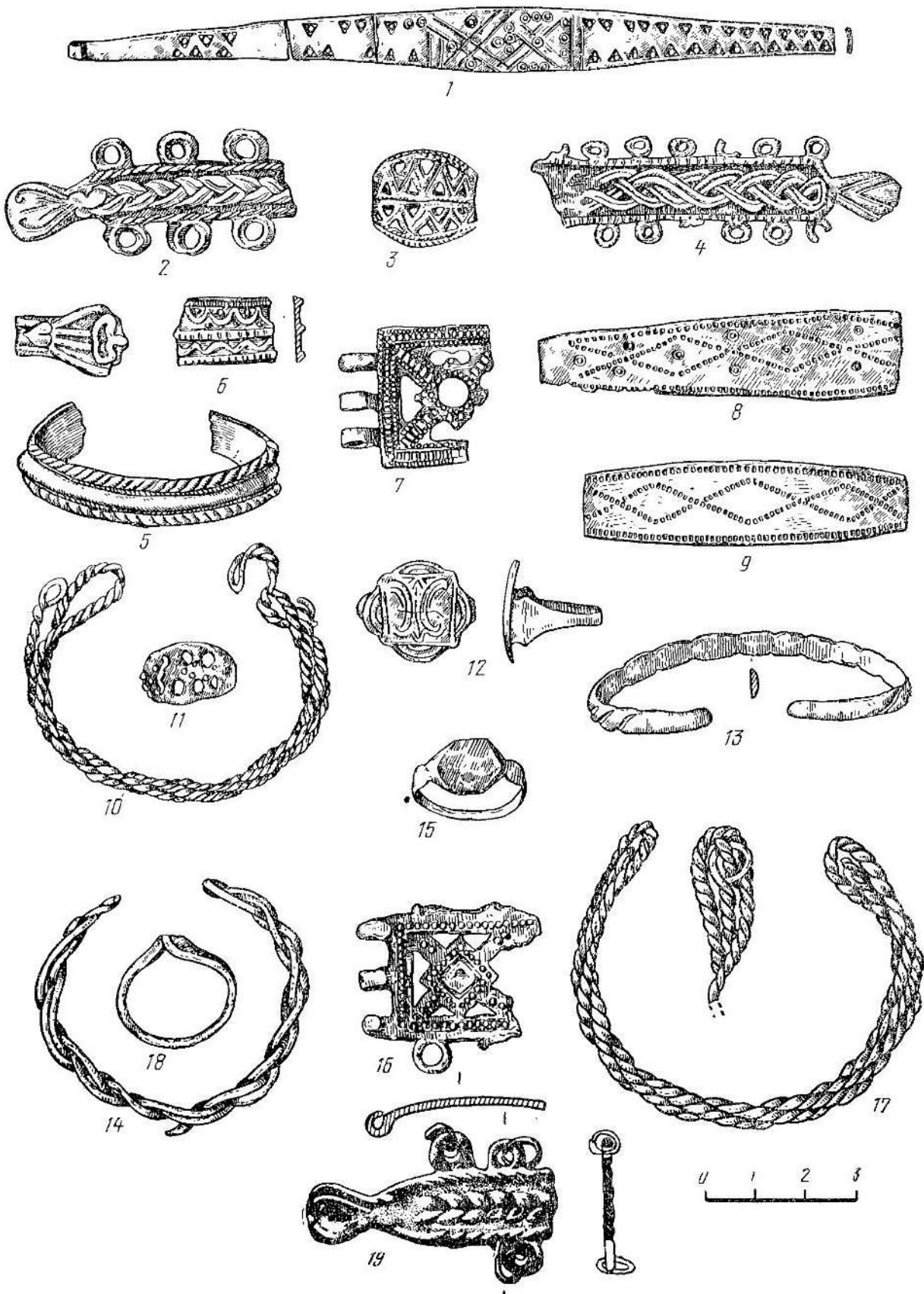

Рис. 84. Предметы украшений

1, 2, 4—9, 10, 13, 14, 16, 17, 19 — браслеты; 3, 11, 12, 15, 18 — перстни; 1—7, 9—12, 14, 16, 17 — Серенск; 8, 13, 15 — Слободка

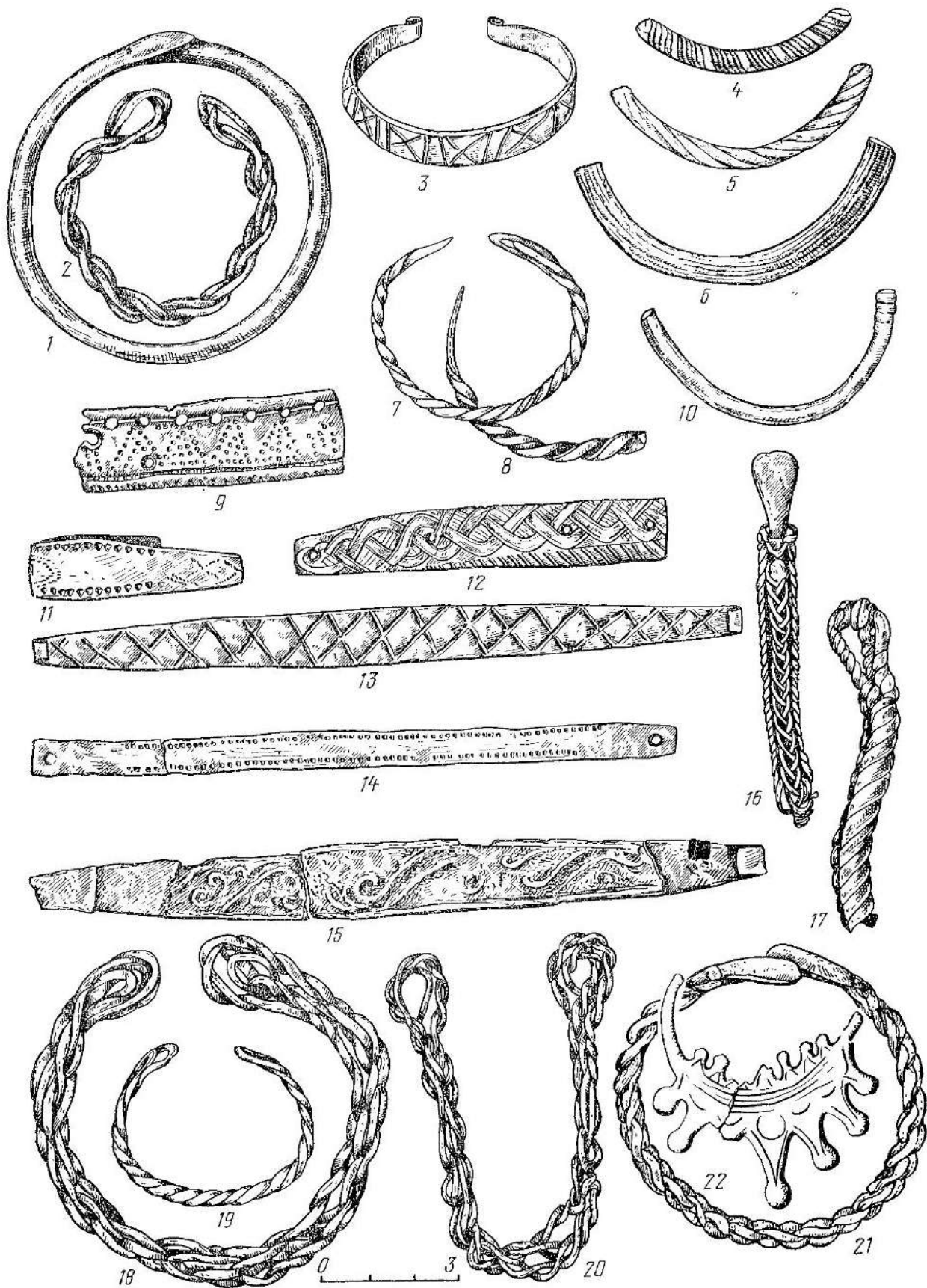

Рис. 85. Предметы украшений

1, 4—6 — браслеты стеклянные; 2, 3, 7—21 — браслеты бронзовые; 22 — височное кольцо

обломаны). Ширина браслета без колечек 11 мм, с колечками — 22 мм, длина сохранившейся части 79 мм (рис. 84, 4).

Второй браслет был выполнен в той же технике, но в отличие от предыдущего, концы его в виде овальных щитков были припаяны к корпусу браслета. Поверхность браслета покрыта рисунком в виде плетенки, а по его краям — рельефный бордюр, имитирующий шнур.

По краям браслета припаяны колечки (сохранилось по три с каждой стороны). Длина обломка браслета 62 мм, ширина без колечек 14 мм, с колечками — 28 мм (рис. 84, 2).

Третий бронзовый браслет был выкован из тонкой пластины, широкой в средней части и постепенно суживающейся к концам, завернутым в трубочку, как у обычных пластинчатых заглутокопечных браслетов. На поверхности браслета чеканный орнамент в виде ромбов с точками. Края браслета как бы подрезаны и завернуты в петельки, в которые были продеты свободно двигавшиеся колечки. Судя по одной стороне браслета, всего было, по-видимому, по четыре колечка с каждой стороны. Однако на представленном здесь экземпляре, на одной из сторон завернута только одна петелька. Возможно, что до нас дошел полуфабрикат браслета, еще не законченного мастером (ширина пластины браслета в самой широкой части 27 мм, в самой узкой — 10 мм, внутренний диаметр подвесного колечка 5 мм, внешний — 8 мм, длина пластины — 115 мм).

Еще один браслет, также бронзовый, судя по обломку, был литой, рельефоорнаментированный двумя волнистыми линиями по поверхности и прямой линией между ними. Любопытно, что с внутренней стороны браслета обнаружен точно такой же орнамент¹⁵⁴. Длина обломка браслета 50 мм, ширина — 12 мм. По краям браслета были напаяны колечки, петельки. С одной стороны, сохранилось два колечка, с другой — только одно (рис. 84, 19).

По-видимому, к колечкам, расположенным по краям браслетов, привешивались еще небольшие шумящие украшения в виде гусиных лапок, вследствие чего браслеты и получили свое название.

Данный тип браслетов встречается довольно редко. По материалам из курганов, известен только один браслет (с. Коханы Смоленской обл.). Браслет литой, рельефный орнамент имитирует плетеную тесьму, по его краям привешено по восемь колечек¹⁵⁵.

Чаще встречается несколько иной тип шумящих браслетов, с колечками, расположенными вдоль центральной оси. Такие браслеты известны в новгородских жальниках и в слое XIII в. в Новгороде¹⁵⁶. Однако и браслеты, подобные серенским, также встречаются на поселениях Древней Руси. Обломками таких браслетов, несомненно, являются бронзовые украшения, найденные на Тушковом городке в слое XI—XIII вв., в Ста-

¹⁵⁴ Подобная же картина обнаружена Н. В. Рындиной на одном из пластинчатых браслетов Новгорода. Автор объясняет это вторичным использованием пластины, а не пробой резца. (Рындина Н. В. Технология производства новгородских ювелиров. . ., с. 234, 235).

¹⁵⁵ ГИМ, инв. № 25778.

¹⁵⁶ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. . ., с. 251, рис. 9, 21.

рой Ладоге и на Бородинском городище Смоленщины¹⁵⁷. Правда, М. Г. Рабинович, опубликовавший эти предметы, вслед за Н. Е. Бранденбургом, трактует их как «центральные бляшки» нагрудных украшений, к которым прикреплялись различные привески¹⁵⁸.

Так называемая бляшка Бородинского городища по своим пропорциям является близкой аналогией первому подтипу описанных выше браслетов¹⁵⁹, а украшения, найденные на Тушковом городке и в Старой Ладоге, — ближе ко второму подтипу.

Как выглядели шумящие браслеты, можно себе представить на основании рисунка украшения, данного в той же статье М. Г. Рабиновича и названного им «финно-угорской бляшкой с привесками»¹⁶⁰. Мы не сомневаемся, что эта «бляшка» также является частью браслета. На концах этих браслетов видны маленькие отверстия, в которые, очевидно, продевался шнурок или проволочка для закрепления браслета на руке.

С автором указанной статьи можно только согласиться, что данные украшения изготовлены под несомненным влиянием финно-угорских племен и свидетельствуют о северо-западных связях славянского населения древнерусских поселений.

В культурном слое Серенска найдено несколько разнообразных литейных форм для изготовления створчатых браслетов. Некоторые из этих формочек предназначались для дорогих серебряных браслетов с чернью киевского и старо-рязанского типов (литейная форма с изображением русалий, человеческой личины и т. п.). Однако большинство створчатых браслетов, очевидно, изготовлялось из бронзы. Обломки таких браслетов найдены в Серенске. Их всего два, они очень близки по размерам и орнаменту, но различаются в деталях. Поэтому эти створки, несомненно, принадлежат двум разным браслетам. Обе створки литые, размером 30 × 25 мм. Каждая створка имеет по три шарнира для соединения со второй створкой. Створки орнаментированы ложной зернью, расположенной в три ряда (на другой створке — один ряд) по ее краям, в центре створки ромб, также украшенный ложной зернью и выпуклым кружком посередине. Ромб расположен в центре крестовидной формы, лучи которого также орнаментированы ложной зернью, а пространство между ними ничем не заполнено. Таким образом, корпус браслетов был ажурным (рис. 84, 7).

Вторая створка браслета отличается от первой тем, что к ее краям с обеих сторон были припаяны колечки (сохранилось только одно), в которые, очевидно, также подвешивались какие-нибудь «гусиные лапки» и такой браслет, таким образом, можно считать шумящим. Возможно, что эта створка браслета была бракованной или не вполне обработанной, так как по краю браслета видны затеки металла (рис. 84, 16).

Перстни. Почти все перстни, найденные на древнерусских поселениях земли вятичей, изготовлены из бронзы или меди. Исключение составляют два золотых перстня, найденные в детинце Серенска (раскопки 1966 г.).

¹⁵⁷ Рабинович М. Г. Древние бронзовые украшения из Тушкова городка. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 134, рис. 1, 2, 3.

¹⁵⁸ Рабинович М. Г. Древние бронзовые украшения. . . , с. 135.

¹⁵⁹ Там же, с. 135.

¹⁶⁰ Рабинович М. Г. Древние бронзовые украшения. . . , с. 134, рис. 1, 5.

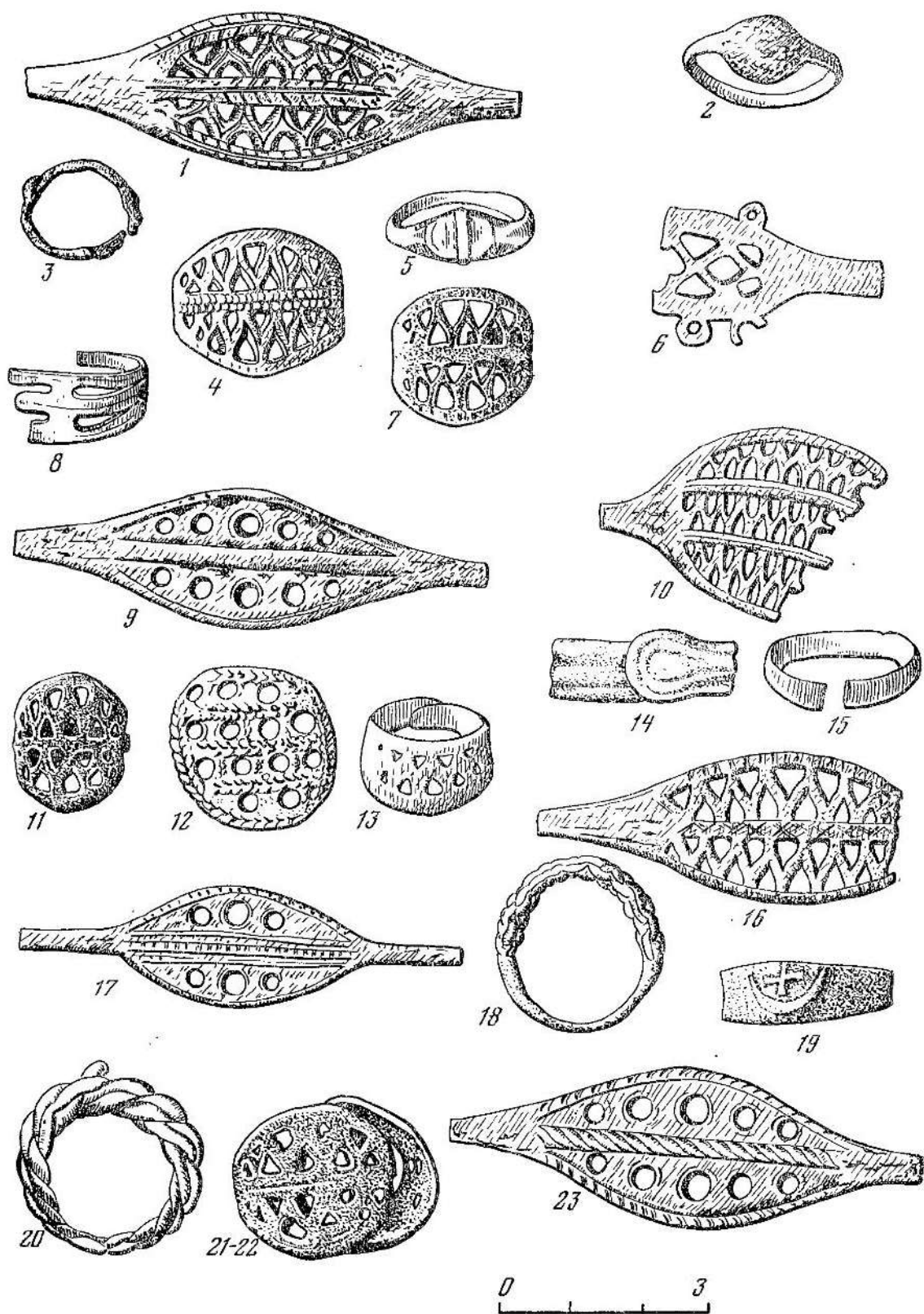

Рис. 86. Перстни

1—4, 6—12, 15—23 — Серенск; 5, 13, 14 — Слободка

Оба перстня пластинчатые; один — массивный, широкосрединный, прямоугольный в сечении, орнаментированный в средней части насечкой (крест и полумосяц), другой — маленький, детский перстенок, в сечении овальный, украшен в средней части двумя маленькими бугорками (рис. 86, 3, 19; рис. 86, 11, 13).

подавляющее большинство среди всех известных нам перстней принадлежит к решетчатым перстням разных типов. Типология их была дана выше (гл. III. Курганы вятичей XI—XIII вв.) (рис. 84, 3, 11; рис. 86, 1, 4—13, 16, 17, 21—23).

Квадрифолийные. Наиболее интересны два серебряных квадрифолийных перстня, найденные в детинце Серенска. (Один из этих перстней целый, от другого оказался только щиток.) Печать одного из перстней орнаментирована монограммой, напоминающей букву «Ж» (рис. 84, 12), на другом перстне орнамент не сохранился, возможно, щиток был гладкий. Такой перстень был найден в усадьбе боярина в Старой Рязани¹⁶¹. Кроме квадрифолийных, найдены шестиугольные и овальнощитковые перстни (Серенск, Слободка, рис. 84, 15; 86, 5, 2).

Кроме перечисленных типов, на поселениях особенно часты находки проволочных перстней, среди которых наиболее распространенным типом являются рубчатые. Они многочисленны в Слободке, Серенске и Старой Рязани. В Серенском детинце найдена литейная формочка для изготовления рубчатых перстней (рис. 44, 18) и отлитые в ней перстни.

Витые и пластинчатые перстни, немногочисленные на вятичских поселениях, все же найдены в Серенске (рис. 86, 15, 18, 20; рис. 84, 18) и Слободке. Известен перстень, изготовленный из обломка пластинчатого, овальноконечного браслета (Слободка, рис. 86, 14). Подобные браслеты характерны для XII—XIII вв.¹⁶² В Серенске найдены литейные формы для изготовления пластинчатых широкосрединных перстней, щитки которых орнаментированы плетенкой и волютками (рис. 48, 3).

Височные кольца. Ни на одном древнерусском городище, находящемся в Земле вятичей, не найдено столько семилопастных височных колец, сколько в Серенске. Это объясняется большим количеством погребений (целых и совершенно разрозненных), найденных в культурном слое Серенского детинца. Около погребенной находилось так же, как и в курганах вятичей, по семи лопастных височных колец; в некоторых погребениях найдено шесть, четыре или два кольца. Преобладают кольца развитых форм (рис. 89, 52). Но встречаются семилопастные, имеющие секировидные лопасти и боковые колечки, орнамент которых относится

¹⁶¹ Даркевич В. П. Раскопки на южном городище. . . , с. 39, рис. 16, 12.

¹⁶² Арциховский А. В. Курганы вятичей. . . , с. 22; Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. . . , с. 252.

Рис. 87. Изделия из стекла и цветного металла

1, 2, 28 — фрагменты стеклянных сосудов; 3 — бусина (золото); 4, 22 — крестик (мозаика); 6 — крестик с эмалью; 5, 7, 9, 10, 12, 14, 17, 19, 26 — бусы; 11, 13, 15, 20 — перстни (золото, медь, стекло); 8, 18, 21, 23, 25, 27 — обломки стеклянных браслетов; 24 — серьга (золото) (Слободка—Серенск)

1-6

7

8

10-12

9

19

20

13

24-25

14-18

21

26

27

29-31

22

23

28

32

33-35

36

37

к раннему типу. Кроме семилопастных, известно два пятилопастных кольца маленького размера ранней формы¹⁶³.

В даче Слободки, в жилище около печи найдено раннее семилопастное колечко, лопасти которого скорее напоминают «лучи» (рис. 85, 22). Трехбусинные височные кольца, многочисленные во всехкладах Старой Рязани, известны также и в Серенске: это целиком серебряные или бронзовые с серебряными бусами кольца.

Найдено и золотое трехбусинное колечко с ажурными бусинками, орнаментированными зернью и сканью (рис. 87, 24). Перстнеобразные проволочные колечки, бронзовые и серебряные, найдены целые и в обломках на многих поселениях (рис. 89, 39, 40). Многочисленные привески к ожерельям — ажурные, монетовидные, крестовидные¹⁶⁴, криновидные, волотовидные и лунничные — найдены в Серенске, Старой Рязани, Слободке, Спас-Городке (рис. 89, 10—19, 23, 30—32, 35, 36, 41, 43, 44, 46, 50, 51, 53—55). Для некоторых из них известны литейные формочки и матрицы (Серенск, Старая Рязань, рис. 48, 2; 49, 1, 4, 6, 8, 9, 14, 16; рис. 89, 47). По-видимому, многие подобные украшения, найденные в вятичских курганах, изготовлены именно городскими ремесленниками. Встречаются на поселениях и подвески-амулеты (рис. 89, 4, 22, 29, 48) и шарообразные бубенчики с прорезями (рис. 89, 20, 26, 28); вкладах Старой Рязани многочисленны золотые и серебряные бочковидные бусы, орнаментированные сканью; подобные же бронзовые бусы найдены в Серенске (рис. 89, 25); из Серенска происходит и бронзовая фибула-пряжка с выемчатой эмалью (рис. 89, 37).

Изделия из стекла. Стекланные предметы из раскопок вятичских городищ (в бассейне Верхней Оки) изучены М. Д. Полубояриновой, изделия Старой Рязани, Москвы — Ю. Л. Щаповой. Ею же произведены и спектральные анализы стекла на всех памятниках. Так как результаты исследований Ю. Л. Щаповой опубликованы¹⁶⁵, обратимся к памятникам бассейна Верхней Оки. Все городища относятся к одному и тому же времени — предмонгольскому столетию и близки территориально. Это делает особенно интересным сравнение стеклянных вещей, происходящих из них. Но памятники изучены в разной степени, материалы их неравноценны.

Оказалось, что культурный слой городищ насыщен обломками стеклянных браслетов, перстней, бусами неодинаково. Наибольшее число находок стекла приходится на Серенск. Этот памятник оказался самым интересным с точки зрения стеклоделия древней Руси. В Серенске най-

¹⁶³ Никольская Т. Н. К истории древнерусского города Серенска, рис. 37, 1.

¹⁶⁴ Там же, рис. 2, 9, 10.

¹⁶⁵ Щапова Ю. Л. Стекланные изделия из Старой Рязани. — В кн.: Археологии Рязанской земли. М., 1974, с. 76 и сл.

Рис. 88. Изделия из стекла, камня, цветного металла

1—6, 9—12, 14—18, 24—27, 29—35 — бусы (хрусталь, сердолик, стекло); 7 — подвеска бронзовая с янтарной вставкой; 8 — крестик янтарный; 19 — вставка для перстни (аметист); 13, 21—23 — фрагменты стеклянных браслетов; 20 — фибула с эмалью; 26 — фрагмент сосуда восточного производства; 27 — фрагмент поливного сосуда (Серенск, Спаское, Слободка); 8 — Спас-Городок

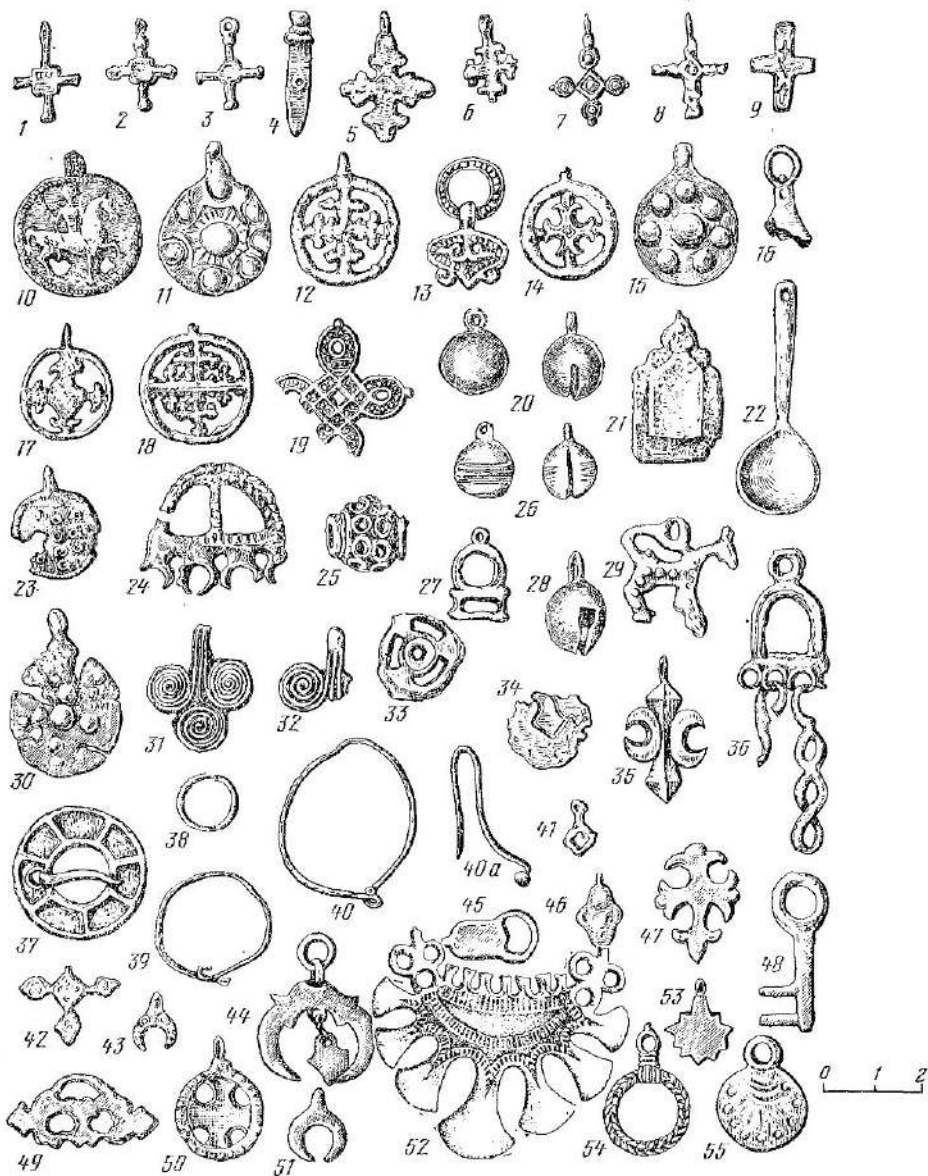

Рис. 89. Предметы украшений

1—3, 5—9, 42 — крестики (7—8, 42 — с эмалью); 1—19, 23, 24, 29—32, 35, 36, 41, 46, 50, 53—55 — подвески; 27, 45, 49 — княжские застежки; 25 — бусина; 4, 22, 48 — амулеты; 20, 26, 28 — бубенчики; 21, 33 — поясные бляшки; 37 — фибула с эмалью; 38—40, 40а, 52 — височные кольца; 43, 44, 51 — лунницы; 34 — пластинка с княжеским знаком; 47 — матрица (1—42, 48, 49, 52 — Серенск; 33, 43—47, 50, 51, 53—55 — Старая Рязань)

дено 8120 обломков стеклянных браслетов, 290 бус, 7 перстней (один целый, остальные в обломках). Обломки стеклянной посуды здесь встречаются крайне редко¹⁸⁶. Среди массы стеклянных браслетов — половина фиолетовых; такой большой доли фиолетовых браслетов не отмечено ни в одном древнерусском городе. Особенность окраски браслетов Серенска дополняется своеобразием соотношения форм: 75% по городищу в целом (а местами до 94%) оказались различными вариантами крученых браслетов. Обычно круглые и крученые браслеты встречаются примерно в одинаковых количествах и составляют вместе до 95% всех браслетов. Интересно отметить, что среди многих деформированных под действием огня браслетов несколько экземпляров безусловно являются производственным браком (рис. 87, 18, 21, 27; рис. 88, 21).

Бусы Серенска также дают своеобразную картину: во-первых, их гораздо больше, чем обычно, в средневековом русском городе. Основную массу представляют зонные и кольцевидные бусы — их 230 из 290 экз. Каждая из остальных форм, как обычно, представлена несколькими экземплярами (рис. 87, 5, 10, 12, 14; рис. 88, 1, 9, 12, 24, 25, 26, 32).

Зонные и кольцевидные бусы сделаны довольно грубо, нестандартны по форме и не подвергнуты окончательной отделке. Фиолетовый цвет стекла в бусах также преобладает — фиолетовые бусы составляют 58,5%.

Из семи найденных обломков стеклянных перстней только один черный, все остальные фиолетовые. Некоторые особенности формы и декора отличают серенские перстни от других древнерусских (рис. 87, 20).

Анализы стекла из Серенска показали, что все эти вещи изготовлены из стекла K—Pb—Si, характерного для русского стеклоделия XII — середины XIII вв. Ю. Л. Шаповой отмечена одна особенность состава серенских стекол — большее, чем обычно, содержание свинца в некоторых из исследованных предметов. Эта особенность отмечена пока лишь для фиолетовых стекол, которые преимущественно и исследовались.

Все эти данные, наряду с находками кусков оплавленного стекла, безусловно, свидетельствуют о существовании в Серенске в предмонгольское время собственного стекловаренного и стеклоделательного ремесла. Производством местных мастерских были, по-видимому, браслеты, зонные и кольцевидные бусы и перстни. Посуда и оконное стекло в Серенске не производились.

Другой крупный и хорошо исследованный памятник — городище Слободка — дал совершенно другую картину. Стеклоделия браслетов и бус здесь в несколько раз меньше, чем в Серенске (670 обломков браслетов, 10 бус), но зато здесь найден целый браслет (рис. 85, 1, 4—6), больше фрагментов стеклянной посуды общерусских типов, центр производства которых, по мнению Ю. Л. Шаповой, находился в Киеве (рис. 87, 1, 2, 28). По цветовой гамме и по сочетанию форм браслеты Слободки резко отличаются от серенских. Сочетание форм здесь такое же, как в большинстве древнерусских городов: основное число браслетов круглые и все виды крученых, составляющие примерно равные группы. По цвету

¹⁸⁶ Та же картина отмечена и в древнерусском Изяславле (Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972, с. 37).

Слободские браслеты обнаруживают некоторое сходство с браслетами Старой Рязани (рис. 87, 8, 18).

Анализы стекол городища Слободка также показали состав $K-Pb-Si$, но без той особенности, которая отмечена для стекол Серенска. Ясно, что источники снабжения стеклянными изделиями для этих двух городов были различными.

Городища Комаровское, Титово-Мотыка, Кромь, Гать, Спасское дали при небольших площадях раскопок небольшое число стеклянных браслетов и уж совсем мало бус, перстней и посуды (рис. 88, 22, 23).

По форме браслетов близкий к Серенску материал дали Спасское и Кромь, но по цветовой гамме они отличаются — здесь больше всего черных браслетов, как и на городищах Гать и Комаровское. Один исследованный фиолетовый браслет Спасского городища дал то же повышенное содержание свинца, что и серенские.

По цвету и большому процентному содержанию необычных редких форм сближаются между собой браслеты городищ Гать и Комаровское. Однако коллекции стекла всех этих памятников настолько малы, что не поддаются статистической обработке.

Интересна находка на городище Кромь — края стеклянной византийской тарелки, какие встречаются на Нижне-Архызском городище на Северном Кавказе и в Киеве.

В целом, можно сказать, что из всех этих исследованных городищ XII—начала XIII в. вятичской земли, лишь Серенск имел собственное стекловарение и стеклоделние. В другие города стеклянные изделия поступали из различных источников.

Производство стеклянных браслетов в домонгольское время, по мнению Ю. Л. Шаповой, было и в Старой Рязани. Однако большая часть их ввозилась из Киева¹⁶⁷.

Стеклоянная посуда Старой Рязани также как и Слободки, была привозной и происходит из мастерских Ближнего Востока, Византии, Западной Европы, Киева¹⁶⁸. Известны в Старой Рязани и два обломка оконного стекла, привозившегося из Византии. Все эти дорогие предметы импорта найдены главным образом на территории богатой, боярской усадьбы¹⁶⁹.

Изделия из камня представлены на поселениях Земли вятичей бусами, пряслицами, крестиками, литейными формами. Так же как и в вятичских курганах, среди каменных бус преобладают сердоликовые бипирамидальные и хрустальные шарообразные. Они по-прежнему особенно многочисленны в Серенске, так как являются почти непременной принадлежностью многих погребений, открытых в серенском детинце (рис. 87, 7, 16, 26; рис. 88, 2—6, 14—17). Как упоминалось выше, бусы эти не были предметом местного производства и привозились с Востока и, возможно, из Киева.

¹⁶⁷ Шапова Ю. Л. Стеклянные изделия из Старой Рязани. . . , с. 78—80; *Она же*. Стекло Киевской Руси, с. 172—174.

¹⁶⁸ Шапова Ю. Л. Стеклянные изделия из Старой Рязани, с. 81—90.

¹⁶⁹ Даркевич В. П. Раскопки на Южном городище. . . , с. 42—43.

Импорт с юга были широко распространенные на Руси овручские шиферные пряслица, поступавшие на рассматриваемую территорию с XI по XIII в., вплоть до монгольского нашествия.

Каменные напольные крестики, изготовленные из черного или серого мрамора, найдены нам многих городских поселениях (Серенск, Слободка, Старая Рязань, Спас-Городок (рис. 103, 2, 4, 8). В кладах Старой Рязани такие крестики встречены в оправе из серебра, орнаментированной зернью, и выполнены из яшмы, змеевика и мрамора¹⁷⁰. Уникальным был крест, найденный в Московском Кремле: концы его в золотой оправе с надписями ic—хъ, NH—KA (рис. 103, 3).

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЛЫ

Несмотря на то что социально-экономической основой городов Древней Руси, и в том числе городов Земли вятичей, были ремесло и торговля, население их не порывало окончательно связи с сельским хозяйством, продукты которого служили важным подспорьем в жизни горожан¹⁷¹. Об этом можно судить хотя бы на основании того, какое большое место среди всех орудий труда занимает здесь сельскохозяйственный инвентарь: сошники, плужные лемехи, чересла, серпы, косы. Находки рыболовных снастей в культурных слоях городов — грузил, крючков, гарпунов, острог — говорят и о значительной роли рыболовецкого промысла.

Если сравнить количество найденных орудий сельского хозяйства и промыслов в некоторых городах Земли вятичей с количеством инструментов ремесленников, служивших для обработки металла, дерева, кожи и т. д., то можно видеть, что их доли почти равны, однако, первые составляют все же 58%, а вторые — 42% от общего количества вещей этих двух категорий¹⁷². Как говорилось выше, письменные источники позволяют сделать вывод о ведущей роли пашенного земледелия в Земле вятичей, так как единица обложения налогом уже в X в. вычислялась «от плуга». Под 964 г. Повесть временных лет сообщает, что вятичи платят дань хазарам «от рала»¹⁷³, а под 981 г. Владимир «...Вятичи побѣди и възложи на нь дань от плуга якоже и отц его имаше»¹⁷⁴.

По неполным данным, в поселениях Земли вятичей найдено пять сошников, шесть плужных лемехов, два плужных пожа-чересла, более 40 серпов и около 40 кос-горбуш. Весь этот сельскохозяйственный инвентарь изготовлен местными кузнецами и слесарями, хорошо владевшими техникой металлообработки.

Интенсивное развитие пашенного земледелия в Рязани и в Рязанской земле давало возможность получать в изобилии хлеб не только для собственных нужд, но и для вывоза в Новгородскую землю¹⁷⁵. Ведущими культурами здесь были рожь, пшеница и просо.

¹⁷⁰ Монгайт А. Л. Старая Рязань, с. 149, рис. 118, 8, с. 151.

¹⁷¹ Никольская Т. Н. Сельское хозяйство и промыслы в городах Земли вятичей. — КСИА, 1975, вып. 144, с. 23.

¹⁷² Статистический подсчет взят по двум городам — Серепеку и Слободке.

¹⁷³ ПСРЛ, т. I, стб. 65.

¹⁷⁴ ПСРЛ, т. I, стб. 81—82.

¹⁷⁵ Монгайт А. Л. Старая Рязань, с. 164, 165.

Рассмотрим некоторые сельскохозяйственные орудия, найденные на поселениях. Самыми ранними являются сошники, обнаруженные на селище Лебедка и городище Лужки. Сошник из Лебедки треугольной формы равноплечий, длина его 22 см, ширина лопасти 12 см, ширина трубицы 7 см, длина трубицы 5 см¹⁷⁶. Сошники такой формы были приспособлены для обработки почвы в лесной полосе.

Подобный сошник опубликовал Д. Я. Самоквасовым в Атласе гочевских древностей¹⁷⁷, близкие по форме, но меньших размеров известны на Волинцевском, Новотроицком и Шуклинском городищах¹⁷⁸.

На Семеновском городище (Высокая гора), близ Переяславля Рязанского также найден сошник (наконечник, надеваемый на деревянную развилку сохи) в виде узкой, заостренной полосы железа с загнутой втулкой¹⁷⁹. Сошники, найденные в Серенске, также треугольные, но несколько больших размеров: длина их 20,5 и 22 см, длина трубицы 9,5 и 10 см, ширина сошников 6 см, ширина трубицы 7,5 и 8 см (рис. 90, 8, 9). Несомненно, что данные орудия принадлежали разным сохам. Подобные сошники, по мнению В. П. Левашовой, применялись в многозубых сохах, так как у двузубых сох сошники были длиннее¹⁸⁰. По форме эти орудия близки сошникам, найденным в кургане у с. Большая Брембола (Владимирской обл.) и во Вщиже.

Плужные лемехи, найденные в Серенске, были больших размеров: длина их 31,5 и 30 см, ширина 22 см, длина трубицы 9,5 и 11 см, ширина трубицы 18 см (рис. 90, 7). Лемехи Вышгородского селища и Пронска также треугольные, асимметричны, но лемех Вышгорода массивнее и большего размера: он сварен из двух пластин, в средней части снаружи приварена продольная полоса, края лемеха тоньше. Длина лемеха 29,5 см, ширина — 28 см, ширина трубицы 20 см, длина — 9 см¹⁸¹. Слободские лемехи меньших размеров. Они имеют длину 25 и 23 см, ширину — 18 и 17,5 см, ширину трубицы 8,5 и 14,5 см. С внешней стороны на поверхности одного из лемехов наварена стальная полоса (рис. 91, 1, 2).

В Вышгороде и Серенске найдена и другая рабочая часть плуга — чересло или плужный нож, устанавливавшийся впереди лемеха и разрезающий во время вспашки слой почвы. Длина ножей 45 и 57 см, длина лезвий 20 и 30 см, ширина лезвий 7 см, толщина клинка 2 см.

Особенно многочисленны находки орудий уборки урожая. Как и всюду на Руси, в Земле вятичей уборка зерновых хлебов на окрестных полях производилась серпом¹⁸². Изученные формы и типов древнерусских сер-

¹⁷⁶ *Никольская Т. П.* Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н. э. — МИА, 1959, № 72, с. 59, рис. 24, 1.

¹⁷⁷ Атлас Гочевских древностей. — М., 1915, табл. I, а, 12.

¹⁷⁸ *Довженко В. И.* Раскопки билия с. Волинцево Сумской обл. — Археологічні пам'ятки УРСР, Київ, 1950, т. III, с. 255; рис. 3; *Япушкин И. И.* Городище Новотроицкое. — МИА, 1958, № 74, с. 135, рис. 89, 2; *Никольская Т. П.* Шуклинское городище. — КСИИМК, 1958, вып. 72, с. 76, рис. 22, 1.

¹⁷⁹ *Монгайт А. Л.* Рязанская земля, с. 259.

¹⁸⁰ *Левашова В. П.* Сельское хозяйство. Очерки по истории Русской деревни X—XIII вв. М., 1956, с. 28.

¹⁸¹ *Монгайт А. Л.* Рязанская земля, с. 258, 259, рис. 108.

¹⁸² *Довженко В. И.* Землеробство древней Руси. Київ, 1961, с. 149.

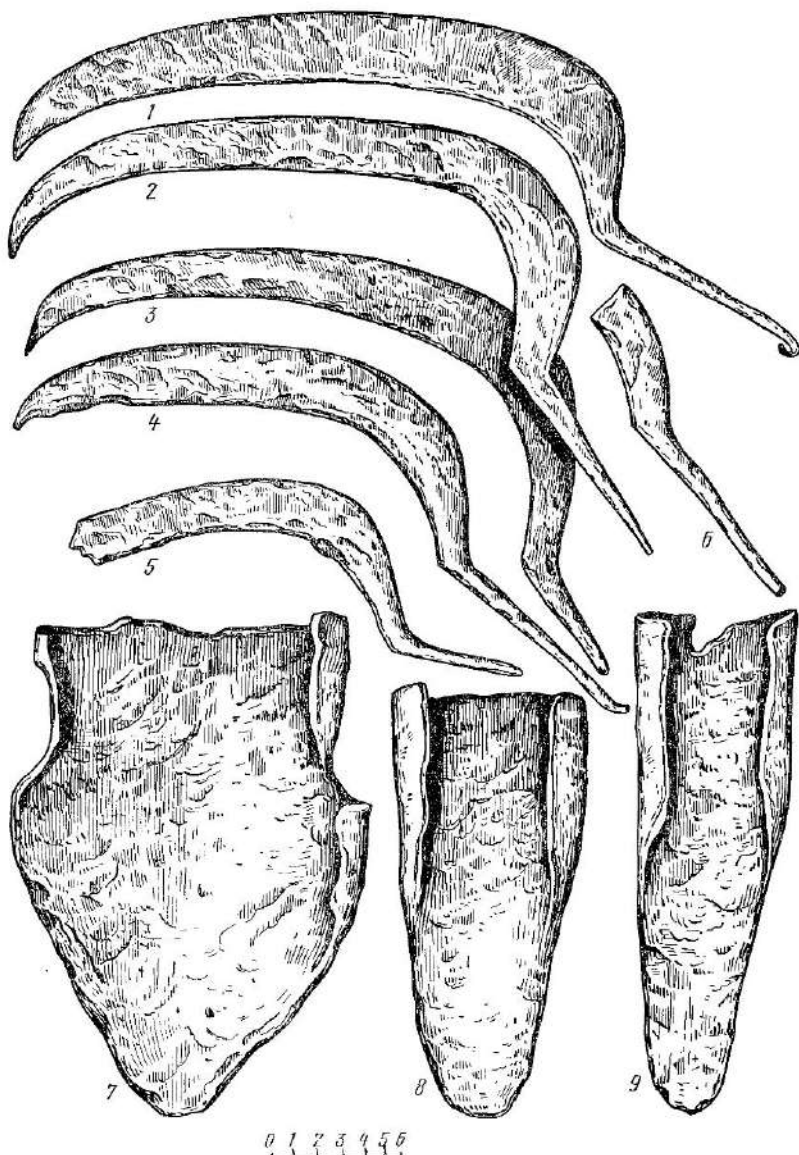

Рис. 90. Орудия сельского хозяйства

1—6 — серпы; 7 — плужный лемех; 8—9 — сошники; (1—6 — Слободка; 7—9 — Серенск)

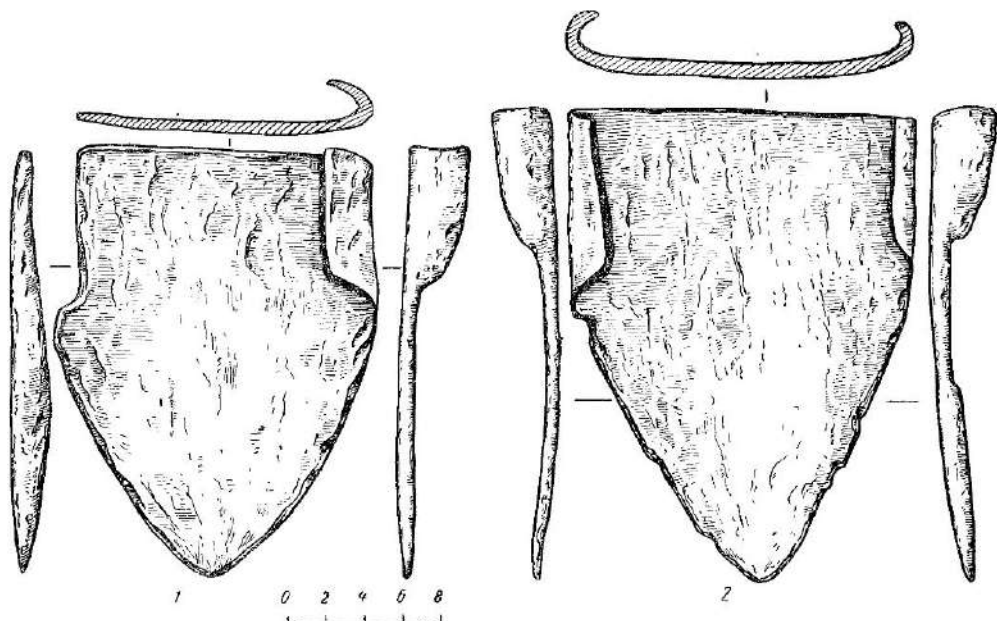

Рис. 91. Слободка

1, 2 — лемехи

пов, как известно, занимались А. В. Арциховский¹⁸³, В. П. Левашова¹⁸⁴, и Ю. А. Краснов¹⁸⁵, исследованием технологии их изготовления — Б. А. Колчин¹⁸⁶. Имеющиеся целые серпы (Серенск, Слободка, 10 экз.) (рис. 90, 1—6), нельзя отнести строго ни к московскому, ни к новгородскому типу; возможно, что при большом накоплении материала, удастся выделить местный вариант серпов, например орловский или калужский. И только серпы Старой Рязани, имевшие стальное, наваренное незазубренное лезвие, принадлежали к московскому типу. Известны и цельно-стальные, термически обработанные серпы¹⁸⁷. Серпы Переяславля Рязанского и Вышгорода относятся к «булгарскому» типу: клинок угловатой формы с длинным тонким черенком, вставлявшимся в деревянную рукоятку¹⁸⁸.

Найденные на вятичских поселениях серпы были разных размеров. У самого меньшего линия АВ¹⁸⁹ равна всего 17,5 см, у большего — 32 см

¹⁸³ Арциховский А. В. К методике изучения серпов. — Труды Секции археологии РАНИОН. М., 1928, IV.

¹⁸⁴ Левашова В. П. Сельское хозяйство, с. 70 и сл.

¹⁸⁵ Краснов Ю. А. Из истории железных серпов в лесной полосе Европейской части СССР. — КСИА, 1966, вып. 107, с. 17.

¹⁸⁶ Колчин В. А. Черная металлургия и металлообработка..., с. 91 и сл.

¹⁸⁷ Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 260.

¹⁸⁸ Там же, с. 260.

¹⁸⁹ Буквенные обозначения приводятся по статье В. П. Левашовой «Сельское хозяйство», с. 60, 61, рис. 14.

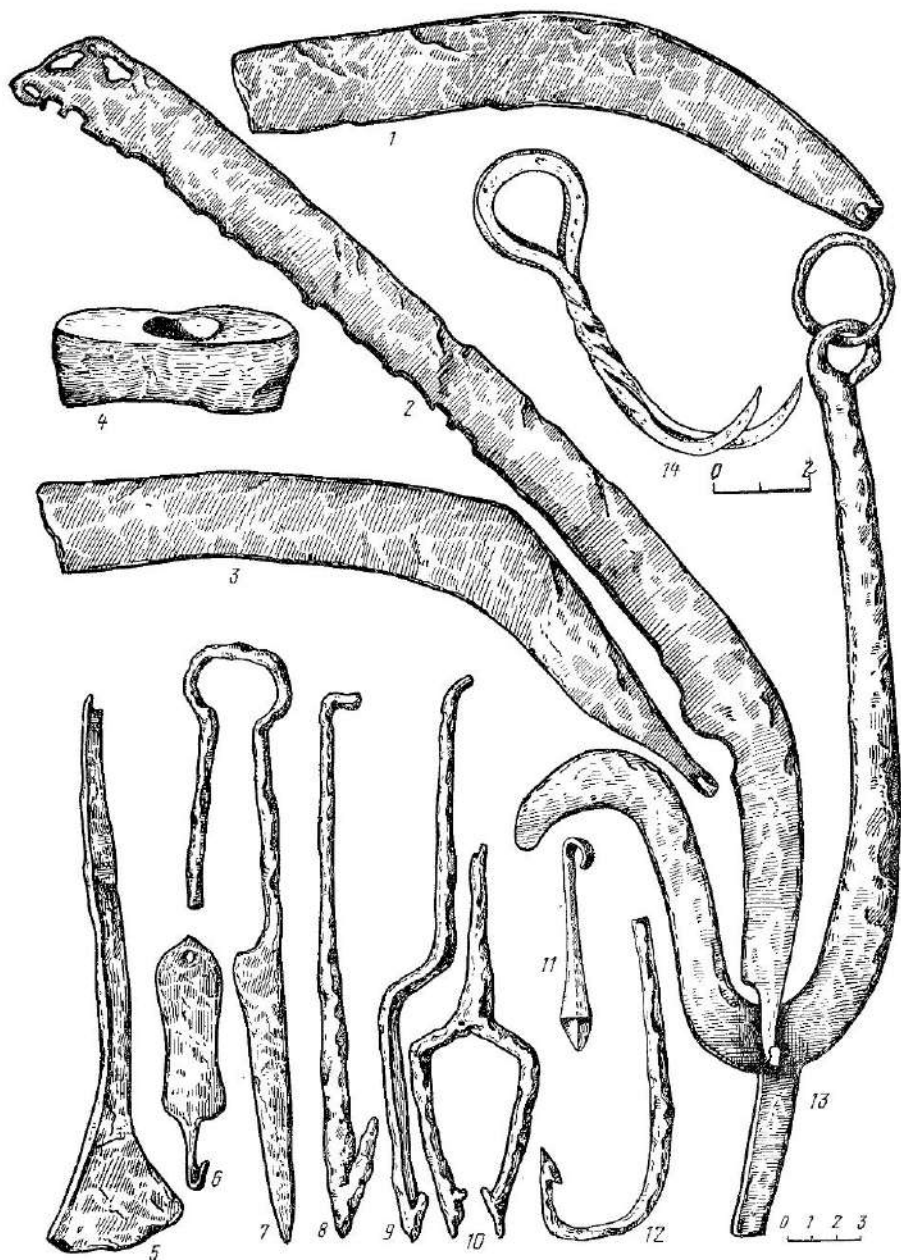

Рис. 92. Орудия уборки урожая и промыслов

1—3 — косы; 4 — порханица; 5 — медорезка; 6 — блесна; 7 — ножницы; 8 — гарпун; 9, 10 — остроги; 11 — часть богала; 12 — крючок рыболовный; 13 — сенорезка (?); 14 — крючок тина «кошки» (1, 3—5, 13 — Серенск; 2, 6—12, 14 — Слободка)

(Старая Рязань), у остальных — длина линий АВ варьирует в пределах 22,5; 25, 26, 29,5 см, ширина лезвий серпов от 3 (у самого меньшего) до 4,5 см (у большего). Высота изгиба дуги лезвия (СД) у четырех серпов равна $\frac{1}{3}$ длины ее основания, у пяти — $\frac{1}{4}$ и у одного $\frac{1}{5}$ длины ее основания. Вершина дуги изгиба чаще приходится против $\frac{1}{3}$ АВ, т. е. так же, как и у серпов новгородского типа, она сдвинута в сторону рукоятки, однако, вершина лезвия клинка не совпадает с вершиной тыльной части клинка, что сближает эти серпы с московским типом. Изгиб начальной части клинка слободских серпов приближает их также к московскому типу: А имеет от 58 до 72%, а В — показывающее изгиб конечной части клинка меньше А всего на 10—20°; и только один большой серп, так же, как и серенские — ближе к новгородскому типу: А=95°, 80° и 88°; В — 70°, 60° и 55°. Лезвия всех слободских серпов зазубрены, в Серенске, Старой Рязани, Переяславле Рязанском и Вышгороде чаще находили серпы с незазубренными лезвиями. Черенки всех серпов отогнуты под углом к клинку; на некоторых из них сохранились остатки деревянных рукояток.

Размол зерна производился, очевидно, домашним способом, — находки жерновов очень часты в хозяйственных постройках (Старая Рязань, Серенск, Москва, Пронск, Лужки). В Серенске найдена также железная порхлица (рис. 92, А), на которой держалась ось для вращения жерновов.

К орудиям уборки урожая относится еще один предмет, найденный в одной из хозяйственных ям Серенска, в которой лежали также два жернова (верхний и нижний). Это орудие изготовлено из широкой полосы железа; один конец его, короткий, слегка отогнут, другой, длинный, загнут в виде пегли, в которую продето кольцо (рис. 92, Б). От нижней, дугообразной части орудия отходит черенок, вбивавшийся, очевидно, в деревянную рукоятку (на черенке сохранились остатки дерева). Возможно, этим орудием пользовались для резки соломы.

С земледелием тесно связано и развитие животноводства. Материалы, характеризующие эту отрасль хозяйства в Земле вятичей, довольно значительны. На поселениях в жилых и хозяйственных постройках, а также за их пределами собрано множество костей животных. Об остеологическом материале, собранном на селище Лебедка, уже писалось¹⁹⁰. Наибольшее количество костных остатков собрано в культурном слое городов Москвы, Серенска, Слободки и Старой Рязани. Видовое распределение остеологического материала по четырем памятникам показано на табл. IX (определение В. И. Цалкина).

Основную массу костных остатков составляют кости крупного рогатого скота. Подобная же картина обнаружена во многих других древнерусских поселениях¹⁹¹. Второе место занимают костные остатки свиньи¹⁹². Об-

¹⁹⁰ *Никольская Т. П.* Древнерусское селище Лебедка. — СА, 1957, № 3, с. 184.

¹⁹¹ *Цалкин В. И.* Домашние и дикие животные Старой Рязани. — В кн.: *Монгайт А. Л.* Старая Рязань, с. 201, 202.

¹⁹² По количеству особей во всех рассмотренных памятниках преобладающим видом является свинья. Это объясняется тем, что природные условия лесной и лесостепной полосы Восточной Европы способствуют развитию свиноводства. Кроме того, плодородность свиной значительно превосходит все другие виды сельскохозяйствен-

рацает внимание довольно большое количество костей лошади — они на четвертом месте, а в Слободке, Серенске и Старой Рязани составляют 16,5%, 7,3% и 13,2%. И только в культурном слое Москвы (Зарядье и Кремль) кости лошади на последнем месте. И несмотря на это, В. И. Цалкин считал, что население Древней Руси (в том числе Москвы и столицы Рязанского княжества — Старой Рязани) все еще употребляло в пищу копыну¹⁹³.

Однако использование лошади в хозяйстве как тягловой силы, а также для боевых целей было бесспорным.

Содержание крупного и мелкого рогатого скота, а также лошадей, требовало заготовки большого количества корма на зиму. Основным орудием сенозаготовок была коса (рис. 92, 1—3). Все найденные в памятниках Земли вятичей косы относятся к типу кос-горбуш (Серенск, Слободка, Старая Рязань, Вышгородское селище, сел. Лебедка, Высокая гора). Длина клинков кос по прямой от 40 до 55 см, ширина лезвий от 4 до 5 см. Косы в средней части мало изогнуты, конец черенка загнут крюком для более прочного скрепления с рукояткой. На некоторых косах черенок отделен от клинка небольшим уступом, как это бывает обычно на древнерусских косах; однако найдены косы, на которых уступ не обнаружен. На некоторых экземплярах из Старой Рязани, неподалеку от крока бывают пробиты отверстия. Возможно, что эти косы были со складными рукоятками — футлярами¹⁹⁴. Лезвия косы обычно гладкие, но изредка встречается насечка (Старая Рязань). Толщина клинков в среднем равна 4 мм. По имеющимся материалам трудно определить, к какому типу принадлежали найденные косы-горбуши. Если принять во внимание соотношение ширины и длины клинка кос (ширина клинка составляет $\frac{1}{10}$ длины), то большинство кос можно отнести к среднерусскому типу, однако длина черенка (7 см), скорее соответствует южному типу¹⁹⁵.

Со скотоводством связаны пружинные ножницы, служившие для стрижки овец (рис. 92, 7) и часть ботала (рис. 92, 11) (Серенск, Старая Рязань).

Кроме земледелия и животноводства, население занималось различными промыслами; среди них хорошо известны бортничество, рыболовство и охот. С первым связаны довольно частые находки специальных орудий — медорезок (рис. 92, 5). Это коленчатые ножи, по форме похожие на современные, служившие для извлечения из сот меда (ширина лезвий медорезок от 3,5 до 5 см, длина рукоятки 7—12 см). О бортничестве в Рязанской земле говорится и в письменных источниках.

Так, в жалованной грамоте Олега Рязанского Ольгову монастырю упоминаются бортные земли.

ных животных (Цалкин В. И. Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок Москвы. — В кн.: Древности Московского Кремля, с. 182).

¹⁹³ Цалкин В. И. Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок Москвы, с. 166, с. 183, т. 8, с. 184; Монгайт А. Л. Старая Рязань, с. 166.

¹⁹⁴ Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 262, рис. 110. Подобные косы известны в Новгороде (МИА, 1959, № 65, с. 74, 75, рис. 61).

¹⁹⁵ Левашова В. П. Сельское хозяйство, с. 90; Даркевич В. П. Раскопки на южном городище. . . , с. 48, рис. 27.

Рыболовство на протяжении многих веков служило важным источником питания в Древней Руси¹⁹⁶. А во время многих религиозных постов рыба приобретала еще большее значение в рационе населения. Значительную роль играло рыболовство в промыслах населения земли вятичей. Находки разнообразных орудий и снастей на поселениях говорят не только о хорошо развитом рыболовном промысле в X—XIII вв., но и позволяют заключить, что в самой Оке и реках Окского и Деснинского бассейнов, более полноводных в то время, — водились крупные породы разных рыб, в том числе и осетровых. Об этом же свидетельствуют и многочисленные костные остатки рыб, обнаруженные при раскопках Москвы, Серенска, Слободки, Старой Рязани¹⁹⁷. Основными промысловыми рыбами на Оке были лещ, карась, стерлядь, окунь, щука, сом; ловили также осетра, севрюгу, плотву, головля, лляя, судака, налима¹⁹⁸.

Коллекцию орудий рыбной ловли составляют большие железные гарпуны, части остроги, блесны и рыболовные крючки (Слободка, Серенск, Старая Рязань).

Гарпун, найденный в Слободке, был одношпильным, черенковым, с крючком на конце (рис. 92, 8) для крепления на древке¹⁹⁹. (Длина гарпуна 22,5 см, длина лезвия с зубом 5 см). Остроги имели коленчатый, загнутый черенок (рис. 92, 9). Подобная по форме и размерам острога найдена Н. И. Бульчовым в кургане 1 у с. Гремячее²⁰⁰.

Двухзубая острога длиной 12 см, с загнутым черенком имела лезвия (длина 6 см) с двумя маленькими, расположенными в разных плоскостях зубами (рис. 92, 10); форма ее отличается от других известных древнерусских острог²⁰¹.

Типы рыболовных крючков разнообразны. Крючок для ловли крупной рыбы, изготовленный из прямоугольного в сечении стержня, имел длину 10 см, на конце вытянутого острия — острый зубец, другой конец загнут в виде петли. Такая форма крючков была широко распространена в Древней Руси. Другой крючок из Слободки, сделанный также из прямоугольного в сечении стержня, был менее массивным, имел длину 7,5 см, заостренного зубца не было, а противоположный конец его был расплюсчен в виде лопаточки (рис. 92, 12). Остальные крючки были меньших размеров —

¹⁹⁶ Куза А. В. Рост общественного разделения труда в древней Руси. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 247 и сл.

¹⁹⁷ Так, например, при раскопках в Московском Кремле и Зарядье найдено более 60 костей рыб; среди них (в слое XI—XIII вв.) — костные остатки осетра, белуги, севрюги, стерляди, щуки, сома, судака. Как удалось установить, размеры их довольно велики — от 130 до 180 см (Цепкин Е. А. Остатки рыб из раскопок древнего Кремля и Зарядья. — В кн.: Древности Московского Кремля, с. 186—190, рис. 1—3).

¹⁹⁸ При раскопках в Серенском детинце найдены обломки костей черепа севрюги (длина рыбы 100—130 см), кости и позвонки крупных сомов, длина которых составляла 140, 180, 195, 215 и 235 см, чешуя щуки, окуня, леща, язя, позвонки судаков (определение костей рыб проведено в лаборатории Института археологии Е. А. Цепкиным).

¹⁹⁹ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка. . . , с. 400.

²⁰⁰ Бульчов Н. И. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899, с. 17.

²⁰¹ Мальм В. А. Промыслы древнерусской деревни. — В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1956, с. 120, 124, рис. 5.

5,5 и 5 см; одни из них также имели на конце вытянутого острия острый зубец²⁰², другие без зубца, с петелькой на противоположном конце (Серенск). Еще три находки можно отнести к крючкам типа «кошки», для вытаскивания сетей (Серенск, Слободка, Старая Рязань). Они изготовлены из одного прута, скрученного вдвое таким образом, что на одном конце получалась широкая петля, а на другом — два загнутых в разные стороны крючка. Длина крючков 7,5 и 5,5 см²⁰³. Подобные же крючки известны как в древнерусских городах, так и на сельских поселениях²⁰⁴ (рис. 92, 14).

Среди находок имеются блесны — разновидность рыболовного крючка, приспособленного для ловли хищной рыбы. Блесна представляет собой пластину, изготовленную из металлического сплава, по форме напоминающую рыбу; конец ее вытянут в крючок и заострен (длина 10 см, длина крючка 2,5 см). В верхней и нижней частях пластинки сделаны отверстия для привязывания лески. Еще одна блесна из Слободки имела длину 8,3 см, длину крючка 3,5 см, отверстие в верхней части пластины (рис. 92, 6).

Охота, по-видимому, играла меньшую роль в хозяйстве населения Земли вятичей. Среди костных остатков представителям лесной фауны, например, в Москве (Зарядье) принадлежит всего 0,6% (слой XI—XIII вв.), в Кремле 1,5% (слой XII—XIII вв.)²⁰⁵, в Серенском детинце — 2,1%, в Слободке и Старой Рязани — 5,3%²⁰⁶. В значительном количестве остатки лесной фауны встречаются на поселениях типа феодальных усадеб, однако, для проведения сравнительной статистики недостаточно собрано в них материала.

Распределение костных остатков диких животных по видовому составу (в процентах) на наиболее хорошо исследованных памятниках показано на таблице X²⁰⁷, из которой видно, что охота велась все еще на мясных животных, хотя на большей части Руси в XII—XIII вв. охота из мясной превратилась преимущественно в пушную²⁰⁸.

²⁰² Розенфельдт И. Г. Северный мыс городища Старая Рязань. — В кн.: Археология Рязанской земли. . . , с. 114, рис. 11, 30.

²⁰³ Дарьевич В. П. Раскопки на Южном городище. . . , с. 67, рис. 45, 4, с. 49, рис. 28, 13.

²⁰⁴ Гуревич Ф. Д. Сельское хозяйство и промыслы древнерусского Новогрудка. — КСИИ, 1965, вып. 104, с. 78, рис. 32, II; Кучера М. П. Древний Плисиеск. — Археологічні пам'ятки УРСР, 1962, т. XII, рис. 9, 2, 3; Малин В. А. Промыслы древнерусской деревни. . . , с. 119, рис. 4, 9.

²⁰⁵ Цалкин В. И. Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок Москвы, с. 166.

²⁰⁶ Цалкин В. И. Домашние и дикие животные Старой Рязани. — В кн.: Монгайт А. Л. Старая Рязань. . . , с. 222. На селнице Лебедка картина прямо противоположная: кости домашних животных составляют всего 32,5%, в то время как кости диких животных — 67,5%, причем на первом месте среди них — кости лося.

²⁰⁷ Проценты высчитывались по отношению к общему количеству костей только диких животных.

²⁰⁸ Третьяков П. Н. Сельское хозяйство и промыслы. — В кн.: История культуры древней Руси. М.; Л., 1948, т. I, с. 72.

ВОЕННОЕ ДЕЛО

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ

Одним из показателей уровня развития ремесла, торговли, культуры населения являются предметы вооружения, изготовление которых подчас требовало большого искусства и технического мастерства. Археологические исследования древнерусских городов в Земле вятичей дали такое множество оружия, снаряжения воинов и конской упряжки, что появилась возможность сделать некоторые выводы о состоянии здесь военного дела в домонгольское время. Настоящий раздел написан по материалам Серенска, Слободки и Старой Рязани, в которых собрано наибольшее количество предметов вооружения²⁰⁹. Многочисленные инструменты ремесленников, характеризующие кузнечное и слесарное дело, рассмотренные выше, являются свидетельством местного изготовления подавляющего большинства предметов вооружения и снаряжения вятичских воинов. Несомненно, что стрелы, копья, боевые топоры, удила, шпоры, стремяна ковались местными кузнецами и только некоторые виды дорогого оружия (мечи, сабли, булавы) и защитных доспехов (кольчуги, панцири), возможно, привозились в вятичские города из Киева, Чернигова, Новгорода. Впрочем, не исключено, что некоторые из этих вещей изготовлялись в Старой Рязани.

Самыми многочисленными находками на городищах среди предметов вооружения являются железные наконечники стрел. Они найдены почти на всех древнерусских городищах, но особенно богаты ими культурные слои Серенска, Слободки, Старой Рязани (только в одном Серенском детинце на раскопанной площади 900 кв. м найдено 130 железных наконечников стрел)²¹⁰. По-видимому, прогресс в военном деле домонгольской Руси — развитие легкой конницы, вооруженной луками²¹¹, не миновал и Земли вятичей.

Так как типология наконечников стрел разработана А. Ф. Медведовым, при рассмотрении нашего материала мы не будем давать подробную характеристику каждого типа, отсылая читателя к его работам²¹². Почти все наконечники стрел черепшковые. Втульчатые наконечники, вообще не характерные для Руси, единичны и в памятниках Земли вятичей: известно всего 3 экз. (два в Слободке и один в Старой Рязани)²¹³, из них два относятся к типу двушипных (рис. 93, 1). По Новгородской хронологии такие наконечники датируются X и XI вв., а на рубеже XII—XIII вв. они исчезают. Этим же временем определяются их находки и на некоторых древне-

²⁰⁹ Вещи, найденные при раскопках других памятников, к сожалению, не опубликованы и не могут быть в полной мере использованы для выводов.

²¹⁰ *Никольская Т. Н.* Военное дело в городах Земли вятичей. — КСИИ, 1974, вып. 139, с. 34; *Монгайт А. Л.* Старая Рязань. . . , с. 184, 185, рис. 143, 143а.

²¹¹ *Рыбаков В. А.* Военное дело (стратегия и тактика). — В кн.: История культуры древней Руси. М.—Л., 1948, т. I, с. 404.

²¹² Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел). XIII—XIV вв. — САИ, 1966, 1—36; Оружие Новгорода Великого. — МИА, 1959, № 65.

²¹³ *Монгайт А. Л.* Старая Рязань. 1955, рис. 143, 3.

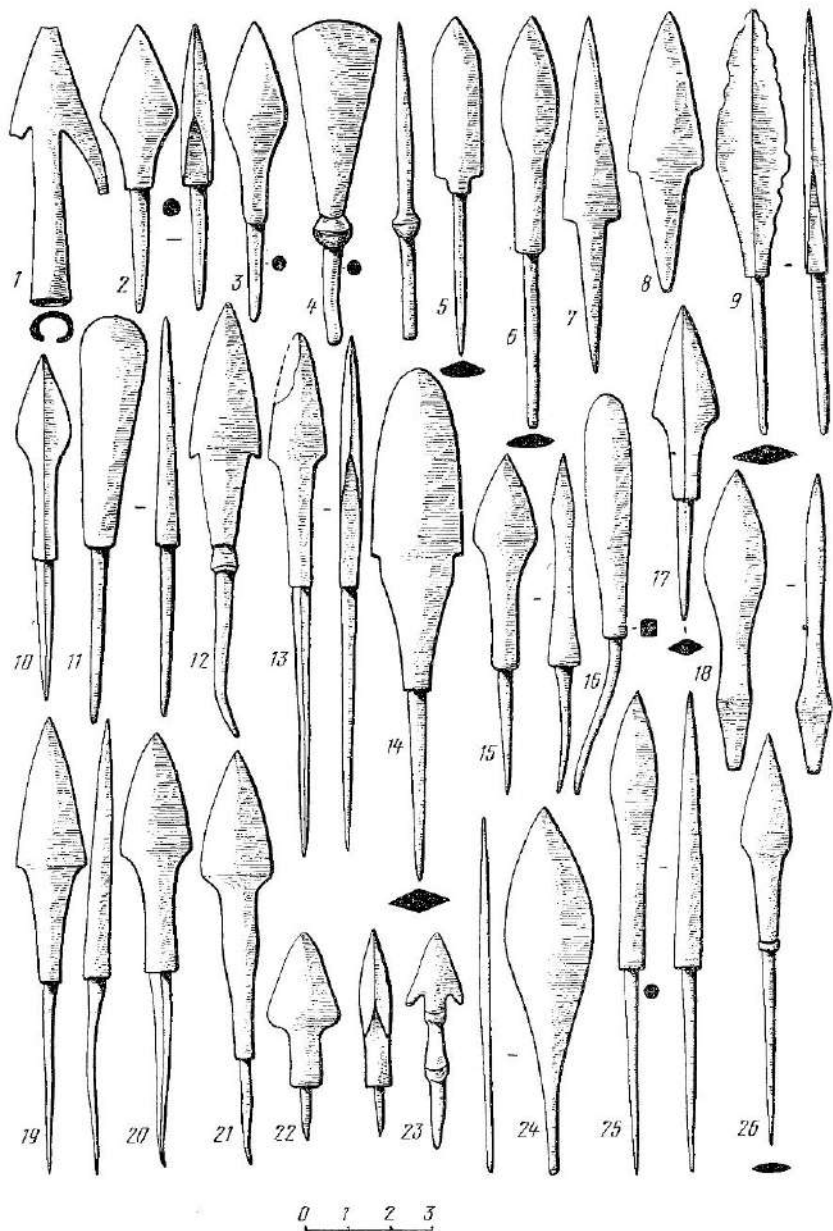
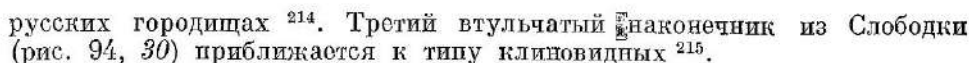

Рис. 93. Накопечники стрел

1, 3, 5, 9 — Слободка, остальные Серенск

русских городищах ²¹⁴. Третий втульчатый наконечник из Слободки (рис. 94, 30) приближается к типу клиновидных ²¹⁵.

По характеру поперечного сечения пера все наконечники стрел делятся на плоские и граненые. Первые — в разрезе имеют вид узкой вытянутой линзы или сильно сплющенного ромба, у вторых — граненое острие в сечении в виде треугольника, квадрата, четырехугольника, ромба и т. д. Среди плоских черешковых наконечников стрел, найденных в Серенске, Слободке, Спас-Городке и Старой Рязани, выделяется 15 основных типов: 1) ланцетовидные наконечники с упором для древка, представляющие в сечении плоский ромб; это самый ранний тип стрел, известный в памятниках IX—XI вв. Восточной Европы, а также на Западе (рис. 93, 6, 18); 2) ромбические наконечники — наиболее простые и распространенные на Руси с XI до середины XIII в. (рис. 93, 2) ²¹⁶. Некоторые из этих стрел (Слободка, Старая Рязань), паличим упора для древка приближаются к новгородскому типу ²¹⁷; 3) ромбовидные наконечники с расширением в средней и нижней частях пера (Воротынский, Серенск, Старая Рязань, Слободка) известны в памятниках XII—XIII вв. (рис. 93, 3) ²¹⁸; 4) двушипные с короткими шипами и его варианты, распространенные на Руси во второй половине XII в. и первой половине XIII в. (рис. 93, 23) ²¹⁹. Срезни в виде удлиненной узкой лопаточки с упором для древка. Находки их связаны с монголо-татарским нашествием XIII в.; встречены в Старой Рязани, Серенском детинце ²²⁰; 5) срезни двурогие, вытянутые, с плоским черешком без упора. Найден один наконечник в Спас-Городке. В Новгороде найден один такой наконечник в слое второй половины X в. Подобные наконечники известны в курганах X в. Приладожья ²²¹; 6) срезни двурогие с упором. Найдены только в Старой Рязани ²²². В Новгороде известны с X по XIII в.; 7) срезни в виде широкой треугольной лопаточки (Старая Рязань) ²²³. Подобные наконечники в Новгороде известны в слое XI—начала XII в.; 8) срезни кунжутolistные. Найден один экземпляр в Старой Рязани ²²⁴. Форма пера близка новгородским ²²⁵; 9) ланцетовидные двушипные с упором

²¹⁴ *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. М., 1960, с. 82, рис. 37, 1; *Гончаров В. К.* Райковецкое городище. Киев, 1950, табл. XIV, XVII; *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого, рис. 13, 1, с. 164; *Седова М. В.* Ярополч Залесский, табл. 15, 6; *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. . . , табл. 30, 2.

²¹⁵ *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого, рис. 13, 2.

²¹⁶ Там же, с. 152, рис. 143, 9, 10; *Монгайт А. Л.* Старая Рязань, с. 184, рис. 143, 9, 12.

²¹⁷ *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого, рис. 13, 22.

²¹⁸ *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. . . , с. 86, тип. 43; *Никольская Т. Н.* Воротынский. — В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1976, с. 122, рис. 2, 10.

²¹⁹ *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. . . , с. 62, тип. 31; *Он же.* Оружие Новгорода Великого, табл. 13, 12; *Никольская Т. Н.* Воротынский, с. 125, рис. 4, 2.

²²⁰ *Монгайт А. Л.* Старая Рязань, с. 184, рис. 143, 18; *Никольская Т. Н.* Военное дело в городах Земли вятичей. . . , с. 37, рис. 11, 6—8.

²²¹ *Медведева А. В.* Оружие Новгорода Великого. . . , с. 153, рис. 13, 25; с. 166: Размеры спас-городского наконечника совпадают с новгородским.

²²² *Монгайт А. Л.* Старая Рязань, с. 184, рис. 143, 4, 10.

²²³ *Монгайт А. Л.* Старая Рязань, с. 185, рис. 143а, 21; *Дарьевич В. П.* Раскопки на Южном городище, с. 54, рис. 44, 4.

²²⁴ *Монгайт А. Л.* Старая Рязань, рис. 143, 16.

²²⁵ *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого, рис. 13, 34, 35; с. 168.

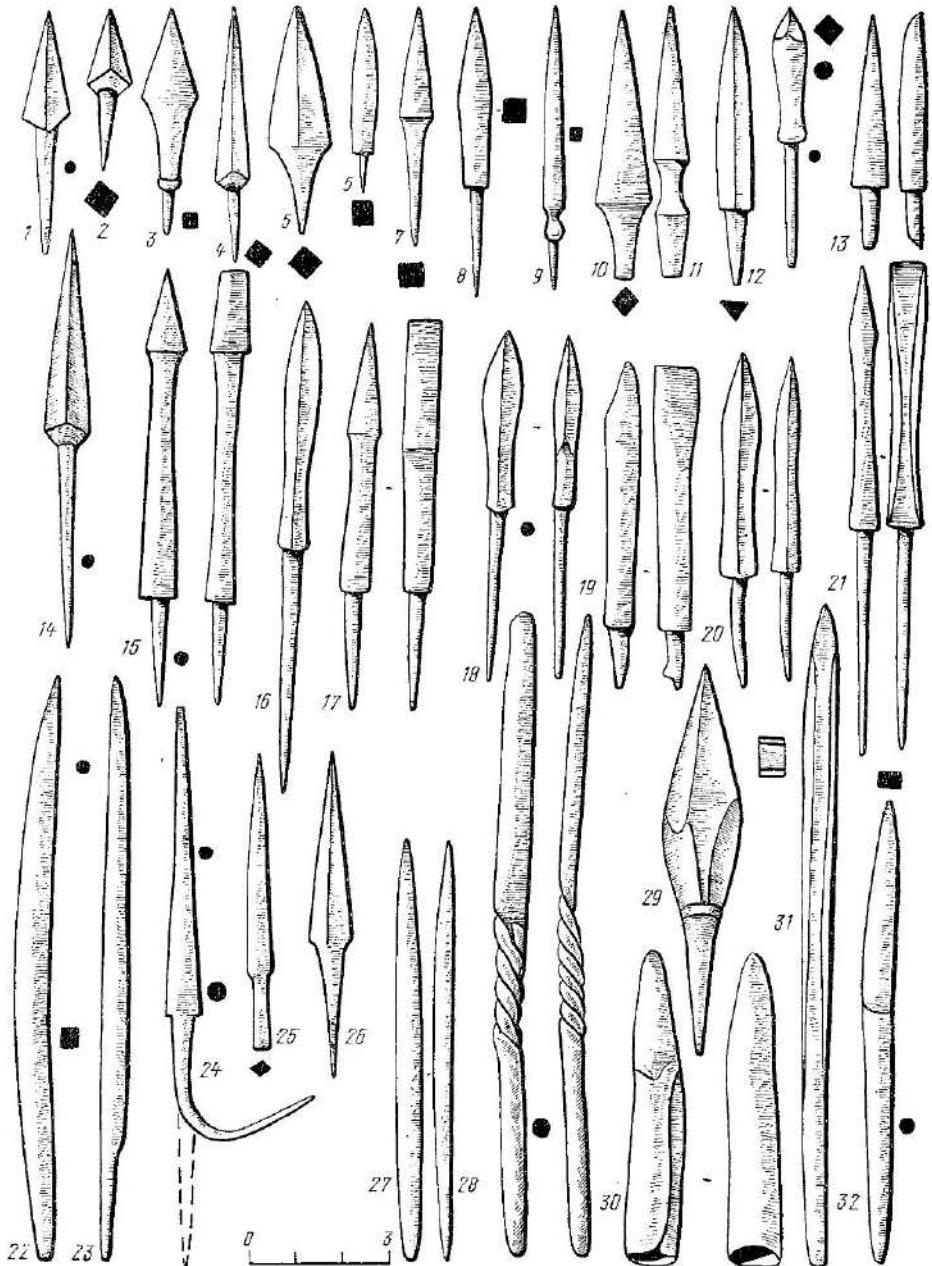

Рис. 94. Наконечники стрел — 1—21, 25, 26, 29—32; шилья — 22—24, 27, 28 (16, 30, 31 — Слободка, остальные Серенск)

для древка (рис. 93, 12) от новгородских отличаются менее вытянутыми пропорциями пера ²²⁶; 11) ланцетовидные без шипов (рис. 94, 16). Найдены в Слободке и на Моштинском городище. Такие стрелы известны в дружинных курганах IX—X вв. и употреблялись в X—XI вв. ²²⁷; 12) срезки секторо-видные (Серенск, рис. 93, 4, 11); 13) наконечники с боковыми выступами (Серенск, рис. 93, 13); 14) килевидные вытянутые с небольшим расширением в средней трети пера (Слободка, Серенск, рис. 93, 19—21, 25, 26); ²²⁸ 15) лавролистные (рис. 93, 24) ²²⁹.

В группу граненых бронебойных наконечников, служивших для пробивания кольчуг, пластинчатых доспехов, шлемов, щитов, входит 10 типов: 1) ланцетовидные наконечники с четырехгранным пирамидальным острием и длинной шейкой (рис. 94, 12, а; Серенск). Ближайшей аналогией является новгородский из слоя середины XI в. ²³⁰; 2) вытянутые, узкие, ромбического сечения, со слегка выпуклыми сторонами и длинной шейкой. Один из наконечников (Серенск) является почти точной аналогией такой же стрелы из Новгорода (слой X в.) ²³¹ (рис. 94, 18). 3) Долотовидные наконечники, многочисленные в Серенске и Старой Рязани с упором и без упора для древка (рис. 94, 15, 17). Хронологические рамки этих наконечников — $\frac{1}{2}$ X—XIII вв. ²³²; 4) пирамидальные трехгранные наконечники с длинной узкой головкой и коротким черешком (рис. 94, 1, 94, 2), напоминающие наконечники из Новгорода, найденные в слое XII в. ²³³; 5) пирамидальные квадратного сечения наконечники с короткой массивной головкой (рис. 94, 12), почти полностью повторяющие подобные наконечники из Новгорода, найденные в слоях второй половины XII в. ²³⁴ Обнаружены в Серенске, Слободке и Старой Рязани. В Серенске найдено еще 5 пирамидальных наконечников различной формы (рис. 94, 1, 2, 4, 13, 14, 16). На черешке одного из наконечников сохранились остатки дерева; 6) пилообразные наконечники квадратного сечения с упором для древка (рис. 94, 6—8) (Серенск); 7) пилообразные наконечники ромбического сечения с шейкой, напоминающие новгородские (Серенск); 8) килевидные ромбического сечения наконечники с перехватом и слегка вогнутыми гранями (Слободка, Серенск) (рис. 93, 17, рис. 94, 21); 9) ланцетовидные ромбического сечения наконечники больших размеров (длина 12 см, длина пера 7 см, ширина пера 1,3 см; рис. 93, 25, 26, рис. 94, 20); 10) лавролистные ромбического сечения с перехватом, близко напоминающие подобные же наконечники Новгорода, найденные в слоях XIII—XIV вв. (Серенск) ²³⁵.

²²⁶ Там же, рис. 13, 7.

²²⁷ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого, рис. 13, 9, 10; с. 164. Авдусин Д. А. Гнездовская экспедиция. — КСИИМК, 1952, вып. XLIV.

²²⁸ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. . . , с. 63, тип. 33, табл. 20, 20, 23.

²²⁹ Там же, с. 74, тип. 63, табл. 14, 9.

²³⁰ Там же, с. 169, рис. 13, 38.

²³¹ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого. . . , с. 169, тип. 4, рис. 13, 40.

²³² Бульчов Н. И. Журнал раскопок. . . , М., 1899, табл. XXIV, 14, 17; Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого. . . , с. 169, тип. 5, рис. 13, 42.

²³³ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. . . , с. 79, тип. 76, 2, табл. 17, 39; Бульчов Н. И. Журнал раскопок. . . , 1899, табл. XXIV, 12.

²³⁴ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого. . . , с. 170, тип. 8, табл. 13, 45.

²³⁵ Там же, с. 158, рис. 13, 53, 15, 7.

Оружие ближнего боя в памятниках Земли вятичей многочисленно. Сюда относятся сабли (Серенск, Спас-Городок), меч (Москва), обломки двулезвийных мечей, перекрестья и навершия мечей и сабель, наконечники ножен, бронзовые и железные булавы и кистени, боевые топоры, железные наконечники копий и втки для древков.

Сабля, найденная в одной из хозяйственных построек Серенска, имела длину 70 см (при ширине клинка 3,8 см) и малую кривизну лезвия, что характерно для клинков ранней поры X—XI вв.²³⁶ Однако ее прямое перекрестие с ромбическим расширением на середине длины (длина перекрестия 7 см)²³⁷ аналогично гардам, распространенным в XI—XIII вв.²³⁸ Так как серенская сабля найдена в слое пожараща, которое связывается с монголо-татарским нашествием, то она относится, вероятнее всего, к первой половине XIII в. Железный наконечник сабельных ножен, найденный также в Серенске, имеет цилиндрическую форму (длина его 5 см, ширина 2,5 см)²³⁹.

Обломки клинков двулезвийных мечей из Серенска имели ширину 3 см и 4,2 см, толщину 0,3 см (рис. 95, 9). На одном из них хорошо виден дол в виде узкого желобка, характерного для мечей XII—XIII вв.²⁴⁰ Одно из перекрестий меча по форме и размерам (длина его 12 см, ширина клинка у перекрестия 3,8 см, толщина клинка 0,5 см) близко новгородскому из слоя середины XII в.²⁴¹

Подобное же перекрестие меча — прямое с ромбовидным расширением в середине (длина 11,6 см, ширина клинка 4,7 см, толщина 1,2 см), найдено на городище Слободка (рис. 95, 1). В Серенске²⁴² и Спас-Городке встречаются перекрестия мечей прямые, без ромбовидных расширений (длиной 17 и 15 см, ширина клинка у перекрестия 3 см) (рис. 62, 17); подобная форма характерна для перекрестий русских и западноевропейских мечей XII—XV вв.²⁴³ К XII в. относится, очевидно, небольшое бронзовое перекрестие меча (длина 9 см, ширина 3 см, толщина клинка 0,5 см). Оно слегка изогнуто, что характерно для мечей более раннего времени — X—XII вв. (рис. 95, 4)²⁴⁴. В Серенске найдены и перекрестия сабель (рис. 95, 6). Значительно реже в Земле вятичей встречаются навершия мечей и наконечники их ножен. К XII—XIII вв. относятся трех- и пятичастные набалдашники, обычные в древнерусских памятниках (рис. 96, 25)²⁴⁵. В Серенске в слое второй половины XII в. найден семичастный набалдашник²⁴⁶.

²³⁶ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, с. 67; Никольская Т. Н. Военное дело. . ., с. 39, рис. 12, 14.

²³⁷ В Серенске найдены подобные же перекрестия сабель больших размеров, длиной 9,5 см; Никольская Т. Н. Военное дело. . ., с. 40, рис. 13, 1.

²³⁸ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. . ., с. 69.

²³⁹ Никольская Т. Н. Военное дело. . ., с. 40, рис. 13, 4.

²⁴⁰ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. . ., с. 52.

²⁴¹ Никольская Т. Н. Военное дело. . ., с. 39, рис. 12, 6; Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого, с. 122, 123, рис. 1, 8.

²⁴² Никольская Т. Н. Культура племен. . ., с. 127, рис. 44, 12.

²⁴³ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого, с. 123.

²⁴⁴ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. . ., с. 52.

²⁴⁵ Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 327, рис. 147; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. . ., с. 53.

²⁴⁶ Никольская Т. Н. Военное дело. . ., с. 40, рис. 13, 2.

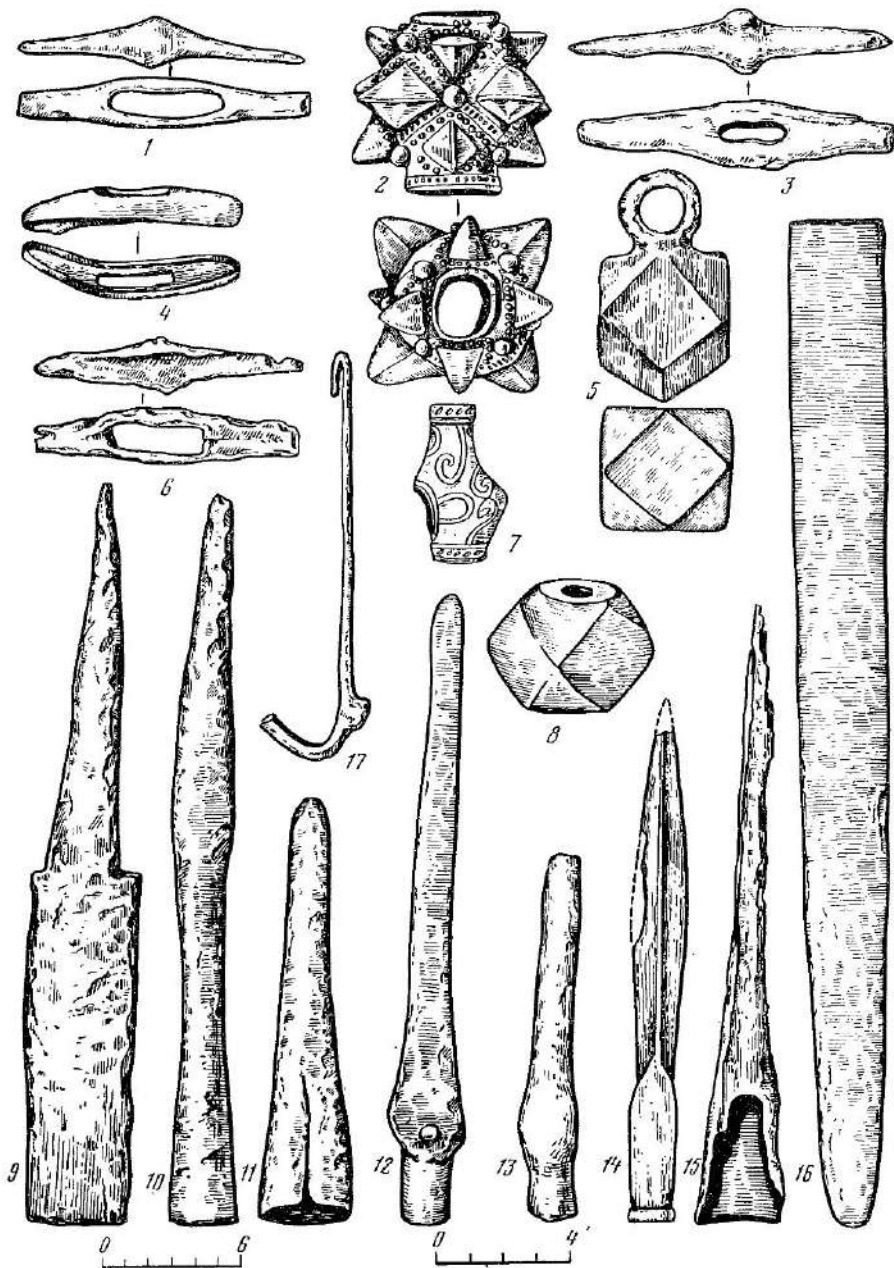

Рис. 95. Предметы вооружения

1, 3, 4 — перекрестья мечей; 5 — кистень; 6 — перекрестье сабли; 2, 7, 8 — булавы; 9 — обломок меча; 10, 14, 15 — наконечники копий; 11—13 — втуки; 16 — обломок сабли; 17 — крюк (1, 15, 17 — Слободка, остальные — Серенск)

Железных наконечников копий найдено сравнительно немного: 1) копьё с пером ланцетовидной формы, плавно переходящим во втулку (Серенск, Старая Рязань)²⁴⁷ (длина копий 22,5—35 см, длина пера 10,5 см, 20 см, диаметр втулки 2—2,5 см) (рис. 95, 10); 2) наконечники с пером ромбической формы: (Серенск) (длина 18,5—25 см, длина пера 9—15 см, ширина пера 2,5—3 см, диаметр втулки 1,8—2,5 см)²⁴⁸; 3) копьё втульчатые с пером в виде двух расходящихся в стороны шипов (Серенск, Старая Рязань) (длина 10,2 см, длина пера 5 см, диаметр втулки 1,5 см)²⁴⁹. Подобные копьё, чаще называемые гарпунами, являлись преимущественно охотничьим оружием, и встречаются среди древностей IX—XI вв.²⁵⁰ Аналогичное копьё, но больших размеров, найдено при раскопках М. В. Седовой в Ярополче Залесском²⁵¹; 4) копьё с пером в виде четырехгранного стержня и воронковидной тульей. Поперечное сечение лезвия — ромбовидное (Слободка, Старая Рязань, Спас-Городок) (длина копьё 18,5 см, ширина пера 1,3 см, диаметр втулки 2,8 см); это самые узкие древнерусские копьё, называемые пиками²⁵². Внутри втулки копьё, найденного в Слободке, сохранились остатки дерева от древка (рис. 95, 15).

Еще один наконечник копьё (Серенск) своеобразной формы (рис. 95, 14). Это массивное втульчатое копьё с бронзовой обоймой на конце втулки; его перо, представляющее в разрезе плоский ромб, имеет расширение в средней части и три осевых ребра, образующих полукруглый выступ (длина наконечника 21 см, длина пера 15 : 6 см, ширина пера 2,2 см, диаметр втулки 1,5 см).

Остальные копьё, найденные в Старой Рязани, Переяславле Рязанском, Пронске, Коломне, Москве, Спас-Гродке, имеют ромбическую (рис. 62, 12) или ланцетовидную формы пера и втулку²⁵³. Встречены ромбические втульчатые наконечники типа метательных копий-сулиц²⁵⁴. Найдены и черешковые сулицы с плоским пером, характерные для XII—XIII вв.²⁵⁵

Кроме наконечников копий, найдены железные втоки для их древков. Они имеют форму конического колпачка с притупленным концом и отверстием для гвоздей на втулке (найденны в Серенске и Старой Рязани, рис. 95, 11—13). Подобные втоки имеют широкий хронологический диапазон — XI—XV вв.²⁵⁶

Боевых топоров на поселениях Земли вятичей найдено сравнительно немного. Один из них происходит из Старой Рязани и относится к топорам-

²⁴⁷ Там же, с. 40, рис. 13, 6, 8; *Розенфельдт Р. Л.* Егорьевская коллекция рязанских вещей. — В кн.: Археология Рязанской земли., с. 186, рис. 1, 1.

²⁴⁸ *Никольская Т. Н.* Военное дело. . . , с. 39, рис. 12, 1; *Розенфельдт Р. Л.* Рязанская коллекция. . . , с. 186, рис. 1, 2.

²⁴⁹ *Никольская Т. Н.* Военное дело. . . , с. 40, рис. 13, 7.

²⁵⁰ *Кирпичников А. И.* Древнерусское оружие. . . , с. 17 (тип VII).

²⁵¹ *Седова М. В.* Ярополч Залесский. М., 1978, табл. 15, 10.

²⁵² *Кирпичников А. И.* Древнерусское оружие. . . , с. 15 (тип Д); *Никольская Т. Н.* Военное дело. . . , с. 40, рис. 13, 10; *Розенфельдт Р. Л.* Егорьевская коллекция. . . , с. 186, рис. 1, 3.

²⁵³ *Монгайт А. Л.* Старая Рязань, с. 183, рис. 142.

²⁵⁴ *Рабинович М. Г.* Культурный слой центральных районов Москвы. — В кн.: Древности Московского Кремля. . . , с. 85, рис. 17, 5.

²⁵⁵ *Дарквич В. П.* Раскопки на Южном городище. . . , с. 54, рис. 33, 1.

²⁵⁶ *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого, с. 126, рис. 3, 9; с. 129, рис. 4, 11, 13.

кам-чеканам с продолговатым треугольным и оттянутым кинзу лезвием и грибовидной шляпкой на молоточке (по А. Н. Кирпичникову тип IА). Датируется XI в.²⁵⁷. Типично военным оружием был небольшой узколезвийный топорик с вырезным обухом и щекавидами из Старой Рязани (тип III). Подобные топорики известны в дружинных погребениях X—XI вв. и доживают до XII в.²⁵⁸ Боевым и вместе рабочим мог быть еще один топорик из Старой Рязани: с выемкой и опущенным лезвием и щекавицей только с пилней стороны обуха (близок типу V, по А. Н. Кирпичникову). На лезвии топорика — маленькое отверстие²⁵⁹.

Один из топоров секировидной формы, найденный в Серенске, также приближается к топорам боевым. Он широколезвийный-лопастный, невелик и довольно легкий (длина топора 125 мм, ширина лезвия 104 мм, диаметр проуха 30 мм)²⁶⁰. Топоры с вырезным обухом и оттянутым кинзу лезвием не имеют щекавиц, а тыльная сторона обухов представляет широкие отходящие в стороны мысовидные выступы (тип IV А, по А. Н. Кирпичникову)²⁶¹. Такие топоры, как боевые, так и рабочие, характерны для XII—XIII вв., что не противоречит датировке серенского топорика, найденного в «горелом» слое первой половины XIII в.

К оружию ближнего боя относятся также железные и бронзовые булавы и кистени. Самым простым типом булав являются железные павершия в виде куба со срезанными углами (тип II, по А. Н. Кирпичникову). Это довольно распространенное оружие в Древней Руси XII—XIII вв.²⁶²

К этому времени относятся булавы, обнаруженные в Москве и Серенске (рис. 95, 8). По форме они близки новгородским²⁶³.

Найдены (Старая Рязань, Серенск, Слободка) и более сложные и парадные бронзовые литые булавы с 12-пирамидальными шипами и орнаментированные зернью (рис. 95, 2) тип IV, по А. Н. Кирпичникову²⁶⁴. Они являлись импортом из Киева, где открыты мастерские для их производства²⁶⁵. Подобные булавы найдены на Райковецком, Колодяжнском и Бородинском городищах²⁶⁶. Еще один тип булавы — шестошер, появление которых А. Н. Кирпичников относит к домонгольскому времени, найден в Пронске²⁶⁷.

²⁵⁷ Монгайт А. Л. Старая Рязань, с. 107, рис. 72, 1. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. . . , вып. 2, с. 35, табл. XII, 7—9.

²⁵⁸ Даркевич В. П. Раскопки на Южном городище. . . , с. 47, рис. 26, 5; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. . . , вып. 2, с. 35, табл. XIII, 1, 2.

²⁵⁹ Монгайт А. Л. Старая Рязань. . . , с. 107, рис. 72, 4; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. . . , с. 37, табл. XIV, 1—4.

²⁶⁰ Никольская Т. П. Военное дело. . . , с. 39, рис. 12, 12.

²⁶¹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. . . , в. 2, с. 37, табл. XIII, 9, 10.

²⁶² Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. . . , вып. 2, с. 48, табл. XXV, 3; Седова М. В. Ярополч Залесский, табл. 16, 2.

²⁶³ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого. . . , с. 137, 135, рис. 7, 3.

²⁶⁴ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. . . , в. 2, с. 52—54, табл. XXVII—I—7, т. XXVIII, 2—4; Даркевич В. П. Раскопки на южном городище. . . , с. 52, 53, рис. 32.

²⁶⁵ Гаргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1968, т. I, с. 380, рис. 82.

²⁶⁶ Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев, 1956, табл. XII, рис. 14; Седова В. В. Сельские поселения центральных областей. . . , с. 111, рис. 56; Гончаров В. К. Древний Колодяжн. — КСИА, 1951, вып. XII, с. 49.

²⁶⁷ Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 210, рис. 89, 7; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. . . , вып. 2, с. 54.

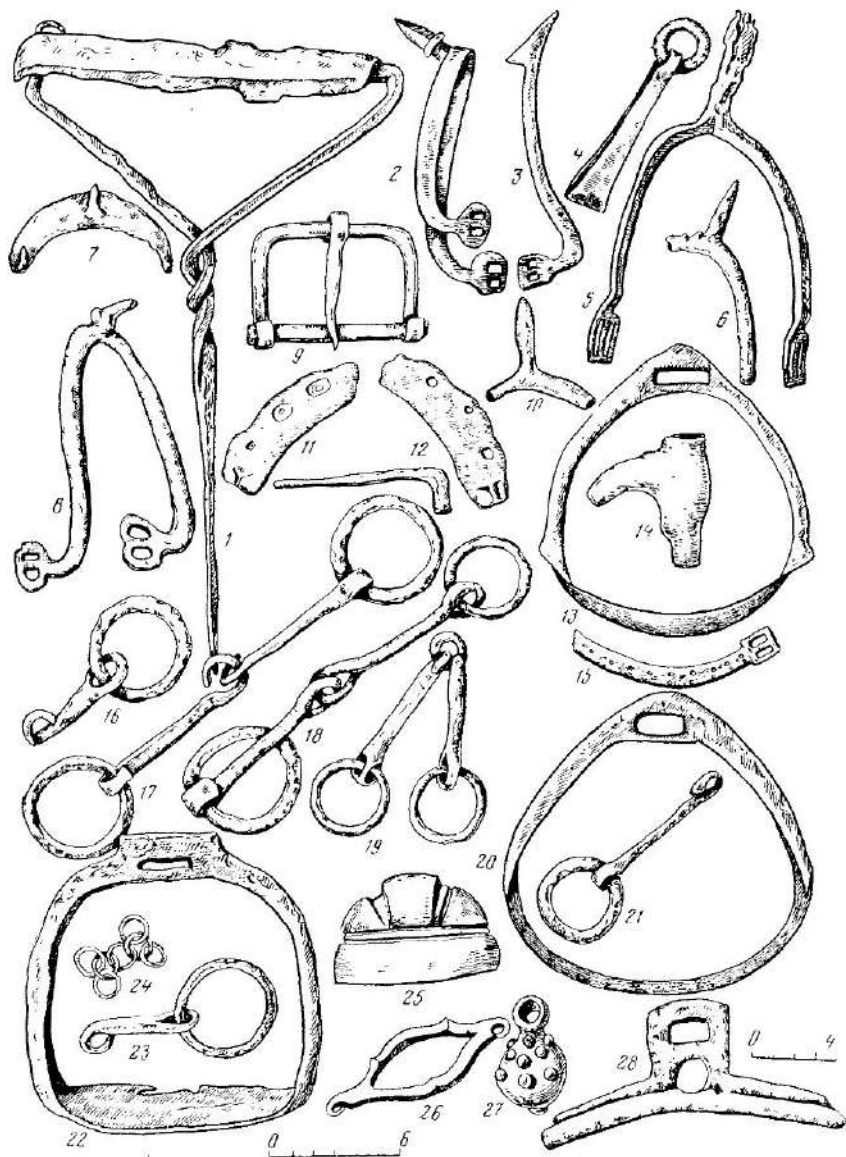

Рис. 96. Предметы снаряжения коня и всадника

1 — скребица; 2, 3, 5, 6, 8, 10, 15 — шпоры; 4 — наконечник плетни; 7 — подкова для лошади; 9 — пряжка от конской сбруи; 11, 12 — облатки конских подков; 13, 20, 22 — стремена; 16—19, 21, 23 — удила; 24 — обрывок подлуги; 25 — навершие рукояти меча; 26 — ледоходная подкова; 27 — кистень; 28 — псалий; 14 — навершие рукояти плетни (1, 2, 3, 6, 7, 13, 14, 16—19, 21—23 — Слободка; 4, 15, 25, 26 — Переяславль Рязанский; 27 — Старая Рязань, остальные Сергеев)

Ударным оружием были бронзовые и железные кистени. Из Старой Рязани известно два шаровидных кистеня с папаянными на них крупными и мелкими «горошинками» (рис. 96, 27), бронзовый их корпус для утяжеления зашит свинцом (тип II А, по А. Н. Кирпичникову, XII—XIII в.)²⁶⁸. К XII—XIII вв. относятся также железные кистени из Серенска: один из них биконической формы с прямоугольным ушком (тип VI)²⁶⁹, другой в виде кубика со срезанными углами и ушком — тип IV (рис. 95, 5)²⁷⁰.

К защитному вооружению воинов относятся кольчуги и панцирные доспехи. Находки этих предметов немногочисленны. Самые большие обрывки кольчуг из Серенского детинца и Спас-Городка носят следы пребывания в сильном огне: их кольца настолько оказались спекшимися, что не поддавались расчистке. Сохранилось несколько целых колечек диаметром 12 мм. Второй обрывок — маленький, найден около костяка (рис. 96, 24); все кольца были целыми (без заклепок) и каждое кольцо охватывало три соседних (внешний диаметр колечек 12 мм, толщина кольца 1 мм)²⁷¹. Еще более ценным защитным вооружением был пластинчатый доспех. Хорошо сохранившихся пластинок с отверстиями для напивания на кожаную или матерчатую подкладку собрано более 100 (Серенск, Переяславль Рязанский)²⁷². Одна из пластин прямоугольная с закругленной стороной представляла собой, очевидно, часть оторочки панциря. (Длина пластинки 73 мм, ширина — 60 мм, по краям — отверстия диаметром 3 мм)²⁷³. Остальные части панцирного доспеха представляли собой узкие прямоугольные пластины, имевшие иногда слабую кривизну; (размер пластин 55—82 × 15—20 мм, толщина 1 мм). Большинство из них имело от четырех до шести отверстий, а некоторые — заклепки. Почти все находки относятся к XII—XIII вв.

СПАРЯЖЕНИЕ ВСАДНИКА И КОНЯ

Многочисленные находки предметов снаряжения всадника и коня говорят о значительной роли конницы в составе городских гарнизонов.

Найденные стремена принадлежат к двум основным типам: 1) стремена кольцевидной формы с килевидной дужкой и прямоугольным или овальным прорезным отверстием, подножка значительно прогнута (Серенск, Слободка)²⁷⁴; такие стремена рассчитаны на мягкую обувь (тип IX, по А. Н. Кир-

²⁶⁸ *Монгайт А. Л.* Рязанская земля, с. 301, рис. 137, 3, 4; *Кирпичников А. И.* Древнерусское оружие. . . , вып. 2, с. 59—60.

²⁶⁹ *Будымов П.* Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра, 1899, табл. XXV, 6; *Кирпичников А. И.* Древнерусское оружие. . . , вып. 2, с. 63.

²⁷⁰ *Никольская Т. И.* Военное дело. . . , с. 39, рис. 12, 13.

²⁷¹ *Никольская Т. И.* К истории древнерусского города Серенска. — КСИА, 1968., вып. 113, с. 112, рис. 36, 7.

²⁷² *Никольская Т. И.* К истории древнерусского города Серенска, рис. 36, 5, 7.

²⁷³ Пластины таких же и чуть больших размеров с четырьмя-пятью отверстиями по краю найдены А. Л. Монгайтом в слое XIV в. Переяслава Рязанского (*Монгайт А. Л.* Рязанская земля. . . , с. 180, рис. 69). По форме они не отличаются от пластин XIII в. из Серенска и Новгорода (*Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого. . . , с. 176, рис. 17, 10).

²⁷⁴ *Никольская Т. И.* Военное дело. . . , с. 39, рис. 12, 2—4.

пичкиною). Характерны для памятников XII—XIII вв. (рис. 96, 13, 20)²⁷⁵. 2) Стремена арочной формы с прямой или слегка прогнутой подножкой и прямоугольным или трапециевидным выступом для ушка (рис. 96, 22). Подножка «овально-заостренная» (тип VIIa, по А. Н. Кирпичникову). Датируются дашные стремена более узким отрезком времени — второй половиной XII — первой половиной XIII в. Предназначались для тяжело-вооруженных всадников, имевших обувь с жесткой подошвой²⁷⁶ (найжены в Серенске, Слободке и Старой Рязани).

Более разнообразны по форме шпory — «атрибут феодально организованных конных воинов, знак рыцарского ранга и достоинства»²⁷⁷. Наиболее ранними (XI—XII вв.) были шпory с шипами и скобой, лежащими в одной плоскости с прямоугольными или дисковидными прорезными петлями (тип I, по А. Н. Кирпичникову)²⁷⁸. К этому типу относятся обломки шпory из Серенска²⁷⁹ и Слободки (рис. 96, 6). Типу II принадлежат шпory с плавным изгибом дуги, шипом, находящимся в плоскости этого изгиба и коленчато отогнутыми петлями, прорезными, преимущественно прямоугольными. Найжены они в Слободке (рис. 96, 3), Москве и Старой Рязани²⁸⁰ и датируются от середины XII до середины XIII в.

К типу III приближаются довольно массивные «угловатые» шпory с шипом в виде четырехгранной пирамидки, с коническим или шарообразным утолщением, падающим к плоскости дужки (последние ость в Серенске, рис. 96, 8 и Старой Рязани), прямоугольными или дисковидными петлями, сбоку коленчато изогнутыми²⁸¹. Они предназначались для тяжело-вооруженных всадников и были распространены на Руси в XII и особенно в первой половине XIII в.²⁸² Во второй половине XII в. появляются шпory с зубчатым колесиком (Серенск, Ворытшск, Спас-Городок, рис. 96, 5), которые доживают до XIV в. (тип V, по А. Н. Кирпичникову). По изгибу дуги эти шпory аналогичны типу III, петли — прорезные прямоугольные или круглые. Звездочка, вращающаяся в вертикальном положении, слажена 4—6—8 лучами. Как отметил А. Н. Кирпичников, в 4 экз. серенских шпory прямоугольные петли своеобразно повернуты в горизонтальном положении²⁸³.

²⁷⁵ Кирпичников А. Н. Спаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX—XIII вв. — САИ, 1973, вып. Е1—36, табл. XV, 10—12, с. 328.

²⁷⁶ Кирпичников А. Н. Спаряжение всадника и верхового коня. . . , с. 51, табл. XV, 7—9; Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. — МИА, № 92, с. 112, рис. 57, 10, 11; Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого. . . с. 188, рис. 22, 16.

²⁷⁷ Кирпичников А. Н. Спаряжение всадника и верхового коня. . . , с. 57.

²⁷⁸ Там же, с. 63, 64, табл. XVIII, 1—3.

²⁷⁹ Никольская Т. П. Военное дело. . . , с. 39, рис. 12, 15.

²⁸⁰ Даркевич В. П. Раскопки на южном городище. . . , с. 54, рис. 33, 7, 8; Шеляпина Н. С. Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963—1965 гг. . . , с. 140, рис. 18.

²⁸¹ Никольская Т. П. Военное дело в городах Земли витичей. . . , с. 39, рис. 12, 16; Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 263, рис. 111, 1—4.

²⁸² Седова М. В. Ярополч Залесский, табл. 17, 6, 8; Алексева Л. В. Полоцкая Земля. М., 1966, с. 175, рис. 43, 17; Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого. рис. 21, 7, рис. 23, 16, 17, с. 190, 191, тип. 3.

²⁸³ Кирпичников А. Н. Спаряжение всадника и верхового коня. . . , с. 67, 68, табл. XXI, XXII; Никольская Т. П. Ворытшск, с. 125, рис. 4, 12; Никольская Т. П. Военное дело. . . , с. 39, рис. 12, 19.

При раскопках на городище Спас-Городок в верхнем горизонте слоя найдено три почти целых экземпляра и одна половинка шпор со звездочкой (с четырьмя и шестью лучами). Петли одной из шпор — двосонные круглые, а скоба характеризуется коленчатым изгибом на середине длины (рис. 62, 4). У второй шпоре петли также имеют два небольших круглых отверстия, но расположены в одной плоскости с дужкой, петля третьей шпоре (колёсико утрачено) вытянута — с двумя узкими прорезами (рис. 62, 18, 19).

Изучение данного типа шпор многих древнерусских памятников позволило А. Н. Киричникову сделать вывод, что их появление на Руси относится к XIII в.²⁸⁴

Предметы конского снаряжения более многочисленны. Только в Серенске и Слободке найдено около 30 удиц (целых и в обломках). Большинство удиц имело наиболее распространенную форму, хорошо известную на Руси с X по XIV вв.²⁸⁵ Они состояли из двух колец и двух звеньев, сделанных из дрота, квадратного или круглого в сечении. Размеры их более или менее стандартны: длина от 21 до 25 см, диаметр колец от 35 до 54 мм, толщина колец 4—9 мм, толщина дрота 5—10 мм. Только одна пара удиц из Слободки отличалась от остальных: кольцо было ромбическим в сечении, а звенья состояли из четырехгранного в сечении дрота (рис. 96, 16—19, 21—23). Встречались и орнаментированные удила.

Железный псалий, найденный в Серенске (рис. 96, 28), напоминающий парадный псалий из Повгорода²⁸⁶, имеет дугообразно изогнутую форму с широкими двухплетельчатыми щитками. В коллекциях Старой Рязани имеется костяной орнаментированный псалий²⁸⁷.

Железные скребины известны в исследуемом регионе двух типов: один из них (Слободка) сближается по форме с повгородскими XII—XIV вв.²⁸⁸ Гребенка скребины была двойной, полутрубчатой, ручка в виде перекрученной рогульки прикреплялась к ней сверху и имела форму трезубца, который забивался в деревянную рукоятку. С одной стороны гребенки имеется маленькое колечко для подвешивания (рис. 96, 1). Найдены обломки скребины и другого типа, имеющие вид железной гребенки с зубчиками, как у пилы. Рукоять таких скребины составляла единое целое с гребенкой. На ней также имеется маленькое колечко для подвешивания (Серенск, Вортыцк, Спас-Городок)²⁸⁹. По повгородской хронологии такие скребины датируются XI—XIII вв.²⁹⁰

²⁸⁴ Киричников А. Н. Снаряжение всадника в верхового коня. . . , с. 68.

²⁸⁵ Там же, с. 16, 17, табл. VI.

²⁸⁶ Медведев А. Ф. Оружие Повгорода Великого. . . , с. 118, рис. 22, 2. Такие псалии по типологии А. Н. Киричникова называются «крылатыми» и принадлежат удилам типа III (Киричников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня. . . , с. 16, табл. III, 3).

²⁸⁷ Монгайт А. Л. Старая Рязань, с. 134, рис. 97, 19.

²⁸⁸ Медведев А. Ф. Оружие Повгорода Великого. . . , с. 190 (тип. 2), с. 187, рис. 21, 2.

²⁸⁹ Никольская Т. П. Вортыцк. . . , с. 124, рис. 3, 3.

²⁹⁰ Медведев А. Ф. Оружие Повгорода Великого. . . , рис. 21, 8, 9, с. 190 (тип. I).

Рис. 97. Серенск. Маска лицевая (железо) (1, 1а)

Из Серенска происходят конские подковки целые и в обломках (рис. 96, 11, 12). Так же, как и новгородские, они имеют шип в средней части и круглые или прямоугольные отверстия для гвоздей²⁹¹.

В Серенске, Слободке и Старой Рязани найдены также ледоходные конские подковки (рис. 102, 14) (шипы)²⁹². В Серенске, Перяславле Рязанском и Пронске известны и ледоходные шипы человека (рис. 96, 26)²⁹³. Подобные 2—3-шиповые устройства характерны для памятников XII—XIII вв.²⁹⁴ Бронзовые и костяные навершия рукоятей плеток, найденные на городищах Старая Рязань, Слободка (рис. 96, 14) и Спасское, по форме напоминают новгородские XI—XII вв.²⁹⁵ Известны здесь и наколенники плеток (рис. 96, 4). Следует упомянуть и железную лицевую маску из Серенска (рис. 97, 1, 2)²⁹⁶.

²⁹¹ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого. . . , с. 189, рис. 23, 8—10.

²⁹² Даркевич В. И. Раскопки на Южном городище. . . , с. 67, рис. 45, 14.

²⁹³ Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 265, рис. 412.

²⁹⁴ Кирпичников А. Н. Спаряжение всадника и верхового коня, с. 81, прим. 48.

²⁹⁵ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого. . . , с. 183, рис. 20, 3—4. А. Н. Кирпичниковым также рукояти плеток названы «затыльникам» с «клиновидными» выступом и долевым отверстием для пропуска мягкого бича и отнесены к типам III и IV (Кирпичников А. Н. Спаряжение всадника и верхового коня. . . , с. 73, табл. XXIV).

²⁹⁶ Никольская Т. Н. Древнерусский Серенск — город витических ремесленников. — КСИА, 1971, вып. 125, с. 79—81.

ПРЕДМЕТЫ ПОВСЕДНЕВНОГО БЫТА

Самой многочисленной и разнообразной категорией вещей, как и всюду, являются предметы быта; сюда входят: ножи, ключи, замки, пробой, дужки и петли от ведер, ушки от котлов, железные обручи, ножицы шарнирные, кресала, сковороды, щипы, подковки, скобы, гвозди и т. д. Больше всего найдено ножей, а среди них преобладают кухонные, хозяйственные. Большинство ножей принадлежит к раннему типу. Это небольшие ножи с узким, клиновидным лезвием и довольно широким обушком. Длина лезвий 60—85 мм, ширина — 10—15 мм, толщина спинки 3—5 мм. В отличие от Новгорода, такие ножи существуют здесь в XII в. и доживают до середины XIII в. (найжены повсеместно в горелом слое Серенска) (рис. 98, 1—2, 4, 6—13). Судя по сточенности лезвий некоторых ножей, они, по-видимому, были также многослойными. Встречаются ножи рабочие, служившие для обработки дерева (рис. 98, 5), или сапожные (рис. 98, 3) (Серенск). С середины XIII в. форма ножа несколько видоизменяется — клинки становятся шире (до 18—20 мм), тоньше и длиннее, спинка клинка прямая²⁹⁷. Такие ножи имели стальную, массивную наваренную часть лезвия (рис. 98, 14—22).

На поселениях Земли вятичей встречены пожитки двух типов — шарнирные и пружинные. Первые — (Серенск, Старая Рязань, Воротышск, Спас-Городок и др.) принадлежат к типу пожитков домонгольской поры — ручки их только загнуты в кольца и не сварены со стержнем (рис. 99, 2)²⁹⁸.

Не менее важными в быту и хозяйстве были кресала (рис. 100, 35—42); известны двух типов: калачевидные и овальные. Ранним является калачевидное кресало, имеющее с внутренней стороны ударного лезвия язычок (X—XI вв.) (Слободка, рис. 100, 35; Ждамирово, Старая Рязань, Пронск). К XII—XIII вв. относятся калачевидные кресала с гладким удлиненным лезвием (без язычка) (рис. 100, 36), а с начала XIII в. появляются овальные кресала, бытовавшие вплоть до XV—XVI вв. Такую эволюцию кресал, намеченную по новгородским находкам²⁹⁹, можно проследить по материалам Серенска — Слободки, Старой Рязани и Пронска (рис. 100, 39, 40; рис. 100, 37, 38, 41, 42).

Среди предметов быта многочисленной категорией являются навесные цилиндрические замки и ключи от них. Так же как и на других древнерусских поселениях, цилиндрические замки, найденные здесь, изготовлялись из железа, детали их соединялись медной пайкой, а иногда целиком обмеднялись³⁰⁰. Встречаются замки, большой цилиндр которых укреплялся медными или железными кольцами. Следуя хронологической классификации замков и ключей, разработанной Б. А. Колчиным по материалам Новгорода, можно заключить, что основная масса цилиндрических

²⁹⁷ Монгайт А. Л. Старая Рязань. . . , с. 103, рис. 69, 7—12.

²⁹⁸ Там же, с. 168, рис. 129, 4.

²⁹⁹ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода. . . , с. 99—101, рис. 84.

³⁰⁰ Монгайт А. Л. Рязанская земля. . . , с. 299, рис. 135, 5—9; Мальм В. А., Феллер М. В. Археологические исследования древнего Пронска. . . , с. 202, рис. 6.

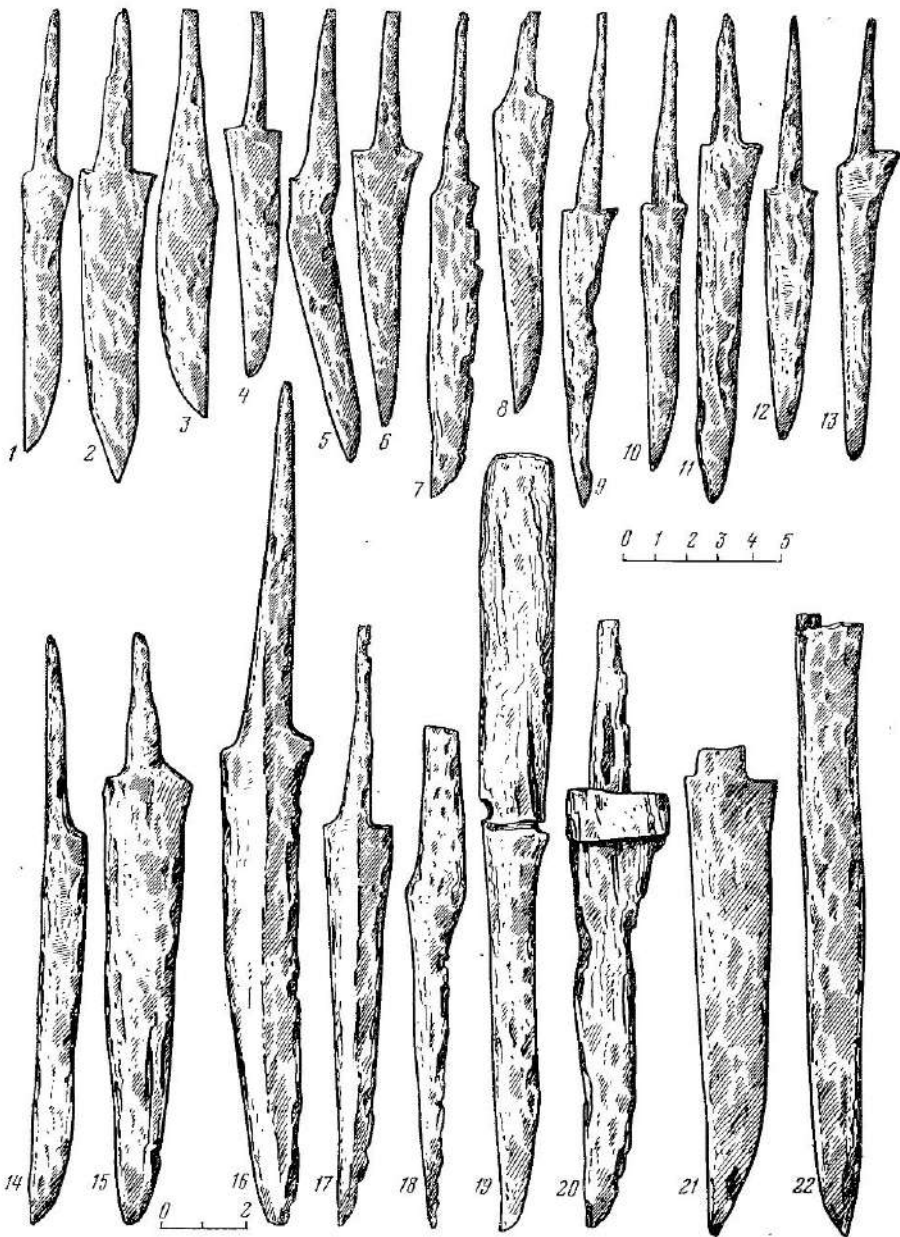

Рис. 98. Ножи (1—22)

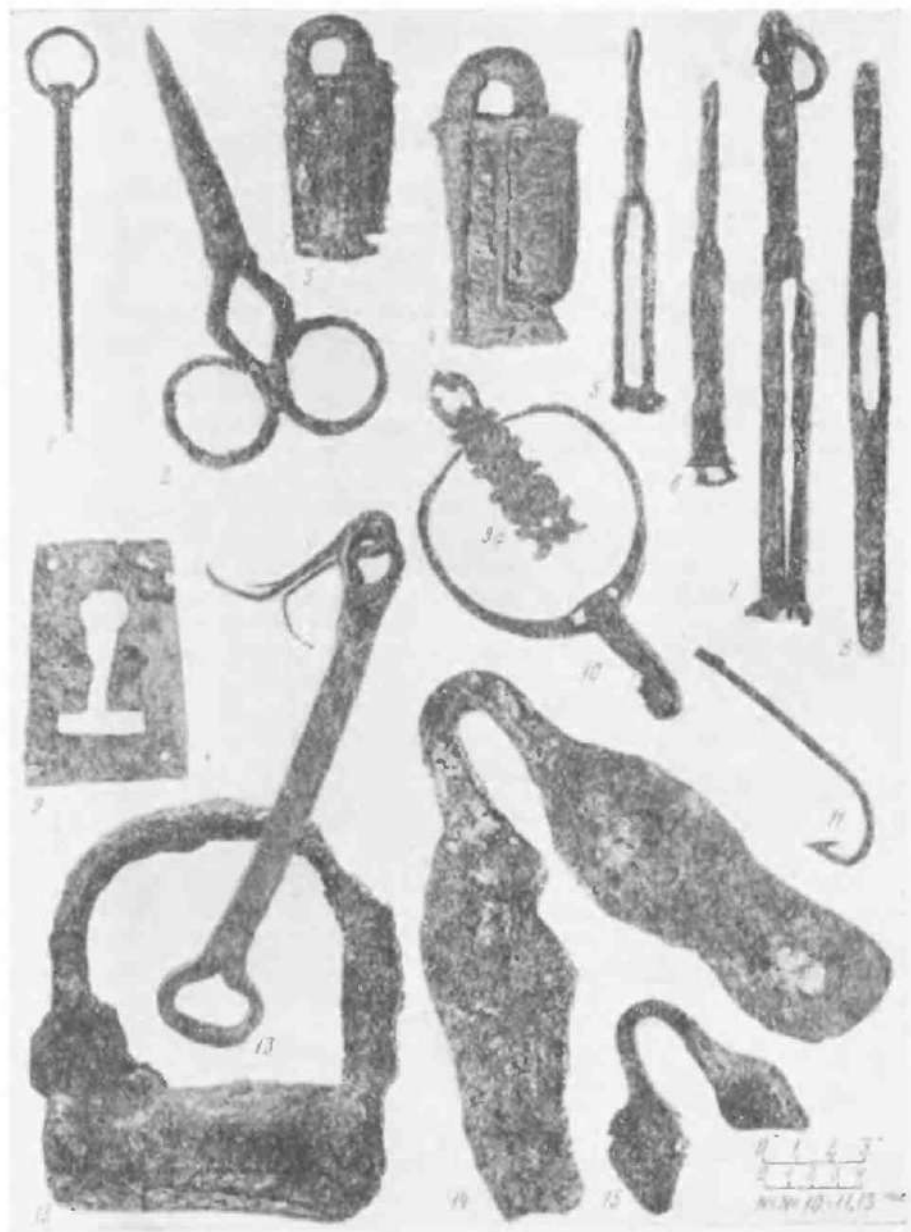

Рис. 102. Предметы быта

1—3, 5, 6 — кольца; 4 — кольцо; 7, 8 — ножницы; 9 — бритва; 10—11 — перья; 12, 13 — дужки от ведер; 14 — ледоходная подковка; 15 — кольцо с крюком; 16 — ушко от ведра (Слободна, Сервек)

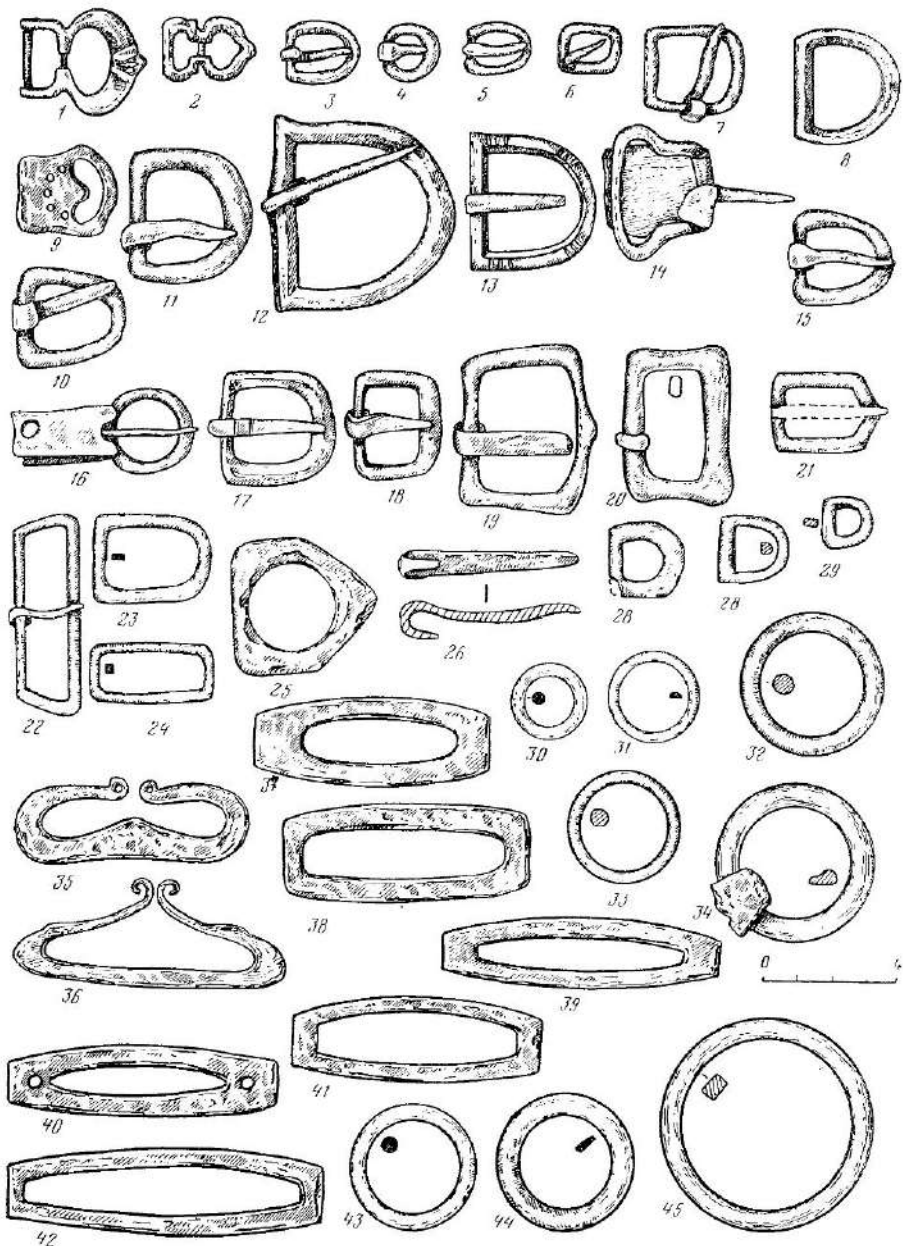

Рис. 100. Предметы быта

1—29 — пряжки; 30—34, 43—45 — кольца; 35—42 — кресала

висячих замков и ключей к ним, найденных в Серенске, Слободке, Старой Рязани, Спас-Городке, Звенигороде, Переяславле Рязанском и Пронске, относятся к XII—XIII вв. (типы Б и В) ³⁰¹ (рис. 99, 3—4, 5, 6; рис. 101, 1—3, 8—11, 18—20; рис. 101, 5—7, 12—17). Целых замков группы А пока не найдено, хотя ключи от них известны (Серенск, Старая Рязань, рис. 101, 4) ³⁰².

Кроме цилиндрических замков в Серенске и Старой Рязани обнаружены инутряные или врезные замки — цельнометаллические и металлические с деревянным засовом, а также пружины от этих замков (рис. 101, 26). Ключи от врезных замков встречаются значительно реже, чем от цилиндрических, но зато сохранность их довольно хорошая (рис. 101, 25) ³⁰³. Известны и деревянные врезные замки, ключи от них также найдены ³⁰⁴ (Серенск, Ждамирово, Старая Рязань). Кроме обычных цилиндрических замков и ключей к ним, существовали и так называемые индивидуальные формы. Ключи к таким замкам найдены в Старой Рязани ³⁰⁵, Слободке и Серенске (рис. 99, 7, рис. 101, 21—23). Они напоминают подобные же ключи, найденные на Черевском раскопе Новгорода в слое XII—XIII вв. и их конструкция, очевидно, основана на том же принципе ³⁰⁶.

С замками тесно связаны железные дверные личины, ручки для дверей и личины для этих ручек. Некоторые личины для дверных ручек богато орнаментированы. Совершенно целая личина от внутреннего замка, найденная в Серенске, представляла собой прямоугольную пластинку размером 75×45 мм с вытянутым выемом для ключа и четырьмя небольшими отверстиями по углам для прикрепления к двери (рис. 99, 9). В Серенске, и Старой Рязани найдены дверные ручки в виде большого подвижного кольца с пробоем (диаметры колец 60—80 мм, толщина — 5—7 мм) ³⁰⁷. Иногда кольца дверных ручек находят и без пробоев (Спас-Городок, Серенск). Кольца бывают гладкие (рис. 62, 11; рис. 100, 45) и из перекрученного дрота. Встречаются и маленькие колечки с миниатюрным пробойчиком, служившие ручками каких-нибудь ларчиков или сундучков. В Серенске и Слободке встречаются очень маленькие пробойчики для ларцов (рис. 101, 24, 27) и очень массивные: один пробой, выкованный из толстого четырехгранного дрота, был соединен с массивной толстой цепью, состоящей из трех звеньев, последнее звено в форме восьмерки надевалось, очевидно, на петлю другого пробова, на которую затем навешивался замок (рис. 77, 6). Эта цепь с пробоем была найдена в кладовой на городище Слободка вместе с серпами, скребницей, удилами, о которых говорилось выше. Здесь же находилась большая массивная железная накладка, на

³⁰¹ Даркевич В. П. Раскопки на Южном городище. . . , с. 50, рис. 29, 1—4, рис. 30, 2—7, 8—11; Монгайт А. Л. Старая Рязань, с. 105, рис. 70, 1, 2, 4—6; *Он же*. Рязанская земля, с. 189, рис. 77, 5—7.

³⁰² Даркевич В. П. Раскопки на Южном городище. . . , рис. 30, 1; Никольская Т. П. К истории древнерусского города Серенска, с. 112, рис. 36, 13.

³⁰³ Даркевич В. П. Раскопки на южном городище. . . , с. 53, рис. 31, 1—2.

³⁰⁴ Монгайт А. Л. Старая Рязань, с. 105, рис. 70, 3, 12—14, с. 106, рис. 71.

³⁰⁵ Даркевич В. П. Раскопки на Южном городище. . . , с. 50, рис. 29, 5.

³⁰⁶ Кошкин Б. А. Железообрабатывающее ремесло. . . , с. 85, рис. 69, 5, 7.

³⁰⁷ Даркевич В. П. Раскопки на Южном городище. . . , с. 49, рис. 28, 7.

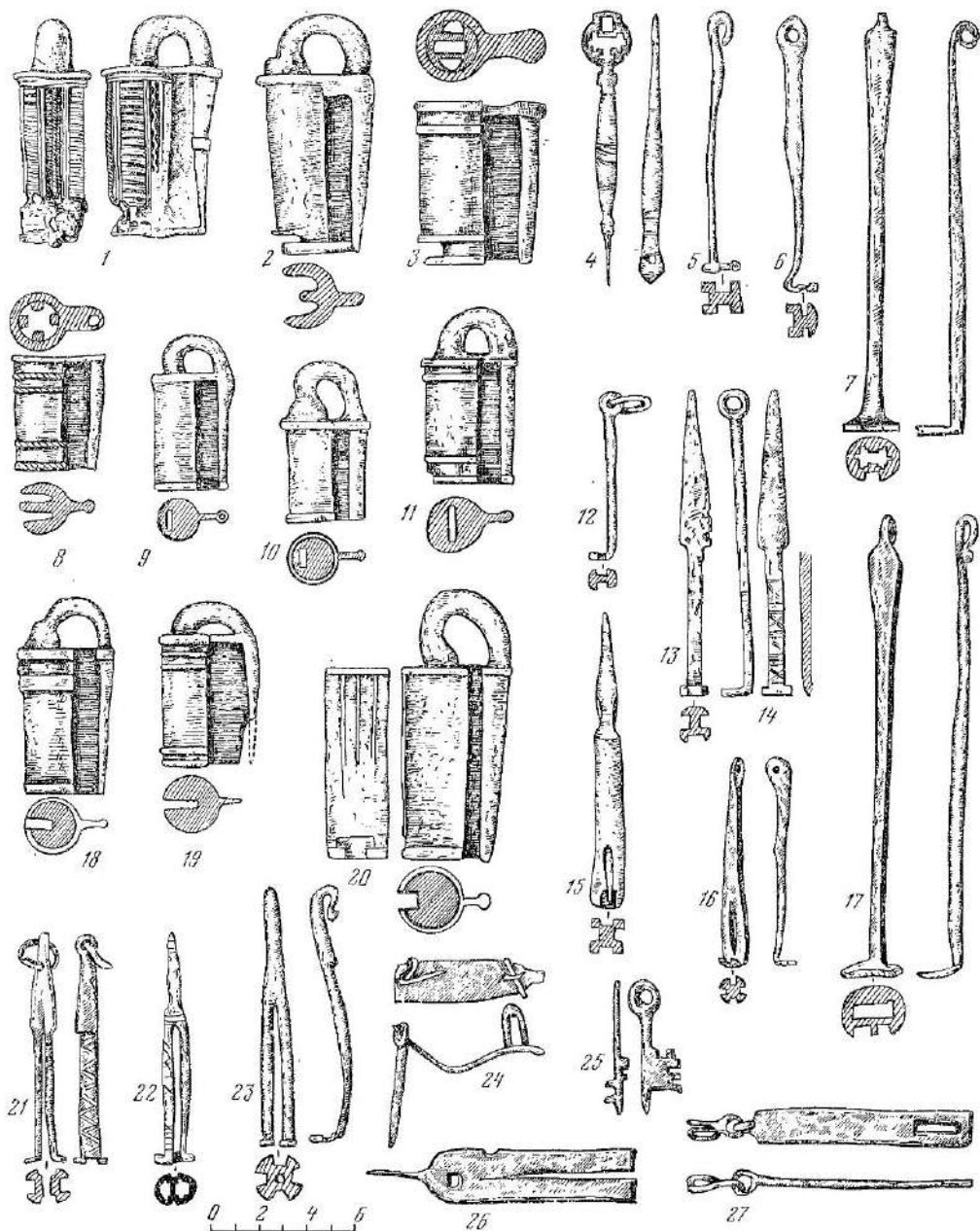

Рис. 101. Предметы быта

1—3, 8—11, 13—20 — замки; 4—7, 12—17, 21—23, 25 — ключи; 24, 27 — накладки с пробоем; 26 — пружина внутреннего замка

которую, очевидно, навешивалась дуговая дверь кладовой. Все известные в наших памятниках цепи имели звенья в форме несомкнутой восьмерки³⁰⁸.

Среди прочих предметов быта довольно частыми находками являются железные дужки и обручи от деревянных ведер. Стержень дужки делался прямоугольным в разрезе, круглым, квадратным и перекрученным³⁰⁹. Сохранившийся целый экземпляр пластинчатой дужки с большими петлями на концах (городище Слободка) принадлежал веде диаметром 22 см (рис. 102, 13). Интерес представляет часть одной перекрученной дужки, на петлю которой было надето железное плоское ушко (Слободка). По-видимому, дужки не всегда крепились непосредственно к деревянным клемам, как это утверждает Б. А. Колчин³¹⁰ и иногда ведерки снабжались железными же ушками, на которые и падалась дужка (рис. 102, 12, 16).

В обиходе у населения Земли вятичей хорошо известны железные и медные котлы для приготовления пищи. Фрагменты их многочисленны и повсеместны при раскопках древнерусских поселений³¹¹. Более частой находкой являются железные ушки от котлов. Обычно это маленькие петли, подобные той, которая обнаружена вместе с дужкой от ведра (рис. 99, 15). За эти ушки котлы подвешивались над очагом или кустом. Для этого применялись еще большие плоские железные кольца с крюками. Два таких кольца надевали на толстую деревянную жердь, лежавшую на опорах, а на крючки колец надевали ушки котла³¹² (рис. 99, 10; рис. 102, 15).

Существовали и большие массивные «ушки», принадлежавшие очень большим котлам, которые использовались, вероятно, во время военных походов. Половинки таких ушек найдены в Слободке и Серенске. Ушко представляло собой толстый, массивный железный дрот (толщина дрота 12 мм), согнутый в петлю, концы которой распахнуты в широкие пластины и прикреплены к стенке котла (длина ушка 160 мм, ширина одной пластины 55 мм) (рис. 99, 14).

Из железа делались также и некоторые предметы убора и туалета: одежные и поясные пряжки, булавки, подковки для саней и т. п. Нагрудные пряжки для застегивания одежды, найденные в Серенске, Слободке и

³⁰⁸ Даркевич В. П. Раскопки на Южном городище. . . , рис. 28, 7, 8.

³⁰⁹ Там же, с. 67, рис. 45, 10.

³¹⁰ Колчин В. А. Железообрабатывающее ремесло. . . , с. 103. Небольшое ведро (высотой 13 см, диаметром 20 см), сплошь окованное железными обручами, было найдено Н. И. Булычевым в кургане у д. Шатулы на р. Угре (Булычев Н. И. Раскопки по среднему течению Угры. — Записки Московского археологического института, 1913, т. XXI, с. 29, рис. 43).

³¹¹ Так, например, в Пронске в одном из разрушенных пожаром жилищ найдены части большого бронзового котла, железное ушко от него и железные звенья цепи, на которой его подвешивали. Здесь же были обнаружены железные дужки и обручи от деревянного ведра (Мальм В. А., Фельнер М. В. Археологические исследования древнего Пронска. . . , с. 197).

³¹² В дегинце городища Слободка открыты остатки какой-то постройки легкого типа (летняя кухня?) с небольшим глинобитным очагом. В очаге лежало два именно таких плоских железных кольца с крюками, служивших для подвешивания котла. Для одного из колец использовано большое круглое стремя, вышедшее из употребления (рис. 58а, 1; 80, 15).

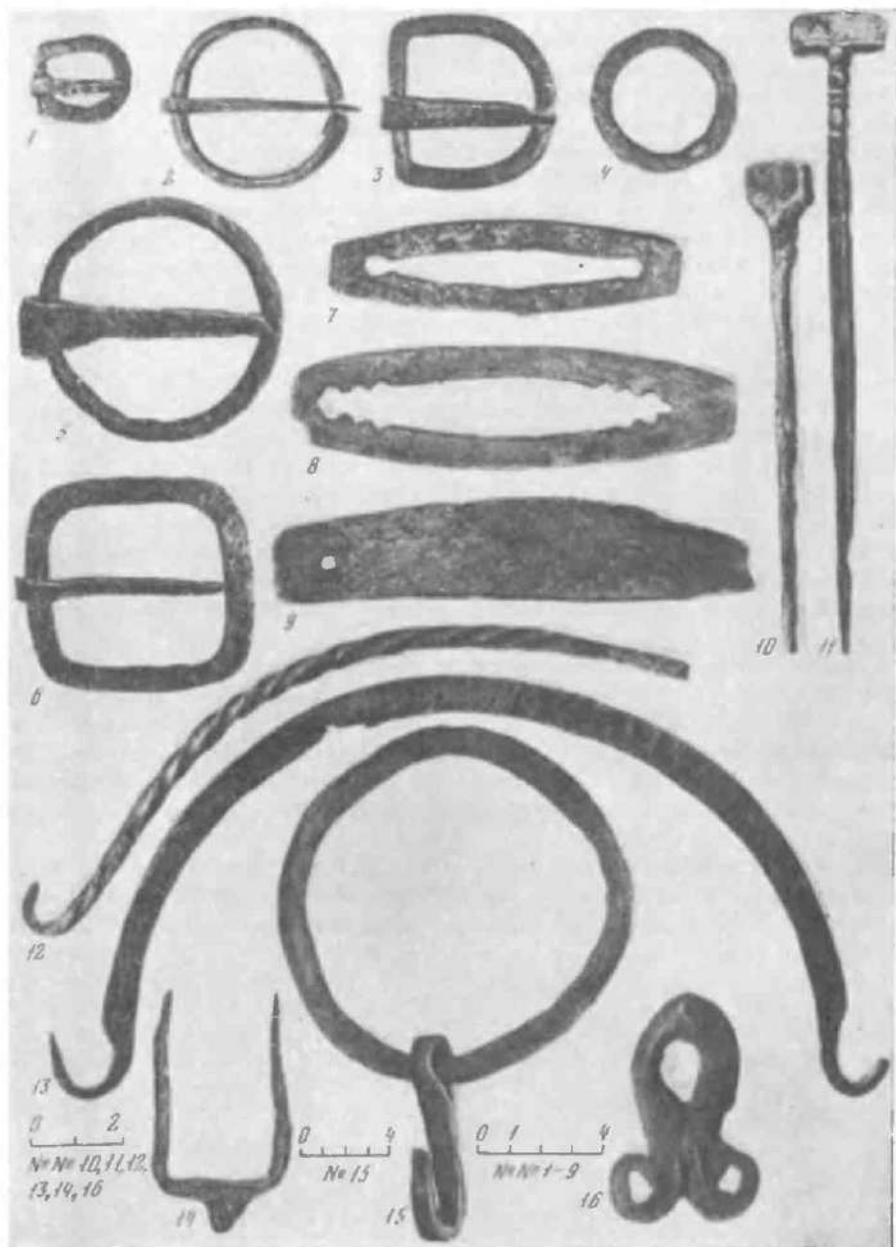

Рис. 102. Предметы быта

1—3, 5, 6 — пряжки; 4 — кольцо; 7, 8 — кресала; 9 — бритва; 10—11 — писала; 12, 13 — дужки от ведер; 14 — ледоходная подковка; 15 — кольцо с крючком; 16 — ушко от ведра (Слободка, Серенск)

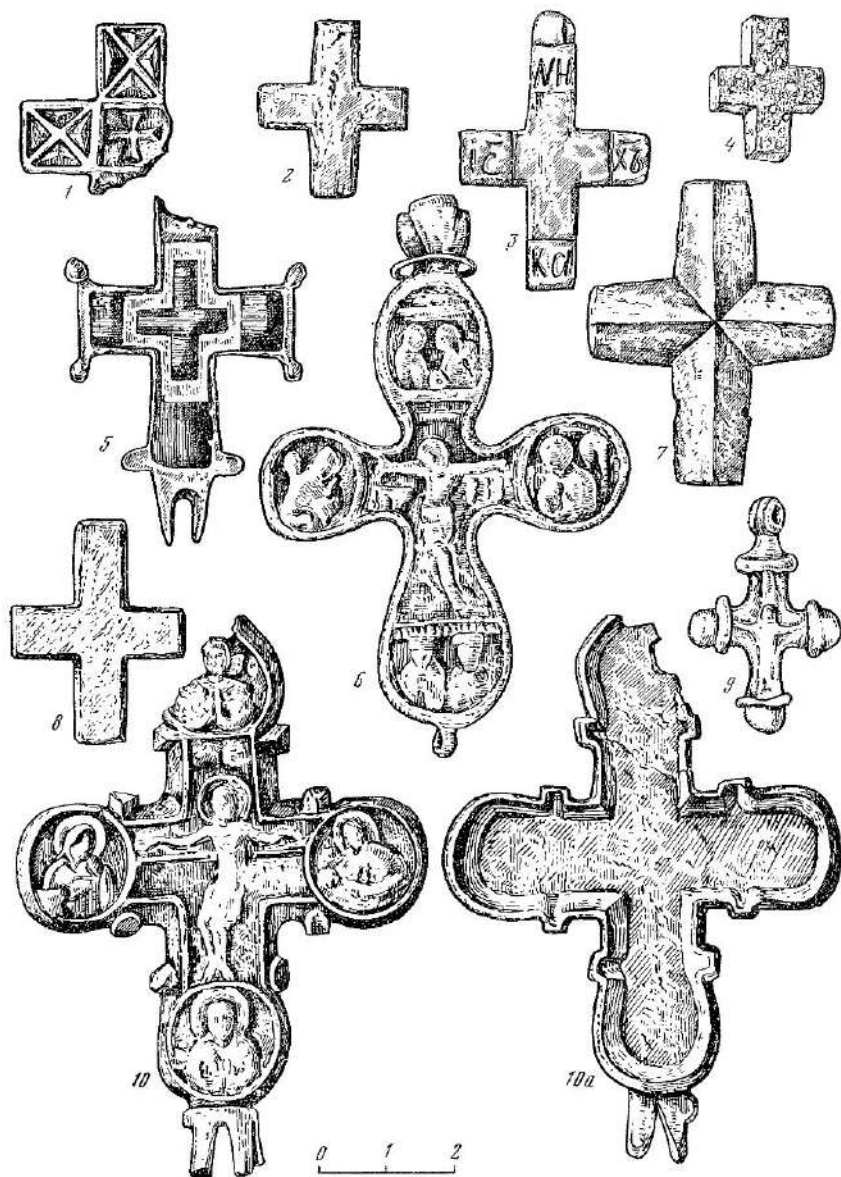

Рис. 103. Кресты

1—4, 7—9 — натальные каменные (3 — концы в золотой оправе); 5, 6, 10 — кресты-онкохионы;
 1, 2, 5—8, 10 — Серенск; 3 — Московский Кремль; 4 — Слободка; 9 — Старая Рязань

Старой Рязани, имеют подковообразную со спирально загнутыми концами (рис. 102, 2), или круглую форму (рис. 102, 5). Поясные пряжки — чаще прямоугольной (рис. 100, 17—21; 102, 6) или дугообразной формы (рис. 100, 7, 8, 10, 11—13, 15). Кроме них, встречаются разнообразные по форме и размерам пряжки — лировидные, круглые, овальные (рис. 100, 1—6, 9, 16, 25, 27) с размерами дужек от 7 до 25 мм. Среди мелких были пряжки обувные (рис. 100, 3—6, 27—29) и от шнор. Найдены пряжки от конской сбруи (Серенск) (рис. 100, 22—24). В обиходе у населения были и маленькие подковки для каблуков. Они представляют собой дугообразную, прямоугольную в сечении пластинку с тремя небольшими острыми, с помощью которых подковка крепилась к кожаному каблучку (расстояние между крайними линиями подковки 70 мм, ширина полосы 15 мм) ³¹³ (рис. 96, 7).

Среди многочисленных предметов быта, найденных на поселениях Земли вятичей, есть и свидетельствующие о распространении грамотности. Это — писала и клипные застёжки. Писала известны двух типов: с полукруглой и прямой лопаточкой (рис. 102, 10, 11) (Серенск, Слободка, Вышгород, Старая Рязань, Пронск и др.) ³¹⁴. Подобные писала известны во многих древнерусских городах в слоях XI—XIII вв. ³¹⁵ Одно писало, найденное в Вышгороде, имело оригинальную фигурную лопаточку с прорезами. Книжные застёжки, найденные в Старой Рязани, Серенске и Слободке, имеют разнообразную форму ³¹⁶. Особенно выделяется одна застёжка из Старой Рязани, являющаяся произведением художественного ремесла ³¹⁷ (рис. 89, 27, 45, 49).

Универсальным инструментом, применявшимся как в быту, так и ремеслах, являются шилья (с круглым, квадратным и ромбическим острием, рис. 94, 22, 24, 27, 28). Кроме шильев, на поселениях найдены и железные углы с ушком. Следует упомянуть еще об одном бытовом предмете, найденном в Серенске: это железная бритва. Бритвы впервые найдены в Новгороде ³¹⁸. Теперь они известны в Серенске, а также Ярополче Залесском (XII—XIII вв) ³¹⁹. Найденные экземпляры, по-видимому, относятся как к первому типу (по новгородской типологии) — это маленькая бритва, заключенная в железный же футляр (длина бритвы с футляром 60 мм, ширина лезвия 13 мм), так и ко второму (рис. 102, 9).

³¹³ По свидетельству Б. А. Колчина, кожаная обувь, с твердыми каблуками появилась в Новгороде только в XIV в. и все подковки найдены в слое XIV—XV вв. (*Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло. . .*, с. 108, 111; рис. 96, 17, 18). Однако такие же подковки найдены в детинце Слободки, погибшем в середине XIII в., где вещей позднее этого времени не найдено.

³¹⁴ *Никольская Т. П.* К истории древнерусского города Серенска. — *РСИА.* 1968, вып. 113, с. 112; рис. 36, 9; *Монгайт А. Л.* Старая Рязань. . . , с. 181, рис. 140; *Даркевич В. П.* Раскопки на Южном городище. . . , с. 49, рис. 28, 5; *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. . . , с. 197, рис. 82, 1, 2.

³¹⁵ *Медведев А. Ф.* Древнерусские писала X—XV вв. — *СА.* 1960, № 2, рис. 1.

³¹⁶ *Монгайт А. Л.* Старая Рязань. . . , с. 180, рис. 139, 2, 3, 16, 17.

³¹⁷ Там же, с. 186, рис. 144, 2.

³¹⁸ *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода. . . , с. 58, рис. 45.

³¹⁹ *Седова М. В.* Ярополч Залесский, с. 132, табл. 3, 2.

ТОРГОВЛЯ И ТОРГОВЫЕ ПУТИ

Важным критерием социально-экономической структуры общества, наряду с ремесленным производством, является и торговля. В эволюции русской торговли IX—XII вв. отмечается два основных периода, которые прослежены по пумизматическим и археологическим данным¹.

Первый период, относящийся к IX—X вв. — времени создания древнерусского феодального государства, — характеризуется установлением торговых связей Руси с арабским миром². П. Г. Любомиров датировал этот начальный этап VIII в., отмечая, что восточные монеты попадали на Русь даже в VII в.³ Р. Р. Фасмер, а затем В. Л. Янин несколько уточнили эту датировку. На основании находок кладов и отдельных монет В. Л. Янин пришел к выводу о том, что проникновение дирхема в Европу и установление торговых связей Восточной Европы со странами Халифата начинается в 70—80 годах VIII в.⁴

Основным источником для изучения торговли и торговых путей на вятичской территории в ранний период являются восточные монеты, поступающие сюда по Волге и Оке⁵. Одним из первых ученых, считавших Волгу и Оку главными путями, по которым славяне издавна установили торговые связи с Востоком, был И. Е. Забелин⁶. Ссылаясь на его авторитетное мнение, А. И. Черепнин исследовал клады куфических монет, найденных на территории бывших Тульской и Рязанской губерний⁷. Автор объясняет значение Оки в восточной торговле существовавшим в этих зем-

¹ Рыбаков Б. А. Торговля и торговые пути. — В кн.: История культуры Древней Руси. М., 1948, т. I, с. 328; Даркевич В. П. К истории торговых связей древней Руси (по археологическим данным). — КСИА, 1973, вып. 138, с. 101.

² Даркевич В. П. К истории торговых связей, с. 101 и сл.

³ Любомиров П. Г. Торговые связи Древней Руси с Востоком в VIII—XI вв. (преимущественно по данным о кладах восточных монет). — Учен. зап. Государственного Саратовского университета, 1923, т. I, вып. 3.

⁴ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. (Домонгольский период). М., 1956, с. 84.

⁵ Русский летописец писал, что путь по Волге был основным путем Руси на Восток: «Там же и из Руси можеть ити по Волзе в Болгары и в Хвалысы, и на восток дойти в жребий Симв». (ПВЛ, с. 12). Как справедливо отметил А. Л. Монгайт, «волжский путь был в то время окским путем. На Волгу с запада попадали чаще всего по Оке» (Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961, с. 90).

⁶ Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. М., 1879, т. I, с. 30, 31.

⁷ А. И. Черепнин писал: «Тульская и Рязанская губ. богаты кладами с арабскими монетами; это обстоятельство дает нам право утверждать, что племена, заселявшие Окский бассейн, принимали живое и постоянное участие в торговых сношениях с Востоком, начиная с VIII в., и до временного прекращения их в самом начале XI в.» (Черепнин А. И. Значение кладов с куфическими монетами, найденных в Тульской и Рязанской губ. Рязань, 1892 г., с. 12).

лях богатым пушным промыслом⁸. Не случайно вятичи платили дань хазарам «по беле и зверици от дыма»⁹.

Основываясь на находках кладов восточных монет в Восточной Европе, опубликованных к этому времени А. К. Марковым, П. Г. Любомиров писал о значительной роли Окского торгового пути в сношениях с Востоком¹⁰.

Советские историки, занимавшиеся исследованием внешних торговых связей Древней Руси, также подчеркивали, что волжский путь издавна был основной артерией восточнославянской торговли со странами Средней Азии и Кавказом¹¹.

На основании всех опубликованных материалов А. Л. Монгайт составил карту кладов и отдельных монет в бассейне Оки, дополнив данные А. К. Маркова некоторыми неизданными материалами из научного архива Рязанского областного краеведческого музея. Судя по его сведениям, непосредственно с территорией вятичей связана 51 находка (из 64 нанесенных на карту)¹².

Однако на карте А. Л. Монгайта не учтены некоторые находки. Так, при раскопках П. Н. Третьякова на городище у д. Спас-Городок найден дирхем начала XI в. В самом верхнем течении Оки, на ее правом берегу, при раскопках автора на городище у д. Лужки (Пашково) в 1959 г. найдены две монеты — подражание саманидскому дирхему конца X—начала XI в. В 1936 г. в с. Бобыли Тельченского района Орловской обл. найден клад из 325 целых и 24 обломка монет с младшей монетой 876 г.¹³ Таким образом, находки восточных монет теперь известны на всем протяжении Оки в пределах территории, занятой вятичами, от ее верховьев до Старой Рязани, что убедительно подтверждает значение Оки как важной торговой артерии в общей системе волжского торгового пути (рис. 104).

Начало проникновения дирхема в бассейн Оки датируется концом VIII и первой третью IX в. К этому времени относятся находки нескольких отдельных монет: самая ранняя из них — дирхем чекапа 758/759 г. — известна из культурного слоя городища Дуна¹⁴; 3 дирхема 787—810 гг. найдены в с. Городище; еще 2 дирхема 796 г. обнаружены в Белеве, один аббасидский дирхем 819—821 гг. — на городище в с. Супруги.

Однако для характеристики торговых связей важны находки кладов, а не отдельных, случайно утерянных монет. Самые ранние клады, зары-

⁸ Черепнин А. И. Значение кладов с куфическими монетами. . . , с. 8—10.

⁹ ПСРЛ, т. II, стб. 14. А. Г. Кузьмин расшифровал слово «беле» древнерусских памятников, бывшее ранее предметом многих научных споров, как горностау (Средневековая Русь. М., 1976, с. 69).

¹⁰ Ссылаясь на данные Маркова, П. Г. Любомиров заключает, что на территории быв. Калужской, Тульской и Рязанской губ. известно 35 находок кладов и отдельных восточных монет, из которых две трети (24) ближайшим образом связаны с Окой (Любомиров П. Г. Торговые связи древней Руси с Востоком. . . , с. 34).

¹¹ Новосельцев А. И., Пашуто В. Т. Внешняя торговля древней Руси (до середины XIII в.). — В кн.: История СССР, 1967, № 3, с. 104.

¹² Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 91—93, рис. 38 (карта).

¹³ Пахомов Е. А. Монетные клады, 1949, вып. IV, № 1306; Янин В. Л. Денежно-весовые системы. . . , с. 75.

¹⁴ Фасмер Р. Р. Завалищенский клад куфических монет VIII—IX вв. — Известия ГАИМК, 1934, т. VII, вып. II.

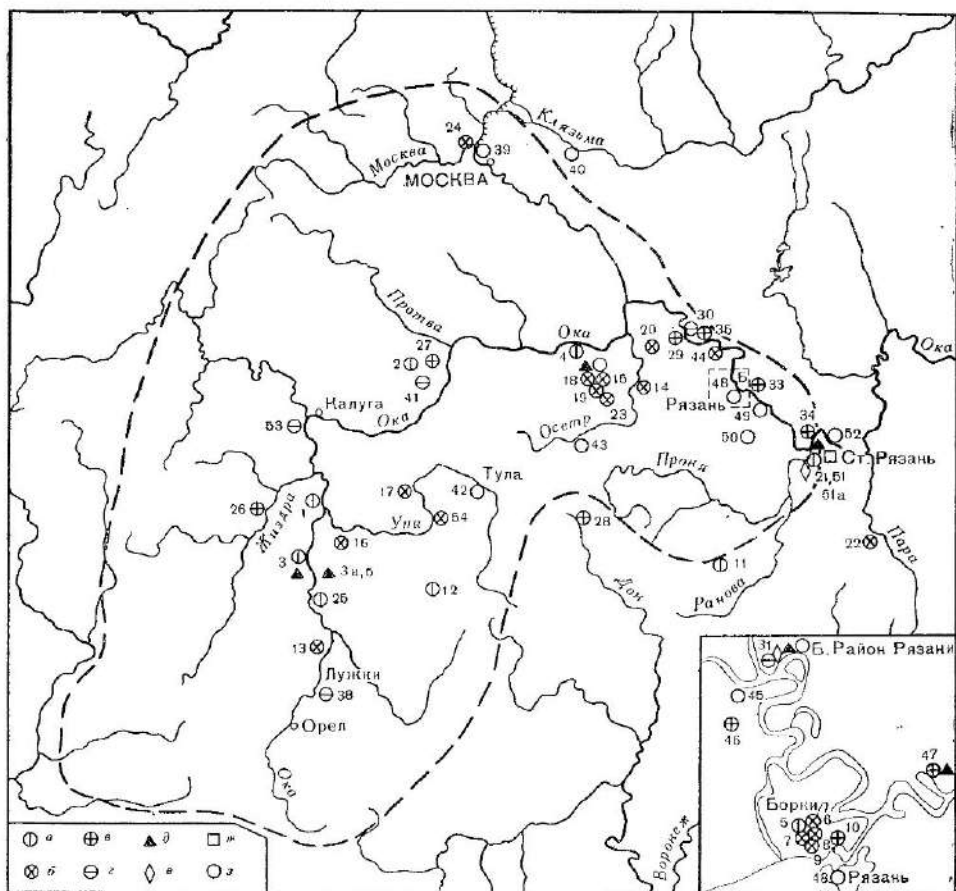

Рис. 104. Карта находок восточных, византийских и западноевропейских монет в Земле вятичей

a — восточные монеты первого периода (по В. Л. Ялпину); *b* — восточные монеты второго периода; *в* — восточные монеты третьего периода; *г* — восточные монеты четвертого периода; *д* — византийские монеты; *е* — западноевропейские монеты; *ж* — слитки денежные, серебряные; *з* — восточные монеты, время которых неизвестно

1 — урочище Дуна; 2 — с. Городище; 3 — г. Белев; 4 — с. Баснач; 5–10, 32 — с. Борки; 11 — Скопинский у.; 12 — с. Лапотково; 13 — с. Вобыли; 14 — с. Железницы; 15 — с. Грунино; 16 — с. Мишнево; 17 — с. Пирогово; 18 — д. Хитровка; 19 — с. Остроги; 20 — с. Кунаково; 21 — Ст. Рязань; 22 — с. Кривель; 23 — с. Ростовец и Остроги; 24, 39 — Москва; 25 — с. Федяшево; 26 — г. Козельск; 27 — Тарусский у.; 28 — д. Бородеиц; 29 — с. Озерцы; 30 — с. Белый Омут; 31 — с. Коростово; 33 — с. Дубровичи; 34 — с. Гавриловское; 35 — с. Белоомут; 36 — с. Кошцево; 37 — Юхновский у.; 38 — городище Лукни; 40 — с. Глухово; 41 — с. Вязок; 42 — г. Тула; 43 — городище Лесная Веркуша; 44 — с. Федяино; 45 — с. Кошцево; 46 — Феедов Бор; 47 — с. Шумош; 48 — г. Рязань; 49 — с. Кораблино; 50 — с. Шахово; 51 — д. Ст. Рязань; 52 — с. Дегтаное; 53 — городище Спас-Городок; 54 — с. Сузруты

тые в бассейне Верхней и Средней Оки, относятся к первой четверти IX в.: Лапотково и Покровское (817 г.)¹⁵, Баскач (807—808)¹⁶, Борки (817 г.)¹⁷, Скопинский (818—819 гг.)¹⁸ и близ Старой Рязани. Эти клады содержали в основном куфические монеты африканского чекана, что, по мнению Р. Р. Фасмера и В. Л. Янина, характерно для первого периода обращения дирхема в Восточной Европе (конец VIII—первая треть IX в.)¹⁹.

Большая часть кладов восточных монет в бассейне Оки зарыта в середине и второй половине IX в., а также в первой половине X в., что соответствует второму и третьему периодам обращения дирхема в Восточной Европе. Исследования В. Л. Янина показали, что «больше половины кладов второго периода (833—900 гг.) обнаружено на Оке и Десне, служивших исключительно внутренними путями русской торговли»²⁰. В. Л. Янин подчеркивает значение Окского торгового пути, связывавшего основной центр торговли на Волге — Булгар с Киевом²¹.

Всего ко времени 833—900 гг. относится 13 кладов куфических монет, зарытых в Земле вятичей, и три находки дирхемов (Федякино, Супруты).

Наиболее крупный клад монет этого периода найден в 1898 г. у д. Хитровка (быв. Каширского у. Тульской губ.), состоявший из 866 целых дирхемов и 141 обломка. Младшая монета относится к 873 г.²² К этому же периоду принадлежит упомянутый выше клад, найденный у с. Бобыли.

Клад в с. Железницы (1855 г.) содержал 170 дирхемов и 102 обломка с младшей монетой 878 г.²³ В с. Мишнево (берег Упы) в 1892 г. найден клад, состоящий из 101 дирхема и серебряной цепочки; младшая монета относится к 869 г.²⁴ Клад, обнаруженный в 1874 г. в с. Борки, близ Рязани, состоял из 100 с лишним дирхемов, среди которых были половинки и четверти монет. Младшая монета — 869 г.²⁵

Кроме Волго-Окского пути торговля со странами Востока могла вестись и по Дону. О торговом пути, который шел по Дону (Танаису), далее на Волгу и в Каспийское море (море Джурджана), говорит арабский писатель 40-х годов IX в. Ибн-Хордадбех²⁶.

Еще П. Г. Любомирову было известно пять кладов восточных монет на Дону. В последние годы количество находок кладов и отдельных монет здесь возросло. Только на городище у хутора Титчиха найдено 27 целых

¹⁵ Фасмер Р. Р. Завалищенский клад. . . , с. 34; Янин В. Л. Денежно-весовые системы. . . , с. 86, рис. 5.

¹⁶ Фасмер Р. Р. Завалищенский клад. . . , с. 34.

¹⁷ Черепнин А. И. Значение кладов. . . , с. 3.

¹⁸ Там же, с. 5.

¹⁹ Янин В. Л. Денежно-весовые системы. . . , с. 92.

²⁰ Там же, с. 103.

²¹ Там же, с. 105.

²² Марков А. К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910.

²³ Корзухина Г. Ф. Русские клады. М.—Л., 1954, с. 81, № 8.

²⁴ Марков А. К. Топография кладов восточных монет, с. 12, № 66.

²⁵ Там же, с. 41, № 225.

²⁶ Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и руссах. СПб., 1870, с. 187, 188.

и два обрезака саманидских дирхемов (899—922 гг.) и одна монета Омайядов (728—729 гг.)²⁷.

В. В. Кропоткин, изучавший топографию кладов куфических и византийских монет VIII—X вв., пришел к выводу, что значительная их часть связана с хазарским каганатом или областями, находившимися в политической зависимости от хазар²⁸. Исследователь предполагает, что многочисленные варварские подражания куфическим монетам, найденные в составе кладов IX—X вв. (Борки, Завалишино, Малое Боршево, Хитровка, Большое Боршево, Лужки), также происходят из Хазарии²⁹.

Значительное расширение торговли Руси с Востоком, выразившееся в увеличении притока куфической монеты в Восточную Европу, падает на 900—938-е годы (третий период обращения дирхема)³⁰. Преобладающей категорией монет в кладах этого времени становятся монеты Саманидов; им принадлежит 90% всего состава кладов³¹. На втором месте после них стоят подражания куфическим монетам³². Третье место занимают аббасидские монеты X в. К этому времени на Оке относится 20 находок восточных монет, в том числе 10 кладов и 10 дирхемов, найденных на поселениях³³.

Последний период обращения дирхема (с 939 г. до конца X в.) отличается от предыдущих: «В это время на русском обращении сильнейшим образом сказывается кризис чеканки на Востоке, приведший в начале XI в. к прекращению ввоза монеты в Европу»³⁴.

Это обстоятельство сказалось и на состоянии торговых связей населения Оки с Востоком, особенно к концу X в. В последней трети X в. восточное серебро в Землю вятичей почти не поступает. Известно всего два клада, зарытых в бассейне Оки в третьей четверти и конце X в. В с. Белый Омут (быв. Зарайского у. Рязанской губ.) в 1839 г. найден клад, состоящий из 25 целых и 32 обломков дирхемов с младшей монетой 976 г. В составе клада были также 2 монеты волжских булгар, чеканенные в Булгаре (949 г.) и Суваре (976 г.)³⁵.

В с. Коростово в 1891 г. обнаружен клад, состоящий из 15 целых и 918 обрезков куфических монет, младшие монеты которого относятся ко времени около 1000 г.³⁶

²⁷ Москаленко А. Н. Городище Титчиха. Воронеж, 1965, с. 117; Янина С. А. Описание куфических монет из раскопок 1957—1961 гг. на городище Титчиха. — В кн.: Москаленко А. Н. Городище Титчиха, с. 270—273.

²⁸ Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н. э. М., 1967, с. 119.

²⁹ Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы. . . , с. 121.

³⁰ Янин В. Л. Денежно-весовые системы. . . , с. 119.

³¹ Там же, с. 122.

³² Янин В. Л. Денежно-весовые системы. . . , с. 122.

³³ Время нескольких монетных кладов, к сожалению, не было определено (Тула, Борки, Кораблино, Москва). Неизвестно также время и некоторых найденных отдельных дирхемов (Ст. Рязань, г. Рязань, Москва) и таким образом, насчитывается всего 11 пунктов, не определенных монет.

³⁴ Янин В. Л. Денежно-весовые системы. . . , с. 128.

³⁵ Марков А. К. Топография кладов. . . , с. 39, 40, № 220.

³⁶ Черепнин А. И. Коростовский клад. Рязань, 1892.

Наличие обломков монет, характерное для кладов второй половины X в. и первой половины XI в., говорит о преобладании весового приема монет над счетным³⁷. Подтверждением сказанного являются находки в древнерусских памятниках (курганах, поселениях и кладах) с середины X в. маленьких коромысловых весов и гирек³⁸. Набор из пяти железных сферических гирек, обтянутых медным каркасом, найден в 1891 г. на городище Старая Рязань, отдельные гирьки попадались в последующие годы в раскопках и случайных находках³⁹. В последние годы такие гирьки и миниатюрные весы найдены еще на двух городищах Земли вятичей: Подмоклово на Оке⁴⁰ и у д. Супруты⁴¹. Чашечки и коромысла маленьких складных весов найдены также в Рязанской обл. и в домонгольских слоях Серепска и Слободки⁴².

Рассмотренные клады, найденные вдоль внутренних путей сообщения или на территории сельских поселений, говорят о наличии местного обмена и отражают экономические связи города и его сельскохозяйственной округи⁴³. Развитию внутренней торговли способствовало и расширение транзитной торговли в середине X в., провоз товаров через территорию Руси, в том числе через Землю вятичей⁴⁴. Однако несомненно, что в условиях натурального хозяйства эти межобластные торговые связи были развиты еще слабо.

Кроме монетных кладов в бассейне Оки известны и клады вещевые, некоторые предметы которых, по-видимому, изготовлены по восточным образцам. Таковы пяти- и семидучевые височные кольца, лунницы и ажурные бусы, найденные в Зарайском кладе IX—начала X в. (д. Железницы). По мнению многих ученых, височные кольца клада являются прототипами семилопастных колец. В. И. Сизов, анализируя орнамент на семилопастных височных кольцах, высказал мнение об их арабском происхождении⁴⁵.

В ранних вятичских курганах с трупосожжениями, как отмечалось выше, найдены предметы украшений, также свидетельствующие о существовании в IX—X вв. торговых связей со странами Востока. Импортом из Средней Азии являлись разнообразные по форме сердоликовые бусы⁴⁶.

³⁷ Янин В. Л. Денежно-весовые системы, с. 140.

³⁸ Монгайт А. Л. Старорязанские гирьки. — КСИИМК, 1947, XIV, с. 61.

³⁹ Монгайт А. Л. Старая Рязань. — МИА, 1955, № 49, с. 154.

⁴⁰ Успенская А. В. Древнерусское поселение X—XII вв. близ с. Подмоклово. — В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 246, рис. 2.

⁴¹ Изюмова С. А. Раскопки городища у с. Супруты. — АО 1973 г. М., 1974, с. 53.

⁴² Раскопки автора.

⁴³ Янин В. Л. Денежно-весовые системы, с. 204—209; Даркевич В. П. К истории торговых связей, с. 101; Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства, с. 29, 30.

⁴⁴ Свидетельством зарождения местных рынков на Руси уже в середине X в. является появление двух денежно-весовых систем — северной и южной вместо единой общерусской (Янин В. Л. Денежно-весовые системы. . . , с. 204).

⁴⁵ Сизов В. В. О происхождении и характере курганных височных колец и преимущественно так называемого московского типа. — АИЗ, 1895, № 6, с. 177 и сл.; Арциховский А. В. Курганы вятичей, с. 48; Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 108; Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 97.

⁴⁶ Феснер М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. — Труды ГИМ, М., 1952, вып. 33, с. 154, 155.

Бусы из двухслойного стекла с золотой или серебряной прокладкой, распространенные на Руси в X—начале XII в., импортировались из стран Ближнего Востока, вероятно, из Александрии. Граница распространения этих бус почти полностью совпадает с границей распространения дирхемов, а путь их проникновения на Русь также шел через Волжскую Булгарию⁴⁷.

Кроме рассмотренных бус в курганах с кремацией бассейна Верхней Оки (Западная, Доброе, Лебедка) найдены и другие ранние бусы: стеклянные трехчастные бирюзовые, синие кобальтовые многочастные, стеклянные мозаичные (полосатые бирюзовые и глазчатые желтые), известные в памятниках Крыма, Кавказа VIII—X вв. и в Салтовском могильнике⁴⁸. Так же как и восточные монеты, предметы украшений поступали на Русь по Волге и Оке.

В литературе уже высказано мнение, что сами восточные купцы в IX—X вв. в землях славян не бывали и дальше Булгара по Волге не заходили⁴⁹. Сведения о славянах и русах арабские писатели получали от путешественников или купцов, которые с ними встречались в землях хазар или булгар. Этими путешественниками или купцами были булгары и славяне⁵⁰.

В Булгаре сходились торговые пути, которые шли и из северных областей Восточной Европы и из Киева через Рязанскую землю. В Рязанское княжество плыли верховьями Волги; из Киева шли вверх по Десне и Сейму на Верхнюю Оку⁵¹.

По-видимому, важной торговой пристанью по пути в Булгар была Старая Рязань, расположенная в районе трех судоходных рек — Оки, Прони и Пары. На миниатюре Кенигсбергской летописи, повествующей о приезде владимирского князя Всеволода в Рязань, изображена, по-видимому, пристань на Оке⁵².

В начале XI в. поступление дирхемов на Русь прекращается, но вместе с тем начинается импорт западноевропейского денария. С 20-х годов XI в. денарий становится основным средством денежного обращения восточных славян⁵³. Основными экспортёрами денария были Англия и Германия, добывавшие серебро. В древнерусскихкладах преобладают денарии германского чекана.

⁴⁷ Феллер М. В. К вопросу об экономических связях. . ., с. 164—166; Янин В. Л. Денежно-весовые системы, с. 105, 106.

⁴⁸ Деоник В. В. Классификация бус юго-восточной Европы VI—IX вв. — СА, 1961, № 3, с. 217, рис. 4, 8, 9.

⁴⁹ Новосельцев А. П., Пашуто В. Т. Внешняя торговля Древней Руси, с. 405.

⁵⁰ «Русские купцы являлись посредниками между Востоком, Византией и Западной Европой» (Рыбаков Б. А. Торговля и торговые пути, с. 328). По мнению А. Л. Монгайта, Окская транзитная торговля находилась в руках верхнеокских и среднеокских вятичей (Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 95).

⁵¹ Даркевич В. П. К истории торговых связей. . ., с. 96.

⁵² Радзивиловская или Кенигсбергская летопись, фототипическое воспроизведение рукописи. СПб., 1902, л. 227 об.

⁵³ По сведениям В. М. Потина, западноевропейский денарий имел хождение по всей территории Руси, хотя распространение его было не везде одинаково. Всего известно около 400 кладов и отдельных находок западноевропейских монет (Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968, с. 48).

На территории вятичей находки денариев не так многочисленны. Самым большим является клад, пайденный в 1946 г. на пашне у д. Льговка, расположенной в 4 км выше Воротынского городища, на противоположном берегу р. Высса. Подавляющее большинство монет — Ордульфа Саксонского (1059—1071) и Эгберта II Фрисландского (1068—1090). Вместе с монетами в горшке были серебряные украшения⁵⁴.

В составе еще одного клада, найденного у д. Колодези Калужской обл., состоявшего из 560 монет не ранее середины XI в., — одна монета была чешская — Ольдржиха⁵⁵. Во время дореволюционных раскопок в Старой Рязани неоднократно находили западноевропейские монеты XI в.⁵⁶ Также же монеты найдены и в погребениях при раскопках В. П. Даркевича⁵⁷. Находки германских пфеннигов XI в. известны и к северо-востоку от Москвы⁵⁸.

Кроме монет, на рассматриваемой территории найдены и некоторые предметы западноевропейского художественного ремесла⁵⁹. Среди них самыми замечательными являются бронзовые романские чаши с гравированным изображением человеческих фигур, персонифицирующих добродетели, известные из Старой Рязани.

В центральном медальоне чаши 1887 г. — фигура сидящей женщины с книгой в левой руке. По сторонам головы — надпись «Надежда». По бокам сделаны надписи на латинском языке: «Любовь», «Терпение», «Вера».

От второй чаши (находка 1967 г.) сохранились дно и частично стенки со рваными краями, однако выгравированная на внутренней поверхности композиция восстановилась полностью. В центральном медальоне помещена фигура женщины с книгами в обеих руках. Вокруг группируются такие же погрудные изображения женщин. Их поясняют надписи на латинском языке: «Вера, Надежда, Любовь, Терпение, Чистота». Обе чаши происходят из мастерских, находившихся в Вестфалии, бассейне Мааса или низовьев Рейна, и относятся к рубежу XII—XIII вв.⁶⁰

В культурном слое Московского Кремля найдены обломки черных стеклянных браслетов — изделий немецкого средневекового стеклоделия⁶¹.

⁵⁴ Маслов П. М. Льговский клад. — КСИИМК, 1948, XXIII, с. 105, рис. 46.

Археологическое обследование участка, на котором пайден клад, обнаружило фрагменты гончарной керамики с вошпастым и линейным орнаментом, изготовленной на ручном круге. По-видимому, в XI—XIII вв. здесь было селище. Недалеко от Льговки расположена группа курганов (Маслов П. М. Льговский клад, с. 107).

⁵⁵ Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства... с. 191.

⁵⁶ ТУРАК, 1903, т. XVIII, вып. 1, с. 32.

⁵⁷ Даркевич В. П. Рязанская экспедиция. — АО 1977 г. М., 1978.

⁵⁸ Фасмер Р. Р. Список монетных находок, зарегистрированных секцией пумизматики ГАИМК в 1920—1925 гг. Л., 1929, т. II, с. 294.

⁵⁹ Даркевич В. П. Произведения Западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). — САИ, 1966, вып. Е1—57, с. 21, табл. 14, 4; *Он же*. Новые находки романских бронзовых чаш. — В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1970, с. 150, 151, рис. 1.

⁶⁰ Даркевич В. П. Новые находки... с. 152.

⁶¹ Латышева Г. П. Торговые связи Москвы в XII—XIV вв. — В кн.: Древности Московского Кремля. М., 1971, с. 221.

При раскопках в Зарядье обнаружена свинцовая пломба с надписью и клеймом одного из рейнских князей-епископов⁶².

Раскопки последних лет в Старой Рязани принесли новые находки фрагментов желтоватого, синеватого и зеленоватого стекла, происходящих, по мнению специалистов, из западноевропейской стекольной мастерской⁶³.

Торговля с Западом могла осуществляться через Новгород, связанный с бассейном Москвы-реки через Волок-Ламский. Тем же путем, очевидно, поступал в Землю вятичей и прибалтийский янтарь. Куски необработанного янтаря, янтарный шестиконечный крестик и янтарный перстень со щитком найдены в культурном слое Московского Кремля (второй половины XII—начала XIII в.)⁶⁴, а на Северном городище Старой Рязани открыты остатки мастерской XII в. по изготовлению украшений из янтаря⁶⁵. Янтарный крестик обнаружен и на городище Спас—Городок./ (раскопки автора 1979 г., рис.88, 8).

В Новгороде немецкие купцы перепродавали товар русским, а те, в свою очередь, везли его дальше, до Москвы и Рязани.

Импортом из Средней Европы, а может быть и самого Новгорода являются колокола, отлитые из белого металла, части которых найдены в поле пожара в Слободке и Серенске.

В XII в. установился новый путь, связывавший Западную Европу с русскими землями и Поволжьем: Рига—Полоцк—Витебск—Смоленск—Дорогобуж—Можайск—Москва—Рязань—Муром—Булгар. Благодаря этому маршруту, возрастает значение Смоленска и Рязани⁶⁶.

Свидетельством торговых связей Земли вятичей с Западом являются пломбы, найденные в Старой Рязани, районе Переяславля Рязанского и на Борковском острове (Сакор-гора). Расположенный у слияния рек Трубеж и Ока, последний мог служить местом разгрузки пребывающих кораблей и средоточием торговли⁶⁷.

Более длительную историю имели торговые связи Древней Руси с Византией. Развитие этих связей, начиная с VI в. и до XII в., шло по восходящей линии. Если в VI—IX вв. находки византийских монет известны главным образом на юге Руси, то в IX—XI вв. ареал их обращения охватывает и более северные территории, в том числе бассейн Оки. Согласно исследованиям В. В. Кротопкина, медные византийские монеты в IX—XIII вв. распространяются почти по всей древнерусской территории, включая

⁶² Рабинович М. Г. О древней Москве. М., 1964, с. 132, рис. 63, 8.

⁶³ Шапова Ю. Л. Стекланные изделия из Старой Рязани (по материалам раскопок 1966—1968 гг. — В кн.: Археология Рязанской земли. М., 1974, с. 88—90).

⁶⁴ Латышева Г. П. Торговые связи. . . , с. 219, рис. 1, 9; с. 221; Шелляпина Н. С. Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963—1965 гг. — В кн.: Древности Московского Кремля, с. 126.

⁶⁵ Монгайт А. Л. Старая Рязань, с. 131.

⁶⁶ Рыбаков Б. А. Торговля и торговые пути, с. 348.

⁶⁷ Рассмотрению рязанских пломб, имеющих княжеские знаки и тех, которые больше напоминают дрогичинские товарные пломбы, посвящена обширная литература. (Монгайт А. Л. Старая Рязань, с. 157, рис. 122, 2; *Оп же.* Рязанская земля, с. 321—324).

Смоленск и Старую Рязань, и достигают Волжской Болгарии⁶⁸. Тесными культурные связи древнерусского государства с Византией были в XI—XII вв., когда возрастает импорт византийской поливной керамики, художественной утвари и шелковых тканей. В эти культурные связи, в той или иной степени, было вовлечено и население Земли вятичей. В бассейне Верхней и Средней Оки известно семь кладов или отдельных паходок византийских монет, зарытых, очевидно, в начале XI в. Характерно, что византийские монеты входили в состав кладов в сочетании с восточными и западноевропейскими монетами. Таким был, например, известный Коростовский клад (Рязанский р-н), в котором серебряная византийская монета Иоанна Цимисхия (969—976) и два обломка монет найдены вместе с германскими пфеннигами (Оттон I — 962—973 и Оттон II — 996—1002), аббасидскими и саманидскими дирхемами и их обрезками — X в. В составе клада найден также серебряный «прутик» и подвеска с изображением павлина или фазана⁶⁹.

Клад, найденный в д. Хитровка (Каширский р-н Московской обл.), также содержал византийский миллиарсий Михаила III (842—867) и дирхемы⁷⁰.

В 1888 г. при раскопках Спасского собора в Старой Рязани в слое мусора найдено 12 медных византийских монет Иоанна II Комнина (1118—1143) вместе с монетой Иоанна Цимисхия (969—976)⁷¹ и англосаксонским денарием Этельреда II (978—1016)⁷².

Произведения византийского художественного ремесла не очень многочисленны в памятниках материальной культуры бассейна Верхней и Средней Оки и найдены в основном в наиболее развитых городах. Так, в Старой Рязани и Москве обнаружены лазуритовые крестики, изготовленные в Византии из афганского лазурита. В Старой Рязани привозными из Византии являются яшмовые и мраморные крестики с греческими надписями. Поливной мозаичный крестик найден в Серенске (рис. 87, 22).

В кладах Старой Рязани неоднократно находили золотые вещи с пергородчатой эмалью. Некоторые из них, возможно, были византийскими. Сохранилась одна миниатюрная золотая пластинка (длина 23 мм) с эмалевым изображением Христа и греческой надписью, служившая, очевидно, частью золотой диадемы⁷³.

Некоторые стеклянные сосуды, обломки которых известны в Старой Рязани (синее кобальтовое стекло, расписанное золотом), по мнению Ю. Л. Шаповой, также византийского происхождения⁷⁴.

Наиболее значительным был, по-видимому, импорт шелковых тканей из Византии. Известно два основных типа шелковых византийских тка-

⁶⁸ Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР. — САИ, 1962, вып. Е 4—4, с. 17; Дарквич В. П. К истории торговых связей. . . , с. 95.

⁶⁹ Черепнин А. И. Коростовский клад, табл. I, 17, 12, 15, 18; Кропоткин В. В. Клады византийских монет. . . , с. 27.

⁷⁰ Кропоткин В. В. Клады византийских монет. . . , с. 25.

⁷¹ Там же, с. 27.

⁷² Там же, с. 28.

⁷³ Монгайт А. Л. Старая Рязань, с. 157, рис. 122, I.

⁷⁴ Шапова Ю. Л. Стеклянные изделия из Старой Рязани. . . , с. 85.

ней — «самит» или «аксамит» — полихромная ткань саржевого переплетения (без применения золотных утков) и «паволока» — гладкая однотонная материя, составлявшая основную статью византийского экспорта на Русь⁷⁵.

Наряду со своими изделиями Византия вывозила в европейские страны, в том числе на Русь, и продукцию шелкоткацких мастерских Востока⁷⁶. Фрагменты аксамита обнаружены в Старой Рязани Д. Тихомировым при раскопках княжеских погребений в притворах Борисоглебского собора⁷⁷. Небольшие обрывки шелковой ткани и золотной тесьмы найдены в одном из кладов Старой Рязани⁷⁸.

Остатки шелковых тканей более часто находят в богатых женских погребениях. Это главным образом шелковые и золотные ленты или тесьма, служившие для отделки одежды или использовавшиеся в качестве головного венчика⁷⁹. Такие находки известны в вятичских курганах Московской, Калужской и Рязанской областей⁸⁰. Особенно интересны остатки шелковых тканей и золотых лент в курганах у д. Маклаково XII—начала XIII вв. (Рязанская обл.), раскопанных Н. Г. Недошвиной. На золотном фоне лент — геометрический орнамент, изображения зверей и погрудная Деисусная композиция⁸¹. Подобная же лента с ликами святых найдена в женском погребении XII в., открытом под Успенским собором Московского Кремля⁸². По-видимому, эти дорогие импортные ткани покупались сельским населением в городах, например Москве, Старой Рязани, Переяславле Рязанском или развозились по деревням коробейниками.

Торговля Руси с Византией шла главным образом Днепровским путем. Однако значительную роль в ней играл, очевидно, и Волжский путь: об этом свидетельствуют упомянутые выше находки византийских шелковых изделий в бассейне Оки и ее притоков⁸³. С низовьев Днепра торговый путь проходил вокруг Крымского полуострова к Азовскому морю, затем по Дону и через волок в дельту Волги. По сведениям арабских географов (Ибн-Хордадбеж, Истахри и Масуди) этим торговым путем пользовались, как отмечалось, уже в IX—X вв.

К началу XII в. с прекращением поступления на Русь иностранных монет устанавливается безмонетный период. Единственной единицей денежного обращения становятся денежные слитки, появившиеся в север-

⁷⁵ Фехнер М. В. Изделия шелкоткацких мастерских Византии в Древней Руси. — СА, 1977, № 3, с. 139, 140.

⁷⁶ Фехнер М. В. Шелковые ткани как источник для изучения экономических связей Древней Руси. — В кн.: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1974, с. 208.

⁷⁷ Монгайт А. Л. Старая Рязань. — МИА, 1955, № 49, с. 169, и сл.

⁷⁸ Фехнер М. В. Изделия шелкоткацких мастерских. . . , с. 131.

⁷⁹ Золотные ленты изготовлялись в Константинополе, в одной из мастерских, существовавших при императорском дворе.

⁸⁰ Фехнер М. В. Шелковые ткани, как источник для изучения. . . , с. 214, рис. 1, с. 212.

⁸¹ Недошвина Н. Г. Курганный могильник у д. Маклаково. — В кн.: Археология Рязанской земли, с. 214, рис. 4.

⁸² Шелягина Н. С., Федоров В. И. Археологические наблюдения в Успенском соборе Московского Кремля. — АО 1968 г. М., 1969, с. 183.

⁸³ Фехнер М. В. Изделия шелкоткацких мастерских. . . , с. 142.

ных областях Руси еще в XI в. Форма и вес их были стандартными. В памятниках XII в. слитки известны под названием «гривны серебра»⁸⁴.

В бассейне Верхней Оки клады с денежными слитками почти неизвестны⁸⁵, зато в среднем течении Оки найдено 11 кладов с денежными серебряными слитками, имевшими форму прямоугольных палочек и относящихся к системе «северного веса» (204, 75 г, по В. Л. Янипу)⁸⁶. Одним из самых значительных является клад, обнаруженный в 1828 г. в г. Рязани, у Борисо-Глебской церкви и содержащий 199 палочкообразных слитков весом от 209,04 г до 188, 32 г (общий вес клада 22480,05 г)⁸⁷. Еще один крупный клад найден в 1952 г. у д. Щигрово; он содержал 35 серебряных слитков, две серебряные чаши и серебряный ковчег (общий вес клада 7,119 кг)⁸⁸.

Наличие слитков «северного веса» в Рязанской земле можно объяснить двумя причинами: 1) Новгород был основным центром импорта серебра и изготовлявшиеся из него слитки имели широкое распространение⁸⁹; 2) возможно, что экспорт рязанского хлеба на север, в Новгород, определил и денежно-весовую систему, принятую в Рязанской земле⁹⁰.

С прекращением импорта серебра в XI в. торговые связи Земли вятичей не ослабевали. Продолжает развиваться и торговля с Востоком. Именно к этому времени относится наибольшее распространение на Руси упоминавшихся выше стеклянных бус с металлической прокладкой, известных также и в Земле вятичей. По-видимому, справедливо мнение некоторых исследователей о том, что бусы могли служить и средством внутреннего денежного обращения⁹¹. В XI—XII вв. особенно многочисленны в курганах Земли вятичей сердоликовые бипирамидальные и хрустальные шарообразные бусы, также импортировавшиеся из Средней Азии. Последние могли также поступать в Землю вятичей и с юга Руси, из Киева⁹².

Кроме бус, ввозились в русские земли через Булгар и среднеазиатские шелковые ткани и люстровая посуда из Рая, известные также в рязанском течении Оки⁹³.

⁸⁴ Яниц В. Л. Денежно-весовые системы с. 161.

⁸⁵ Можно упомянуть только половинку шестиугольного слитка весом около 80 грамм из Серенска и серебряную гривну новгородского типа из Спас-Городка (раскопки автора 1965 и 1979 гг.).

⁸⁶ Несмотря на то, что клады, содержащие серебряные слитки «гривны серебра», встречаются гораздо реже в Земле вятичей, чем клады монет, и по их находкам трудно проследить направления торговых путей, однако значительный вес этих кладов говорит о накоплении богатств феодалами и купцами и об увеличении объема торговых сделок в XI—XIII вв. (Шотин В. М. Древняя Русь и европейские государства, с. 84, 85).

⁸⁷ Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 313.

⁸⁸ Там же, с. 320, 303, рис. 139, 140; Ерохин В. С. Щигровский клад. — КСИИМК, 1954, 53, с. 145—147.

⁸⁹ Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 317.

⁹⁰ Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 317. Вещественным подтверждением развитой торговли в Старой Рязани являются находки больших торговых весов типа безмена, двух рычагов от безменов, двух железных гирь и частей коромысловых весов с большими чашками (Монгайт А. Л. Старая Рязань, с. 162).

⁹¹ Яниц В. Л. Денежно-весовые системы. . . , с. 179; Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях. . . , с. 168.

⁹² Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях. . . , с. 155, 156.

⁹³ Даревич В. П. Художественный металл Востока, с. 163.

Новый подъем торговли Руси со странами Средней Азии наступил во второй половине XII—первой трети XIII в. К рубежу XII—XIII вв. относятся находки поливной керамики из Ирана и Средней Азии (Старая Рязань, Серенск), плоской керамики из Рея⁹⁴.

Если удастся уловить культурные связи Земли вятичей с такими отдаленными территориями как арабский Восток, Средняя Азия и Иран, то естественно заключить, что многие пути этих связей вели и значительно ближе, в Северное Причерноморье и Киевскую землю. Археологические материалы позволяют сделать такие выводы.

Во многих городах Вятической земли (Москва, Серенск, Старая Рязань, Пронск, Слободка)⁹⁵ при раскопках находят обломки круглодонных грушевидных амфор, в которых поставлялось вино, оливковое масло и некоторые другие южные продукты. Хорошо известна амфора из Старой Рязани с надписью «новое вино Добрило послал князю Богунка»⁹⁶. Центром изготовления таких амфор было Северное Причерноморье⁹⁷. Оттуда же, очевидно, происходят и некоторые другие предметы, в частности оригинальный бронзовый замок в виде фигурки фантастического зверя, найденный в культурном слое Московского Кремля (XII в.),⁹⁸ и подобный же замок в виде лошади из Серенска.

Еще более опутаны связи с Киевом и Киевской землей. Импортом из Киева были бронзовые кресты — шкотионы (Серенск, Москва, Старая Рязань), паникадила, лампада с тремя ушками, изделия с выемчатой эмалью, булавы, железные мечи и сабли (Серенск, Старая Рязань, Слободка, Пронск), мраморные кресты — тельпики с золотыми и серебряными оковками на концах (Московский Кремль, Старая Рязань)⁹⁹, серебряные трехбусинные, украшенные зернью и сканью височные кольца (Серенск, Москва)¹⁰⁰, стеклянные тонкостенные сосуды из желтоватого стекла — кубки, бокалы (Москва, Старая Рязань, Серенск, Слободка)¹⁰¹, некоторые виды стеклянных браслетов, бус и перстней.

Из Киева и Киевской земли могли попадать в Землю вятичей иноземные товары — шелковые ткани, предметы художественного ремесла; некоторые изделия, в частности стеклянные сосуды и браслеты, могли быть выполнены в греческих мастерских Киева¹⁰².

Торговые связи будущей столицы Русского государства — Москвы с древней столицей Киевской Руси к XII в. подкреплялись, очевидно,

⁹⁴ Там же, с. 160, 161.

⁹⁵ Латышева Г. П. Торговые связи Москвы. . . , с. 247; Малъм В. А., Фезнер М. В. Археологические исследования Древнего Пронска и городища на горе Гневне. — В кн.: Археология Рязанской земли, с. 197, 198, рис. 3.

⁹⁶ Монгайт А. Л. Старая Рязань, с. 188, рис. 145.

⁹⁷ Яковсон А. Л. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. — СА, 1951, XV, с. 340—342.

⁹⁸ Латышева Г. П. Торговые связи. . . , с. 217, 219, рис. 14, с. 220.

⁹⁹ Шеляпина Н. С. Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963 — 1965 гг. — В кн.: Древности Московского Кремля, с. 121, 122, 125, рис. 2, 3, 4.

¹⁰⁰ Белевская Д. А. Археологические наблюдения в Успенском соборе в 1966 г. — В кн.: Древности Московского Кремля, с. 160, рис. 2, 3.

¹⁰¹ Латышева Г. П. Торговые связи. . . , с. 215, рис. 13—17; Щанова Ю. Л. Стеклянные изделия из Старой Рязани, с. 79.

¹⁰² Латышева Г. П. Торговые связи. . . , с. 216.

и какими-то политическими контактами. Не случайно, по-видимому, при археологических работах в Московском Кремле, на уровне древней мостовой найдена печать Киевского митрополита, относящаяся ко времени княжения Святополка — Михаила Изяславича (1091—1096)¹⁰³. Связи Москвы и южной Руси можно проследить и позднее. Юрий Долгорукий принимал в Москве Черниговского князя Святослава Ольговича и дал в честь него «обедъ силенъ» (1147)¹⁰⁴.

Таким образом, главной торговой артерией, связывавшей вятичские поселения как со многими регионами Древней Руси, так и с отдаленными областями, был речной Волго-Окский путь. В отдельные периоды торговли с Востоком и Византией велась по Дону. Естественно предположить, что наряду с водным путем существовали и другие, сухопутные дороги. Хорошо известны, например, давние торговые связи Киевской Руси с Волжской Болгарией¹⁰⁵. Восточные географы (Джеяхани, Идриси) сохранили свидетельства об одном из путей, связывавших Булгар с Киевом, измеряемом только в одних сухопутных мерах. Реконструкцию этого пути на основании археологических данных предложил Б. А. Рыбаков¹⁰⁶. Значительную роль на этом пути играл район Верхнего Дона и низовьев р. Воронеж, где исследовано несколько больших славянских городищ IX—X вв. Именно в этом месте большой путь Булгар-Киев рассекался на две равные части. Б. А. Рыбаков рассматривает основные крупные остановки этого сухопутного маршрута, расстояния между которыми равно «дневке» (дневной переход равен 35 км) или двум дневкам.

С юга на север Землю вятичей пересекала дорога из Киева в Ростов. Первое указание на нее содержится в «Поучении» Владимира Мономаха (походы 1066, 1097, 1102 гг.). Дорога вела через Путивль, Севск, Болдыж, Карачев, Серенск, Лобынск и Москву (известия 1146—1176 гг.). Она дожила до XVI—XVIII вв. и может быть прослежена по Книге Большому чертежу, Павлу Алеппскому (1654 г.) и Атласу Калужского наместничества (1782 г.)¹⁰⁷. Восстановленная по этим источникам дорога локализуется в непосредственной близости от таких крупных вятичских поселений как Слободка, Волконское, Подборки, Верхнее Подгоричье, Спас-Городок, Таруса, Дракино (Лобынск). Характерно при этом, что расстояния между многими археологически прослеженными вятичскими «городами» на этой дороге соответствует дневному перегону (30—40 верст). Некоторые из них возникли при пересечении дорогой небольших рек и названы их именами (Серенск, Таруса, Москва). Возникновение во второй половине XI—начале XII в. городов Серенск, Спас-Городок, Москва в сочетании с упоминаниями «Поучения» позволяет предположить, что сложение «Ростовского» пути также относится ко второй половине XI в.

¹⁰³ *Шеляпина П. С.* Археологические наблюдения в Московском Кремле, с. 125, рис. 5, 1, а, б, с. 151, 152.

¹⁰⁴ ИСРЛ, т. II, стб. 340; *Латышева Г. П.* Торговые связи. . . , с. 246.

¹⁰⁵ *Смирнов А. П.* Древняя Русь и Волжская Болгария. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 167.

¹⁰⁶ *Рыбаков Б. А.* Путь из Булгара в Киев. — В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 189.

¹⁰⁷ Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном Павлом Алеппским. — Чтения в имп. общ-ве истории и древностей российских при Московском университете, 1897, кн. 5, с. 119—129.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обширные просторы лесной полосы Восточноевропейской равнины — бассейн Верхней и Средней Оки и Волго-Окское междуречье — издревле были заселены многочисленными племенами балтов и финно-угров, в хозяйстве которых значительную роль играли скотоводство и земледелие.

В VIII—IX вв. в бассейне Верхней Оки и на ее крупных притоках расселяется славянское население (курганы с труносожжениями, селища и городища «роменского» типа). Отсюда славяне постепенно продвигаются вдоль среднего течения Оки (в пределах будущего Рязанского княжества), в бассейн р. Москвы, а также по Верхнему и Среднему Дону.

Славянские поселенцы принесли с собой ряд новых культурных завоеваний (пашенное земледелие, гончарный круг, прогресс в домостроительстве).

Свидетелями массового славянского расселения в XI—XIII вв. являются многочисленнее курганы с ингумациями, в бассейне Верхней и Средней Оки, и особенно в поречье Москвы, по которым можно очертить границы Земли вятичей.

Наивысший расцвет материальной и духовной культуры населения Земли вятичей, связанный с интенсивным развитием пашенного земледелия, ремесла и торговли, происходит в XII—XIII вв. К этому времени относится наибольшее количество сельских поселений, среди которых являются хорошо укрепленные усадьбы феодалов, вырастают города — центры ремесла и торговли (Старая Рязань, Серенск, Слободка, Пронск, Тешилово, Москва, Коломна и др.).

В этих небольших пока городах явственно ощущается ритм живой и энергичной деятельности человека, разносторонней и творческой. Растет специализация ремесла, совершенствуются его технические приемы, огромного разнообразия и мастерства достигают произведения местных ремесленников. Здесь работали не просто «кузнецы по железу», но были и свои «домники», «оружейники», «брошники», «замочники», «инструментальщики» и т. д., не просто «кузнецы меди и серебру», копирующие дорогие украшения княжеского убора, киевских и черниговских ювелиров, но одаренные художественным вкусом мастера (Максим), привносящие свои индивидуальные особенности в произведения своего искусства. Нас убеждают в этом не только такие уникальные находки, как литейная форма для изготовления дорогих серебряных браслетов с чернью с изображением сцены языческих русалий, но и многочисленные каменные литейные формочки и бронзовые матрицы для разнообразных украшений (колтов, браслетов, перстней, бус, крестиков, подвесок и т. д.), производившихся не только на заказ, но и на рынок.

Об этом же говорят и многие сотни разнообразных предметов украшений из цветных и благородных металлов и тысячи разноцветных стеклянных браслетов, большая часть которых изготовлялась здесь же на месте (Серенск, Старая Рязань).

Название города и первое упоминание

Слой по Векам	Ст. Рязань	Вост. Рязань	Караев	Козельск	Москва	Вережа	в. Беринск	Домогащ	в. Горадище	Кромы	Александров	в. Давыдов	Гешалов	в. Тешинское	Мицеск	Лопатск	с. Копылово	Боретинск	с. Воронинск	Навасиль	Ростов-слезль	Лопатня	в. Макарово
	1096	1146	1146	1147	1147	1237	1147	1147	1147	1147	1146	1147	1146	1146	1146	1146	1155	1155	1155	1155	1155	1176	
XVII																							
XVI																							
XV																							
XIV																							
XIII																							
XII																							
XI																							

Рис. 105. Хронологическая таблица городов в Земле вятичей

Пашенное земледелие, прогресс в ремесле и торговле (вспомним хотя бы, какую важную роль играл проходивший через землю вятичей Волго-Окский торговый путь на Восток) привели, в свою очередь, к развитию здесь новой, более передовой феодальной общественной формации, порвавшей прежние первобытнообщинные связи. Однако процесс «окняжения» Земли вятичей был длительным и не всегда успешным. Предпринятая киевскими князьями во второй половине X в. попытка освоения вятичей в бассейне Верхней Оки не имела успеха. Ни Святославу, ни Владимиру не удалось продвинуться дальше взимания с них дани, подобно тому, как это делали еще в IX в. хазары.

И только в конце XI в. Владимир Мономах приходит в Ростов «сквозе Вятичей» (а не через Смоленск и верховья Волги, как это было раньше), причем он говорит об этом в своем «Поучении» как об особом подвиге ¹.

Древнерусские города в бассейне Верхней Оки² возникали не на «пустом» месте, территория эта, как известно, была издавна освоена населением, в хозяйстве которого важную роль играли земледелие и ремесло. Но, в силу сложившейся ситуации («верхнеокские земли оказались как бы промежуточной, «нейтральной» территорией между могущественными княжествами — Черниговским, Суздальским, Смоленским, Муромо-Рязань-

¹ ПСРЛ, т. I, стб. 247, лето 6604.

ствие, — многие города Земли вятичей или своим путем, неизменно развивались и имели длительную историю существования (рис. 105), а некоторые из них, как известно, доживают до наших дней.

Судя по летописным данным, освоение территорий в бассейне Средней Оки феодалами «Русской земли» начинается только со второй половины XI в. при черниговском князе Святославе: после смерти Ярослава он стал собирать дань со «всей восточной страны до Мурома». Удаленность этой «восточной страны» от Киева и Чернигова создавала благоприятные условия для выделения местной вятичской племенной знати (вспомним слова того же Владимира Мономаха, который «в Вятичи ходихом по двѣ зимѣ. па Ходоту и па сына его. . .»⁵). Возможно, что из среды балтского и финского населения также выделялись свои племенные князьки (имущественное неравенство в погребениях рязанских могильщиков). Представители племенной верхушки были, по-видимому, и первыми феодалами на данной территории⁶. Со временем князь киевского дома жалует удаленные от столицы земли своим мужам, боярам и родственникам, так как не в состоянии управлять ими сами, сопровождая эти пожалования раздачей иммунитетных прав⁷. Анализ письменных источников позволяет заключить, что в конце XI—начале XII в. начинают развиваться крупные земельные владения (княжеские, церковные, боярские)⁸.

На основании сведений Ипатьевской летописи, записанных под тем же 1096 г. («Мстислав створи мир с рязанцѣ»⁹), А. Н. Насонов предполагал, что к моменту прихода Олега Святославича в Рязань там существовала своя феодальная знать, «какая-то правящая группа, руководившая жизнью Рязани»¹⁰. Однако большая часть летописных известий об этой феодальной знати относится к третьей четверти XII в.—началу XIII в.¹¹

⁵ ПСРЛ, т. I, стб. 248.

⁶ Польский историк академик Г. Ловмянский говорит по этому поводу довольно определенно: «В генеалогическом отношении господствующий в государстве феодальный класс является продолжением племенной знати» (Основные черты послеплеменного и раннегосударственного строя славян. — В кн.: Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972, с. 14).

⁷ «Централизованное управление из столицы Руси почти не связанными между собой экономически огромными территориями было невозможно из-за больших расстояний, отделявших Киев от земель кривичей, вятичей, радимичей и других славянских и неславянских народностей и племен. Поэтому сразу же после завоевания территорий великие князья были вынуждены жаловать присоединенные земли своим мужам, боярам и родственникам по прямой и боковой линиям. Пожалование земель сопровождалось раздачей иммунитетных прав, ибо без этого невозможно удержать данные области, волости и города в повиновении». . . (Рапов О. М. О некоторых аспектах княжеского землевладения в Киевской Руси. — В кн.: Становление раннефеодальных славянских государств, с. 95. *Он же*: Княжеские владения на Руси в X—первой половине XIII в. М., 1977).

⁸ Черепнин Л. В. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси. — Вопросы истории, 1953, № 14, с. 51, 52.

⁹ ПСРЛ, т. II, стб. 230.

¹⁰ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства». М., 1951, с. 199.

¹¹ По сравнению со Средним Поднепровьем где в IX—X вв. уже сложилось раннефеодальное Киевское государство, на территории Северо-Восточной Руси (куда входила и Земля вятичей) процесс общественного развития, классовобразования и феодализации, несомненно, протекал более замедленным темпом.

В связи с трагическими событиями 1208 г., кончившимися, как известно, сожжением Рязани Всеволодом, Лаврентьевская летопись трижды упоминает «рязанцев» как какую-то самостоятельную, власть имущую группировку, подчеркивая ее независимость¹².

В жалованной Грамоте Ольгову монастырю, в которой говорится, что при Ингваре Рязанском «святой Богородице» поступали доходы с «пяти погостов и девяти земель бортовых», подчеркивается, что решение об этом приняли рязанские князья, а «с ними бояр 300, а мужи 600. . .»¹³. Грамота эта свидетельствует также о том, что процесс окняжения земель свободных общин и закабаления общинников в XII—XIII в. зашел довольно далеко. И если в XI в. князья ограничивались только сбором дани, то в XII—XIII вв. феодализация Рязанской земли, а с ней и остальной территории Земли вятичей, по-видимому, вступила в свою следующую фазу.

Монгольско-татарское нашествие на Русь, разорившее и опустошившее и Землю вятичей, привело к некоторому упадку материальных и духовных сил народа. Однако после небольшого перерыва внутренний процесс поступательного развития культуры и здесь дает свои свежие ростки: в XIV—XV вв. возрождается жизнь на многих заброшенных в период катастрофы поселениях, возникают новые деревни, села, города.

¹² Не довольствуясь расправой с «людьми» Ярослава, посаженного Всеволодом на рязанский княжеский стол, «прислаша рязанци (Всеволоду. — *Т. Н.*) буюю речь по своему обычаю и непокорьству» (ПСРЛ, т. I, стб. 434).

¹³ Сборник «Московского архива министерства юстиции», т. I. М., 1913.

РЕЗУЛЬТАТЫ МЕТАЛЛОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КУЗНЕЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЖЕЛЕЗА И СТАЛИ, НАЙДЕННЫХ В СЕРЕПСКЕ

Коллекция, отобранная для металлографического анализа, состояла из 100 предметов. Были исследованы следующие категории предметов: из сельскохозяйственных орудий — серпы, косы, из деревообделочных инструментов — топоры, из бытовых предметов — хозяйственные ножи, кресала, из оружия — меч, наконечники стрел. Наиболее многочисленны в исследованной коллекции — ножи (76 экз.). Из них 20 экз. очень плохой сохранности, поэтому установить технологию изготовления предмета было невозможно.

Исследованием установлено наличие 4 технологических схем изготовления ножей.

Большинство ножей из Серепска имело технологию торцовой наварки стального лезвия на железную основу клинка с последующей тепловой обработкой готового изделия. Из 28 исследованных ножей этой технологической группы термическую обработку сохранили 20 экз. Структура стали — мартенсит или сорбит со следами мартенситовой ориентировки. Следовательно, термическая обработка представляет собой закалку ножа в холодной воде, или закалку с небольшим отпуском. Микротвердость мартенсита колеблется от 946 кг/мм² до 350 кг/мм². Микротвердость сорбита 383—322 кг/мм². Восемь образцов находилось в отожженном состоянии.

Другую большую группу составляют цельностальные ножи. На изготовление этой группы ножей пошла неравномерно науглероженная сырьевая сталь. Из 21 ножа закалку сохранили 14 экз. Структура стали — мартенсит и сорбитообразный перлит. Микротвердость мартенсита колеблется от 464 кг/мм² до 824 кг/мм². Один нож имел микротвердость на спинке 1290 кг/мм², а на лезвии значительно меньше — 642 кг/мм². Этот факт свидетельствует о неравномерном науглероживании стальной заготовки. Микротвердость сорбитообразного перлита 350 кг/мм².

В исследованной коллекции по форме выделяются три ножа из раннего балтского слоя. Это ножи с горбатой спинкой. Два из них цельностальные и термически обработанные, а один имел сложную технологию — сварку клинка из трех полос металла: в центре стальной, а по бокам железные, и последующую термообработку. Сталь имеет структуру мартенсита.

Одним экземпляром представлен нож, сваренный из двух полос металла железа и стали так, что на острие лезвия выходит сталь. Сталь закалена на мартенсит.

Очень интересен нож, по краям клинка которого сохранились остатки меди. Вероятно, это парадный нож, клинок которого был обмеднен. Технологию покрытия цветными и благородными металлами железа и стали в Древней Руси применяли многие ремесленники по металлу.

Таким образом, большинство ножей из Серепска имело технологию изготовления, которая существовала в Новгороде во второй половине XI—XIII вв. Технология, которая характерна для древних кузнечных изделий более позднего времени, т. е. технология косой наварки, на изученном нами материале не встречена. Можно только предположить, что косая наварка была на тех ножках, где технологию изготовления установить было невозможно из-за сточенности изделия, или плохой сохранности предмета.

Серпы

Технологическому изучению были подвергнуты пять серпов. На них обнаружена одна и та же структурная схема: наварка стального лезвия на железный клинок с последующей тепловой обработкой: в одном случае закалка в холодной воде, и в четырех — закалка с отпуском. Закалка с отпуском — наиболее рациональная термообработка для серпов. Стальная наварка на четырех образцах имеет структуру сорбита, а на одном — мартенсита. Микротвердость сорбита 350—383 кг/мм². Железо плохого качества, сильно загрязнено шлаками.

Косы

Из четырех исследованных кос три косы оказались цельносталевыми, а на одной обнаружена технологическая схема — наварка стального лезвия на основу клинка из малоуглеродистой стали. Цельносталевые косы откованы из сырьевой стали. Одна из них закалена на мартенсит, а две имеют отожженную феррито-перлитную структуру. Коса с сваренным высокоуглеродистым лезвием была закалена и отпущена: структура лезвия сорбит, микротвердость 350 кг/мм².

Топоры

При исследовании шести топоров оказалось, что перед нами опять типичная древнерусская технология изготовления качественного изделия — наварка стального лезвия на железную основу предмета. Эта технология изготовления топоров сохранялась в русской технике вплоть до XX в. Из 6 топоров нами изученных термическую обработку сохранили 4 экз. Эти топоры имели структуру стальной наварки мартенситную и трооститную. Микротвердость мартенсита колеблется от 514 кг/мм² до 824 кг/мм². Два из них получили так называемую местную термическую обработку, т. е. закаливались только лезвие, а всю остальную часть изделия в охлаждающую жидкость не погружали.

Два топора имели структуру наварной части перлитно-ферритную. Эти топоры или не были закалены, или, скорее всего, при случайном попадании в огонь, мог произойти отжиг наварки. Сталь с высоким содержанием углерода: С=0,5%—0,7%.

Кресало

Технология изготовления этих предметов — наварка стали на ударное ребро железной основы кресала. Сталь высокоуглеродистая, отличного качества, железо чистое, зерна железа мелкие, что говорит о правильном режиме.

Было исследовано два кресала. На одном — структура высокоуглеродистой стальной наварки — мартенсит, микротвердость 1290 кг/мм². Шов четкий, чистый, тонкий. Другое кресало имело феррито-перлитную структуру стальной наварки. Микротвердость стали — 254 кг/мм².

Меч

Клинок меча откован целиком из неравномерно науглероженной стали и термически обработан — закален на мартенсит. Ввиду того, что лезвия меча сильно сточены, можно только предположить, что клинок имел наварные лезвия. Стальная наварка лезвия хорошо прослеживается на одной стороне клинка, на другой — ее проследить не удалось.

Стрели

Микроструктурному анализу были подвергнуты 5 наконечников стрел. Все они железные; при изготовлении пера стрел применялся холодный наклеп острия. Под микроскопом видны линии сдвигов, характерные для металла, подвергшегося холодной ковке.

Таким образом, техника металлообработки в Серенске, которую представляют рассмотренные нами изделия, ничем не отличается от общерусской этого времени (XII—XIV вв.). Эта кузнечная продукция изготовлена специализированными кузнецами — ремесленниками, в совершенстве владеющими техникой обработки черного металла. Следует отметить, что во второй половине XII—первой половине XIII в., большинство ножей изготавливались целиком из неравномерно науглероженной стали с последующей тепловой обработкой. Изготовить и механически обработать цельно-стальной предмет проще, чем наварить сталь на железную основу. В связи с тем, что сырья было достаточно, главным образом болотной руды, которая встречается повсеместно, мастер не экономил материал, а применял более простую технологию.

Лишь во второй половине XIII в. изготовление цельносталевых ножей и других изделий прекращается, и господствующей технологией становится торцовая наварка стали на железную основу. Технология косой наварки, которая характерна для более позднего времени в Серенске не прослежена. Можно только предположить, что косая наварка была на тех изделиях, где технологию изготовления установить было невозможно из-за сточенности изделия, или влохой сохранности предмета.

Что касается качества металла, то нужно отметить, что железо плохо освобождено от шлаковых включений и содержание шлака в металле повышенное. Сталь чище, но также загрязнена шлаками. Петрографический анализ металлургического шлака с городища (выполнен О. Ю. Круг) показал большую потерю железа в шлаке¹.

*Образцы исследованы под микроскопом
в отраженном свете*

1. Слободка р. 7 шт. 3 № 104

Один шлиф — металлургический агломерат. Недовосстановленный магнетитовый продукт незаконченного сыродутного металлургического процесса.

2. Серепск р. 4 шт. 2 № 1718

Два шлифа — остатки вторичного процесса обработки металла. Сплав цветного металла.

3. Серепск. Траншея I

Два шлифа — непрокованная железная крица.

4. Серепск. Траншея Вал р. I

Один шлиф — железный шлак, медленно застывший в сыродутном горне. Крупнозернистый магнетит — фаялитовый шлак с высоким содержанием магнетита (процесс шел с большой потерей железа в шлаке).

5. Серепск, 1965 г.

Шлиф от большого слитка. Железный металлургический шлак. Неравномернозернистый. Содержит магнетит, фаялит, вторичный гематит. Процесс восстановления проходил с большой потерей железа в шлаке.

¹ Хомутова Л. С. Техника кузнечного ремесла в днеперуском городе Серепске (вторая половина XII—XIV вв.) — СА, 1973, № 2, с. 216.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия
ЛИЗ	— Археологические известия и заметки
АС	— Археологический съезд
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ЖМП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗОРСА	— Записки Отделения русской и славянской археологии
ЗРАО	— Записки русского археологического общества
ИАК	— Известия археологической комиссии
ИОЛЕАиЭ	— Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии
ИЗ	— Исторические записки
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАР	— Материалы по археологии России
МИА СССР	— Материалы и исследования по археологии СССР
ПВЛ	— Повесть временных лет
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РАНИОН	— Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГО	— Русское географическое общество
САИ	— Свод археологических источников
СГАИМК	— Сообщения ГАИМК
СЭ	— Советская этнография
ТКУАК	— Труды Калужской ученой архивной комиссии
ТОУАК	— Труды Орловской ученой архивной комиссии
ТРУАК	— Труды Рязанской ученой архивной комиссии

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Введение	6
Первые славянские поселения и курганы в бассейне рек Оки и Москвы	12
Поселения	13
Курганы с трупосожжениями	27
Сельские поселения XI—XIII вв.	42
Селища	43
Сельские поселения на древних городищах	66
Феодальные усадьбы	72
Курганы вятичей XI—XIII вв.	97
Города Земли вятичей	120
Летописные города	120
Прочие города и поселения городского типа	157
Материальная и духовная культура населения	174
Оборонительные сооружения	174
Жилища и хозяйственные постройки	184
Ремесло	214
Ювелирное дело. Изделия из цветных металлов, стекла и камня	225
Сельское хозяйство и промыслы	239
Военное дело	249
Предметы повседневного быта	263
Торговля и торговые пути	273
Заключение	287
Приложение	292
Список сокращений	295

2 р. 90 к.